

Часть II. ЕВРАЗИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьезная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза¹

*В. Путин,
Президент России*

Наша политика полностью соответствует реалиям взаимозависимого мира XXI века, и мы будем продвигаться вперед в развитии интеграции с соседями, углублении взаимодействия со всеми, кто проявляет встречную готовность сотрудничать на основе равноправия и взаимного учета интересов²

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

В первой части был сделан краткий анализ ситуации в Евразии и России в этом регионе планеты. Из него, коротко говоря следует, что российская политика в области интеграции в Евразии и АТР характеризуется достаточно общим подходом «углубления взаимодействия со всеми», в котором прослеживается только евразийская экономическая интеграция, т.е. внешнеполитический приоритет в основном сводится к экономическому, даже таможенному сотрудничеству с несколькими странами, не распространяясь на все страны Евразии, а тем более страны АТР. Сотрудничество с ними фактически ограничено в основном к политическим декларациям и общественным и научным конференциям. Между тем требуется принципиально новая восточная политика России, в которой стратегия интеграции и роль восточных регионов должны играть решающую, может быть, общенациональную роль, даже стать национальной идеей. Можно согласиться с мнением академика А. Кокошина, полагающего, что «Для России особое значение имеет реализация идеи евразийского сообщества совместно с нашими партнерами по СНГ. Крайне важна для нас масштабная многомерная «восточная политика», включающая в себя ускоренное развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири. Это реализация задачи, которая была поставлена Владимиром Путиным. Появление поста вице-премьера, который мог бы в комплексе заниматься

¹ Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

² Лавров С.В. Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече со студентами и коллективом Дипломатической академии МИД России. М. 25 февраля 2013 г. М.: ДА, 2013. С. 6.

вопросами «восточной политики» России, — это важный шаг в данном направлении. Здесь требуются огромные усилия, я бы даже сказал, сверхусилия. Но именно так решаются крупные вопросы отечественной и мировой истории. У России есть реальные возможности играть роль современной великой державы в нарождающейся мирополитической системе, в том числе в АТР»¹.

Таким образом сегодня мы становимся свидетелями того, как идея евразийской интеграции постепенно приобретает черты качественно новой концепции — с точки зрения приоритетов, пространственного охвата, предметов интеграции и т.д. Это уже не только идея, но и основа для будущей евразийской стратегии.

Кроме того такое сотрудничество в Евразии и АТР в незначительной степени захватывает другие сферы — политическую, военную и гуманитарную. Во всяком случае, эти области сотрудничества пока еще не стали приоритетными, хотя тенденция (например, в области ВКО) уже обозначилась. Тем самым, как минимум, две важнейшие области — военно-политическая («hard power») и гуманитарная («soft power») не носят ярко выраженного характера в концепции евразийской интеграции, хотя именно они являются (как показывает опыт Евросоюза) центральными.

Представляется, что современной России требуется иная евразийская стратегия, отличающаяся от нынешней, современной в следующих принципиальных областях:

– **первое:** необходимо трезво оценить интеграционный потенциал, понять, что элиты, разорвавшие СССР, никогда не пойдут на серьезные договоренности с Россией, будут ее использовать исключительно в корыстных, даже личных интересах. Наиболее очевидный пример — Украина, элита которой откровенно ориентируется на Евросоюз несмотря на все последствия такой политики за последние десятилетия.

Украина, получив государственную самостоятельность и унаследовав богатый ресурсно-производственный потенциал, не проявила способности не только развиваться, но хотя бы сохранить экономику. Оно не в состоянии построить новое жизнеспособное

¹ Кокошин А.А. Саудовская Аравия видит в Иране своего главного соперника // Известия. 2013. 17 сентября. С. 6.

государство и отстаивать свой суверенитет. Украина превращается в подмандатную территорию с нищим, умирающим и разбегающимся населением. Еще в 90-х гг. население было 52 млн человек, сегодня 42, а до 2050 года ожидается – 36 млн. Таков итог 20-летней политики «самостийности».

Экономика Украины провалилась в первые же годы самостоятельности. Было потеряно более 40% основного капитала, объем ВВП упал на 60%, инвестиций в основной капитал – на 80%. Этот спад не преодолен до сих пор. Но, самое главное, экономика Украины не развивается. После катастрофического спада 90-х годов идет вялый рост при обеднении структуры экономики. Валовая добавленная стоимость, созданная в промышленности в 1991 г., составляла 36% ВВП, а в 2010 г. – 27,1%. Машиностроение и металлообработка в объеме промышленной продукции в 1991 г. составляли 26,4%, в 2011 г. – 11,6%; легкая промышленность в 1991 г. – 12,3%, в 2011 г. – 0,7%. Исчезло или доживает последние годы множество высокотехнологичных отраслей — самолетостроение, судостроение, турбины, синтетические алмазы и инструменты из них, электронные приборы и др. Не растет доля высокотехнологичной продукции в промышленности (5-й и 6-й уклады составляют только 4,1%). Украина теряет доходы даже на транзите нефти и газа, трубопроводные системы которых остались от СССР¹.

И, несмотря на это, правящая элита Украины в своем большинстве (как, впрочем, и элиты других постсоветских республик) продолжает дистанцироваться от России, выбирая Евросоюз в качестве своего политического приоритета. Это означает, что перспектива постсоветской интеграции не только с Украиной, но и другими государствами сегодня еще более туманна, чем в начале 90-х годов XX века;

–**второе**: евразийские страны – как европейские, так и азиатские – должны стать важнейшим российским политическим приоритетом. Другими словами, с пространственной точки зрения идея евразийской интеграции должна быть расширена до всех стран Евразии и АТР. Причем, это касается не только таких привилегированных партнеров, как

¹ Найденов В.С. Итоги украинской «независимости»: банкротство экономики и государства / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 23 августа / URL: <http://topwar.ru/>

Германия или Италия, или страны СНГ, но и других азиатских государств, особенно таких развитых государств АТР, как КНР, Республика Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Филиппины и др.;

– **третье:** необходимо форсировать развитие новых направлений сотрудничества, прежде всего в области безопасности и гуманитарной сфере в Евразии и АТР, не ограничиваться участием в работе международных институтов, устанавливая прочные и масштабные связи со всеми странами Евразии и АТР. Думается, что не случайно успех США в создании ТТП был вызван оперативными и масштабными действиями по развитию двусторонних связей.

При этом надо понимать, что только из Москвы развитие таких отношений невозможно. Необходимо создавать новые центры силы России в восточных регионах, прежде всего в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Западной Сибири на границе с Казахстаном;

– **четвертое:** следует понимать, что ключевую роль в новой евразийской стратегии играют восточные регионы России, которые становятся базой для развития не только азиатской, но и европейской ветви евразийской интеграции. Для Украины, Молдавии и Белоруссии развитие отношений России в Евразии и АТР является дополнительным стимулом к интеграции.

Причем роль восточных регионов становится исключительно важной в связи с формированием нового мирового центра силы в АТР, где позиции России исключительно слабы. Так, сравнение Тихоокеанского флота России с флотами других государств производит крайне тяжелое впечатление. Если по подводным силам Россия еще входит в пятерку ведущих государств региона, то по надводным – в самом конце десятки государств с высокими шансами уступить свое место флотам Малайзии и Вьетнама. При этом крупнейшие флоты на Тихом океане США и Китая подкреплены беспрецедентными возможностями кораблестроительной промышленности. В 2013 году, например, в Китае на верфях и на плаву строятся и достраиваются одновременно 6 эсминцев, 4 фрегата, не менее 9 корветов, а также около 10 атомных и дизельных ПЛ и не менее 1 ДВКД, т.е. как минимум 30 единиц только боевых кораблей. Подобные

темпы строительства флота недоступны даже для США, с любой другой страной просто отсутствует возможность для сравнения¹;

– наконец, **пятое**, учитывая исключительную геополитическую роль России в Евразии, особенно важное значение в процессе евразийской интеграции играют инфраструктурные, в частности, транспортные проекты – автомобильные и железные дороги, трубопроводы, обеспечение судоходства (в т.ч. СМП), а также неизбежно сопутствующие им инфраструктурные дополнения – коммуникация, сервис, склады, терминалы и т.д.

Важно подчеркнуть, что это значение – отнюдь не только экономическое, но и политическое, и военное. Так, строительство ж/д между Турцией (Карс), Грузией (Тбилиси) и Азербайджаном (Баку) рассматривается, по мнению ряда политиков, в качестве начала создания военно-политического союза этих государств². Эта тенденция особенно актуальна, если иметь в виду, что уже сегодня доля стран СНГ в торговом обороте Азербайджана составляет 11,4%³.

¹ Храмчихин А. ТОФ России: 5-й по силе на Тихом океане / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 15 августа / URL: <http://eurasian-defence.ru/>

² Двали Г. Азербайджан, Грузия и Турция встали на общий путь сообщения // Коммерсант. 2013. 29 марта. С. 7.

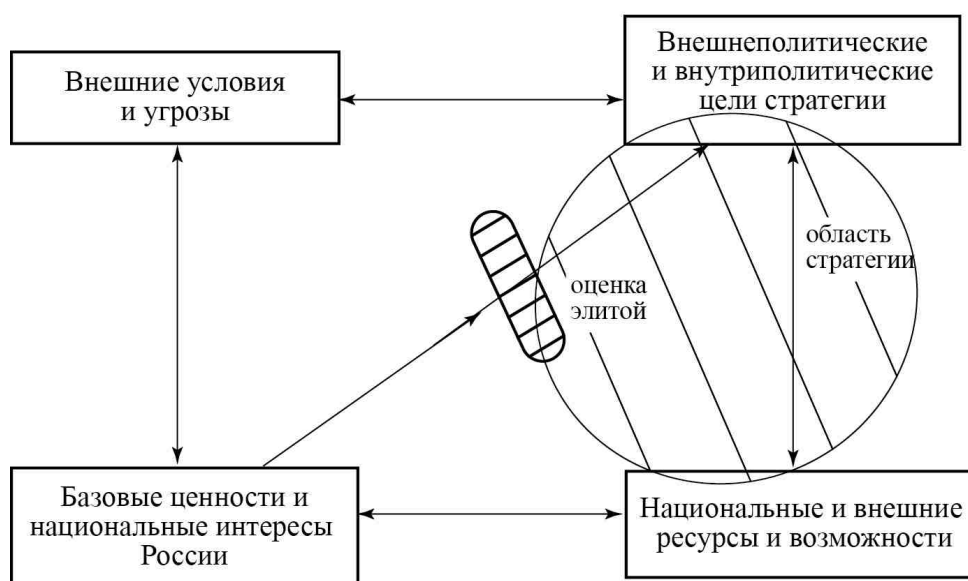
³ Евразийский банк развития. Макроэкономический дайджест. 20–26 марта 2013 г. / URL: <http://www.eabr.org>

⁴ Двали Г. Азербайджан, Грузия и Турция встали на общий путь сообщения // Коммерсант. 2013. 29 марта. С. 7

Таким образом можно сделать вывод, что евразийская стратегия России приобретает ключевое значение не просто для экономического развития страны, но и для обеспечения ее безопасности и суверенитета, более того, сохранения нации в условиях нарастающего цивилизационного соперничества в мире.

Евразийская стратегия России, как, впрочем, и любая иная стратегия включает в себя известные основные элементы, о которых не раз говорилось выше¹. Эти элементы тесно связаны между собой и строго взаимообусловлены.

Евразийская стратегия России

Таким образом, как видно из простого рисунка, стратегия является производной от трех основных групп элементов: базовых ценностей и интересов (понимаемых с разной степенью адекватности элитой), во-вторых, формируемых целей и, в-третьих, от имеющихся ресурсов и возможностей. Безусловно, на цели влияет и внешняя обстановка, которую нельзя не учитывать во внешней политике, а также комплекс базовых ценностей и национальных интересов, которые непосредственно влияют на всю стратегию, как, впрочем, и представления о стратегии национальной элиты. Все эти категории так или иначе относятся к идеологии, от которой правящая элита России пыталась дистанцироваться со времен М. Горбачева и А. Яковлева, заявивших о

¹ См.: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. I. М.: МГИМО(У), 2012; Подберезкин А.И. Т. II. М.: МГИМО(У), 2013; Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. III. М.: МГИМО(У). 2011.

«деидеологизации», «прекращении игры в дефиниции» и т.п. Это в сентябре 2013 года признал В. Путин в ходе встречи с участниками «Валдайского клуба»: «... национальная идея не появится, – сказал он 19 сентября 2013 года, – если государство не станет над этим работать, самоустранится. Именно это произошло в 90-е годы и было выгодно той части национальной элиты, которая предпочла воровать»¹.

Отсутствие внятной и последовательной евразийской стратегии России является прежде всего прямым следствием идеологической размытости курса и самого В. Путина, который в силу разных причин не стал (не захотел или не смог) оформлять идеологическую доктрину своего руководства и стратегию национального развития. Собственно на «Валдайском клубе» в сентябре 2013 года В. Путин это фактически признал сам, заявив, что Россия «не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения», во-первых, и что ей «не подходят три типа идеологий», прямо указав на них: «Первый из них – идеология советского времени, от которой общество ушло навсегда. Второй – монархизм и фундаментальный консерватизм тех, кто идеализирует дореволюционную Россию. Наконец, третий тип идеологии, неприемлемой для России, – это западный ультралиберализм»².

Евразийская стратегия в ее нынешнем виде – всего лишь часть внешней (по большой мере экономической) политики страны, а не национальной стратегии, объединяющей в себе все компоненты – политические, социальные, экономические и военные, прежде всего потому, что национальной стратегии нет, ибо нет национальной идеологии. Нет не только общего понимания (тем более консенсуса) системы ценностей, национальных интересов в элите страны, но и способов их реализации. Иными словами, сегодня важнейшее значение приобретает такая группа факторов, которая относится к адекватности оценки правящей элитой страны национальных интересов, приоритетов и ценностей. Именно в этой области сегодня мы наблюдаем наибольшее напряжение – в частности, в отношении программ развития восточных регионов, управления этим процессом, бюджетирования и т.д., – что

¹ Цит. по: Минин С. Россия без идентичности // Независимая газета. 2013. 20 сентября. С. 1.

² Там же.

привело не только к срыву этих программ, но и отставке полпреда и министра по развитию восточных регионов В. Ишаева.

Ситуация объективно осложняется и тем, что национальные элиты бывшего СССР больше всего боятся потерять контроль на своих ресурсах, гражданами, территориями и воспринимают любые интеграционные идеи только в качестве «экономического подарка» от России.

Если же к этому добавить внешние факторы, прежде всего четыре крупнейших игрока в Евразии – США, Китай, Индию и ислам, – то иногда возникает вопрос, а возможна ли вообще независимая собственная евразийская стратегия в ее полном терминологическом смысле у России, либо она будет объективно ограничена пространственно и предметно собственно составом участников и предметом создания единого экономического пространства?

Такая новая стратегия не только возможна, но и крайне необходима. Без нее – точно выверенных приоритетов (например, приоритета в развитии восточных регионов или приоритета развития отношений не столько с бюрократией сколько с обществом), последовательности и воли – говорить о политике России в Евразии и АТР вообще бессмысленно.

Разновекторность во внешней политике России, ее слабая взаимосвязь с внутренними потребностями национального развития привели к определенной размытости не только в представлениях правящей элиты относительно приоритетов политики безопасности, но и, главное, непоследовательности, что совершенно недопустимо в международных делах. «Идеализм» 90-х годов быстрее всего таял во внешнеполитической области, что отразилось в том числе и в кадрах – А. Козырев, Е. Примаков, И. Иванов, наконец, С. Лавров – точнее всего отражали эволюцию внешней политики России в последние 15–20 лет, от откровенного антигосударственного либерализма до национально-либерального курса.

Но экстремальный идеализм отнюдь не исчез во втором десятилетии XXI века, что неизбежно отразилось на евразийской политике России, которая, выделив страны СНГ в качестве приоритета, отнюдь не избавилась полностью от него в экономической и региональной политике.

Сегодня перечень угроз и вызовов национальной безопасности России, как правило, присутствует во всех важных нормативных документах, но не всегда убедителен и актуален. Это компенсируется отчасти сложившимися за последние десятилетия «прагматическими» принципами. Поэтому, несмотря на отсутствие идеологии как устоявшейся системы взглядов элиты и общества, в выступлениях руководства и, особенно, нормативных документах, утвержденных за 2000–2013 годы, просматривается вполне сложившийся подход к оценке существующих и будущих угроз и вызовов национальной безопасности России, а также долгосрочным целям внешней политики России. Как видно, на протяжении последнего десятилетия внешняя политика страны в основном отвечала главным принципам, которые предъявляются к внешней политике любого, а тем более великого, государства:

- прагматизм;
- последовательность;
- предсказуемость;
- преемственность;
- разноректорность.

Однако эти принципы так и не были трансформированы в комплексную национальную стратегию развития, объединяющую как внутреннюю, так и внешнюю политику в единое целое. Не может наличие принципов заменить и политико-экономические приоритеты, которые формулируются идеологией и формализуются в национальной стратегии. Так, в последние десятилетия из политики «выпали» крупнейшие приоритеты:

- приоритет развития НЧП, в особенности в части культуры (Закон о 2% ВВП, выделяемых на культуру, ни разу не выполнялся), образования (доля расходов в ВВП падает и будет падать до 2015 гг.), здравоохранения и т.д.;

- приоритет в развитии восточных регионов, где уровень жизни в советский период составлял 135% от центральных регионов, а сегодня ниже в 1,8 раза, что ведет к вымиранию огромных районов при сокращении населения более 100 тыс. человек ежегодно¹. Получается, что

¹ Гурвич В.М. Кому достанется Сибирь // Независимая газета. 2013. 7 июня. С. 5.

на 70% территории страны проживает лишь пятая часть ее населения, а на Дальнем Востоке (более 30% территории) лишь 6 млн человек;

– приоритет в развитии оборонно-промышленного комплекса, что неизбежно ведет к ограничению и потере суверенитета, ведь пока что только СНВ и ВКО гарантируют атрибут суверенитета и государственности.

По сути три важнейших приоритета долгое время оставались без внимания власти и только в последние 2–3 года стали предметом государственной политики.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда отсутствие идеологии – как устоявшейся системы взглядов – подменялось набором принципов, которые, конечно, не могли заменить самой системы, которая, в свою очередь, являлась бы основой стратегической концепции национального развития. Все строилось на «ручном управлении», исключая такой важнейший управленческий ресурс, как идеология.

Это, в частности, приводило не раз к тому, что сами принципы произвольно корректировались или трактовались. Жесткая последовательность исчезала, а на ее месте появлялись неожиданные, порой противоречащие прежним решениям, шаги.

Так бывает всегда, когда отсутствие стратегии заменяется тактикой: нерешенность общих системных вопросов не может быть компенсирована частными, даже удачными решениями. Позиция России, например, на крупнейшей за последние 20 лет конференции ООН по устойчивому развитию, определяемая «принципом прагматизма», вызвала оправданную критику¹.

Можно сказать, что прагматизм как основной принцип внешней и внутренней политики, лег в основу других принципов, но так и не превратил их совокупность в стратегическую систему представлений и обязательств российской правящей элиты в международной и внутренней политике. Тактические решения нередко превращались в «паркетный пиар». Но именно системность и последовательность ценится больше всего в международных отношениях. Даже если такой последовательный подход в принципе или по частным моментам не соответствует интересам партнеров.

¹ Зелено-велено. 23 июня 2012 г. // Коммерсант / URL: <http://www.kommersant.ru>

В качестве примеров последовательности во внешней политике можно привести, например, позицию США по противоракетной обороне (ПРО) и по правам человека в СССР–России. С 1983 года (несмотря на все инициативы и попытки СССР, а потом и России), США не только декларировали, но и реализовывали задачи по созданию ПРО (в то время как позиция СССР и России бесконечно «корректировалась»). На протяжении более 30 лет дипломатия, научно-техническая политика, военная политика этой страны последовательно и скоординированно шли к созданию стратегической (глобальной) системы противоракетной обороны, ее интеграции с СНВ и расширением ее глобального характера.

С 1975 года, после подписания Заключительного Акта в Хельсинки, США сделали права человека (3-ю «корзину», гуманитарное сотрудничество) главным инструментом своей внешней политики по отношению к СССР и другим государствам, прообразом современной стратегии использования «мягкой силы». И сегодня, несмотря на то, какая администрация США находится у власти, эти два стратегических направления последовательно поддерживаются вот уже около 40 лет.

И первый, и второй примеры наглядно показывают стратегический и последовательный характер политики США, не зависящий от того, какая правящая элита сегодня у власти в Белом доме. Эти примеры также иллюстрируют высокую эффективность управления, включая способность координации многих ведомств и четкое политическое планирование. Программа СОИ, заявленная Р. Рейганом в 1983 году, например, была реализована через 20 лет, практически с точностью до месяца. В этой связи не могут не вызвать обеспокоенность стремительно растущие военные возможности США в XXI веке. В это десятилетие военные расходы США превысили 40% мировых и выросли на 100%, что, естественно, вызывает оправданные опасения относительно реальных, а не декларируемых намерениях. Даже некоторое их сокращение в 2013 году не меняет общей тенденции, сложившейся за последнее десятилетие. Как заметил бывший помощник Президента России Д. Рюриков, «Вопрос о том, удастся ли избежать крупного межгосударственного вооружённого конфликта с вовлечением в него многих государств, становится на ближайшее будущее ключевым. По мнению экспертов, в зависимости от остроты финансовых и социальных проблем в США и ситуации на

предстоящих президентских выборах, в Вашингтоне в узком кругу может быть принято решение прибегнуть к войне как средству ликвидации внутренних и международных проблем кризиса. Способность Вашингтона в принципе пойти на региональный или, как полагают некоторые эксперты, более крупный конфликт, сомнений не вызывает, а решение о войне может быть принято и после президентских выборов»¹.

Иными словами, мир в Евразии и АТР становится все более опасным и тревожным, а война все более реальной. Несмотря на все заверения либеральных политиков и политологов о том, что «России ничто не угрожает». В этих условиях отсутствие внятной национальной стратегии, в которой евразийское направление стало бы ключевым, очень беспокоит. По сути дела формирование союза государств, которые могли бы оказать поддержку России, не произошло. Даже ближайшие партнеры по ТС – Белоруссия и Казахстан – по сути проповедуют экономический эгоизм. Это и есть разновидность «деидеологизированного прагматизма».

Все это происходит на фоне ослабления восточных регионов России, ее позиций в Евразии и АТР. На фоне стагнации качественного роста и развития НЧК и слабых попыток реанимировать отечественный ОПК.

В этой связи для России необходимо использовать опыт США по стратегическому прогнозированию, планированию и координации действий применительно к важнейшему стратегическому приоритету – евразийской стратегии. Нужно, чтобы все элементы евразийской стратегии страны – от Стратегии национальной безопасности и Концепции внешней политики России до двусторонних отношений и политики России в международных организациях, а также усилия всех министерств, **были объединены** в единую долгосрочную евразийскую стратегию, где ключевая роль принадлежала бы политике опережающего развития НЧК и восточных регионов. Так, например, даже в рамках такой малоперспективной темы, как политика России в ОБСЕ, можно было бы использовать евразийскую стратегию, предлагая государствам – участникам ОБСЕ совместно решать такие вопросы, как создание евразийской ПРО. Тем более, что российские ученые уже не раз предлагали расширить круг проблем, рассматриваемых этой

¹ Кризис миропорядка и угрозы России и миру: аналитические обзоры РИСИ / под ред. П.В. Гребенникова, Д.Б. Рюрикова. М.: ОИСИ 2012. С. 9.

организацией. В частности, в качестве политической надстройки такой системы соглашений мог бы выступить, если удастся, «зонтичный» Договор о создании единого пространства (коллективной) безопасности от Ванкувера до Владивостока, принятый в рамках ОБСЕ.

В качестве ключевых многосторонних документов секторального характера, также принимаемых под эгидой ОБСЕ, экспертами МГИМО(У), например, предлагаются следующие:

- Соглашение о роли ОБСЕ, которое подтвердило бы центральные позиции данного института в качестве рамочной межгосударственной организации, где ОБСЕ должна стать в полной мере региональной организацией по смыслу гл. VIII Устава ООН; соглашение о неделимости и взаимных гарантиях безопасности, призванное обеспечить предсказуемость действий государств в сфере национальной обороны...; соглашение об энергетической безопасности...

Также в перечень новых соглашений предлагается включить:

- Договор о гарантиях безопасности и территориальной целостности нейтральных и неблоковых государств;
- Договор о борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью;
- Соглашение о противодействии наркотрафику и т.д.¹.

Таким образом, для формирования эффективной евразийской стратегии России необходимо прежде всего следующие важнейшие политико-идеологические условия:

Первое, чтобы элита точно оценила значение базовых национальных ценностей и интересов, т.е., чтобы завершился процесс самоидентификации, и на этой основе были сформулированы политические, экономические, военные и иные цели евразийской стратегии, произведена оценка возможных угроз и сделан соответствующий стратегический прогноз.

Собственно этого и потребовал в свое время от МО и ГШ Президент В. Путин, но только в военной области. Позже, на «Валдайском форуме» в сентябре 2013 года В. Путин уже достаточно четко сформулировал ценностные приоритеты. По мнению присутствовавших на Форуме,

¹ Земсков В.Н. Потенциал участников ОБСЕ в формировании новой архитектуры европейской безопасности / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У), 2012. Март. С. 5–6.

«Фактически его месседж, если объединить заготовленное заранее выступление и ответы на вопросы, был образован из трех составляющих: России предлагалась довольно консервативная идеология, основанная на традиционных, в том числе особо выделенных религиозных ценностях, чуть более либеральная внутренняя политика и, наконец, прорывной, инициативный дипломатический курс»¹.

При этом зарубежные и отечественные наблюдатели отметили, что «прорывной дипломатический курс» связан с готовностью России взять на себя ответственность мирового политического и идеологического лидера. Собственно это то, что было нужно нашей стране последние 25 лет потому, что именно идеологическое лидерство (как показывает пример СССР и КНР) лежит в основе эффективной национальной стратегии. Применительно к евразийской стратегии России это означает, что Россия претендует на роль политико-идеологического лидера в Евразии, самостоятельного интеграционного центра силы.

Но и этого сегодня уже мало. Нужен комплексный долгосрочный экономический и военный прогноз, к составлению которого, похоже, уже приступили, но без привлечения широкого круга экспертов. Из этого прогноза нужно сделать и принципиальный вывод о смене стратегии развития страны. Прежде всего с позиций разного ускорения социально-экономического развития в критически важных для страны восточных регионах. Необходима национальная мобилизация, резкое ускорение темпов развития. Очень точно об этом сказал С. Глазьев: «Несмотря на усталость от обещаний, от интеллектуального бессилия «импортных» моделей и подходов, мы убеждены, что цели перевода экономики на инновационный путь развития и подъема инвестиционной активности должны и могут быть достигнуты в течение 5–10 лет. А задачи модернизации экономики с достижением мирового уровня конкурентоспособности и технологического развития могут быть реализованы поэтапно в течение 15–20 лет, с получением первых значимых результатов технологической модернизации уже через 3–5 лет...»².

¹ Межуев Б. Мировое лидерство как предпосылка национального // Известия. 2013. 20 сентября. С. 2.

² Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. 2012. Ноябрь. С. 2–3 / URL: <http://viperson.ru/>

Очевидно, что прежние либеральные подходы и господствующая идеология, в т.ч. по отношению к евразийской стратегии, себя не оправдали. Но пока в этом не признается сама правящая российская элита, ситуация будет сохраняться прежней – правильные декларации не будут подкреплены конкретными результатами.

Опять же прав С. Глазьев, утверждающий, что «пора перестать мыслить в «прокрустовом ложе» монетаристских подходов, когда все стимулы и ограничения развития сводятся к наличию (отсутствию) денег, к формированию «кубышки» (резервных фондов где-то «за бугром»). Надо вспомнить собственный опыт запуска крупных проектов – начиная с ГОЭЛРО (придумана еще в царской России), строительства индустриальной экономики в 1930-х и её воссоздание в 1940-х, атомной и космической программы 1950-х и 1960-х, освоения нефтегазовых месторождений Севера и трубопроводов в Европу в 1970-х»¹.

Второе. Нужна оценка и прогноз (хотя бы среднесрочный) влияния внешних факторов. Особенно негативных. И не только в экономике. Прежде всего нужен анализ изменения в соотношении сил, возможностей и намерений государств. Причем по широкому кругу параметров: от возможных технологических прорывов до развития макроэкономических и социальных тенденций в мире. Очевидно, что для России крайне важен и точен стратегический прогноз военно-политической ситуации в Евразии и АТР, который должен быть учтен в стратегии евразийской интеграции.

Третье. Нужна оценка, ревизия, аудит собственных национальных ресурсов и возможных ресурсов союзников, способных обеспечить достижение поставленных целей. При этом важно не только оценить экономические факторы национальной мощи, но и моральные, идеологические, научно-технические и иные. Пока что очевидно незадействованным оказывается такой мощный ресурс, как идеология, способная провести определенную и эффективную мобилизацию всех имеющихся ресурсов, но прежде всего ресурсов НЧК. И не только в России, но и в Евразии и АТР.

Наконец, **в-четвертых**, нужно адекватно оценить влияние таких факторов, как международные (глобальные и региональные) институты и

¹ Там же.

международное право на процессы евразийской интеграции. Объединение ресурсов евразийских государств, формирование двусторонних и многосторонних союзов может оказать огромное влияние на развитие ситуации в Евразии и АТР.

Сегодня мы наблюдаем ускоряющиеся процессы формирования таких международных институтов. С одной стороны, это бурное развитие двусторонних отношений США в рамках ТТП и ТАП, с другой – постепенная активизация ШОС, которая создавалась как политическая структура, но которая становится все более широкой площадкой, в том числе и для обсуждения экономических проектов. Как показал саммит ШОС в сентябре 2013 года, не только Россия и Китай, но и ассоциированные члены – Иран, Пакистан, Индия, Афганистан и Монголия – проявляют к этому самый живой интерес. Так, Россия предложила создать фонд развития ШОС, а Китай – банк ШОС, который бы напрямую кредитовал проекты¹.

Примечательно и то, что все члены и государства-наблюдатели ШОС заняли единую позицию по вопросу о Сирии, что говорит о том, что складывается уже не только политико-экономический союз, но и вероятна коалиция евразийских государств.

¹ Созаев-Гурьев Е. ШОС поддержала Владимира Путина // Известия. 2013. 16 сентября. С. 2.

Глава 1. Превращение концепции евразийской интеграции в элементы национальной стратегии развития

В деле интеграции на пространстве СНГ мы смогли перейти от «десятилетия разговоров» к «десятилетию действий»¹

*Н. Назарбаев,
Президент Республики Казахстан*

История международных отношений дает немало примеров того, как конфликты несовместимых ценностей и идеологий порождали конфликты политические, а последние переросли в вооруженные столкновения и войны²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Прежде всего повторим, что стратегия евразийской интеграции является следствием и частью национальной стратегии развития. Соответственно, если отсутствует общепринятая национальная стратегия развития, то не может быть в принципе адекватной стратегии евразийской интеграции, т.е. не решив общих, в т.ч. политико-идеологических проблем, невозможно браться за решение частных. Но справедливо и обратное утверждение: евразийская стратегия влияет на формирование национальной стратегии. Очевидно, что, создавая евразийскую стратегию, нужно исходить из того, что:

- во-первых, нужна идеология и ключевая идея;
- во-вторых, стратегический прогноз;
- в-третьих, стратегическое планирование;
- в-четвертых, инструменты и механизмы реализации стратегии;
- наконец, в-пятых, ресурсы для такой стратегии.

Все компоненты такой евразийской стратегии либо находятся в зачаточном состоянии, либо вообще отсутствуют. Это обстоятельство делает евразийскую политику интеграции России мало конкурентоспособной с соответствующими политиками США и Китая, у которых сложились свои системные политико-идеологические установки уже несколько лет назад. Не случайно в октябре 2013 года в официальном органе Компартии Китая газете «Жэньминь жибао» появилось сразу две статьи, посвященные критике идеи Евразийского союза и описанию преимуществ китайской концепции евразийской интеграции – «Экономический пояс Шелкового пути».

¹ Назарбаев Н. Дружба на века // Российская газета. 2012. 5 октября. С. 4.

² Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 96.

Расхождения в подходах США, КНР и России очевидны и, как замечают российские эксперты, они связаны прежде всего с идеологической и концептуальными составляющими «Идея любой региональной группировки подразумевает идеологическую составляющую, а у России и Китая разная история, разный менталитет, разные ценности и разный подход к ведению дел. И цели, которые преследуют страны-инициаторы, тоже не совпадают, а может, и вовсе противоречат друг другу»¹, – рассуждает первый вице-президент Российского клуба финансовых директоров Тамара Касьянова.

Так, не только приоритет в развитии восточных регионов, вызвавший бурную дискуссию и споры в 2012–2013 годах, но и опыт евразийских государств имеют огромное значение для стратегии национального развития России. В Казахстане, например, с 1998 года по 2013 год душевой ВВП вырос в 12 (!) раз, а Н. Назарбаев во многом объясняет этот успех «расширением горизонтов планирования» и «очередного мировоззренческого прорыва»². Соответственно в России, где темпы развития ниже, можно выделить значительно меньше ресурсов на развитие восточных регионов и интеграцию. Иными словами, евразийская стратегия, слабо обеспеченная ресурсами, изначально ограничена в своей эффективности.

Другой пример. В 2012–2013 годах много говорилось о расходах на оборону, которые стали даже предметом разногласий в Правительстве и привели к заметным отставкам. Действительно, Россия заняла третье место в мире по расходам на оборону, сообщают аналитики IHS Global. Согласно их данным, Россия потратит на оборону в 2013 году \$ 68,8 млрд и займет третье место в мире по величине бюджета на оборону после США (\$ 637,8 млрд) и Китая (\$ 131,7 млрд в 2013 году). Но в Евразии и АТР Россия, вынужденная реагировать на угрозы с запада и юга, тратит значительно меньше, чем Япония, не говоря уже о США или Китае³. И вряд ли сможет тратить заметно больше, даже учитывая, что ее

¹ *Сергеев М.* Пекин дипломатично подвинул путинский проект Евразийского союза // Независимая газета. 2013. 14 октября. С. 1, 3.

² *Нуканоров С.* Казахстан уверен в завтрашнем дне // Независимая газета. 2013. 25 марта. С. 7.

³ Россия заняла третье место в мире по расходам на оборону / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 21 августа / URL: <http://eurasian-defence.ru/node/24339>

оборонные расходы относительно ВВП страны будут расти в 2014–2015 годы. Очевидно, что нужна точная оценка угроз и вызовов России в Евразии и АТР и оптимизация военных расходов, т.е. становится все яснее, что новая Восточная политика России, включая ее подходы к евразийской интеграции, должны стать ясной стратегией, согласованной и «вписанной» в общую стратегию национального развития, опирающуюся на мобилизацию и оптимизацию использования имеющихся ресурсов.

Пока что такой национальной стратегии нет. Ее роль выполняют Послания Президента РФ и концептуально-нормативные документы, не имеющие обязательного характера. Это означает, что и евразийская стратегия России во многом носит ситуативно-рефлексорный характер. Так, например, не вполне ясна военно-политическая роль ШОС, которая последние годы, по словам Л. Ивашова «застыла в своем развитии». Если рассматривать эту организацию как будущий военно-политический союз (особенно после вступления в неё Индии, Пакистана и Ирана), то можно ожидать, что такой союз может стать альтернативой США и НАТО в Евразии. Вопрос, однако, в том, насколько он будет соответствовать интересам России, а не других держав? Например, Китая, который делает очевидную ставку на политизацию ШОС.

На все эти вопросы должна дать ответ стратегия России в Евразии и АТР, которая пока что сформулирована лишь в некоторых разделах Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года и Концепции внешней политики России. В этой же стратегии должна быть дана увязка с программами развития восточных регионов, отдельных отраслей (например, авиационной, космической) промышленности на Дальнем Востоке, а также с внешнеэкономической деятельностью России в Евразии и АТР.

Думается, что без масштабного переосмысления роли России в Евразии и АТР, ее будущей стратегии в этих регионах и в мире не обойтись. Причем требуется серьезный «мировоззренческий прорыв» в отношениях не только российской, но и других элит к этой проблеме. Вместе с тем, этот «мировоззренческий прорыв» сказывается в разноректорных направлениях: отнюдь не всегда он обеспечивает интеграцию. К сожалению, сегодня он проявляется в усилении эгоизма

национальных элит в постсоветских государствах, даже в членах ТС. В таком обществе, как белорусское, традиционно рассматриваемое в России как пример для интеграции на постсоветском пространстве. Как отмечает, например, белорусский публицист Н. Малышевский, «Белорусское общество переживает не лучшие времена: экономические потрясения, социальные, духовный кризис и т.д. В этой ситуации, как обычно, появляется среда, в которой вольготно себя чувствуют, как отмечал в “Бесах” Достоевский, “сволочь” и их “передовые”»¹

Иными словами, вновь политико-идеологические основы евразийской стратегии России становятся фундаментальными для политики государства. И здесь не уйти от некоторых принципиальных решений, которые должны лечь в основу евразийской стратегии России и без которых говорить об эффективной евразийской стратегии бессмысленно.

¹ Малышевский И. В Белоруссии всё более вольготно себя чувствует описанная Достоевским сволочь / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 29 июня / URL: <http://topwar.ru>

а). Взаимосвязь национальной идеологии и евразийской стратегии

Навязывание ценностей и институтов – Беловежская травма полностью не излечима, а еще одно общее место в выступлениях Путина периода третьего срока, он возвращается к ней постоянно...¹

*С. Минин,
публицист*

страхи повторения сценария явно и латентно присутствуют у представителей государственного и интеллектуального истеблишмента²

*С. Маркедонов,
политолог*

Взаимосвязь национальной и евразийской стратегии очевидна, причем вторая является прямым следствием первой. Даже если кому-то кажется, что они существуют независимо друг от друга. В 1991 году развал СССР, а до этого ОВД просто подтвердил простую истину: государство, которое не проводит национально ориентированной политики, становится объектом разрушительного воздействия внешних и внутренних сил. Причем воздействия заинтересованного, эгоистического и антинационального. В сентябре 2013 года об этом на «Валдайском клубе» прямо заявил В. Путин: «Отсутствие национальной идеи раньше было выгодно тем, кто двадцать лет после развала СССР разворовывал страну»³.

Иными словами, вновь перед политиками и разработчиками российской национальной стратегии встают идеологические и мировоззренческие вопросы, которые, похоже, в Казахстане и других бывших республиках СССР решаются намного успешнее, чем в России. Этот вывод принципиально важен не только для национальной стратегии развития страны, но и для ее внешней политики, которая в Евразии неизбежно столкнется с конфликтом разных систем ценностей и цивилизаций. Собственно то, о чем говорит академик А. Торкунов, (о перерастании ценностных конфликтов в политические и военные) происходит в современной Евразии, где мы являемся свидетелями нарастающих противоречий в системах ценностей – либеральной, исламской, китайско-конфуцианской, индийской и российской. Не говоря

¹ Минин С. Россия без идентичности // Независимая газета. 2013. 20 сентября. С. 1.

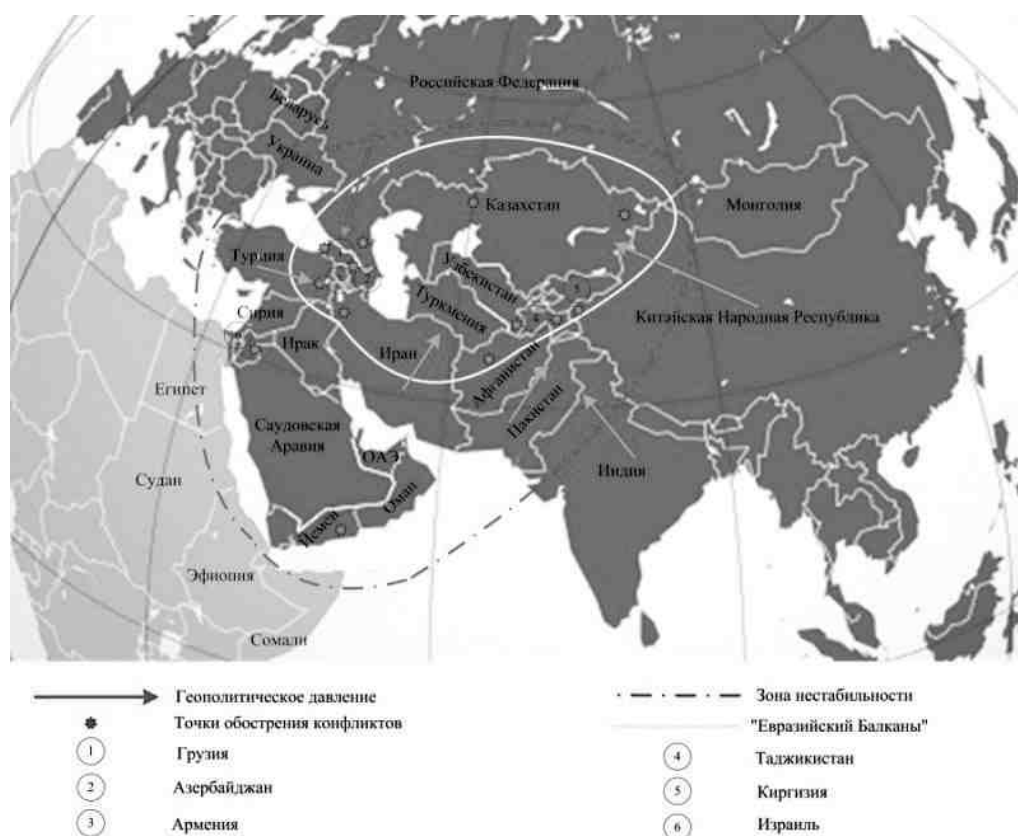
² Маркедонов С. Беловежское наследие // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 69.

³ Цит. по: Колесников А. Чистосердечное признание // Коммерсант. 2013. 20 сентября. С. 2.

уже об их «частных» проявлениях, нарастающих в отдельных странах, нередко выливающихся в вооруженные конфликты на национальной или религиозной почве.

Безусловно, это сказывается и на геополитических представлениях в России. Так, сегодня стратегия евразийская интеграция (если ее можно назвать стратегией) предполагает всего лишь развитие ТС и, в лучшем случае, создание единого экономического пространства России, Белоруссии, Казахстана и, возможно, Киргизии. На самом деле проблема стоит гораздо глобальнее – сохранение экономического суверенитета и территориальной целостности России, – которая в случае неудачи евразийского проекта может быть разделена на европейскую, сибирскую и дальневосточные части между более удачливыми соседями. Причем это коснется (и начнется) не с России, а бывших советских республик, среди которых ключевое место занимает Казахстан. Как отмечает В. Шурыгин, «Войну перебросят к нам как чуму через крепостную стену: ...вся эта “тьма” подступит к нашим границам и навалится на нас, а за спиной “тьмы”, прикрывая её своими новейшими ракетами и самолётами, насыщая её самым современным вооружением, будут идти “неокрестоносцы”!»¹. И прежде всего она затронет «Евразийские Балканы», о чем писал еще в 90-х гг. З. Бжезинский.

¹ О предельно ясном осознании грядущей войны / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 16 сентября / URL: <http://topwar.ru/>

Хотим мы того или нет, но геополитика господствует при реализации любых интеграционных стратегий, включая европейские. Так, например, политолог Виталий Бала уверен, что нынешний этап евроинтеграции и перспектива членства в ЕС – не связанные между собой вещи. «Соглашение об ассоциации и зоне свободной торговли следует рассматривать не столько как политический или экономический документ, сколько с точки зрения геополитических процессов в мире. Посмотрите, с какими странами и в каких регионах подписаны подобные соглашения – Запад, как и Россия, создает свои точки опоры. Думаю, ЕС и США примут решение усилить одну из таких точек приглашением Украины в ЕС в случае возникновения серьезного противостояния между православно-славянской и западной цивилизациями¹.

Однако если нет четкой национальной стратегии, вытекающей из адекватной национальной идеологии и системы ценностей, то не будет и внятной геополитической позиции и евразийской стратегии.

Следует признать, что в 2011–2013 годах В. Путин и его окружение проделали заметный путь в этом направлении: от декларации о

¹ Киев пошел на Запад // Независимая газета. 2013. 19 сентября. С. 6.

евразийской интеграции к признанию необходимости национальной идеологии, прозвучавшем в сентябре 2013 года на «Валдайском клубе».

К сожалению, пока что это не удалось перенести на практику евразийской стратегии России, которая ограничивается торгово-экономическими рамками. Причем в условиях очевидной рецессии, необходимости сокращения бюджетных расходов в 2013–2015 годах. Здесь также не обойтись без пересмотра основ финансово-экономической политики России которая должна изначально превратиться в самостоятельную, независимую с тем чтобы затем вовлечь в нее другие государства.

Сегодня, применительно к России, можно говорить лишь о вассально-зависимой финансовой политике, а значит это, по определению, лишает интеграцию сколько-нибудь значимой перспективы. Вот лишь некоторые примеры, приводимая В. Богдасаровым:

«Действует система currency board. Чтобы выпустить рубли, Российская Федерация должна осуществить соответствующие закупки долларов. А доллар сегодня, как известно, в соответствии с принципами Кингстонской системы, не соотносится с золотом и не имеет экономического товарно-услугового обеспечения. Россия продает реальные товары, невозобновляемые природные ресурсы, а в обмен получает не более чем “бумагу”. В средневековый период такого рода отношения определялись понятием “данничество”»¹.

Еще хуже ситуация с соотношением залога и иностранные валюты в ЗВР России. По объему резервной валюты Россия уверенно впереди. А вот картина с имеющимися запасами золота прямо противоположная. Россия при существующей системе мировых финансовых отношений принуждается к такой системе золотовалютного распределения. И не только она одна. Все сколько бы то ни было значимые геоэкономические субъекты, не представляющие западный мир, имеют в структуре золотовалютных резервов преобладание валюты». Что хорошо видно на следующих графиках².

¹ Богдасаров В. Финансово-экономическая десоверенизация России / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 2 июля / URL: <http://topwar.ru>

² Там же.

При крупных валютных резервах России они фактически не участвуют в экономике страны. В итоге, как заметил академик Р. Гринберг, «мировоззренческая установка на примат индивидуального интереса и игнорирование общественного плюс революция в информационных технологиях создали некий космополитический феномен... финансовая номенклатура рынка»¹. «Виртуальный» доллар не только диктует рублю правила на рынке, но и в случае кризиса (как в случае с Сирией, когда американские сенаторы пытались шантажировать госбанки России) могут выдвинуть и даже фактически уже выдвигаются политические претензии к нашей стране и ее правящей элите. Наличие корсчетов и депозитов в американских банках еще больше усугубляет ситуацию, превращая страну и ее элиту в заложников.

Не удивительно, что в этих условиях доля собственно российского золота в ЗВР минимальна и абсолютно несопоставима с долями развитых стран, что хорошо видно из следующего сравнения.

¹ Гринберг Р. Россия в турбулентном мире: вызовы и императивы. М. 2012. С. 26.

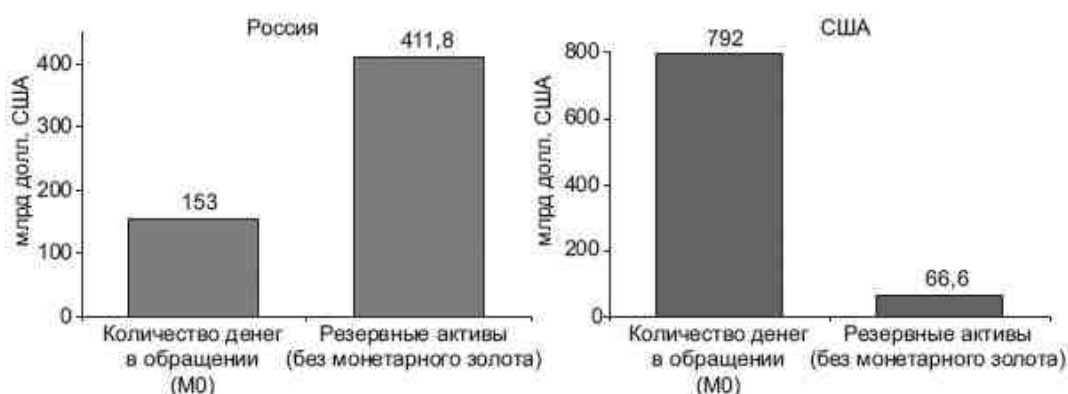
**Доля золота в национальных валютных резервах
России и стран Запада**

1

Еще более наглядно иллюстрирует характер мировых финансовых отношений соотношение количества денег в обращении (M0) и резервных активов денежно-кредитного регулирования в России и США. В России резервы значительно выше циркулируемой в экономике денежной массы. США имеют прямо противоположное соотношение. Российская экономика могла бы быть, судя по приводимым количественным данным, монетизирована на американском уровне. Но монетизация России искусственно сдерживается. Сверхвысокий объем резервных активов — это деньги, изъятые из российской экономики².

**Количество денег в обращении и резервные активы денежно
кредитного регулирования в России и США, в млрд долл. (2008 г.)**

К этому остается добавить, что финансово-экономическая политика России:

– не может привести к эффективной промышленной политике;

¹ Богдасаров В. Финансово-экономическая десоверенизация России / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 2 июля / URL: <http://topwar.ru>

² Там же.

- ставит страну в зависимость от импорта жизненно-важных товаров;

- ведет к ежегодному оттоку капиталов и т.д.

Все это, вместе взятое, ставит под сомнение саму возможность превращения России в центр евразийской интеграции, а значит и вопрос о стратегии интеграции делает риторическим.

Кроме того, сначала необходимо определиться, что мы понимаем под Евразией с точки зрения всей национальной стратегии России, а не только географического или геополитического смысла этого понятия. На наш взгляд, достигнуть такого понимания очень важно, ибо в зависимости от его определения будет формироваться и само представление о евразийской стратегии. Так, если под Евразией мы понимаем:

- узкий круг постсоветских государств, входящих или потенциально способных войти в Евразийский союз, то можно говорить о незначительном влиянии этих государств на внешнеполитическую и отчасти экономическую сторону национальной стратегии, точнее ее части;

- если говорить о Евразии как материке, простирающемся от Атлантики до Тихого океана, то нужно говорить фактически о внешней политике России, включая сюда и многие аспекты безопасности – от коалиционной политики до ВТС и кооперации в области ВКО;

- если говорить о Евразии как континенте, негативное развитие событий на котором угрожает самому существованию России, ее нации, суверенитету и территориальной целостности, то неизбежно придется акцентировать внимание на необходимости опережающего развития восточных регионов нашей страны, как высшем приоритете. Чего пока что не происходит в российской элите, хотя, надо признать, говорится об этом в последние годы много.

Последний подход во многом объясняет те противоречия и дискуссии, возникшие в элите страны о «10 триллионах», которые были запрошены для реализации программ и подпрограмм развития Дальнего Востока, а также неспособности В. Ишаева утвердить ее в 2013 году.

Главная цель программы – планомерное развитие отдаленного региона России. В ее составе две федеральные целевые программы: «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» и «Социально-экономическое развитие Курильских островов на период до 2015 года», а также дюжина подпрограмм, которые охватывают основные направления развития территории.

Деньги изначально было намечено вложить в транспортную, энергетическую и социальную инфраструктуры. В частности, планируются модернизация транспортных магистралей, включая Транссибирскую магистраль и БАМ, строительство и реконструкция автомобильных дорог, аэродромов, морских портов. Это позволит переключить на восточные регионы часть грузопотоков по маршруту Азия–Европа–Азия и получить новые источники доходов. Серьезную поддержку проектов, входящих в госпрограмму, должен оказать Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона¹.

Этот подход решительным образом влияет на формирование национальной стратегии России, становится ее ключевым приоритетом, более того, – «национальной идеей». В этом случае спор о «10 триллионах», который велся в 2012–2013 годах, выглядит уже неубедительным: приоритет развития восточных регионов и евразийской интеграции потребует не просто больше средств, но и национальной мобилизации, усиления влияния государства на экономическую политику и рыночные механизмы. Так, как это происходило в России в последнюю треть XIX века, или при советской власти.

Эта взаимосвязь имеет и очевидное военно-политическое значение, которое, например, участниками ж/д проекта «Карс–Тбилиси–Баку» рассматривается в качестве первого шага по созданию военно-политического блока трех стран.

Наконец, стратегия евразийской интеграции имеет и большое значение для внутривосточной ситуации государств Евразии. Что стало особенно заметно при острой дискуссии о вступлении Украины ассоциированным членом в Евросоюз. Не случайно, например, такое

¹ Двойнова Т. Дальневосточный пакет ценой в 10 триллионов // Независимая газета. 2013. 25 марта. С. 1, 2.

внимание к интеграции у А. Лукашенко уже не только в рамках сотрудничества ОДКБ, но и с точки зрения внутренней политики. Как признают местные обозреватели, «Даже при обсуждении вопросов, не требующих от главы государства решений, Лукашенко охотно встречается с функционерами всех интеграционных объединений, тем самым поддерживая имидж приверженца интеграции на постсоветском пространстве»¹.

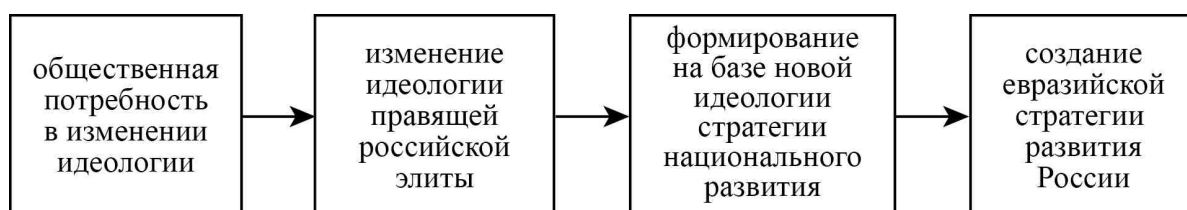
Иными словами, евразийская интеграция должна стать не только внешнеполитическим приоритетом, но и весомой частью системы формирования национальной стратегии развития, т.е. включать в себя масштабную политическую, даже историческую задачу консолидации постсоветского и евразийского пространства. Такая же масштабная задача стояла перед Московским государством в XVI–XVII веках. Но начинать развивать эту стратегию надо с формирования идеологии и укрепления финансово-экономического суверенитета России как ядра евразийской интеграции, центра развития НЧК и социально-экономической активности. Это – очевидно политико-идеологическая плоскость, далеко выходящая за рамки господствующей поныне либерально-монетаристской идеологии. Другими словами, все опять упирается в необходимость смены идеологии правящей элиты (которая до сих пор считает, что господствующей идеологии нет) с либеральной на государственно-ориентированную. То, о чем многие говорили последние 20 лет. В том числе и в начале этой работы. Во втором десятилетии XXI века в России общество уже дошло до понимания необходимости таких перемен, что озвучил в сентябре 2013 года В. Путин на «Валдайском клубе».

Это подтверждает и опрос, который проходил на сайте Накануне.ru, в июле 2013 года, длившийся две недели. За это время в нём приняло участие более 2,6 тыс. человек. Результаты опроса оказались следующими: лишь 2% в принципе отвергают необходимость установления госидеологии, ещё 10% уверены, что идеология – некий этап эволюции, до которого государство и общество должно «дорасти». Остальные 88% положительно ответили на вопрос о необходимости

¹ Ходасевич А. У Александра Лукашенко в ОДКБ личный интерес / Независимая газета. 2013. 29 марта. С. 7.

создания и внедрения государственной идеологии. Впрочем, среди этих 88% мнения раскололись примерно поровну в отношении того, на чём должна базироваться государственная идеология. 27,3% считают, что за основу идеологии нужно взять советские ценности, 28,2% высказались за то, что во главу угла должен быть поставлен патриотизм, а 31,6% поддержали мнение о том, что в основу идеологии должен лечь тезис о государствообразующей роли русского народа»¹.

В заключение можно вывести следующую логическую цепочку: эффективная евразийская стратегия может быть следствием эффективной национальной стратегии, в основе которой лежит приоритет НЧК, а та, в свою очередь, – следствием эффективной национальной идеологии. Другими словами, как говорилось не раз в первой части работы², начинать надо с евразийской идеологии, точнее, с того, чтобы правящая элита, вслед за общественным запросом и экономическими реалиями изменила свою идеологию. Это можно упрощенно изобразить на рисунке следующим образом:

Из этого рисунка видно, что эффективную евразийскую стратегию невозможно в принципе создать (что и подтверждает сегодняшняя практика) без решения предшествующих задач. И, как сказал В. Путин, без участия государства. Причем именно в последовательном порядке, – где ключевым на сегодня звеном является признание правящей элитой страны системы национальных ценностей и объективных потребностей общества, экономики и современных реалий. С последующей разработкой уже не очередной примитивной Стратегии социально-экономического развития, а национальной стратегии развития, в основе

¹ Табаринцев-Романов С. Запрос на госидеологию: в России уже устали от либеральных идей / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 17 июля / URL: <http://topwar.ru>

² См. подробнее: Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. Евразия и Россия: геополитическое измерение. Часть I. Книга 1. Т. IV. Национальный человеческий капитал М.: МГИМО, 2013.

которой лежит требование опережающего развития НЧК (прежде всего в восточных регионах страны).

б). Евразия как стратегический приоритет в развитии России

В качестве основных критериев при оценке проектов КРТ министерства использовали такие параметры, как повышение уровня и качества жизни населения, создание и развитие перерабатывающих отраслей, что позволит получать продукцию с высокой добавленной стоимостью¹

*О. Воробьев,
корреспондент газеты «Известия»*

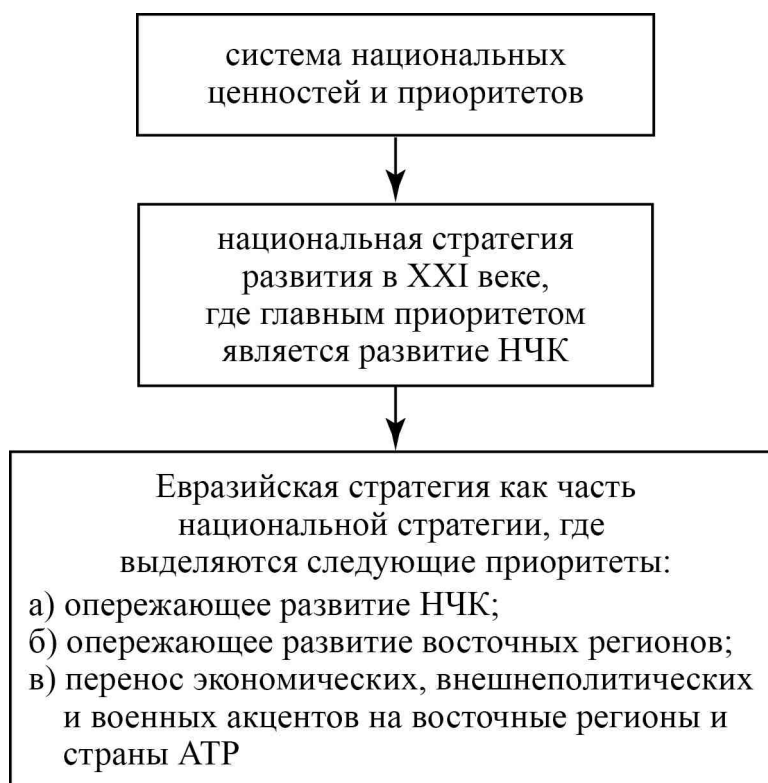
Взаимодействие России, КНР и США – это не только отношения между разными по силе и влиянию государствами..., но и столкновение несовпадающих представлений о самих себе и окружающем мире²

*И. Зевелев,
доктор политических наук*

Политико-идеологические приоритеты играют важнейшую роль при формировании любой стратегии. Как, впрочем, и существующая у нации система ценностей. В России наблюдается очевидный огромный разрыв между существующей системой ценностей, традицией, историей, геополитическими реалиями и стратегиями – внешнеполитическими, социально-экономическими и иными, – без преодоления которого говорить об эффективной национальной стратегии невозможно. Евразийская стратегия России сегодня не может быть частью национальной стратегии (которой просто нет), а тем более ее следствием, до тех пор, пока не будет сформирована политико-идеологическая основа такой стратегии. От этом достаточно подробно говорилось в первой части работы. Последовательность может быть только такой:

¹ Воробьев О. Правительство оценило развитие Дальнего Востока в 9,3 трлн рублей // Известия. 2013. 26 марта. С. 1, 4.

² Зевелев И.А. Реализм в XXI веке // Россия в глобальной политике. Т. 10. № 6. 2012. С. 120.

Сегодня существует значительный разрыв между формирующейся стратегией евразийской интеграции и социально-экономической стратегией России, где (как показано в анализе нового варианта Стратегии–2020) проблемы интеграции рассматриваются:

- во-первых, на последнем по порядку и значению месте;
- ограничены экономическим и таможенным сотрудничеством;
- не учитывают таких важных аспектов, как гуманитарное сотрудничество, развитие отношений с НКО, миграционной политикой и т.д.

Представляется, что установление такой прямой взаимосвязи, увязки социально-экономической, информационной и пр. концепций со стратегией евразийской интеграции в единую систему – самая неотложная задача.

Более того, стратегия евразийской интеграции должна исходить из геополитических реалий, прежде всего реалий национальной безопасности и потребностей восстановления единого социокультурного, информационного пространства, «политического объединения» (как говорил В. Ключевский о задачах, стоявших перед Петром I).

Не случайно, даже либеральные эксперты, говоря о стратегии развития восточных регионов, подчеркивают необходимость «больших

политических прав» Сибири: «Сибирь сегодня должна переосмыслить свои значение и место, начать развиваться как элемент глобальной экономики, что сделали несколько десятилетий тому назад восточные штаты США, а в последние годы – прибрежные провинции Китая. Только такое переосмысление Сибирию своей роли способно пробудить всю Россию от летаргического сна последних пятнадцати лет.

Приоритет опережающего развития восточных регионов очевиден и для некоторых либералов, но выделение этого приоритета сопровождается надеждами на «новую идентичность» и «политическую самостоятельность», что не может не вызывать возражений. Новая «сибирская идентичность» вкупе с «политической самостоятельностью» прямо противоречат национальной стратегии развития, раскалывая уже не только нацию, но и территорию. Что, возможно, и требуется тем, кто еще «не доделил» Россию.

Развитие восточных регионов России сегодня рассматривается в отрыве от глобального контекста безопасности страны и перспектив ее опережающего развития, более того, ее будущего как государства. Нынешней подход к развитию восточных регионов отчетливо просматривается в отношении к Программе развития Дальнего Востока. Как следует из проекта, «в список Минвостокразвития попали 23 комплексных проекта, которые оцениваются в 9,285 трлн рублей. При реализации этих мероприятий предполагается создать 339 тыс. рабочих мест, следует из доклада в правительство. Однако сумма инвестиций в инфраструктуру, которая должна финансироваться за счет госбюджета, не оценена. По предварительным расчетам, речь идет о 30–40% суммы, то есть о 3,5 трлн рублей, которые необходимо будет выделить из госказны.

Как докладывает Минвостокразвития, разработанная система оценки позволила выделить не только самые финансовоемкие проекты, но и учесть их будущую доходность, а также проблемы занятости населения в регионе. По сбалансированности этих параметров и определялся приоритет»¹.

Из такого подхода следует, что геополитические, военные и долгосрочные политические аспекты развития восточных регионов в

¹ Воробьев О. Правительство оценило развитие Дальнего Востока в 9,3 трлн рублей // Известия. 2013. 26 марта. С. 1, 4.

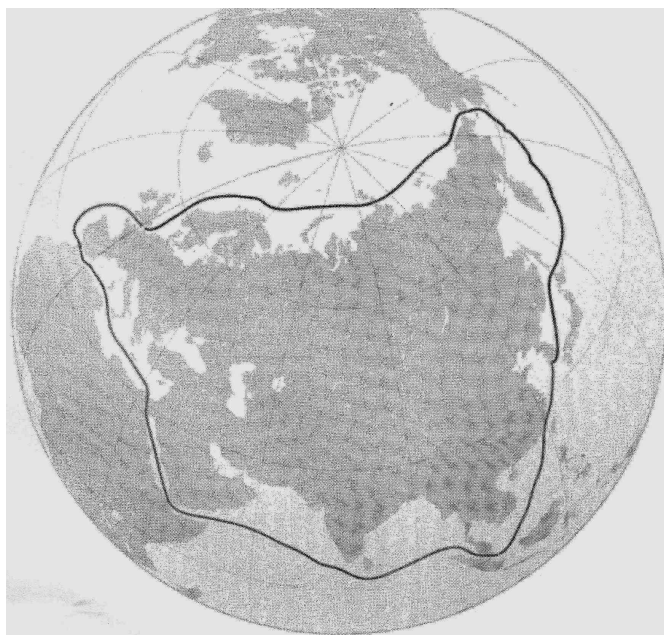
проекте Программы игнорируются. В том числе игнорируется и важнейшая потребность – развитие НЧК в целом и в восточных регионах в особенности.

В этой связи необходимо прежде всего определиться с местом России в Евразии и ролью Евразии для России.

До сегодняшнего времени в господствующей либеральной идеологии место России в Евразии недооценивается. По меньшей мере, по двум причинам. Первая причина – чисто экономический подход, где удельный вес российского ВВП, по сравнению с китайским и странами Евросоюза, по мнению либералов, предопределяет место нашей страны, как более, чем скромное. Во-вторых, экономическая ориентация на Европу привела фактически к внешней экспортно-импортной зависимости (а, значит, во многом и политической) от стран Евросоюза.

Из этого положения неизбежно вытекает и понимание правящей элитой России ее роли в Евразии, которая сводится в основном к европейской ориентации. Ни геополитические, ни иные факторы, прежде всего цивилизационно-культурные, в т.ч. НЧК, по мнению неолибералов, не играют заметного значения. Между тем эти представления также далеки от реальности, как и раннесредневековые карты мира.

В действительности, реальность такова. Евразия (с оговорками относительно нескольких частей) представлена на следующей карте, причем районы Арктики, С.-В. Евразии в последнее время играют все более важную роль, что говорит о постепенном пересмотре значения отдельных регионов Евразии.

Как следует из новой редакции «Стратегии–2020» от марта 2012 года, «в современных условиях для России являются политически и экономически неприемлемыми варианты отказа от интеграции или стагнации интеграционного процесса («окапывания» на достигнутых рубежах) в рамках ТС-ЕЭП и СНГ в целом. По этой причине прорабатывается только один вариант: последовательное развитие интеграции вширь и вглубь с выходом в перспективе на создание общего евразийского экономического пространства от Атлантики до Тихого океана. Развилки и сценарии в рамках данного варианта касаются темпов и конкретных форматов, интеграции, ее развития вширь, вглубь, включая выстраивание отношений с Евросоюзом¹.

Как видно, неизбежное признание необходимости евразийской интеграции сводится либералами к очень узкому пониманию: экономической интеграции с несколькими странами ТС. Выход за рамки членов ТС – очень осторожный, но примечательный. Признается возможность расширения ТС и даже «формирование общего экономического пространства СНГ, ЕС, ЕАСТ, АСЕАН и т.д.

«Базисный сценарий» основывается на сохранении сложившейся в последние годы позитивной динамики интеграционных процессов (при

¹ Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 841–842.

возможном ее замедлении в отдельные периоды в силу объективных и субъективных факторов). Применительно к сфере интеграции базисный сценарий является скорее инновационным, а не инерционным сценарием, поскольку предполагает последовательные шаги по расширению и углублению интеграции с достижением уже в среднесрочной перспективе нового качества интеграционного взаимодействия. Ключевые параметры базисного сценария:

- последовательное углубление интеграции в рамках «тройки»: достраивание Таможенного союза и обретение им международной правосубъектности, формирование Единого экономического пространства (единого рынка), создание полноценного интеграционного объединения – Евразийского экономического союза, опирающегося на развитую систему наднациональных институтов и регулирования;

- запуск механизмов координации макроэкономической и валютной политики, развитие элементов интеграции в валютной сфере;

- расширение ТС-ЕЭП за счет других членов ЕврАзЭС;

- институциональное слияние ТС-ЕЭП и ЕврАзЭС (формально Союзное государство не упраздняется), создание на базе всех институтов Комиссии Евразийского экономического союза;

- заключение соглашений о свободной торговле от имени ТС, в том числе с Евросоюзом;

- создание полноценной зоны свободной торговли в СНГ, гармонизация систем регулирования (в том числе путем переноса элементов нормативной правовой базы ЕЭП на пространство СНГ) и на этой основе – формирование Общего экономического пространства ТС-ЕЭП – СНГ;

- модернизация и укрепление СНГ как межгосударственного регионального объединения, в рамках которого расширяется и углубляется взаимодействие в таких сферах, как гуманитарное сотрудничество, образование и культура, миграция, наука и инновации, валютно-финансовое сотрудничество, инфраструктура и транспорт;

- формирование общего евразийского экономического пространства с участием ТС-ЕЭП, других стран СНГ, ЕС, ЕАСТ, АСЕАН, других заинтересованных государств;

– снижение прямых расходов на интеграцию для России путем постепенного замещения энергетических субсидий и финансового донорства механизмами целевого финансирования проектов развития и технического содействия, грантами на выравнивание уровней развития, совместными взаимовыгодными интеграционными программами и проектами (в области импортозамещения, организованного привлечения рабочей силы и др.)¹.

Эти принципы были зафиксированы не раз, в том числе в основных нормативных документах, прежде всего в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом страны 12 мая 2008 года, и до этого в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 28 июня 2008 года. Они отражали общий подход правящей элиты страны к оценке угроз и формированию внешнеполитических целей. В последней редакции концепции внешней политики по этому поводу, в частности, говорилось²:

В соответствии с высшим приоритетом национальной безопасности – защитой интересов личности, общества и государства – главные внешнеполитические усилия должны быть сосредоточены на достижении следующих основных **целей**»³:

– обеспечение **безопасности страны**, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира и необходимых для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала;

– создание **благоприятных внешних условий** для модернизации России, перевода ее экономики на инновационный путь развития, повышения уровня жизни населения, консолидации общества,

¹ Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012. Март. С. 841–842.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 мая 2008 года (Пр-1440) / URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtm>

³ Там же.

укрепления основ конституционного строя, правового государства и демократических институтов, реализации прав и свобод человека и, как следствие, обеспечение конкурентоспособности страны в глобализирующемся мире;

– воздействие на **общемировые процессы** в целях установления справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении международных проблем и на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава ООН, а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной и координирующей роли ООН как основной организации, регулирующей международные отношения и обладающей уникальной легитимностью»¹;

Важно отметить первые три внешнеполитические цели, которые отражают прежде всего приоритетность и порядок в оценке внешних угроз:

– **безопасность**, рассматриваемая как суверенитет и территориальная целостность;

– **формирование благоприятных внешних условий для развития**;

– **влияние** на общемировые процессы.

Вместе с тем складывается впечатление, что эта общая характеристика целей не вытекает из анализа реальных и актуальных внешних угроз, а носит вполне традиционный и даже инерционный характер, который по большому счету не отличается от оценок еще 70-х и 80-х годов XX века. Более того, первые три цели и возможные угрозы носят вполне универсальный характер, который подходит практически для любого государства. Соответственно он не отражает ни особенностей России и ее наций, ни ее уникального геополитического положения, ни ясных оценок современных, характерных для второго десятилетия XXI века угроз. Так, очевидное стремление США превратить свое лидерство на евразийском континенте в гегемонию за счет ущемления интересов России, более того, ее изоляции от Европы и АТР и, возможно, отпаде регионов Сибири и Дальнего Востока, вообще не обозначено. Между тем политика США в Центральной и Средней Азии дает все основания для

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 мая 2008 года (Пр-1440) / URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtm>

этого. В частности, об этом говорят примеры Афганистана и Ирака, где «Стратегическая цель заключалась в том, чтобы превратить крупное государство важнейшего для США региона в вассала-посредника, и обрести таким образом ключевой военно-политический плацдарм на Ближнем Востоке, на границе с нестигаемыми противниками – Ираном и Сирией. Эта генеральная цель включает в себя составляющие: поставить во главу государства группу послушных руководителей; создать лояльные военные подразделения, которые служили бы опосредованной военной силой США в регионе; получить контроль над запасами нефти – третьими, по величине подтверждёнными запасами в мире, и гарантию их разработки западными нефтяными компаниями; “вскрыть” местную экономику для капитализма, сделав её “свободным рынком” – свободным для грабежа западными корпорациями; создать новый рынок для американских вооружений»¹.

Следующие приоритеты концепции внешней политики, за исключением самого последнего, также носят не только универсальный характер, но и вполне применимы по отношению к любой стране. Действительно,

«– **формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами**, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах и других районах мира;

– **поиск согласия и совпадающих интересов с другими государствами** и межгосударственными объединениями в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России, создание на этой основе системы двусторонних и многосторонних партнерских отношений, призванной обеспечить устойчивость международного положения страны к колебаниям внешнеполитической конъюнктуры;

– всесторонняя защита прав и законных **интересов российских граждан и соотечественников**, проживающих за рубежом;

¹ Чайковский А. Итог войны США в Ираке / Информационный ресурс «Регнум». 17 декабря 2011 / URL: <http://www.regnum.ru/news/1488695>

– содействие **объективному восприятию** Российской Федерации в мире как демократического государства с социально ориентированной рыночной экономикой и независимой внешней политикой;

– поддержка и популяризация в иностранных государствах русского **языка и культуры народов** России, вносящих уникальный вклад в культурно-цивилизационное «многообразие современного мира и в развитие партнерства цивилизаций»¹.

Не трудно заметить, что перечень основных внешнеполитических целей, вытекающих из оценки современных угроз, – традиционен и соответствует некоей инерции, существующей со второй половины 80-х годов XX века, а значит, не отвечает современным реалиям.. Это в полной мере относится и к перечню основных угроз, которые также выглядят универсально и вполне традиционно и не отражают остроты современных проблем безопасности. Так, инициативы США в Афганистане, рассматриваемые часто благосклонно руководством России, имеют очевидно опасное и негативное последствие для позиций нашей страны не только в Южной, Центральной, но и Средней Азии. Можно согласиться в этой связи с рядом авторов, считающих, что «Реализуемый США внутри Афганистана процесс «примирения» есть не что иное, как попытка построения из враждующих между собой афганских движений и группировок некоего подобия марионетки, к ногам-рукам которой США пытаются привязать нити. Нитями работают финансовые потоки, т.е. коррупция – для тех, кто продаётся, и грубое насилие – для тех, кто с принципами. Марионетка, при этом, до мозга костей наркозависима.

Сколоченный таким образом лояльный режим (ргоху) должен будет уже самостоятельно проводить американские интересы в стране и служить плацдармом для освоения соседних регионов Центральной и Южной Азии, а также для проецирования угроз на трёх главных стратегических противников США – Иран, Россию и Китай. В истории США имеется достаточно прецедентов, позволяющих предположить

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 мая 2008 года (Пр-1440) / URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtm>

функции такого посреднического режима: Южный Вьетнам Нго Дин Диема, Панама Мануэля Норьегы, Чили Пиночета, Ирак времён раннего Саддама Хуссейна, а сегодня – Грузия под руководством Саакашвили. При этом США старательно маскируют свою роль в афганских процессах, выдавая собственные инициативы за международные.

Афганское руководство и полевые командиры, – конечно, не лучший материал для клонирования мифологических американских ценностей. Но это не заставит Вашингтон изменить планы – лишь ужесточит способы их реализации»¹.

Другой автор – Георгий Бородин – приводит аналогию между политикой США в Средней Азии и Латинской Америке, которая вполне убедительна.

«Точно так же, как и Центральная Америка, регион из небольших государств, Средняя Азия расположена на стыке двух материков, в качестве связывающего их моста/платформы. Центральная Америка обеспечивает важнейшую мировую водную артерию – Панамский канал; Средняя Азия дает важнейший континентальный коридор между Европой и Азией, обретающий все большую значимость по мере роста гигантского китайского рынка. И там, и здесь – богатейшие природные ресурсы и месторождения редких металлов. Центральную и Латинскую Америку США официально определили своей «сферой влияния» еще в 1823 г. посредством доктрины Монро; Средняя Азия стала «зоной стратегических интересов США» вскоре после распада СССР. Наконец, в обоих регионах имеется тот предлог, пользуясь которым в них можно энергично внедряться – наркотики.

В этой связи очевидно, что Евразия является стратегическим приоритетом не только в силу объективных геополитических причин, но и в результате субъективных условий продвижения геополитических интересов США, которые, несмотря на амбициозные планы, способны разрушить стабильность во многих евразийских сегментах, но не обладают необходимыми ресурсами (а, возможно и политической волей), чтобы

¹ Крашенинникова В., Росс А. США в Стамбуле: «новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая. ИА REGNUM, 1 ноября 2011 / URL: http://istanbul.ru/publications/usa_in_istanbul_

установить на месте хаоса ожидаемый либеральными экспертами социальный порядок.

в). Необходимость и возможность преодоления противоречий с Западом в Евразии: ведущая роль НЧК

Очень плохо, что первая поездка
председателя КНР Си Цзиньпина
состоялась в Москву¹

*З. Бжезинский,
политолог*

Усиление антизападничества в официальной
риторике Кремля в 2012 г. особенно заметно
на фоне полного отсутствия публичной
озабоченности политикой Пекина²

*И. Зевелев,
доктор политических наук*

Размышляя о возможностях преодоления противоречий с Западом, как правило, недооценивается или «забывается» роль национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов, который может стать фактически единственным средством преодоления таких противоречий с Западом труднопреодолимы, а компромиссы выглядят иногда несбыточными надеждами, что в области культуры, науки, образования, сотрудничества общественных институтов, как правило, такие противоречий уступают место не просто компромиссам, но и полноценному сотрудничеству.

Более того, если экономическая, политическая и военная роль и значение России сегодня могут ставиться на Западе под сомнение, то культурно-образовательный и научный потенциал вызывает все еще уважение и даже восхищение. Представляется, что в улучшении отношений с Западом и поиску новых форм сотрудничества акцент должен быть смещен с экономической и военно-политической области в область гуманитарную, где «поле» для сотрудничества и компромиссов значительно шире. Естественно, понимая, что Россия в этой принципиально важной для нации области не должна идти по пути Византии, уступившей в свое время Риму.

Нередко разница в подходах к Евразии в США, КНР, странах Евросоюза и России представляется непреодолимой. Во многом это происходит из-за того, что позиции России в мире, Евразии и АТР значительно ослабли в последние десятилетия, т.е. не из-за системного российского кризиса. Понятно, что Запад и КНР преследуют и будут

¹ Лузянин С. Бжезинский предлагает Пекину выбрать между Москвой и Вашингтоном / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 28 марта / URL: <http://eurasian-defence.ru>

² Зевелев И.А. Реализм в XXI веке // Россия в глобальной политике. Т. 10. № 6. 2012. С. 121.

преследовать в Евразии свои цели, но насколько они не совпадают, противоречат и враждебны России? А, главное, насколько у России хватит воли и ресурсов для прямого противодействия враждебным стратегиям? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько быстро Россия сможет использовать – развивать и мобилизовать – свои НЧК.

Размышляя над ответами на эти вопросы, неизбежно приходится признать, что России предстоит крайне сложная задача разработать такую евразийскую стратегию, которая бы предусматривала использование любой возможности для расширения сотрудничества как на Западе, так и на Востоке, минимизируя негативные последствия враждебных ей стратегий, избегая прямой политической, а тем более военной, конфронтации с Западом в Евразии. «Игра с нулевой суммой» России и Запада в Евразии неизбежно обернется катастрофой.

Рассуждая о политике России по отношению к Западу в Евразии, необходимо изначально оговориться, что понимается под Евразией и евразийской интеграцией применительно к российской стратегии. Единственным правильным ответ будет следующий: под Евразией понимаются все страны, находящиеся на этом континенте без исключения, как на западе, так и на востоке, севере и юге. Соответственно процесс евразийской интеграции предполагает формирование и усиление сотрудничества, переходящее в партнерство со всеми государствами этого континента. Также без всяких исключений. Как бы трудно не было развитие такого партнерства.

Подобная стратегия партнерства возможна только и исключительно в том случае, если в ее основе находится приоритет опережающего развития НЧП. Как в национальной стратегии, так и в ее части – евразийской стратегии. В конечном счете только качество НЧК станет главным инструментом развития сотрудничества. Особенно, если речь идет об институтах реализации НЧК¹.

Это обстоятельство, естественно, не могло не привлечь внимания зарубежных и отечественных исследователей именно в последние десятилетия. Как правило, на первый план выходили два критерия – транспортные пути и демографический. Причем оба эти критерия во все

¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. 3. Кн. 2. М.: МГИМО(У), 2011.

большей степени политизировались. Не случайно «эксперты-политики» В. Иноземцев, И. Пономарев и В. Рыжков в своей статье «Континент Сибирь» писали в конце 2012 года: «Россия вынуждена была в 1867 г. уступить Соединенным Штатам «Русскую Америку» из-за трудности поддержания путей сообщения, а в 1905 г. была разгромлена в ходе войны с Японией и утратила свои позиции на Тихом океане. США, напротив, в 1898 г. установили контроль над Филиппинами, став главной тихоокеанской державой. К тому времени, когда в России было закончено сооружение Транссиба (1903 г.), тихоокеанское побережье Соединенных Штатов связано с остальной территорией страны уже четырьмя железнодорожными магистралями. Всего через полвека после начала экономического бума на американском Западе этот регион превратился в сопоставимый со штатами Восточного побережья хозяйственный центр, в то время как в Советском Союзе тихоокеанские территории так и остались «Дальним Востоком». Если в 1890 г. в США на западных территориях (Mountain и Pacific) жили около 4 млн человек против 5,78 млн к востоку от Урала, то в 2005 г. первое число превышало 66 млн человек, тогда как второе не дотягивало до 39 миллионов. Нелишне также напомнить, что по переписи 1897 г. грамотные составляли в Сибири 12,3% населения, в то время как на Западе Соединенных Штатов показатель составлял 93,7% жителей»¹.

Иными словами, для того, чтобы восточные регионы стали полноценным экономическим субъектом, необходимо, чтобы в национальной и евразийской стратегии России, во-первых, их развитие (транспортное и НЧК) стало приоритетом. Во-вторых, необходим качественно новый уровень их сотрудничества с государствами Евразии и АТР, когда ВРП всей Сибири не будет в 1,5 раза меньше бельгийского ВВП.

Этот подход в принципе соответствует пониманию современной внешней политики России, изложенному в последней редакции Концепции внешней политики России от 12 февраля 2013 года, где, в частности, говорится о приоритете «универсальных принципов» и бесперспективности «блокового подхода»: «В условиях глобальной

¹ Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков В. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 84.

турбулентности и растущей взаимозависимости государств и народов уже не имеют перспектив попытки строить отдельные «оазисы спокойствия и безопасности», а единственно надежной страховкой от возможных потрясений является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евроатлантическому, евразийскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам»¹.

Этот принципиальный вывод, сделанный в Концепции, имеет стратегическое значение для понимания сути современной ситуации в мире, однако его реалистичность сегодня вызывает серьезные сомнения. «Универсальные принципы равной и неделимой безопасности» – скорее выглядят благими пожеланиями для государств, которые придерживаются иных, более важных для них принципов. Для стран Евросоюза это «общая система ценностей»; для США – продвижение американской системы ценностей.

Соответственно и инструменты реализации таких принципов, в частности, военно-политические коалиции и союзы, видятся в России, США и Евросоюзе по-разному. Так, если в США делается ставка на развитие военно-политической составляющей по линии ТТП и ТАП, а также расширения своих возможностей в ЦА, то в России делается попытка декларировать отход от блоковых подходов. О чем ясно говорится в Концепции: «На современном этапе традиционные военно-политические союзы не могут обеспечить противодействие всему спектру современных вызовов и угроз, являющихся трансграничными по своему характеру. На смену блоковым подходам к решению международных проблем приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач»².

Таким образом, изначально Россия не только не исключает какую-либо страну из числа вероятных партнеров, но и ставит задачу развития отношений «по всем азимутам».

Кроме того, в Концепции ясно говорится о бесперспективности военно-политических союзов, что можно, однако, оценить скорее как

¹ Зевелев И.А. Реализм в XXI веке // Россия в глобальной политике. Т. 10. № 6. 2012. С. 121.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом России В.В. Путиным 13 февраля 2013 г. / URL: <http://президент.рф>

пожелание, а не как оценку реалий, в которых, например, Североатлантический союз оказывается вполне дееспособной, даже эффективной по-своему международной организацией.

Эта логика вполне применима и к евразийской стратегии России по отношению к странам Евросоюза и США (что, однако, не исключает дифференциации такого отношения со стороны России).

Вместе с тем эту логику и принципы Концепции отнюдь не обязаны и не разделяют западные партнеры России, чья готовность к сотрудничеству вызывает серьезные сомнения. В последние десятилетия отчетливо просматриваются три тенденции, прямо противоречащие логике Концепции внешней политики России:

Первая. Создание Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерства Соединенными Штатами и их союзниками в Европе и АТР, которое исключает участие России.

Вторая. Расширение зоны ответственности НАТО не только на Восточную Европу, но и на Центральную Азию.

Третья. Формирование «на флангах» НАТО – в Северной Европе и Арктике и Южной Азии – подобно вспомогательных военно-политических союзов.

Понятно, что сталкиваются две логики, две политики, между которыми существуют очень серьезные противоречия, дополняемые другими – экономическими, военно-техническими факторами. Так, за последние 10–15 лет США развернули в Средней Азии активнейшую военную деятельность: в одном лишь Таджикистане Центральное командование США ежегодно проводит от 50 до 60 военных программ и мероприятий, а в 2011 г. их было проведено более 70. США строят в Средней Азии военные базы, пограничные заставы, Национальные центры боевой подготовки, реконструируют учебные заведения МВД, обучают кадры силовых ведомств – и на местах, и на военных базах в США создают системы межведомственной правительственной связи, центры обмена информацией, проводят массу других мероприятий военного характера. США массово вербуют кадры в военных кругах, разведсообществе и в правительстве, формируя сеть, которая в нужный момент совершит государственный переворот и сбросит неудобного президента, как США делали это бесчисленное количество раз по всему

миру. Финансированием СМИ теперь занимаются не только фонды и НПО, но и Пентагон: так сайт «Средняя Азия в интернете» (www.centralasiaonline.com), часть проекта «Трансрегиональная веб-инициатива», ведет подрядчик Министерства обороны в рамках проекта на 120 млн долл. При некотором сокращении общего военного бюджета США, финансирование программ в Средней Азии на 2012 год было увеличено на 73,8%; программа Пентагона по борьбе с наркотиками получила 109,5 млн долл.

Стратегическая цель США в Средней Азии на данном этапе – закрепить свое военно-политическое присутствие в регионе, сделать из него плацдарм в «сердце Евразии» (вашингтонский термин) для проецирования давления и военной силы на Россию, Китай, Иран и весь евразийский континент, без овладения которым американская империя не может быть завершенной.

Эта цель вписывается в стратегию США создания «двух колец» – Транстихоокеанского (ТТП) и Трансатлантического (ТАП) партнерства под эгидой США. Без ЦА, «привязанной» к одному из колец в Южной Азии, геополитическая модель была бы незаконченной. Как справедливо замечает Г. Бородин, «В геополитическом отношении США стремятся присоединить Среднюю Азию к Южной Азии – Афганистану, Пакистану и Индии: это раз и навсегда «оторвет» регион от России, не позволит Китаю получить доступ к сырьевым базе и перенаправит ресурсные потоки через Афганистан и Пакистан в Индию (как противовес Китаю), а также Японию и Южную Корею»¹.

В противовес такому подходу США Россия выдвигает идею «разновекторности» и «универсальных» принципов обеспечения безопасности, которая, будучи теоретически правильной, имеет мало шансов противостоять конкретному геополитическому курсу США. Создавая некое поле для компромисса и взаимопонимания с США и Евросоюзом, эта стратегия слишком абстрактна. Но даже этот подход, к сожалению, не всегда оказывается последовательным и – что хуже – отнюдь не всегда реализуется в повседневной практической деятельности, а также стратегическом планировании. Кроме того,

¹ Бородин Г. Средняя Азия: Плацдарм США в сердце Евразии? 29 февраля 2012 года / URL: <http://svpressa.ru>

оказывается, что эти оценки часто не увязаны с социально-экономической, финансовой и бюджетной политикой государства, существуют «сами по себе». Это происходит от того, что у нации до сих пор нет национальной стратегии развития, из которой вытекали бы все другие стратегии – социально-экономическая, финансовая, бюджетная, внешнеполитическая, военная, информационная и т.д., а также увязанные с ней отраслевые и региональные стратегии. К сожалению, «Стратегия национальной безопасности России до 2020 года» также не выполняет этой функции.

Тем не менее, даже сегодня можно говорить о неких принципах и оценках, которые зафиксированы как вербально, в выступлениях, так и в концептуальных документах, требующих своего развития и практического закрепления. Прежде всего речь идет, конечно, о таких документах, как «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», «Военной доктрине Российской Федерации», «Концепции внешней политики Российской Федерации», «Морской доктрине России», а также Концепции социально-экономического развития России до 2020 года, посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ и других документах.

После публикации серии программных статей В. Путина проблема формирования национальной стратегии развития стала особенно актуальна. Требуется пересмотреть существующие стратегии и концепции с учетом новых реалий и оценок, объединив их в единую, общую стратегию национального развития, превратив ее в обязывающий для всех ветвей власти, ведомств и институтов документ, имеющий стратегический характер. В нем должно быть точно определено поле для сотрудничества и компромиссов с Западом, позволяющее избежать конфронтации и заложить основы равноправной системы евразийской безопасности. Сделать это можно только в комплексной стратегии национального развития.

Соответственно этот документ должен быть подкреплён стратегическим прогнозом, имеющим политический, а не макроэкономический характер, который определил бы контуры «желаемого будущего» для России и всей Евразии. Особо хотелось бы подчеркнуть, что в таком документе должен быть сделан упор на развитие НЧК как главного

средства опережающего развития вообще и восточных регионов нашей страны, в частности.

Очень важное значение имеет также процесс политического и экономического стратегического планирования и разработки механизмов реализации национальной стратегии. Без такого документа и системы реализации стратегия будет оставаться в лучшем случае декларацией, а в худшем – ее постигнет участь «Стратегии–2020» и Стратегии инновационного развития до 2020 года. Как в стратегическом прогнозе, так и в стратегическом планировании роль опережающего развития НЧК должна быть не только приоритетной, но и четко прописана.

Не менее важно, чтобы была ясно представлена геополитическая картина в Евразии, наши представления о месте в ней России, ее партнеров и союзников. Так же как это сделано, например, в США. В качестве иллюстрации представлений США о России можно продемонстрировать карту на официальном сайте ЦРУ США, где западные, южные и восточные российские регионы фактически ограничены территориями независимых государств, либо просто отсутствуют как объекты.

Представления о России из официального сайта ЦРУ США

В этом документе должны быть отражены, прежде всего, главные угрозы и главные приоритеты национальной стратегии. Если говорить о главных внешних угрозах, то они сводятся в сущности к угрозе закрепления американского доминирования в Евразии и вытеснению России из Европы, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока посредством создания системы «двух колец», привязанной к Южной Азии и Центральной Азии. Органически «вписаться» в эту конструкцию России невозможно, да и не нужно. По сути у нее есть только один выход – не переходя к конфронтации создавать собственное «ядро» евразийской интеграции как альтернативу ТТП и ТАП США. Можно согласиться с В. Мотяшовым, который пишет: «Двадцать лет существования постсоветской России показали иллюзорность надежд на превращение ее в младшего партнера США и Евросоюза. Беспочвенными оказались предпринятые после развала СССР усилия как со стороны самого Запада, так и со стороны российских либералов-западников игнорировать роль России в качестве одного из глобальных игроков. Собственная

геополитическая традиция России, система внешних ожиданий, обращенных к ней со стороны народов, связанных с русскими многовековым общежитием, – все это моменты, которые не могут быть отменены или пересмотрены по воле и желанию кого бы то ни было. Скажем, никакие субъективные намерения не в силах переместить страну из хартленда в римленд. Пребывание в континентальном евразийском пространстве как неотъемлемая особенность российской судьбы накладывает свой отпечаток на выбор россиянами форм, национального бытия и путей развития своей страны»¹.

К сожалению, В. Мотяшов не прав: история Византии и СССР показывает, что именно субъективные факторы, в т.ч. расчеты на интеграцию с Западом ведут православную восточноевропейскую (евразийскую) цивилизацию к кризису и потере государственности. Великая Византия, уступая в XI–XV веках Риму, в конечном счете подчинилась турецкому влиянию и потеряла свою идентичность, вовлекла свои народы в многовековое рабство, а, в конечном счете, исчезла как империя, цивилизация, государство.

Не менее трагична и судьба «Третьего Рима» – Российской империи – СССР, – которые сегодня олицетворяются Россией, вытесняемой не только со своих западных, южных, но и восточных рубежей.

«Выдавливание» России из Европы, Центральной Азии и Дальнего Востока – очевидный процесс. «Если говорить о геополитических вызовах, с которыми сталкивается сегодня Россия, то среди них можно выделить **три главных**. Это, во-первых, вызов со стороны Запада, не отказавшегося от цели «отодвинуть» Россию с ее европейских границ и не признающего ее интересов в ближнем зарубежье. Во-вторых, это стремление мусульманского Юга вовлечь в сферу своего влияния не только «родственные» республики Средней Азии и Закавказья, но и соответствующие автономии, входящие в состав Российской Федерации. Наконец, это вызов со стороны динамичного Азиатско-Тихоокеанского региона, откуда исходит подспудно вызревающая готовность к «мирной колонизации» российского Дальнего Востока и Сибири»².

¹ Мотяшов В. Газ и геополитика: шанс России / М.: Книга и бизнес, 2011. С. 18.

² Там же.

И главное средство борьбы против нашей страны – «мягкая сила», политика и дипломатия, используемые изощренно и бескомпромиссно. Один пример: Американская газета с не самой безупречной репутацией Washington Times напечатала сенсационную заметку, авторы которой обвиняли Владимира Путина в том, что в своей научной работе он использовал идеи двух американских ученых без ссылки на оригинал, то есть занимался плагиатом. Новость незамедлительно облетела все желтые и желтоватые газеты англоязычного мира, что было неудивительно. Путиноведение, стартовавшее на Западе в 2000 году знаменитым вопросом Who is Mr Putin? («Кто вы, мистер Путин?»), активно развивалось. Оно стало передовым краем отправленной было в архив, но извлеченной оттуда науки кремленологии, в рамках которой многие факты биографии Путина быстро обрастали мифами и вымыслами. Среди них было и немало откровенной «чернухи», ставившей целью сбить рейтинги набравшего силу и популярность Президента России.

Впрочем, через некоторое время появились другие публикации, в которых отмечалось, что авторы скандальной заметки в Washington Times, видимо, очень плохо посмотрели диссертацию. Потому что ссылка на исследователей из США в ней, разумеется, имелась, кроме того, работа американских авторов была указана в библиографии диссертации.

Таким образом, эпизод с «разоблачением» Путина оказался обычной газетной «уткой». Однако во всей этой истории удивляет одно обстоятельство. Разыскивая несуществующий компромат в диссертации Путина, охотники за сенсациями умудрились не увидеть в ней того, что как раз и заслуживало пристального внимания. В работе ничем не примечательного соискателя ученой степени кандидата экономических наук содержалась программа будущего Президента огромной страны. Это был проект действительно сенсационного и для многих на Западе ставшего неожиданным возрождения пребывавшей в незавидном положении России.

Эти примеры свидетельствуют о, казалось бы, непреодолимости противоречий между Россией и Западом. Что совершенно неверно. Даже в годы «холодной войны» удавалось добиться компромиссов. Иногда даже значительных. Все дело в стратегии отношений с Западом, в которой должны быть сформулированы четкие принципы и границы

компромиссов. Представляются, что эти жесткие границы могут быть следующими:

- не обсуждается система национальных ценностей, традиции и национальная идентичность, как и связанные с этим вопросы внутренней политики;

- не обсуждается суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации, ее право на оборону и контроль над территориями;

- не обсуждается способность Запада продвигать в РФ свои системы ценностей, оставляя за Россией полное право противодействия.

В остальном все может быть предлогом переговоров и достижения компромисса.

Иными словами, противостоять такому давлению извне Россия может также преимущественно «мягкой силой», которая концентрируется в НЧК и его институтах, прежде всего общественных.

Этот же ресурс (НЧК и институты его развития), безусловно, может стать главным средством для налаживания устойчивых взаимоотношений с Западом. Культура, наука, образование, их институты, в современном мире являются не только самыми эффективными инструментами влияния и сотрудничества, но и, будучи национально ориентированными, в наибольшей степени влияют на экономическое и социальное развитие нации и государства.

Глава 2. Основные меры противодействия угрозам безопасности в евразийской стратегии России

Мы никого не должны вводить
в искушение своей слабостью¹

*В. Путин,
Президент России*

Без активного участия стран СНГ...
в общем процесс модернизации Россия
далеко не уйдет²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Важнейшей частью евразийской стратегии России является точная оценка масштабов, характера и актуальности угроз национальной безопасности и государственному суверенитету. Разработка мер противодействия этим угрозам во многом предопределяется своевременным и адекватным анализом и оценкой характера этих угроз. Во втором десятилетии XXI века наблюдаются существенные расхождения в таких оценках, как в мире, так и в российской элите – от отрицания вероятности войны до признания ее неизбежности в среднесрочной перспективе и даже в ближайшем будущем. Между тем соотношение сил в мире и отдельных регионах стремительно меняется. Так, многолетние противники Ирак и Иран не смогли нанести военного поражения друг другу и радикально изменить ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке до тех пор, пока США не разгромили Ирак в 2003 году. В результате радикально изменилось соотношение военных сил в регионе в пользу Ирана, который превратился в главную проблему для США и их союзников не только в региональном, но и глобальном масштабе.

Изменения в соотношении военных сил между Ираком и Ираном³

Category	2003			2010		
	Iraq	Iran	Force Ratio	Iraq	Iran	Force Ratio
Active Manpower	424,000	513,000	8:10	191,957	523,000	2:5
Reserve Manpower	650,000	350,000	19:10	0	350,000	NA
Main Battle Tanks	2,200	1,565	7:5	149	1,613	1:10
OAFVs	1,300	815	8:5	505	725	7:10

¹ Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

² Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 15.

³ The SAUDI Arms Sale: Reinforcing a Strategic Partnership in the Gulf // CSIS. 2010. November 3. P. 4.

APCs	2,400	590	4:1	1,479	650	23:10
Towed Artillery	1,900	2,085	9:10	0	2,010	NA
SP Artillery	150	310	1:2	0	310	NA
MRLs	200	889	1:5	0	876	NA
Combat Aircraft	316	283	11:10	0	312	NA
Attack Helicopters	100	85	6:5	0	50	NA
Major SAM Launchers	225	205	11:10	0	234	NA

Сегодня США намерены уже «решать» проблему Ирана и Сирии, которую во многом они создали для себя сами.

Изменения в соотношении сил (включая военной силы) ожидаются в ближайшие годы во всей Евразии и АТР. Причем, если говорить о восточных регионах России, то эти изменения смогут непосредственно повлиять на основополагающие составляющие ее суверенитета – территориальную целостность и способность контролировать национальные ресурсы. Не случайно в экспортной среде звучат вполне обоснованные озабоченности. Так, А. Ивашкин признает: «... Дальнему Востоку России придется либо приспособиться к существующим условиям, либо совершить прорыв в новое качество, чтобы не остаться на “обочине экономики”. В нынешних условиях наш регион уже не способен сохраниться в прежнем состоянии.

Либо он преобразуется, причем, не откладывая этот процесс на годы, которых у нас нет. Либо деградирует вместе с существующей экономикой. И как неизбежное следствие – поменяет юрисдикцию и территориальную принадлежность. Что, на мой взгляд, наихудший, позорнейший вариант развития событий для России. Не для того наши деды и прадеды осваивали эту землю, чтобы их славные потомки просто “сдали” соседям гигантские территории, политые потом и кровью многих поколений россиян»¹.

Это предупреждение известного финансиста отнюдь не преувеличение, хотя сегодня звучат самые разные оценки угроз, в том числе и очень успокоительные. Важно, что при разработке мер противодействия новым угрозам необходимо изначально их адекватно

¹ Ивашкин А. Измениться, либо исчезнуть? / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 4 сентября / URL: <http://viperson.ru/>

оценивать: преувеличение, переоценка угроз также опасна, как их недооценка.

При этом нужно исходить из того факта, что соотношение сил меняется быстро, непредсказуемо и радикально. Вот почему нередко придется исходить из наихудшего сценария – неблагоприятного изменения соотношения сил не в пользу России в короткие сроки.

Соответствующие расхождения – и весьма существенные – есть и в оценке военно-политических и собственно военных возможностей России в Евразии – от утверждения о готовности России отразить немедленно любую агрессию в Евразии до оценки российских военных возможностей ниже, чем филиппинских или индонезийских. Так, в выступлении заместителя Председателя Правительства РФ Д. Рогозина прозвучала следующая оценка: «России необходим технологический прорыв уровня ракетной и ядерной программы, отметил Д. Рогозин. Без этого страна не сможет противостоять новым вызовам, а их у вице-премьера целая классификация – 5 видов угроз. Первый вариант – конфликт со страной, превосходящей Россию по уровню технологий. Такая война будет вестись бесконтактным способом. Вторая угроза – конфликт с равной по потенциалу страной. Тут, по мнению премьера, нужно опасаться перевеса противника на важных участках противостояния.

Следующие угрозы, по мнению Д. Рогозина, связаны с локальными войнами, наподобие Афганистана и Чечни, а также противостоянием терроризму. Ключевым здесь является создание таких вооружений, которые позволят уничтожать боевиков и террористов, избегая потерь среди мирного населения. Вице-премьер сообщил, что для выявления террористов на границах России планируется создать принципиально новую информационную систему, контуры которой уже прорабатываются.

Заканчивая список потенциальных угроз, Д. Рогозин указал на возможное обострение борьбы за ресурсы Арктики. Констатируя, что Россия отстает в области оборонных технологий от передовых стран Запада, Д. Рогозин тем не менее, отметил успехи российского военно-промышленного комплекса»¹.

¹ Рогозин Д. США за первые часы войны могут уничтожить 90% ракет РФ / Эл. ресурс: "Военное обозрение". 2013. 28 июня / URL: <http://top.rbc.ru/society>

Оценка вызовов и угроз России в Евразии существует сегодня прямо противоположная, что не может не вызывать недоумения. Обычно правящая элита консолидирована в таких оценках, хотя история (в т.ч. Второй мировой войны) свидетельствует о редких подходах – и в СССР, и в США, и в Великобритании.

Представляется, что в евразийской стратегии России должны быть выделены четыре группы основных мер противодействия традиционным и новым угрозам безопасности, которые и составляют принципиальную часть такой стратегии.

Первая группа относится собственно к точности и адекватности оценок, выделению приоритетных и менее важных угроз. Понятно, что, если, например, не говорится об угрозе глобальной ПРО или высокоточного оружия, то и соответствующих контрмер приниматься не будет. Точность оценок – наиболее важная часть стратегии, от которой зависит и объем выделяемых ресурсов, и национальная (в том числе социально-экономическая) национальная стратегия развития России.

Сегодня, например, происходит явная недооценка темпов развития НЧП, что видно на примере сокращающегося финансирования в 2013–2015 годах науки, образования и культуры от мирового уровня.

Вторая группа относится к политике России в Евразии и АТР. До недавнего времени политико-идеологическим и экономическим приоритетом для России являлась Европа. Этот перенос отразился как на торгово-экономических, так и военно-политических отношениях России с Западной Европой. В последние годы ситуация стала заметно меняться, но за прошедшие годы Россия потеряла многое из бывшего влияния СССР в Евразии и АТР, превратившись по сути во второстепенного политического и экономического игрока, что не позволяет сегодня и даже в ближайшем будущем рассчитывать на заметные позиции. Чтобы исправить эту ситуацию, ей необходимо сконцентрироваться на отношениях с азиатскими странами, влиянием и технологиями. Это не только Китай и Индия, но и Тайвань, Гонконг, Южная Корея, Филиппины, Индонезия, Сингапур и другие государства.

Третья группа мер противодействия – политические и военные средства, способные обеспечить создание системы безопасности во всей Евразии – от Владивостока до Лиссабона. Это – самая трудная проблема,

потому что, по существу, уже складываются несколько региональных систем безопасности вне влияния России, а одна – НАТО – даже противостоит ей.

Наконец, четвертая группа мер противодействия – это развитие восточных регионов России во всех отношениях, но прежде всего с точки зрения НЧК, в особенности, демографической и научно-образовательной составляющих.

а). Адекватность оценок отечественной элитой угроз России в Евразии и АТР

Практически весь внутренний спрос
дальневосточников это траты на
инфляцию и на импортные товары...¹

*А. Ивашкин,
финансист*

Ресурсы пополнения армии террора
исламистскими фанатиками практически
неисчерпаемы...²

*М. Леонтьев,
публицист*

Адекватность оценок угроз России в Евразии и АТР, как ни странно, зависит не от реалий, а от идеологических позиций и личных (групповых) интересов тех или иных слоев правящей элиты. Простой пример – выделение ресурсов на Сколково. Если бы эти 55 млрд рублей были выделены на существующие 14 наукограды, то мы бы получили невероятный инновационный прорыв³, считает аудитор Счетной палаты РФ С. Рябухин.

Другой очевидный пример – отношение к военным угрозам России: от предсказаний близкой войны (руководство ГШ, М. Леонтьев, Ш. Султанов и др.) до безмятежного спокойного существования страны вне рисков и угроз (А. Арбатов, С. Рогов и др.). Это в полной мере относится к оценке угроз России в Евразии и АТР. В зависимости от отношения, а не реального соотношения сил эти угрозы оцениваются как «мнимые», либо «актуальные». Соответственно и меры по их нейтрализации – предотвращению, либо полному устранению – можно и нужно планировать сегодня или откладывать на перспективу.

В полной мере сказанное относится ко всему комплексу угроз, связанных с деградацией восточных регионов страны или отношению к политике США и Китая. Наиболее взвешенная и адекватная оценка прозвучала в докладе Рабочей группы, подготовленном под руководством А. Кокошина (А. Торкунов, Е. Минченко и др.) к встрече на высшем уровне «Группы двадцати» в сентябре 2013 года: «Для России в свете значительного увеличения роли АТР еще более важным становится, отмечается в докладе, проведение активной и масштабной Восточной

¹ Ивашкин А. Шесть возможных путей развития Приморья / Эл. ресурс: «Виперсон». 2013. 6 сентября / URL: <http://viperson.ru/>

² Леонтьев М. От редакции // Однако. 2013. 1 апреля. С. 7.

³ Рябухин С. На зарплаты в «Сколково» уходило более 1 млрд рублей // Известия. 2013. 17 мая. С. 5.

политики, важнейшей составной частью которой должно быть ускоренное развитие Восточной Сибири и российского Дальнего Востока. Для этого до 2030 г. необходимо вложить в развитие этих территорий около 600 млрд долл. государственных и частных инвестиций, в том числе иностранных.

В докладе показано, что перед лицом “китайского вызова” в мировой экономике США предпринимают масштабные усилия по формированию двух гигантских интеграционных объединений – Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТТИП) с участием Евросоюза и Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП) с участием многих стран, находящихся в тех или иных вариантах союзнических отношений с США»¹.

Оценка новых вызовов и угроз национальной безопасности России в Концепции внешней политики России (в редакции 2008 года), не отражала приоритетности таких угроз. Так, А. Ивашкин предлагает очертить окружность радиусом в 1000 км с центром во Владивостоке². Оказывается, что в пределах этой окружности будут находиться самые развитые страны – Япония, Республика Корея и Китай с численностью в 300 млн человек. Тысячекилометровая окружность, с центром в Москве охватывает всего лишь 200 миллионов человек, к тому же, на этой территории нет главных «мастерских» мирового производства.

¹ О докладе Рабочей группы факультета мировой политики (ФМП) МГУ имени М.В. Ломоносова Долгосрочные изменения в системе мировой политики и интересы России в свете Санкт-Петербургского саммита «Группы двадцати», подготовленного в преддверии этого саммита / Эл. ресурс: «Виперсон». 2013. 2 сентября / URL: <http://viperson.ru/>

² Ивашкин А. Измениться, либо исчезнуть? / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 6 сентября / URL: <http://eurasian-defence.ru/node/25152>

Есть всего четыре фактора, способные стать катализатором экономического роста на Дальнем Востоке и в Приморье в частности: рост рабочей силы, рост производительности, рост капитальной базы, попросту говоря собственных средств региона и бизнес-регулирование в самом регионе. При наличии этих факторов включатся другие составляющие – рост внешнего и внутреннего потребления. Хотя, что касается роста внешнего потребления – пока без нашей продукции (кроме, пожалуй, рыбы), соседние экономически развитые страны обходятся, ну, а для диверсификации поставок тех же углеродов, у соседей, пока только в их планах, мы присутствуем... Теперь что касается внутреннего потребления, то его, думаю, лучше сравнить с бытовыми наблюдениями граждан Дальнего Востока»¹.

При этом Дальний Восток – наиболее удалённый от центра регион РФ, административно входит в ДВФО, население – 6,5 млн чел. (около 5% населения России). Дальний Восток – самый депопулирующий регион страны: за период 1991–2010 гг., демографические потери составили 1,8 млн человек, или 22% населения. Площадь региона – 6169,3 тыс. км², или около 36% территории РФ.

¹ Ивашкин А. Измениться, либо исчезнуть? / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 6 сентября / URL: <http://eurasian-defence.ru/node/25152>

Таким образом, налицо очевидная недооцененность как ситуации в собственно восточных регионах, так и вовне, в Евразии и АТР. И это – главная угроза.

В новой редакции Концепции внешней политики России от 12 февраля 2013 года оценка ситуации в Евразии дается уже более адекватна существующим реалиям. Важно (с точки зрения приоритетности этой проблемы) и то, что эта проблема вынесена в начало документа, а именно во второй абзац раздела «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации»: «6. Продолжают сокращаться возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион. Выход на авансцену мировой политики и экономики новых игроков на фоне стремления западных государств сохранить свои привычные позиции сопряжен с усилением глобальной конкуренции, что проявляется в нарастании нестабильности в международных отношениях.

7. На фоне снижения опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной, меняется военное соотношение сил между различными государствами и группами государств. Стремление к наращиванию и модернизации наступательных потенциалов, созданию и развертыванию новых видов вооружений размывает структуру глобальной безопасности, цементируемую системой договоров и соглашений в области контроля над вооружениями»¹.

Представляется спорным положение Концепции о «снижении опасности развязывания крупномасштабной войны», по меньшей мере, по двум соображениям. Во-первых, стремительно увеличивается потенциал ударных высокоточных средств неядерного поражения, который практически уже превратился в средство для ведения крупномасштабных войн, т.е. в стратегическое средство. В том числе и по отношению к России. Вместе с развитием новых систем ПВО–ПРО, сетецентрических войн этот потенциал возвращает военной силы функцию «используемого» инструмента внешней политики.

¹ Концепция внешней политики России. Утверждена Указом Президента РФ В.В. Путина 13 февраля 2013 г. / Эл. ресурс: «Президент России». 2013. 18 февраля / URL: <http://президент.рф>

Во-вторых, стремительно усиливается радикальный ислам, который в целом ряде стран уже захватил господствующие позиции. Как справедливо заметил исследователь МГИМО(У) А. Крылов, «Наиболее заметным последствием т.н. “арабской весны” стало укрепление политических позиций радикального ислама в мусульманских странах, особенно в тех, где произошла смена правящих режимов. По мере развития массового протестного движения в странах Северной Африки и Ближнего Востока в западных политических и политологических кругах укоренился достаточно спорный штамп, в соответствии с которым пришедшие на смену “засидевшимся” автократам представители нового поколения политиков якобы способны положить конец эпохе авторитарного правления и начать позитивные демократические преобразования. Несмотря на весьма затратные усилия США и Евросоюза по поддержке оппозиционеров, мало кто серьезно рассчитывает на то, что в скором времени новые элиты Туниса, Египта или, тем более – Ливии или Йемена будут развивать те формы парламентской демократии, которые соответствуют, собственно, западным понятиям об этом институте государственного управления. Даже Госдепартамент США вынужден был признать, что арабские “революции” и нестабильность в Мали предоставили исламистам и террористам (т.е. силам, явно далеким от общепринятых канонов демократии) возможность расширить влияние в регионе»¹.

Из Концепции вместе с тем видно, что у руководства страны есть понимание того, что ситуация в мире становится все более опасной и менее предсказуемой. Есть и понимание того, что ситуация не упрощается, не стабилизируется, а осложняется, во многом из-за новых угроз: «На первый план в современной международной политике выходят имеющие трансграничную природу новые вызовы и угрозы, стремительно возрастают их уровни, диверсифицируются их характер и география – формулирует новая редакция Концепции. – «Прежде всего, это опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, неконтролируемый трафик оружия и боевиков, радикализация общественных настроений,

¹ Крылов А.В. Роль религиозного фактора в “арабской весне” / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2013. Март. С. 2.

провоцирующая религиозный экстремизм и этноконфессиональные антагонизмы, нелегальная миграция, морское пиратство, незаконный оборот наркотиков, коррупция, региональные и внутренние конфликты, дефицит жизненно важных ресурсов, демографические проблемы, глобальная бедность, экологические и санитарно-эпидемиологические вызовы, изменение климата, угрозы информационной и продовольственной безопасности»¹.

Таким образом, новая редакция Концепции дает довольно полный перечень не только традиционных, но и новых угроз. Кроме того, в Концепции обозначены основные средства противодействия традиционным и новым угрозам, которые формируют основу для евразийской стратегии России, а именно:

- соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности (в т.ч. применительно конкретно к Евразии);
- замена блоковой системы на «сетевую дипломатию» и «гибкие формы участия в многосторонних структурах»;
- повышение значения («наряду с военной мощью») таких факторов влияния, как «экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические, информационные»;
- «повышение веса» духовного и интеллектуального развития населения, роста его благосостояния, повышения уровня инвестиций в человека².

Вместе с тем это достаточно общее перечисление средств противодействия традиционным и новым угрозам не конкретизируется по отношению к вполне конкретным странам, событиям и явлениям, которые могли бы внести резкий диссонанс в «консолидированную позицию» российской элиты. Так, повышение духовного и интеллектуального уровня «слабо связано с хроническим недофинансированием культуры, науки и образования, а «замена блоковой системы на сетевую» вообще выглядит как утопия, далекая от реальности.

¹ Концепция внешней политики России. Утверждена Указом Президента РФ В.В. Путина 13 февраля 2013 г. / Эл. ресурс: «Президент России». 2013. 18 февраля / URL: <http://президент.рф>

² Там же.

Или другой яркий пример «разлома» элит: позиция по вопросу о перспективах «сланцевой революции», которую одна часть элиты считает катастрофой для экономики России, а другая – публично игнорирует. Но ни первая, ни вторая не предлагает средств для ее нейтрализации.

Мировое сообщество по-прежнему далеко от создания основ универсальной и неделимой системы безопасности. На словах все вроде бы «за», но на деле значительное количество наших партнёров стремится обеспечить лишь собственную неуязвимость, забывая, что в современных условиях всё взаимосвязано. Большинство вызовов и угроз носит, безусловно, транснациональный характер. Эти угрозы известны: распространение оружия массового уничтожения, терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик, загрязнение окружающей среды, нехватка продовольствия и пресной воды»¹.

Новые вызовы и угрозы в Евразии вытекают из самого характера развития наций и государств в XXI веке, который определяется возможностью «рывка» (как, например, в Казахстане) и быстрым изменением соотношения сил, не связанного непосредственно с лидерством того или иного великого государства в Евразии. Так, характеризуя вероятное развитие мировой ситуации и, соответственно, вытекающих из этого процесса угроз, академик Н. Симония достаточно категорично отмечает: «... проблема догоняющего развития в рамках индустриально развитых стран мира, видимо, не будет решаться в традиционном для прежних эпох духе – переход лидерства в формационном развитии от одной державы к другой (Португалия *vs.* Нидерланды, Англия *vs.* Франция, и, наконец, США) и в острейшем, в том числе вооруженном, противоборстве. Не будет оно и столь длительным, так как новые информационно-технологические производительные силы придают необычайное ускорение всем современным мировым процессам во всех сферах жизни человечества. Тем более что глобализация на основе информационных технологий во многом облегчает взаимопроникновение и расширяет взаимозависимость

¹ Путин В.В. Выступление Президента России на совещании послов и постоянных представителей. 9 июля 2012 / URL: <http://news.kremlin.ru/news/15902>

все большего числа государств мира, в том числе и из группы развивающихся и переходных стран»².

Таким образом, выбор эффективных мер противодействия традиционным и новым угрозам переносится во многом от традиционного набора внешнеполитических, экономических и военных средств в область выбора нетрадиционных средств противодействия – информационных, культурно-ценностных и идеологических, сетцентрических, гуманитарных и т.д., без разработки которых говорить об эффективной внешней политики в Евразии невозможно. Внешняя политика становится все более системным инструментом влияния, где появление новых инструментов (например, средств ВКО, информационных ресурсов и НКО) будет предопределять ее эффективность.

² Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 757.

б). Необходимость усиления позиций России в новых областях взаимодействия сил АТР и Евразии

Глобализация создает новую,
транснациональную сферу жизни человечества.

Происходят
глубокие преобразования международного
ландшафта. Продвигаются в направлении
становления полицентричной
саморегулирующейся системы международные
отношения.

В мировой политике происходит укрепление
роли международных сетевых структур¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

В ее (евразийской интеграции)
основе – реализация практических,
понятных инициатив в торгово-
экономической сфере²

*С. Лавров,
министр иностранных дел
России*

Евразийская стратегия России должна учитывать тот факт, что глобализация внесла существенные коррективы в представления о соотношении сил в мире и на пространствах Евразии и АТР, существенно преобразовав не только международный ландшафт, но и сформировав новые области конкуренции и соперничества – сотрудничества, которых не было еще несколько десятилетий тому назад. Так, к традиционным областям, в которых анализировалось соотношение сил, – политической, экономической, финансовой и военной – добавились как качественно новые их отдельные аспекты (в политике – «общественное мнение», «нравственный капитал»; в военной области – системы ПВО и ПРО, а также ВТО; в экономике – усиление роли новейших технологий и т.д.), так и принципиально новые факторы силы – информационные и коммуникационные возможности, сетевые и сетецентрические потенциалы, национальные и международные НКО, «привлекательность образа» и «модели развития».

Комплекс этих новых и измененных факторов силы в современных условиях приобретает особое значение в условиях нарастания угрозы военных действий в Евразии. С тем, что в XXI веке резко возрастает угроза войны и военных конфликтов соглашаются и другие авторитетные

¹ Торкунов А.В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 7.

² Лавров С.В. Евразийский интеграционный проект: устремленность в будущее / Евразийская интеграция в XXI веке / Ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 29.

исследователи. Обращает на себя внимание, например, оценка известного и влиятельного китайского политолога-функционера Би Юна: «20–30-е годы и вся половина XXI в. будут отличаться крайней нестабильностью»¹. Очевидно, что в периоды «крайней нестабильности» то государство, которое имеет лучшее соотношение сил в традиционных и новых областях будет иметь и лучшие возможности для разрешения конфликта. Судить об этом можно по целому ряду критериев. Об этом свидетельствуют, например, тенденции в поставках оружия, где, как видно, абсолютно доминируют США и страны Западной Европы². Подобное доминирование означает не только прямое влияние на соотношение военных сил в Евразии, но и косвенное, политическое, когда страны Евразии становятся прямо зависимы от поставок ВВТ их обслуживания и обучения персонала. Особенно критично это в областях ВКО.

**Региональные и национальные доли в совокупных продажах
вооружений 100 крупнейших военно-промышленных компаний мира
в списке СИПРИ
в 2008 г. по сравнению с 2007 г.**

(Данные о продажах вооружения приводятся в млрд долл. США в текущих ценах и по рыночным обменным курсам. Итоги могут не совпадать вследствие округления.

Китайские компании в список не включены по причине отсутствия
по ним сопоставимых и достаточно точных данных)

Число компан ий	Регион/страна ^a	Продажи вооружений (млрд долл.)		Изменение в объеме продаж вооружений, 2007–2008 гг. (в %)		Доля в совокупных продажах вооружений 100 крупнейших компаний в 2008 г. (в %)
		2008	2007 ^b	Номинал ь- ное ^c	Реальное ^d	
45	Северная Америка	230,6	206,2	12	8	60,0
44	США	229,9	205,7	12	8	59,8
1	Канада	0,7	0,6	19	16	0,2
34	Западная Европа	122,1	108,6	12	8	31,7
11	Великобритания	49,7	45,8	8	13 '	12,9
7	Франция	23,2	23,9	-3	-12	6,0
1	Трансъевропейские ^e	17,9	13,1	37	24	4,7
4	Италия	15,2	11,6	31	18	4,0

¹ Проблемы глобализации в трудах современных китайских ученых. Экспресс-информация, № 1. Институт Дальнего Востока РАН. М. 2012. С. 40–41.

² Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 279.

5	Германия	8,0	7,4	9	-1	2,1
1	Швеция	3,0	2,8	8	2	0,8
2	Испания	2,9	2,3	27	14	0,7
1	Швейцария	0,8	0,6	31	15	0,2
1	Норвегия	0,7	0,5	37	27	0,2
1	Финляндия	0,7	0,6	5	-6	0,2
7	Восточная Европа	10,8	8,1	34	14	2,8
7	Россия	10,8	8,1	34	14	2,8
14	Прочие страны	21,1	16,9	25	13	5,5
4	Япония	7,0	4,8	46	26	1,8
4	Израиль	6,9	5,5	25	5	1,8
3	Индия	4,2	3,7	12	9	1,1
2	Южная Корея	1,8	1,7	3	17	0,5
1	Сингапур	1,3	1,1	16	6	0,3
100	Итого	384,6	339,7	13	8	100,0

^a Данные по стране или региону относятся к продажам вооружений компаниями из списка 100 крупнейших, штаб-квартиры которых находятся в этой стране или регионе, включая и продажи их зарубежных филиалов. Они не отражают объемы продаж вооружений, действительно произведенных в этой стране или регионе.

^b Данные о продажах вооружений за 2007 г. относятся к компаниям, входящим в список СИПРИ 100 крупнейших компаний за 2008, а не за 2007 г.

^c В этом столбце приводится изменение объемов продаж вооружений в 2007-2008 гг., рассчитанное в долларах США в текущих ценах.

lishes India advisory board confirming India as key strategic focus, Press release, 8 Sep. 2009, <http://www.baesystems.com/Newsroom/NewsReleases/autoGen_1098991439.html>

Понятно, что изменение в соотношении военных сил быстрее всего ведет к обострению международных отношений, росту конфликтности и прямо провоцирует некоторые страны к агрессии. Особенно, если вслед за поставками ВВТ следует прямая политическая и информационная поддержка. Как это было, например, в случае с Грузией, армия некоторой прошла быстрыми темпами перевооружение и переподготовку с помощью США и ряда других стран. В условиях разрухи и острого социально-экономического кризиса, власти Грузии в короткие сроки могли фактически с нуля создать 8 боеспособных бригад, что, безусловно, явилось импульсом к их нападению на Южную Осетию в августе 2008 года.

Но первопричиной роста конфликтности являются все-таки политические интересы и те ценности, которые великие государства способны продвигать в мире. Очевидное стремление США и их союзников сформировать политическую карту мира в соответствии со своими интересами и ценностями понятно, но то, что они выбирают для этого нередко негодные средства и игнорируют такие же интересы и

ценности других, – не может быть принято. Если, конечно, исходить из представлений о сохранении национальных интересов ценностей, национальной идентичности как первоосновы политики. «Основная причина нестабильности, считает, например, китайский эксперт Би Юнг – стремление гегемонистов к мировому господству. Обладая экономическими, политическими и техническими преимуществами, США рассматривают Землю как «всемирную деревню». Под видом «мирного преобразования» они пытаются навязать миру несправедливый и нерациональный новый политический и экономический порядок. За 10 лет после распада СССР США предприняли 46 вооруженных акций, в среднем по 5,4 в год, в период советско-американского противостояния количество таких акций составляло 2,8.

В настоящее время различные страны и группировки имеют различные понятия о мире и развитии. Наглядным примером являются действия США в Косово и Югославии»¹. Причем примером того, как США смогли использовать свои новые преимущества в сложившемся соотношении сил. В Ираке, Югославии, Ливии, Сирии эти новые преимущества выражались в:

- информационном превосходстве, пропагандистских возможностях и управлении общественным мнением;
- системах ВТО морского и воздушного базирования;
- системах ПВО и ПРО;
- гуманитарных интервенциях и помощи;
- сетевом действии.

Можно целиком согласиться относительно глобальности США. Более того, необходимо признать, что за последние 20 лет США сделали очень многое для того, чтобы не просто превратиться в лидера мира и Евразии, но и навязать свое видение «правил игры» в Евразии.

В эти годы США объявили о двух стратегических направлениях в своей внешней политики – в Центральной и Юго-Восточной Азии, которые внесли существенную коррективу в соотношении сил в Евразии. Так, достаточно привести пример с НПРО, когда под предлогом усиления опасности со стороны КНДР, США внесли коррективы в развертывание систем ПРО на территории стран Евразии и самих США. Таким образом,

¹ Мотышов В. Газ и геополитика: шанс России / М.: Книга и бизнес, 2011. С. 40.

сегодня «Большое Тихоокеанское кольцо», контролируемое США, дополняется Центрально-Азиатским и Среднеазиатскими направлениями. Это хорошо видно на карте «Большого кольца», где евразийские приоритеты США выглядят вполне очевидно.

Перераспределение приоритетов неизбежным следствием имеет и перераспределение ресурсов США в пользу этих приоритетов в Евразии и АТР. Мы наблюдаем стремительное наращивание возможностей США в Евразии, которое нередко рассматривается как противодействие растущему китайскому влиянию на континенте, что, конечно же, явное упрощение.

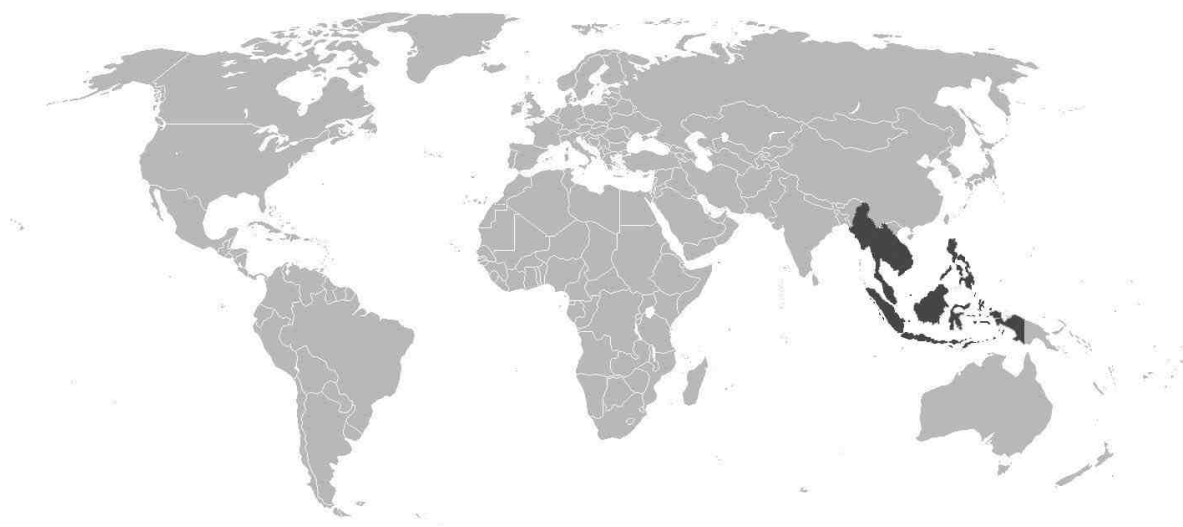
Думается, что политика США по отношению к Евразии много сложнее и амбициознее, но, главное, в ней латентную, но важную роль имеет антироссийский аспект. Это спонтанно проявляется, например, в крайне болезненной реакции США на первый зарубежный визит китайского лидера Си Цзиньпин в Россию в марте 2013 года. Если с этим выводом согласиться, то принципиально важным становится точный ответ на вопрос: какие средства и в каком объеме захотят и смогут использовать США против России в Евразии? Такой анализ должен быть проведен в двух проекциях:

- собственно в средствах традиционного влияния: экономических, политических, военных, а также в новых средствах влияния и воздействия;

- применительно к отдельным регионам Евразии, среди которых американская политика (представляя концептуальное единство) может существенно отличаться. Например, по отношению к Украине и

Белоруссии в Европе; отдельным странам – в Центральной Азии; либо в Северо-восточной и Юго-восточной Азии.

Активизация внешней политики США в Евразии хорошо иллюстрируется и на примере их реакции не любые «неамериканские» инициативы. В частности, АСЕАН, которой США попытались противопоставить «северную инициативу».

В целом США абсолютизировали в последние десятилетия англосаксонскую геополитическую модель построения контроля над миром. Как пишет В. Мотяшов, «Всем, кто захотел бы сегодня разобраться в истоках и сути противопоставления западной цивилизации и России, не обойтись без обращения к глобальным геополитическим моделям, разработанным британцем Х. Макиндером и некоторыми другими европейскими и американскими авторами. За их вроде бы искусственными конструкциями открывается реальная геополитическая дифференциация мира.

Далее В. Мотяшов обозначил уже современные реалии: «Сейчас эта геополитическая формула вряд ли может быть признана корректной. Слишком многое изменилось в мире с тех пор, когда Макиндер сформулировал ее. Но при всей устарелости изречения в нем присутствует то, что и сегодня в глазах последователей патриарха западной геополитики выглядит угрозой со стороны России.

Опасность, по их мнению, просто не может не исходить от страны, которая составляет самую большую часть евразийского монолита и геополитическая масса которой во много раз превышает разрозненную

массу океанических государств. Ощущение этой асимметрии во многом предопределило действия западных государств в новейшей истории. Скажем, все большее участие Америки в европейских делах в XX столетии, создание ею с Европой единого атлантического пространства, наконец, образование Европейского союза – все это можно рассматривать как результат стремления морских держав уравновесить слишком «легкую» атлантическую часть Евразии с тяжестью ее центрального и восточного массива.

К этой задаче западной геополитики издавна примыкает англосаксонская мечта – по возможности раздробить евразийский монолит. Сначала мешая России обрести союзников в Западной Европе (это стало лейтмотивом политики и весьма успешных действий англосаксов в XIX и XX веках), затем оторвав Восточную Европу от России (это получилось в конце XX века), а в довершение всего, если представится возможность, расчленив саму Россию, превратив ее в рыхлое пространство автономных регионов. Хотя эти цели на официальном уровне практически не декларировались и даже нередко опровергались, в действительности слишком многое убеждает в их существовании и последовательной реализации. Доказательства легко отыскать не только в новой, но и в новейшей истории Евразии. Все, что происходило с Россией и Восточной Европой после распада СССР и окончания холодной войны, в которой Запад объявил себя победителем, подтверждает верность этой логики»¹.

«Путь к многополярному миру будет долгим и трудным, – продолжает далее Би Юнг. – В настоящее время нет стран, которые могли бы сравниться с США в экономической, технической и военной мощи. В ближайшее время невелика опасность возникновения мировой войны» – делает вывод Би Юнг.

Би Юнг: «Разрыв между «севером» и «югом», между богатством и бедностью увеличивается. Даже среди развитых стран происходит деление на богатых и бедных.

Экономика США чревата серьезными кризисами, что зависит от степени погружения в экономику «мыльного пузыря».

¹ Мотышов В. Газ и геополитика: шанс России. М.: Книга и бизнес, 2011. С. 11.

Противоречия и проблемы, оставленные историей, будут проявляться и обостряться.

3. Обстановка безопасности вокруг Китая может серьезно измениться.

В 20–30-е годы XXI в. Китай может в той или иной степени подвергнуться внешней агрессии. Это не означает начало мировой войны и того, что агрессия случится в ближайшие 3, 5 или 8 лет. За годы реформ суммарная мощь Китая возросла, и вряд ли найдутся силы, способные посягнуть на безопасность Китая, однако Запад еще не оставил попытки «мирного перерождения» Китая»¹.

Поэтому, России необходимо усиливать свои позиции в новых областях взаимодействия исходя не только из соотношения современных сил участников конкуренции в Евразии, но и обоснованных заключений относительно их будущей архитектуры.

¹ Проблемы глобализации в трудах современных китайских ученых. Экспресс-информация, № 1. Институт Дальнего Востока РАН. М. 2012. С. 40–41.

в). Противодействие созданию отдельных систем безопасности Евразии и АТР

Мы не собираемся ни от кого отгораживаться и кому-либо противостоять. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы...¹

*В. Путин,
Президент России*

Объективный ход событий в мире показывает, что во многом стихийно формируется принципиально новая система безопасности, основывающаяся:

– во-первых, на разных центрах силы – как традиционных (США, НАТО, Евросоюз), так и новых (АСЕАН, ТТП, ТАП, ОДКБ и др.);

– во-вторых, государства продолжают оставаться доминирующими акторами мировой политики на фоне роста влияния негосударственных субъектов;

– в-третьих, радикальное изменение сил в мире влияет на сложившиеся международные институты, в т.ч. институты управления, которые требуется модернизировать и приспособить к новым реалиям.

– в-четвертых, нарастают старые и появляются новые угрозы безопасности, которым далеко не всегда своевременно находят адекватные варианты ответа;

– в-пятых, интеграционные процессы становятся во все большей степени самостоятельно доминирующими, нередко навязывая свою повестку дня государством или коалициям государств.

В целом российская элита и экспертное сообщество адекватно воспринимают эти изменения, продвигая идеи создания коллективных систем безопасности в Европе, Азии и АТР. Вопрос, однако, в том, насколько эти идеи разделяют другие центры силы? Судя по всему, их отношение к таким идеям вполне прохладное по простой причине: исторически и политически они привыкли полагаться на нетрадиционные институты безопасности, а применительно к США – еще и на развитую систему двусторонних отношений.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября. С. 1–2.

Во втором десятилетии XXI века явно обозначилась тенденция создания в Евразии под эгидой США трех субрегиональных систем безопасности, которые исключают из общей системы евразийской безопасности целый ряд государств. Происходит это не только с помощью политических, но и военных средств, что особенно опасно для стран, «исключенных» из этого процесса:

- на просторах Западной и Центральной Европы происходит очевидная экспансия Североатлантического союза, который стремится включить уже такие постсоветские государства, как Молдавию, Украину, Грузию, а также распространить свое влияние на Центральную Азию и Ближний Восток;

- В Центральной Азии США и их союзники не только взяли под контроль Ирак и Афганистан, но и пытаются распространить его на Иран, Пакистан и другие государства;

- в Юго-Восточной Азии и АТР политика США резко активизировалась в том числе и в направлении формирования военно-политического союза, что особенно заметно на пересмотре основ военной политики Японии.

При этом отчетливо просматривается приоритетность по отношению к этим трем субрегиональным направлениям американской внешней политики. На первое место выходит Транстихоокеанское направление, а второе сохраняется за трансатлантическим. Третьему – Центрально-Азиатскому направлению уделяется последнее, третье, место в силу того, что два «геополитических кольца» фактически сжимают ЦА с запада и востока, а союзники США на юге Евразии обеспечивают своего рода «плацдарм давления». Этим, в частности, объясняется особое отношение США к Индии и Пакистану. 12 февраля 2013 года президент США Барак Обама выступил в конгрессе с посланием «О положении страны», в котором изложил приоритеты американской политики на второй срок своего пребывания у власти. На мировой арене Обама намерен поставить США во главе двух гигантских экономических блоков – Трансатлантического и Транстихоокеанского. Это должно обеспечить Вашингтону лидерство в полицентрической системе международных

отношений. Такая схема стала одним из ключевых компонентов «доктрины Обамы»¹.

Транстихоокеанское направление при этом все больше превращается из важнейшего приоритета внешней политики в самостоятельную стратегию, подчиняющую себе остальные два приоритета. Как пишет академик С. Рогов, «Эта стратегия основывается на нескольких опорах. Прежде всего, это укрепления союзов с Японией, Южной Кореей, Австралией, Таиландом и Филиппинами. Кроме того, предусматривается «развитие партнерства с растущими державами» – Индией и Индонезией. Особый упор делается на формирование новой «экономической архитектуры» АТР.

«Центральное место в экономическом ребалансировании занимает Транстихоокеанское партнерство (ТТП)», – заявил Том Донилен. – Мы всегда рассматривали ТТП как растущую платформу для региональной экономической интеграции... Эта платформа должна быть открыта для присоединения других стран при условии, что они готовы принять высокие стандарты ТТП». Именно на основе ТТП США намерены продвигаться к созданию в АТР зоны свободной торговли, охватывающей весь регион. Заместитель Донилона Майкл Фроман, утверждал, что ТТП «реально интегрирует нас в самый быстро растущий регион мира и даст нам лидирующую роль в установлении правил игры в этом регионе».

Таким образом, стратегия администрации Обамы предусматривает региональную интеграцию под эгидой Вашингтона. На долю США будет приходиться три четверти общего ВВП стран, которые должны войти в ТТП. Это будет обеспечивать американское доминирование в новом экономическом альянсе.

Несомненно, ТТП представляет собой альтернативу продвигаемой Пекином на протяжении последних нескольких лет схемы АСЕАН+3 (региональная экономическая коалиция Китая, Японии, Южной Кореи и стран АСЕАН), которая после присоединения к этой группе Индии, Австралии и Новой Зеландии была расширена до АСЕАН+6»¹.

¹ Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец / РСМД. 2013. 6 мая. / Эл. ресурс / URL: <http://russiancouncil.ru>

¹ Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец / РСМД. 2013. 6 мая. / Эл. ресурс / URL: <http://russiancouncil.ru>

В этих условиях Россия должна пытаться проводить политику по созданию общей системы безопасности в Евразии, в которой участвовали бы все евразийские государства и страны АТР, но прежде всего те страны, которые по тем или иным причинам пока что жестко не вовлечены в орбиту «блокостроительства» США.

Создание единой системы евразийской безопасности, как часть стратегии евразийской интеграции России, предполагает формирование общей системы ценностей для Евразии. Без этого политико-идеологического процесса остальные усилия останутся тщетными. Сегодня мы наблюдаем – и не только в Центральной Азии, но и на Украине и даже в Белоруссии, – что формируются разные системы ценностей, «выпадающие» из евразийского процесса. Так, в Белоруссии, «Ревизионизм в Белоруссии практикуется не только публицистами-маргиналами, но сотрудниками государственных учреждений. К юбилею 200-летия Отечественной войны 1812 года в Белоруссии из официальной историографии уже был изъят термин “Отечественная война”. От него отказались во многих госведомствах – Академии наук, Нацбанке, министерствах культуры, юстиции, образования и т.д. За год власти Белоруссии организовали лишь одно научное мероприятие к юбилейной дате – международную конференцию 23–24 ноября в БГУ, где было вновь заявлено, что война не является Отечественной и белорусы не участвовали в партизанской борьбе, и вообще партизанской борьбы во время наполеоновского нашествия не было. Одновременно представители властей и Минобороны РБ вместе с послами стран Евросоюза приняли 24 ноября активное участие в чествовании наполеоновцев, погибших на Березине, скорбели вместе и делали такие заявления, как будто белорусский народ понёс невосполнимую утрату с гибелью наполеоновских агрессоров и их изменивших присяге приспешников»¹.

¹ Малишевский И. Историк: В Белоруссии всё более вольготно себя чувствует описанная Достоевским сволочь / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 29 июня / URL: <http://topwar.ru>

г). Новые принципы стратегии евразийской интеграции

... в научных кругах России набирает силу
мнения о том, что пока взаимоотношения
с Западом оставляют желать лучшего,
необходимо уделять все большее внимание
Востоку

*А. Мочульский,
исследователь МГИМО(У)*

Декларированная евразийская стратегия России основывается на следующих принципах:

- универсальности;
- нераздельности субконтинентов Евразии;
- разнорурности;
- разнорурностном процессе интеграции.

Эти принципы можно было бы считать основными принципами евразийской стратегии, если бы они были подробнее детализированы и последовательно соблюдались и настойчивее реализовывались. Такая стратегия изначально не противопоставляет идею экономической интеграции в рамках ТС и ЕЭС сотрудничеству с другими евразийскими государствами – Европы, Центральной Азии и странами АТР, предлагая для каждого региона и каждой страны свои условия такого сотрудничества и свои инструменты и механизмы, например, ШОС, ОДКБ и даже БРИКС.

Вместе с тем в таком подходе очевидны и существенные трудности и противоречия. Во-первых, евразийская стратегия России не встречает понимания ни в большинстве правящей элиты США и стран Евросоюза, которые придерживаются другой стратегии в отношении Евразии, а именно геополитического влияния Евросоюза – США и НАТО на процессы, происходящие на континенте, создания ТТП и ТАП под эгидой США.

Во-вторых, не только в России и постсоветских государствах, но и в других евразийских странах, существуют свои, порой радикально отличающиеся от официальных российских, представления о евразийской интеграции и системе безопасности. Среди них можно выделить в качестве наиболее влиятельных и активных – «китайскую» и «исламские»

модели. Это не исключает определенной сочетаемости российской модели с другими моделями, в особенности, по принципиальным, но частным вопросам, но делает труднодостижимой единую модель безопасности и интеграции, которая существует в Евросоюзе, США и НАТО.

В-третьих, российские идеи евразийской интеграции объективно ослаблены как относительной отсталостью России, ее позиций в Евразии, так и, отчасти, игнорированием Евразии правящей российской элитой в пользу Европы, существовавшем и доминировавшим в последние десятилетия.

В силу этих и ряда других обстоятельств существование принципиальной разницы в подходах между США, Евросоюзом и другими странами, и евразийской интеграции и безопасности будет сохраняться, хотя по ряду направлений возможно и движение в позитивном направлении: США будут создавать ТТП и ТАП, а также блок в ЦА, а остальные страны, прежде всего Россия и Китай, будут исключены из этих процессов, которые могут носить антироссийскую и антикитайскую направленность. По мнению С. Рогова, «Новая стратегия США не ограничивается АТР и носит глобальный характер. «ТТП является частью глобальной экономической повестки дня, включающей новое соглашение, которое мы хотим заключить с Европой, – Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство», – объявил Том Донилен. Профессор Эли Ратнер утверждает: «ТТП является не просто моделью для будущих торговых соглашений, а в более широком смысле прообразом для частичного глобального управления».

Приоритетом второй администрации Обамы является создание наряду с ТТП Трансатлантического партнерства (ТАП). Торговля между США и ЕС достигла 1 трлн долл., а взаимные инвестиции – 3,7 трлн долл. Следует напомнить, что ЕС уже ведет диалог с Восточной Азией в рамках АСЕМ и приступила к переговорам с АСЕАН о создании зоны свободной торговли»¹.

Евразийская стратегия России, похоже, настолько универсальна, что не отражает этих реалий. Это, безусловно, делает ее неэффективной с

¹ Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец / РСМД 2013. 6 мая. / Эл. ресурс / URL: <http://russiancouncil.ru>

точки зрения противодействия растущим на восточном направлении угрозам.

Другая сторона стратегии – излишняя традиционность, консерватизм и инерционность. Говоря о принципах этой стратегии, следует напомнить, что «эти принципы, являясь самыми приоритетными, не отражены в основных нормативных документах. Вместо этого дается традиционный набор угроз и вызовов, существующий (по инерции?) с 90-х годов прошлого века. Так, например, в старой редакции Концепции внешней политики России говорится, что «Новые вызовы и угрозы прежде всего – международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, в том числе энергетическая, а также нелегальная миграция, изменение климата носят глобальный характер и требуют адекватного ответа со стороны всего международного сообщества и солидарных усилий для их преодоления. Существенно возрастает роль экологического фактора, все более актуальной становится проблема профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями. Сложность стоящих перед международным сообществом задач требует выработки сбалансированной стратегии их решения, исходящей из взаимосвязанности проблем безопасности, социально-экономического развития и защиты прав человека»¹.

Думается, что в новой редакции этой Концепции, которая, видимо, предстоит в недалеком будущем, нужно пересмотреть перечень и приоритетность таких угроз для страны. Как, впрочем, и в других документах². И прежде всего Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине России.

В этом смысле важное значение имели, безусловно, программные статьи В. Путина, опубликованные в январе–марте 2012 года, где, пожалуй, впервые был высказан и сформулирован достаточно полно его подход к комплексу проблем национальной безопасности. Эти идеи,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 мая 2008 года (Пр-1440) / URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtm>

² Подберезкин А.И. Стратегия России в Евразии / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2011. 7 мая / URL: <http://viperson.ru>

естественно, не успели найти полного отражения в основных нормативных документах, а тем более реализованы до 2014 года. Более того, к сожалению, этим статьям, даже в правящей «Единой России» было уделено недостаточно внимания. Не случайно в июле 2013 года заместитель Председателя Правительства РФ провел специальное заседание по этому поводу.

Экспертное сообщество и СМИ также оказались не заинтересованы в серьезном обсуждении этих материалов, которое могло бы превратиться в общенациональную дискуссию. Допускаю, что это могло быть сделано правящей элитой и сознательно для того, чтобы не идеологизировать выборы: выборы и выступления оппозиции в январе–мае 2012 года, безусловно, концентрировали внимание лишь на текущих, частных, даже второстепенных вопросах, которые не имели никакого отношения к национальной безопасности, а тем более оценке национальных угроз. Но и позже – в 2012–2013 годах евразийской стратегии в широком смысле этого слова уделялось мало внимания. Дело ограничилось интенсивной, но частной работой по созданию ЕЭП и развитию ТС.

Во многом идеи В. Путина, в особенности, связанные с евразийской интеграцией, были восприняты с откровенной враждебностью либералами потому, что они представляли собой альтернативу атлантизму, могут привести, как отмечает справедливо профессор МГИМО(У) Е. Пономарева, «к серьезным геополитическим и геоэкономическим изменениям, которые не укладываются в концепцию «нового мирового порядка»¹.

В этой связи попробуем акцентировать внимание на трех самых главных угрозах и средствах противодействия, которые по сути остались вне широкой общественной дискуссии в 2012–2013 годах. Конечно, существует немало и других угроз, о которых говорят публично и даже фиксируют в официальных документах, но, как представляется, принципиально важно выделить именно те угрозы, которые являются наиболее приоритетными, даже системными, потому, что остальные в той или иной степени являются производными от них.

¹ Пономарева Е.Г. Изобретая будущее: сценарии развития российской государственности // Мир и политика. 2012. № 1 (64). С. 21.

Важно отметить один аспект: если для российской «политики деидеологизации 90-х годов» XX века в области безопасности был определяющим монетарный, макроэкономический фактор (Д. Тренину, «реальными ценностями считались только те, что имели денежное выражение»)¹, то для политики безопасности второго десятилетия XXI века, – собственно национальная безопасность понимаемое как прагматизм. Эта трансформация принципиально существенна, хотя, к сожалению, она радикально и не затронула ценностную систему российской элиты и ее внутреннюю политику.

Между тем именно ценностные и идеологические противоречия лежат в основе противоречий, например, между США и Китаем в Евразии. Оба государства претендуют на мировое идеологическое, а не только политическое и экономическое лидерство. В этих условиях «прагматизм» России во внешней политике вообще и в Евразии, в частности, оказывается фактическим разоружением.

Отдельно следует отметить нарастающую проблему во взаимоотношениях между США и КНР, которая непосредственно сегодня не является актуальной для нашей страны, но которая может стать проблемой для национальной безопасности России в недалеком будущем. В частности, настораживает стремительный рост зависимости Китая от мировых (и, прежде всего, российских) ресурсов.

¹ Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история / М.: Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. С. 277.

Процессы индустриализации и урбанизации ведут к значительному росту спроса на ресурсы в Китае

В настоящее время Китай является крупнейшим мировым потребителем ресурсов и товаров.

С ростом экономики в условиях ограниченности собственной сырьевой базы зависимость Китая от импорта ресурсов будет увеличиваться.

	Доля Китая в мировом потреблении		Импорт Китая, млн. тонн		
	2010 факт	2020 прогноз	2010 факт	2020 прогноз	Рост, %
Железная руда	64%	72%	620	725	17%
Энергетический уголь	47%	56%	135	230	70%
Алюминий	40%	46%	0,8	4,0	в 40 раз
Медь	37%	47%	2,0	5,0	150%
Никель	37%	45%	0,3	0,8	167%
Цинк	37%	42%	0,3	1,0	в 3,3 раза
Нефть	11%	17%	239	350	46%

Источники: презентации мировых сырьевых компаний (Peabody, Rio Tinto, UC RUSAL, Vale), прогнозы экспертов и специалистов из институтов РАН

Источник: UN Comtrade

2

В российской евразийской стратегии нет внятного ответа на вопрос о возможных претензиях США и Китая на контроль над ресурсами восточных регионов страны. Пока что акцент в нашей политике делается на восстановление экономического и демографического потенциала восточных регионов, стремительно деградировавших в последние два десятилетия. Достигнуты пока что скромные, но позитивные результаты, которые совершенно не соответствуют масштабу угрозы. По мнению занимавшего пост министра РФ по развитию Дальнего Востока В. Ишаева: высказанному в одном из интервью, «Дальний Восток, начиная с момента кризиса 2008 года, ни одного года не имел провалов в экономическом развитии. И даже в сравнении с 2008 годом в 2012 году индекс промышленного производства в среднем по России составил 103,7%, а в Дальневосточном федеральном округе – 121%. Инвестиции в основной капитал в среднем по стране не вышли на докризисные

² Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона / М.: Иркутск, 2011. С. 12 / URL: <http://debri-dv.ru/file/663>

показатели – составили 99% процентов, в то время как на Дальнем Востоке – 124,9% роста.

Увеличились поступления в консолидированный бюджет, хотя мы всегда говорили, что наша доля незначительна. Тем не менее, мы имеем достаточно серьезный рост: если в среднем по регионам России рост составляет 133%, то у нас – 159,2%.

Для Дальнего Востока важен вопрос демографии. В минувшем году в Дальневосточном федеральном округе рождаемость превысила смертность.

Безусловно, Дальний Восток будет развиваться за счет реализации мегапроектов. За последние годы уже было реализовано несколько крупнейших инвестиционных проектов, которые заметно изменили экономическую ситуацию в регионе к лучшему. Это такие крупные проекты, как прокладка нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий Океан», строительство автодороги «Чита – Хабаровск», начало строительства космодрома «Восточный». Суммарный объем инвестиций из всех источников, вложенных в подготовку саммита АТЭС во Владивостоке, превысил 680 млрд руб., а инвестиции последних лет в строительство автомагистрали «Амур» составили более 35 млрд руб.»¹.

¹ *Ишаев В.И.* Восточный вектор развития России /Эл. ресурс. 2013. 12 июля / URL: <http://www.gosrf.ru>

д). Опережающее развитие восточных регионов как условие обеспечения безопасности (стратегический контекст)

... ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными, и не только для нас, а практически для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а может быть, даже и потрясений¹

*В. Путин,
Президент России*

Сирия – это сгусток лжи, цинизма, наступающего мракобесия и прямой физической угрозы – откуда может начаться война. И в первую очередь война против России²

*М. Леонтьев,
публицист*

Ключевой проблемой российской стратегии евразийской интеграции является проблема сохранения контроля и опережающего развития восточных регионов России и Арктики на фоне растущего соперничества между США (и создаваемого или Транстихоокеанского партнерства – ТТП) и Китаем. «... На наших глазах в АТР разворачивается острое геэкономическое и геополитическое соперничество Соединенных Штатов и КНР, которое охватывает самые разные сферы и, видимо, будет продолжаться многие годы и даже десятилетия. По оценке Института исследований внешней политики, “Обама перенес дипломатический и военный фокус Америки с Ближнего Востока на растущий Китай”», – подчеркивает академик С. Рогов³.

Причины следующие:

Первая. Деградация и депопуляция восточных регионов России (от южного Урала до Дальнего Востока) делает практически невозможной, нереализуемой саму идею евразийской интеграции. Страна уже фактически разделена на европейскую и азиатскую часть. Если азиатская часть не получит мощного толчка в своем развитии, то она объективно будет все сильнее тяготеть к новым центрам силы в Евразии, прежде всего, Китаю.

В России продолжают сохраняться иллюзии, как в свое время и в Византии, в отношении сотрудничества с Западом, так и Китаем. Ради этого часть элиты, как и в Византии, готова пожертвовать национальной

¹ Послание Президента Федеральному Собранию / Эл. ресурс: «Президент России». 2012. 12 декабря / URL: <http://президент.рф>

² Леонтьев М. От редакции // Однако. 2013. 1 апреля. С. 1.

³ Рогов С.М. Доктрина Обама. Властелин двух колец / Эл. ресурс: РСМД 2013. 6 мая / URL: <http://russiancouncil.ru/>

системой ценностей и национальными интересами. Но если в отношении Запада эти иллюзии постепенно уменьшаются, происходит протрезвление, то в отношении Китая они нарастают. Между тем можно согласиться с известным американским экспертом Дж. Манкоффом, который писал летом 2013 года в газете «The New York Times»: «В тех частях мира, которые для них наиболее важны, Россия и Китай являются скорее соперниками, нежели союзниками. Возьмем Юго-Восточную Азию. Напористые притязания Китая на участки акватории Южно-Китайского моря вызывают тревогу у партнеров Америки из этого региона, и заставляют Вашингтон укреплять сотрудничество в сфере безопасности с Вьетнамом, Филиппинами и другими странами, чьи территориальные претензии оспаривает Пекин. Но к недовольству Китая, Москва хранит молчание по территориальным спорам, в то время как российские энергосырьевые компании подписывают соглашения с Вьетнамом об освоении нефтегазовых месторождений в Южно-Китайском море – в тех водах, на которые претендует КНР. А российская оборонная промышленность наращивает поставки оружия в страны Юго-Восточной Азии, в частности, продавая современные ударные подводные лодки вьетнамским ВМС.

В Центральной Азии Китай со своей экономической мощью быстро отталкивает Россию в сторону. Китайский капитал вкладывается в строительство новых автомобильных и железных дорог, а также трубопроводов, которыми Пекин все крепче привязывает к себе центральноазиатские государства. В прошлом году товарооборот всех стран Центральной Азии с Китаем, за исключением Узбекистана, был больше, чем с Россией. Благодаря запуску в конце 2009 года газопровода из Центральной Азии в Китай Пекин сумел занять жесткую позицию на переговорах с Москвой о строительстве нового российско-китайского трубопровода. Стремление России включить Киргизию и Таджикистан в состав ее таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном, а также призыв Владимира Путина к созданию к 2015 году Евразийского союза основаны главным образом на желании ограничить переориентацию экономик Центрально-Азиатских стран в сторону Китая»¹.

¹ Манкофф Дж. Осторожное партнерство Китая и России / Эл. ресурс: «ИноСМИ». 2013. 12 июля / URL: <http://www.inosmi.ru>

Вторая. Сама по себе евразийская интеграция – экономически, политически и финансово – представляет собой интеграцию европейского центра России (даже федерального центра) с азиатскими государствами. Это объясняет, например, почему более 60% товарооборота России осуществляется со странами Евросоюза. Торговать с Китаем, Гонконгом, Японией, Сингапуром, Республикой Корея из Москвы – невозможно. Любое экономическое, торговое и политическое сотрудничество находит содержание в конкретных формах, которые в большинство своем находятся за пределами европейской части России.

Рост экономики и потребностей Китая в ресурсах, с одной стороны, и стремительно растущая военная мощь и политические амбиции, с другой, создают потенциальную угрозу России, которая не сможет конкурировать в борьбе за мировые природные ресурсы с новым гигантом.

Показателен в этой связи пример со стремлением Китая осваивать арктические ресурсы и транспортные коридоры. «России нужно наращивать темп. С Данией, Норвегией и прочими традиционными соперниками можно тягаться на равных, учитывая накопленный нашей страной опыт и наличие собственного ледокольного флота, но усилия Китая будут лишь нарастать, что может окончательно разрушить устоявшийся баланс сил»¹. «В конце лета 2007 года имел место прецедент, возникший впервые за всю историю наблюдений за Северным Ледовитым океаном. Обе части Северного морского пути, западная и восточная, были свободны ото льда одновременно. Это демонстрировало теоретические, по крайней мере, возможности беспрепятственного плавания по арктическому пути, половина которого до сих пор постоянно была покрыта льдами. Реальность прохода через северные воды, позволяющая обогнуть Евразийский материк с востока на запад, сама по себе является сенсацией в области логистики международной торговли. До сих пор перевозка грузов таким способом была достаточно ограниченной из-за необходимости делить путь на несколько участков,

¹ Полевой А. Китай вступает в борьбу за арктические ресурсы / Эл. ресурс. 2012. 27 января / URL: <http://win.ru>

продолжительность которых зависела от ледовой обстановки и могла быть осуществлена лишь в достаточно узком временном «окне»².

Другими словами, если восточные регионы страны не станут развитыми и достаточно самостоятельными для межрегионального сотрудничества, то все разговоры о транспортных коридорах и торговле между Западом и Востоком (которая будет стремительно расти) приведут сначала к превращению России в простой транзитный коридор, а затем, возможно, и потере контроля над путями сообщения между развитыми странами Запада и стремительно развивающимися странами АТР.

Если северный проход открыт – доставка груза из Европы в Азию по морю позволяет сократить время транспортировки вдвое. Что, как нетрудно догадаться, влияет на рентабельность, затраты топлива, сроки найма персонала и т. д. Частные перевозчики первыми осознали удобство Севморпути. В 2010 году транзитные перевозки через северные воды составили около 100 тыс. тонн. В 2011 году – тридцать четыре судна транспортировали порядка 850 тыс. тонн груза. В 2011 году, транзит по Севморпути мог составить уже до 2500 тыс. тонн. Примечательно, что норвежская судоходная компания Knutsen OAS Shipping обратилась в администрацию Севморпути за разрешением на первый в истории рейс танкера-газовоза по полярной трассе.

Разумеется, до главных транспортных перекрёстков, вроде Панамского и Суэцкого каналов, ещё далеко, но статистика достаточно показательна. Тем более что, по некоторым прогнозам, в последующие годы льда на Севморпути будет ещё меньше. В пользу этого говорят метеорологические наблюдения о том, что полярная ледовая «шапка» резко уменьшилась на норвежском и российском направлениях, Карские ворота и Печорское море полностью свободны ото льда. В целом 2011 год стал самым «жарким» для Арктики за всю историю метеорологии. Но транзитные возможности Севморпути, который долгое время был сугубо российским маршрутом, решавшим задачи нашего государства, не являются единственным аспектом, привлекающим внимание к Арктике.

Третья причина заключается в том, что основные запасы восточных регионов России уже разведаны и оценены, а Арктики – нет. Предположительно там сосредоточены природные ресурсы,

² Там же.

превышающие аналогичные ресурсы Сибири и Дальнего Востока. В 2009 году, Геологическое сообщество США (United States Geological Survey) сообщило о том, что запасы природного газа в Арктике могут составлять до 50 трлн куб/м. Примечательно, что, по мнению американских экспертов, почти весь этот газ находится на российской территории. Предполагается наличие в Арктике и нефти. Но на порядок меньше, нежели газа, примерно 3–4% от всего мирового количества, 90 млрд барр.

Поскольку границы газовых и нефтяных месторождений редко совпадают с государственными, а основные богатства Арктики, как сообщают американские геологи, находятся на российском шельфе, наши соседи стараются выжать из своего положения максимум. Норвежско-российский договор о разграничении морских пространств в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане вступил в силу 7 июля 2011 года. И в тот же день сейсмогеологическое исследовательское судно Норвегии приступило к зондированию участка»¹.

Четвертая причина: Сохранение позиций России на Дальнем Востоке неизбежно ставит проблему **отношения** России к нарастающим территориальным проблемам, территориальным спорам, которые существуют между Китаем, Вьетнамом, Филиппинами и рядом других государств, за которыми в конечном счете стоят США. Как полагает С. Балмасов, «... против Китая формируется коалиция, потенциально состоящая не только из стран-соседей, но и из крупных региональных держав от Индии до Японии под патронажем США»². Пока что Россия уклоняется от формулирования своей позиции, но ей все равно придется либо стать участником этих споров как суверенному государству, либо постепенно превратиться в объект территориальных споров. И не только с формирующейся коалицией во главе с США, Японией и другими странами, но и Китаем.

Откровенно слабые экономические позиции России в Ю.-В. Азии и АТР, отсталость в развитии восточных регионов делают ее положение в этом регионе крайне неубедительным. С ней просто перестанут считаться

¹ Полевой А. Китай вступает в борьбу за арктические ресурсы / Эл. ресурс. 2012. 27 января / URL: <http://win.ru>

² Балмасов С. Спор из-за островов Спратли: США создают в Южно-Китайском море коалицию, направленную против Китая. 17 апреля 2012 г. / URL: <http://win.ru/geopolitika/1334639391>

в военно-политическом отношении, как перестали считаться в отношении торгово-экономическим.

«Доктрина Обамы ставит Китай в число потенциальных военных противников Соединенных Штатов: «Такие государства, как Китай и Иран, продолжают создавать ассиметричные средства противодействия нашему потенциалу проецирования силы». Поэтому Пентагон будет инвестировать в потенциал, позволяющий преодолеть сопротивление в тех районах, где создаются препятствия доступу американских вооруженных сил.

На Тихом океане находится крупнейшее из шести региональных командований вооруженных сил США. Общая численность этой группировки, включая гражданский персонал, составляет примерно 330 тыс. человек. Тихоокеанское командование включает 180 кораблей, в том числе пять ударных авианосных групп, две тысячи самолетов, пять армейских бригад и две дивизии морской пехоты.

Донилон утверждал, что конфронтация между двумя державами не является неизбежной. Однако администрация Обамы уже объявила о переносе фокуса военной стратегии США в АТР. В этом регионе будет базироваться не 55%, а 60% американского флота. Помимо прочего, ВМС США намерены контролировать пути транспортировки нефти в Китай из Персидского залива и Африки»¹.

Острота спора, – считает С. Балмасов, – «... объясняется не только важностью проходящих через этот район судоходных путей из Тихого в Индийский океан, но и богатством биоресурсов Южно-Китайского моря. Резкое обострение противостояния в последние годы объясняется обнаружением крупных запасов углеводородов на шельфе. Напомним, что конфликт как таковой начался после образования КНР, которая в 1950-е гг. приступила к экспансии в Южно-Китайском море, выдвинув претензии на архипелаг Спратли, часть которого удерживала профранцузская индокитайская администрация, и отобрав в 1974 г. Парасельские острова у Южного Вьетнама. После взятия Сайгона, власти социалистического Вьетнама попытались восстановить «историческую справедливость». Однако в ходе конфликта 1988 г., унесшего жизни

¹ Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец / РСМД 2013. 6 мая. / Эл. ресурс / URL: <http://russiancouncil.ru>

десятков военных с той и другой стороны, Китай показал свою силу на море, захватив ряд прежде удерживаемых вьетнамцами островков и потопив три вьетнамских сторожевика, потеряв один.

Китайские претензии на все архипелаги в Южно-Китайском море вызвали тревогу и на Филиппинах, претендующих на четверть островов Спратли. Опираясь на союз с США и на американское военное присутствие, Манила также приступила к захвату близких к ее берегам островков и рифов. Особенно это стало заметно уже в конце 1980-начале 1990-х гг. Видя это, Пекин временно прекратил конфронтацию из-за Спратли с Вьетнамом и попытался создать вместе с ним единый «антиимпериалистический фронт». Впрочем, по сути, из этого почти ничего не получилось, поскольку для Ханоя куда опаснее глобальные амбиции Поднебесной, чем «локальные» филиппинские. Наглядным тому подтверждением служит тот факт, что усиление противостояния с Китаем из-за Спратли происходит параллельно и по «вьетнамской линии». Не случайно, что в июне 2011 г. стороны направили в спорный район дополнительные силы ВМФ. Причем вьетнамский премьер Нгуен Тан Зунг 14 июня издал особый декрет о возможной мобилизации военных моряков из запаса на случай дальнейшего обострения конфликта с Китаем.

Казалось бы, огромный китайский ВМФ может легко справиться с военно-морскими силами Вьетнама и Филиппин, которые уступают ему по мощи в десятки раз. Однако ситуация для Поднебесной осложняется

тем, что принадлежность архипелага оспаривают также Малайзия, Тайвань и Бруней. Большую часть Спратли контролирует Ханой (сохраняет военное присутствие на 21 островке и рифе), Китай, по разным данным, на восьми или девяти, Филиппины – на восьми, Малайзия – на трех. По одному объекту занимают Бруней и Тайвань. Впрочем, последний находится в наиболее выигрышном положении, контролируя ключевой и самый крупный остров Иту-Аба, превращенный Тайбэем в укрепленную военно-воздушную и военно-морскую базу. Поскольку большинство «островов» Спратли едва выступает над водой, почти все находящиеся здесь военные объекты в районе архипелага представляют собой небольшие коробки на сваях, над которыми гордо развиваются национальные флаги и где базируются защитники «исконных территорий».

Между тем, США намерены использовать спорный архипелаг для сдерживания растущих китайских амбиций. Тем более что этому способствуют настроения противостоящих Пекину государств. Так, в июне 2011 г. Манила получила от госсекретаря США Хилари Клинтон особые гарантии защиты от Китая и начала выработать с Вьетнамом единый фронт с целью противостояния «китайской угрозе». Параллельно происходит и постепенное сближение позиций между Ханоем и Вашингтоном. Разумеется, США не хотят прямого военного столкновения с Китаем и намерены удержать его с помощью небезуспешно создаваемой на наших глазах коалиции. Вашингтон прекрасно отдает себе отчет в том, что, даже объединив против Поднебесной всех претендентов на богатства Спратли, он не сможет остановить КНР. Поэтому США пытаются консолидировать все силы, заинтересованные в сдерживании Пекина. И резервы на этом направлении еще есть. Ведь установление полного контроля Китая над островами Южно-Китайского моря создает огромные проблемы для всего региона. Даже в Индонезии и Австралии растут опасения относительно того, что Китай использует Спратли как плацдарм для захвата крупных газовых месторождений на индонезийском шельфе и рывка в южный сектор Тихого Океана»¹.

¹ Балмасов С. Спор из-за островов Спратли: США создают в Южно-Китайском море коалицию, направленную против Китая. 17 апреля 2012 г. / URL:

Так, исследователи МГИМО(У) констатируют: «Очевидно, что Вашингтон не может не проявлять беспокойства в связи с растущей экономической и военной мощью КНР, которая закономерно приведет к усилению политического влияния Китая в АТР и утрате практически монопольного экономического и геополитического регионального и глобального могущества США, и видит в усилении этой мощи вызов безопасности и влиянию США не только в этом регионе, но и в планетарном масштабе. Меры экономического воздействия США на КНР в современном мире практически исчерпаны – уместно вспомнить и о колоссальном внешнем государственном долге США перед Китаем, и о перемещении значительных объемов промышленного производства из США в КНР, мотивированного расчетом на дешевые производительные силы в этой стране, что привело к дефициту рабочих мест и росту социальной напряженности в самих США. Поэтому главным инструментом противодействия США усилению КНР в настоящее время являются политические и дипломатические меры сдерживающего характера»¹.

Эту потенциальную угрозу безопасности России – столкновение США и КНР – как, впрочем, и другие угрозы – традиционные и новые, – необходимо держать в поле своего внимания. При этом все-таки принципиально важно определиться с приоритетами и масштабами наиболее неотложных угроз, о которых речь шла выше.

<http://win.ru/geopolitika/1334639391>

¹ Чайковский М.М. Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР / Аналитическая записка / М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 3.

Глава 3. Интеграция как главный ресурс реализации евразийской стратегии России

Евразийский союз послужит
своего рода центром дальнейших
интеграционных процессов¹

*В. Путин,
Президент России*

Цели нашей внешней политики имеют
стратегический, неконъюнктурный характер
и отражают уникальное место России
на мировой политической карте, ее роль
в истории, в развитии цивилизации²

*В. Путин
Президент России*

Процессы интеграции в Евразии и АТР, а также включение в эти процессы восточных регионов России становятся важнейшим ресурсом не только новой восточной интеграции.

Политическое и военное искусство заключается не только в том, чтобы добиться точно сформулированных целей с минимальными затратами ресурсов, но и знать эти ресурсы, уметь их видеть, правильно оценить их значение и правильно использовать. Интеграция – как процесс упорядочения и объединения отдельных систем и подсистем в единое целое³ – имеет самые разные формы, что очень важно иметь в виду, так как часто под этим понятием применительно к Евразии подразумевается только экономическая интеграция. На самом деле гораздо важнее такие процессы, как социальная, культурная, политическая, военная интеграции, которые во многом определяют и экономическую интеграцию.

В этом смысле стратегия евразийской интеграции должна исходить из приоритетности социальной интеграции, прежде всего НЧК стран и их институтов, политической и социокультурной интеграция. При таком подходе становится понятно, что интеграция, как процесс объединения отдельных систем в единое целое (например, в области ВКО), становится не просто самоценен, но и превращается в важнейший ресурс всей евразийской стратегии.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 2.

² Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Коммерсант. 2012. 27 февраля. С. 2.

³ См. подробнее: Приложение № 2. Интеграция.

В евразийской стратегии России до сих пор недооценивается ключевая роль НЧК и его институтов как главных ресурсов стратегии. Прежде всего речь идет о том, что:

– недооценивается роль институтов социального потенциала, способного не просто усилить тающие взаимосвязи между государствами, но и создать эффективный инструмент давления в интересах интеграции на национальные элиты. Надо четко понимать, что национальные элиты – эгоистические и коррумпированные – просто не способны к глубокой интеграции. В лучшем случае они будут идти на те шаги, которые им выгодны экономически. Вот почему надо создать противодействующую силу институтов социального потенциала (НЧК) общества, способную вынудить национальные элиты к интеграции. Можно сколько угодно вести переговоры, подписывать соглашения и даже оказывать финансовую и материальную помощь, но без создания единого общественного интеграционного пространства и соответствующей атмосферы эти шаги останутся временными, промежуточными.

В этой связи уместно напомнить, что развал СССР произошел не из-за политической или экономической целесообразности, а из-за того, что национальным элитам удалось создать для этого благоприятную атмосферу и соответствующие социальные институты – партии, движения, отдельные группы граждан.

Мы, кроме того, по-прежнему недооцениваем роль международных обменов. Например, мы принимаем на обучение 200 студентов из Украины, а Польша – 2000. Совершенно недостаточны контакты в области науки, культуры, искусства, которые носят спорадический, а не массовый характер. Мы (точнее наши чиновники) затрудняют, а не облегчают развитие интеграционных контактов с нашими бывшими союзниками и партнерами, вместо того, чтобы действовала политическая установка на их сознательное развитие.

Именно поэтому, в конечном счете интеграция происходит на уровне бюрократических структур (исключая активность парламентов и их аппаратов), а не на уровне общества и его институтов, что, кстати, отлично понимают в Евросоюзе, где сознательно и целенаправленно этим занимаются многие годы.

Все это в конечном счете может привести к тому, что «точка бифуркации» будет пройдена и целый ряд стран превратятся из партнеров по интеграции с Россией в партнеров для Евросоюза, Китая, Ирана.

Развал Организации Варшавского договора и СССР создал ситуацию, при которой существование России и других постсоветских республик становится во многом в зависимость от внешних факторов: развития глобальных процессов и изменения в соотношении сил в мире и в Евразии. Прежде всего между США и Китаем: России грозит реальная угроза оказаться «зажатой» между растущей мощью Китая и НАТО. Под вопрос ставится уже не только суверенитет, но и само существование наций на пространстве бывшего СССР. В этих условиях особое значение приобретает гибкая и эффективная интеграционная стратегия, в которой важнейшую роль должна играть концепция евразийской интеграции, опирающаяся на приоритеты национального развития. В первую очередь НЧК стран-партнеров и восточных регионов.

Существует наивная вера в то, что международное право и международные институты смогут выполнить роль обеспечения евразийской безопасности и интеграции. Практика, однако, демонстрирует иное: с тех пор когда были созданы эти институты (которые отчасти могли бы претендовать на роль механизмов обеспечения безопасности в Евразии) ситуация в области безопасности и интеграции не стала лучше. Можно, конечно, надеяться на новые, — прежде всего ШОС, БРИКС и ОДКБ, хотя их реальное экономическое, политическое и военно-политическое значение очевидно не соответствует ни масштабу задачи, ни способности эффективного ее решения. Даже при условии расширения их членства и появления новых программ сотрудничества.

Таким образом, в конечном счете выживание России будет зависеть не столько от эффективности ее внешнеполитической стратегии, сколько от внутренней, включая интеграционную стратегию в Евразии, ее способности ускорить интеграционный процесс в самых разных формах, распространив его пространственно на всю Евразию, а не только на Белоруссию и страны ЦА, но, главное, открыв новые, прежде всего социальные, культурные, информационные и интеграционные формы. В

этом случае интеграционные процессы будут вести действительно к формированию единой системы – ценностной, социальной, культурной, политической, экономической и т.д., превращаясь в важнейший ресурс стратегии России в Евразии и АТР.

Есть основания полагать, что господствующая точка зрения о поступательном интеграционном процессе – от Зоны свободной торговли до политической интеграции – для евразийской интеграции не является абсолютной истиной.

Ступени развития региональной экономической интеграции

Ступени	Сущность	Примеры
1. Зона свободной торговли	Отмена таможенных пошлин в торговле между странами – участниками интеграционной группировки	ЕЭС в 1958-1968 гг. ЕАСТ с 1960 г. НАФТА с 1988 г. МЕРКОСУР с 1991 г.
2. Таможенный союз	Унификация таможенных пошлин в отношении третьих стран	ЕЭС в 1968-1986 гг. МЕРКОСУР с 1996 г.
3. Общий рынок	Либерализация движения ресурсов (капиталов, рабочей силы и т.д.) между странами – участниками интеграционной группировки	ЕЭС в 1987-1992 гг.
4. Экономический союз	Координация и унификация внутриэкономической политики стран-участников, включая переход к единой валюте	ЕС с 1993 г.
5. Политический союз	Проведение единой внешней политики	Пока примеров нет

Для стран Евразии характерна исторически достаточно глубокая степень взаимопроникновения, которая уходит вглубь истории (по оценкам некоторых историков) на 2500–3000 лет. Тем более эта истина не абсолютна для бывших республик СССР и его союзников, обладавших уже в XX веке глубокими интеграционными связями. Думается, что стратегия евразийской интеграции должна исходить из параллельности всех интеграционных процессов – экономических, политических, гуманитарных и военных. Если вспомнить, что сам термин «интеграция» (integration) произошел от латинского «integratio» – «соединение», «восстановление».

а). Соотношение факторов внутренней и внешней политики в евразийской стратегии России

Экономическая составляющая наших отношений со странами ЦА, в частности с Киргизией, – это не арифметика и не алгебра. Это вложение в будущее этих стран и в наши стратегические интересы¹

*Г. Карасин,
зам. министра иностранных дел РФ*

Начало 2000-х гг. стало временем, когда тема укрепления единства и преодоления «беловежского синдрома» превратилась в одну из ведущих в российском политическом дискурсе²

*С. Маркедонов,
исследователь ЦСМИ (г. Вашингтон)*

Правильное соотношение значения внешней и внутренней политики в евразийской стратегии России имеет принципиальное значение. Нередко внешнеполитическим и внешнеэкономическим аспектам в национальной стратегии уделяется неоправданно большое значение, что является бесспорным только накануне или в период больших войн, но отнюдь не является таковым в периоды относительно мирового развития. Этот вывод вполне применим и к евразийской стратегии России, в которой нередко внешнеэкономические и внешнеполитические аспекты превращаются в главные факторы влияния. Например, некоторыми экспертами полагается, что развитие восточных регионов зависит от уровня внешнеэкономического сотрудничества со странами АТР. На самом деле, наоборот, – уровень сотрудничества с АТР определяется степенью развития восточных регионов, их способностью стать полноценными субъектами такого сотрудничества.

Во многом приоритеты внутренней политики предопределяют реальные возможности России в мире, ее способности к интеграции и возможности евразийской стратегии.

Экономический рост в России и в мире³

Страны	2012	2013*	2014*
Россия**	3,4	1,8	2,8–3,2
Мировая экономика в целом	3,1	3,1	3,8
СНГ без России	3,3	3,5	4,3

¹ Черненко Е. Это вложение в будущее этих стран и в наши национальные интересы // Коммерсант. 2013. 10 сентября. С. 6.

² Маркедонов С. Беловежское наследие // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 71.

³ Наумов И. Правительству поручено сэкономить на расходах // Независимая газета. 2013. 2 сентября. С. 4.

Китай	7,8	7,8	7,7
Индия	3,2	5,6	6,3
Бразилия	0,9	2,5	3,2
ЮАР	2,5	2	2,9
Мексика	3,9	2,9	3,2
США	2,2	1,7	2,7
Германия	0,9	0,3	1,3
Франция	0	–0,2	0,8
Италия	–2,4	–1,8	0,7
Испания	–1,4	–1,6	0
Япония	1,9	2	1,2
Великобритания	0,3	0,9	1,5
Канада	1,7	1,7	2,2

* – прогноз МВФ;

** – обновленный прогноз Минэкономразвития РФ по заявлениям его руководства.

Источник: Международный валютный фонд

«Второстепенность» внешней политики подтверждается и новейшей историей: начиная с выступления М. Горбачева во Владивостоке в 1986 году и до самого последнего дня руководство СССР и России объявляло многократно, что целью восточной политики является интеграция страны в АТР. Более чем за 25 лет, однако, эти намерения так и не вылились в конкретные шаги. Более того, именно за этот период из региона уехало порядка 20% и без того небольшого (6 млн чел.) населения, а обрабатывающая промышленность практически исчезла.

Эффективная стратегия России в Евразии и АТР может быть, таким образом, только следствием эффективной национальной стратегии, которая, применительно к этим регионам, определяется двумя ключевыми группами факторов, внешне малосвязанных с собственно внешней политикой России:

– во-первых, это группа факторов, определяющих темпы развития страны, включая объем, и, главное, качество ВВП, структуру экономики, социально-экономическую и демографическую ситуацию в стране. В конечном счете эта группа факторов аккумулируется в темпах роста НЧК, измеряемых общепринятыми в ПРООН и мировом сообществе ИРЧП.

Но не только. Применительно к современным цивилизациям и обществам ИРЧП можно считать устаревшим, ибо он не учитывает такие

факторы, как культура, духовность, нравственная атмосфера, темпы развития науки и другие факторы, объединенные в НЧК.

– во-вторых, это группа факторов, определяющих темпы развития восточных регионов России, прежде всего инфраструктуру и транспорт, НЧК регионов, качество экономики и возможности развиваться темпами, существенно опережающими общероссийский.

Если согласиться с этим подходом, то неизбежно придется признать, что внешняя политика России в Евразии и АТР, включая современное понимание ее части – евразийской интеграции – являются **производными**, а не решающими при формировании эффективной евразийской стратегии. Собственно говоря, этот вывод подтверждает успешный опыт развития Китая в последние десятилетия, который, по мнению политолога А. Кивы, обусловлен 8 основными факторами:

Фактор № 1. Строительство социализма с китайской спецификой, объявленное Дэн Сяопином. Промежуточная его цель — создание общества средней зажиточности («сяокан»). Это такое общество, в котором каждый китаец будет иметь минимальный набор жизненно важных благ: работу, жилье, возможность получить образование, медобслуживание и т. д. т.е. этот фактор можно назвать «фактором роста китайского НЧК:

Фактор № 2. Модель социально-экономических реформ создавалась с учётом мирового опыта и местных реалий, потому и оказалась одной из наиболее удачных, когда-либо реализованных в странах переходного периода, отмечает аналитик (в России же команда Гайдара навязала модель чужую — американскую).

Фактор № 3. Стремительному развитию КНР помог Запад, в первую очередь США. Дэн Сяопин учёл то, что западные корпорации заинтересованы в китайском рынке, а также в высоких прибылях, обусловленных экономией на издержках. В созданные свободные экономические зоны в КНР потёк капитал китайских заграничных общин («хуацяо»), а потом и международных корпораций. По некоторым оценкам, за тридцать лет через СЭЗ Китай привлёк 700 млрд долл. Такой выдающийся показатель объясняется и достаточной эффективностью судебной и исполнительной систем, являющихся составляющими благоприятного инвестиционного климата:

Фактор № 4. Высокая доля накоплений — до 49% по отношению к ВВП (в несколько раз больше, чем в России). Это достигается экономией средств: скромная оплата чиновников, отсутствие «заоблачных доходов» у менеджмента госкорпораций. В Китае не было ни финансовых пирамид, ни конфискации денежных средств у граждан. Кроме того, в КНР приветствуется неограниченный ввоз иностранной валюты, а вот вывоз ограничен. Процесс строго контролируется банками и таможней. Бегство инвестированного в Китай капитала исключается. С «серыми схемами» вывода капитала из страны в Китае «расправляются беспощадно».

Фактор № 5. Запад полагал, что Китай останется «сборочной фабрикой». Однако уже в первые годы реформ были заложены основы двух крупнейших инновационно-производственных центров — Шэньчжэня на юге Китая и Чжунгуаньцуня в Пекине и вокруг него. В университетах Запада, прежде всего в США, получили образование от 1,5 до 2 млн китайцев. Благодаря вложению средств в развитие науки в Поднебесной появилось 14 университетов мирового уровня.

Фактор № 6. Пекин обернул в свою пользу вступление ВТО. Он долго к этому готовился, наращивая экспортный потенциал. Китайские товары захватили мировой рынок.

Фактор № 7. Развитию Китая способствовала и внешняя политика. Дэн Сяопин отказался от экспансионистской внешней политики Мао Цзэдуна. И только Си Цзиньпин дал миру понять, что Китай намерен играть более важную роль в международных отношениях.

Фактор № 8. Рациональная оборонная политика Пекина, который «не соревнуется в вооружениях с другими ядерными странами, а руководствуется принципом достаточности»¹.

Как видно из этого примера, только два фактора — № 7 и № 8 — можно отнести к внешним факторам, определившим успех национальной стратегии Китая. При этом на первом месте находится приоритет развития НЧК и социальных институтов НЧК (общественно-политическое устройство).

¹ Чувакин О. Китайское экономическое чудо: торможение обусловлено внешними факторами / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 18 июля / URL: <http://topwar.ru>

Таким образом, ответ на вопрос: какой может быть эффективная стратегия России в Евразии и АТР лежит прежде всего в области внутренней политики. Причем для России определяющими факторами являются:

- темпы развития НЧК;
- скорость формирования социальных институтов НЧК и степень их влияния за рубежом;
- темпы развития восточных регионов страны и их инфраструктуры (транспорта, информатики и связи), способной стать инструментом влияния в Евразии и АТР.

Простой пример, иллюстрирующий последний тезис: открытый для грузовых перевозок ж/д пограничный пункт Махалино (РФ) – Хунчунь (КНР), создавшийся в рамках международного транспортного коридора «Приморье-2», обладает мощностью перевозок до 8 млн тонн, однако в период с 2000 по 2004 годы через него прошло только 40,3 тыс. тонн¹.

Нельзя сказать, что эта взаимосвязь отрицается руководством страны. Еще в мае 2009 года она была зафиксирована бывшим в то время Президентом РФ Д. Медведевым следующим образом: «Только что в рамках посещения Хабаровского края я посмотрел строящийся Центр сердечнососудистой хирургии, Тихоокеанский университет. Это те программы, которыми мы должны заниматься и в будущем. Но мы понимаем и то, что успех развития Дальнего Востока зависит, конечно, от развития транспортной и энергетической инфраструктуры: при развитии инфраструктуры будут создаваться новые рабочие места»².

К сожалению, это растущее понимание в нашей стране сталкивается с серьезными трудностями, иначе трудно объяснить, почему с момента совещания в мае 2009 года по конец 2013 года было сделано удивительно мало. Это, в том числе, объясняет, почему за прошедшие 4 года позиции России в АТР продолжали слабеть, несмотря на число масштабных

¹ Первый грузовой поезд открыл движение через железнодорожный переход Махалино (РФ) – Хунчунь (КНР) / Эл. ресурс: «Труд-ост». 2013. 3 августа / URL: <http://trud-ost.ru>

² Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». 2009. 21 мая / Эл. ресурс: Президент России / URL: <http://www.kremlin.ru/>

мероприятий, включая саммит АТЭС, декларации, поездки первых лиц и т.д.

Это не случайно. По оценкам российских экспертов (Л.Н. Гарусовой), «Реальное торгово-экономическое присутствие в АТР Россия в настоящее время обозначает преимущественно через свой Дальний Восток и Восточную Сибирь. Более 85% экспортно-импортных операций российского Дальнего Востока приходится на страны АТР, из них (на протяжении последних 20 лет) около 80% – на так называемую «северо-тихоокеанскую четверку», т.е. на Японию, КНР, Республику Корея и США.

Недостаточно активное и масштабное присутствие Сибири и Дальнего Востока в современных интеграционных процессах АТР объясняется рядом причин, в том числе и неэффективной «тихоокеанской» политикой российского государства. Развитие Дальнего Востока в досоветский период и в советское время было напрямую связано с государственной поддержкой. Постановления советского правительства в 1930–1980-е гг. (своего рода программы развития Дальнего Востока и Забайкалья) стимулировали экономику региона посредством реализации сопутствовавших им инвестиционных проектов.

По расчетам экспертов Центра стратегических разработок «Северо-Запад» (г. Санкт-Петербург), инвестиционные задания программ развития Дальнего Востока и Забайкалья были выполнены следующим образом: Постановление ВЦИК и ЦК ВКП (б) 1930 г. – на 130%; Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г. – на 80%; Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1972 г. – на 65%; Государственная целевая программа на 1986–2000 гг. – 30%; Президентская программа на 1996–2005 гг. – 10%¹.

Тенденция к ослаблению инвестиционной поддержки Дальнего Востока государством стала одной из причин не только трудной социально-экономической ситуации, сложившейся в регионе в 1990-е гг., но и его отставания от возможностей интеграции в АТР. Фактическое свертывание в 1990-е гг. государственных программ развития Дальнего Востока и переход к рыночной экономике произошли в условиях интенсивного экономического роста в Тихоокеанском регионе. В этот период задача социально-экономического выживания российского

¹ Гарусова Л.Н. Азиатско-Тихоокеанский регион: фактор России. 2010. С. 4.

Дальнего Востока решалась за счет увеличения экспорта его природных ресурсов в страны АТР. Тем самым было определено место Дальневосточного региона (и, соответственно, место России) в азиатско-тихоокеанских интеграционных процессах. Ресурсно-экспортная ориентация новой экономики Дальнего Востока предопределила его двойную периферию – как по отношению к России, так и по отношению к АТР»¹.

Прямым подтверждением «замедленной» реакции Правительства является и выступление Д. Медведева в мае 2009 года, которое следует привести в значительном объеме просто потому, что в 2013 году его можно было бы повторить целиком: «В Правительстве сейчас завершается разработка Стратегии развития Дальнего Востока и ряда регионов Сибири; реализуются проекты в рамках соответствующих федеральных целевых программ; принят целый ряд оперативных решений. Часть из них являются исключительно резонансными, прежде всего такие решения, как снижение стоимости авиаперелётов между городами Дальнего Востока и Центральной частью России. Эта программа уже работает. Но её нужно развивать.

Потенциал Дальнего Востока безусловно огромен. Он связан с природными ресурсами, с преимуществами географической близости к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Мы должны, конечно, заниматься сменой наших приоритетов, переходить от примитивного экспорта сырья к его переработке, созданию современных мощностей по переработке – и соответственно получать максимальные выгоды от сотрудничества с другими государствами. Причём, конечно, речь идёт о всей линейке тех продуктов, которые выпускаются, создаются здесь. Я имею в виду и нефть, и газ, и лесные ресурсы, и металл, и всё, чем богата наша земля.

Сегодня тяжёлая ситуация – кризис, но мы не должны останавливать те проекты, которые создавали так долго и с таким трудом. Мы не должны останавливать работу, даже если по каким-то из этих проектов сейчас нет прямого движения. Тем более что в 2007 и 2008 годах на Дальнем Востоке, в Сибири наметилась положительная динамика,

¹ Стратегия социально-экономического развития Приморского края на период до 2025 года. Центр стратегических разработок «Северо-Запад». Санкт-Петербург, Спб. 2008.

экономический рост был обеспечен масштабными проектами, крупными проектами, такими как «Сахалин-2», нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан и некоторые другие. Мы понимаем, что есть и другие крупные проекты, перспективные проекты, такие как строительство одного из самых больших в мире Восточного НПЗ, газоперерабатывающего завода, завода по производству минеральных удобрений. Будем заниматься и другими проектами в этой сфере. В любом случае это то, что относится, может быть, к самому главному и самому ответственному сегодня участку нашей совместной работы»¹.

Примечательны в этой связи кадровые решения, принятые Президентом РФ в августе 2013 года в отношении бывшего полпреда и заместителя Председателя Правительства РФ В. Ишаева после того, как руководитель государства заметил, что 80% его поручений не было выполнено. Справедливости ради стоит сказать, что попытки В. Ишаева исправить положение наталкивались на стойкое сопротивление. Весной 2013 года он предложил правительству концепцию развития региона (которая в очередной раз не была принята), а в августе 2013 года – попросил расширить ему полномочия, усилив контроль над территориальными органами власти, что также не было принято².

К сожалению, за 4 года мало что изменилось как в концептуальном, так и на практическом уровне. Позитивное движение еще только наметилось, а первые скромные результаты свидетельствуют, скорее, о выходе из кризиса, чем об опережающем развитии восточных регионов. По сути этот вывод подтверждает и тот очевидный факт, что за последние 25 лет позиции России в Евразии и АТР радикально ослабли, а ее влияние стало существенно, качественно уступать влиянию США и КНР не только в АТР, но и теперь уже в Евразии.

Компенсировать этот процесс в будущем активизацией только внешней политики России в этих регионах вряд ли возможен. Скорее

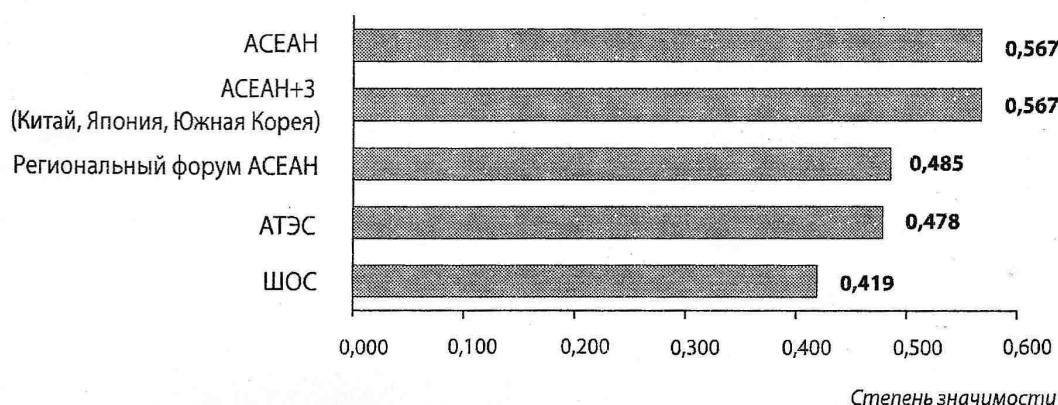
¹ Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». 2009. 21 мая / Эл. ресурс: Президент России / URL: <http://www.kremlin.ru/>

² Рубин М. и др. Дальний Восток ушел от Дмитрия Медведева // Известия. 2013. 2 сентября. С. 2.

вероятен другой сценарий – продолжение процесса потери позиций России в Евразии и АТР.

Маловероятны и надежды на развитие существующих и создание новых международных институтов, которые могут стать только дополнением к эффективной национальной стратегии. Так, существует ряд других международных институтов в Евразии и АТР, которые в той или иной степени могли бы претендовать на эту функцию, но даже эксперты расходятся во мнении относительно того, какие из них и в какой степени способны на это. Они, в частности, отмечают, что «... существует весьма слабая вовлечённость подобных организаций в процесс разрешения конфликтных ситуаций в отношениях между государствами региона. Это подтверждается, в частности, полной недееспособностью АСЕАН в урегулировании перманентно возникающего пограничного конфликта между Таиландом и Камбоджой, являющимися членами этой Ассоциации, претендующей на позицию “ядра” интеграционных процессов в АТР»¹. Но и другие институты – ОДКБ, ШОС, БРИК – не способны реально участвовать в решение вопросов безопасности.

Экспертная оценка значимости региональных межгосударственных организаций и форумов (АТЭС, АСЕАН, ШОС и др.) в поддержании общеполитической стабильности в АТР

Очевидно, что в вопросах обеспечения национальной безопасности Россия может рассчитывать только на собственные силы, а эффективность ее внешней политики будет зависеть не столько от

¹ Абиев Л. Ч., Терехов В. Ф. Анализ результатов опросов участников конференции «Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества». В сб.: Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М.: РИСИ, 2011. С. 143.

успехов дипломатии, сколько от развития НЧК и способности проецировать его вовне. Качество НЧК сегодня определяется прежде всего уровнем развития культуры, науки и образования в стране, а способность его реализации – существующими институтами. Но и во внешней политике эти институты НЧК, прежде всего СМИ и профессиональные сообщества играют уже более важную роль, чем политика государств.

Недоразвитость НЧК и его институтов в России – главная проблема слабости его внешней политики. МИД, Россотрудничество не способны обеспечить эти функции в полной мере. Они могут выстраивать общую стратегию, но реализовывать ее должны тысячи НКО и институтов развития НЧК.

Борьба в Евразии – это прежде всего борьба за идеологическое лидерство. В современных условиях такое лидерство может обеспечить только развитой (самый) НЧК. Россия может развивать и консолидировать его, но для этого нужно решить прежде всего внутривнутриполитические задачи:

- отказаться от падения удельного веса науки, образования и культуры относительно ВВП, что видно сегодня на примере бюджетов на 2013–2015 годы;
- вернуть престиж креативного класса и проводить сознательную политику его интеллектуальности;
- консолидировать интеллектуальную элиту вокруг российского креативного класса посредством развития его институтов и усиления их влияния за рубежом.

Вместе с тем нельзя не видеть и набирающих силу интеграционных процессов. В том числе в тех субрегионах Евразии, где эти процессы прежде протекали вяло, либо вообще не были замечены. Так, по оценке эксперта МГИМО(У) Г. Костюниной, «Северо-Восточная Азия (СВА) традиционно отличалась невысоким уровнем развития экономического сотрудничества. Причина кроется в исторических корнях, национальных различиях и в предпочтении двусторонних отношений. Оживление взаимных экономических связей началось в 70-х годах благодаря значительному повышению уровней экономического развития (Республика Корея) и изменению внешнеторговой политики (политика

«открытых дверей» в КНР). За последние 30 лет экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость возросла, хотя и продолжает оставаться существенно ниже, чем в целом в Восточной Азии». Так, на Республику Корея на долю СВА приходилось 29,9%, Японии – 27%, а Китай – 12,6%¹. Россия в этом процессе начала участвовать только в XXI веке, хотя для ее развития это сотрудничество имеет огромное значение.

Надо понимать, что эффективная внешняя политика России в Евразии становится условием ее выживания. Но эта эффективность зависит не столько от политиков, дипломатов и чиновников, сколько от ученых, деятелей культуры, искусства, науки и образования. Их влияние на происходящие процессы в Евразии потенциально огромно. Получается, таким образом, что геополитическое будущее в России зависит не столько от традиционных факторов, военной мощи – сколько от гуманитарных.

И понимать эту угрозу надо отчетливо: ни политику США, ни Китая мы не сможем нейтрализовать в будущем, опираясь на «материальный» фактор. Нужен фактор «духовно-культурный», способный противостоять глобальным целям США в Евразии.

Евразия – это континент, на котором расположены самые устойчивые в политическом плане и динамично развивающиеся страны мира. Все исторические претенденты на роль мировой державы являются представителями Евразии. Китай и Индия, страны с самым большим населением в мире, претендующие на роль региональных гегемонов, расположены на этом континенте. Здесь также находятся все потенциальные политические и экономические соперники, готовые бросить вызов Америке. Шесть стран с самыми большими после Соединенных Штатов расходами на военные и экономические нужды, а также все, за исключением одной, мировые державы, официально или неофициально располагающие ядерным оружием, разместились здесь. На Евразию приходится 75% населения Земли, 60% внутреннего валового продукта и 75% энергетических ресурсов. В целом потенциальная мощь Евразии превосходит мощь США»².

¹ Костюнина Г. К вопросу о формировании Северовостоазиатской зоны свободной торговли. 2013. 27 марта / Эл. ресурс: URL:<http://www.mgimo.ru/>

² Бжезинский З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе // Независимая газета. 1997. 24 октября. С. 63.

Надо признать, что теоретические размышления З. Бжезинского во многом предопределили в последующие годы отношение правящей элиты США к Евразии. По-прежнему, главным объектом оставалась Европа, но уже с первого десятилетия XXI века отчетливо определились и приоритеты в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии. В частности бывшие советские республики Средней Азии рассматривались Госдепом США как регион Европы и Евразии, а в первом десятилетии XXI века уже как часть Центральной Азии и Южной Азии¹. Да и сам термин «Центральная Азия» возник примерно в это же время. «Евразия – это суперконтинент земного шара, играющий роль своего рода оси. Та держава, которая станет на нем доминирующей, будет оказывать решающее влияние в двух из трех наиболее развитых в экономическом плане регионах планеты: Западной Европе и Восточной Азии. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что страна, доминирующая в Евразии, будет почти автоматически контролировать развитие событий на Ближнем Востоке и в Африке. В условиях, когда Евразия является главной на сегодня геополитической шахматной доской, уже нельзя вырабатывать одну политику для Европы и совсем другую – для Азии. Все, что происходит с распределением власти на просторах Евразии, будет иметь решающее значение при выработке США своих глобальных приоритетов, а также и в исторической перспективе»².

Отдельный аспект стратегии США в Евразии – стремление продвинуть свою систему ценностей и создать такие режимы, которые разделяли бы эту систему ценностей. Это – долгосрочная стратегия, которой не могут противостоять ни экономическая, ни военная мощь любой страны. О ней также подробно сказал З. Бжезинский: «Приемлемая для Евразии стратегия должна учитывать различия между близкой перспективой (пять лет или около этого), среднесрочной (примерно 20 лет) и долгосрочной. Более того, эти временные фазы должны рассматриваться не изолированно, а как части единого целого. В краткосрочном плане Соединенные Штаты должны закрепить

¹ Михеева Н.М., Плотников В.А. Регион в глобальной архитектуре современного мира. Материалы конференции. 2011. Эл. ресурс: Библиотека «Источник знаний» / URL: <http://uchebnik-besplatno.com>

² Бжезинский З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе // Независимая газета. 1997. 24 октября. С. 63.

существующий сейчас на карте Евразии геополитический плюрализм. При такой стратегии приоритет должен быть отдан политическому маневрированию и дипломатическим манипуляциям, которые исключили бы возможность образования враждебных коалиций, способных бросить вызов лидерству США, хотя у любого государства, стремящегося к этому, возможности не так уж и велики. В среднесрочной перспективе это должно привести к появлению стратегически приемлемых партнеров, которые, действуя по инициативе американского руководства, могут создать ориентирующуюся на сотрудничество трансевразийскую систему безопасности. В долгосрочном плане все это может стать основой системы подлинной политической ответственности в глобальном масштабе»¹.

Таким образом мы опять видим, что в долгосрочном плане планируется трансформировать систему ценностей стран Евразии в удобную и понятную для США, которую там искренне считают самой лучшей в мире.

«На западном фланге Евразии ключевыми игроками будут продолжать оставаться Франция и Германия, и главной целью Америки должно быть продолжение расширения европейского демократического плацдарма. На Дальнем Востоке ключевая роль Китая, скорее всего, будет возрастать, и у Соединенных Штатов не будет стратегии в Евразии до тех пор, пока не будет достигнут политический консенсус между Китаем и США. В центре Евразии, в районе между расширяющейся Европой и повышающим свой региональный статус Китаем, будет продолжать зиять политическая черная дыра, пока Россия не заявит решительно о себе как о постимперском государстве. Тем временем к югу от России Средняя Азия может превратиться в очаг этнических конфликтов и споров между великими державами»².

И если стратегия США в Евразии предполагает достаточно полный набор союзников и партнеров, то евразийская стратегия России сталкивается с «черной дырой» и «очагом этнических конфликтов». Вряд ли существующая евразийская стратегия будет способна противостоять

¹ Бжезинский З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе // Независимая газета. 1997. 24 октября. С. 63.

² Бжезинский З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе // Независимая газета. 1997. 24 октября.

американской. Ни экономической, ни военной мощи для этого не хватит. Но остается идеологическая, духовная, интеллектуальная, которые аккумулируются в НЧК. И не только в России и постсоветском пространстве, но и других странах.

б). Евразийская интеграция как часть внешнеполитической стратегии России

Интеграция – это стратегическое конкурентное преимущество в XXI веке. Федеральная сетевая компания исторически имеет очень сильный интеграционный фундамент на евразийском пространстве, обеспечивает передачу и прием электроэнергии по 140 межгосударственным линиям электропередачи с 11 государствами¹

*А. Казанческов,
первый заместитель,
председатель Правления ОАО «ФСК ЕЭС»*

Внешняя политика с начала XXI века декларирует интересы евразийской интеграции, но делает это непоследовательно и невыразительно. Так, часть (порой существенную) своей внешней политики мы уступаем Западу в ущерб нашим интересам в развитии сотрудничества с Востоком. Наиболее очевидные пример – отказ от поставок ЗРК С-300 Ирану и Сирии, которые серьезно подорвали престиж страны.

Приоритет интеграции должен быть заявлен на самом высоком уровне, более того, объявлен зоной жизненно важных интересов.

Этот подход принципиально отличен как от односторонней ориентации на Запад, или Восток, так и изоляции России от процессов глобализации. Отчасти, по аналогии с внешней политикой России конца XVII – начала XVIII века, он означает поиск союзников (пусть бесполезных, и даже вредных, как в то время Пруссия и Польша) для возвращения России, ее места в Евразии и восстановления «политического единства» (по словам В. Ключевского) нации.

Главным, если ни единственным, таким союзником у России, как и в предыдущие века ее истории, становится развитие НЧК, включая его демографическую и интеллектуальную составляющие. Прежде всего науку, культуру, образование, искусство, творческие силы нации. Здесь справедлива формула, о которой писалось прежде: если ЧК одной личности составляет значительную величину, приближаясь к максимуму, то НЧК (человеческий капитал всей нации) резко возрастает,

¹ ФСК наведёт энергомосты в Евразию / Эл. ресурс: «Стройпульс». 2013. 25 марта / URL: <http://www.stroypuls.ru>

существенно компенсируя количественные демографические различия между Россией и остальными странами. Так, если индивидуальной ЧК низок, близок к нулю, то и НЧК – близка к нулю. Сумма нулей близка к нулю. Но справедливо и обратное утверждение, когда качество индивидуального ЧК превращает нацию в огромную силу. В этом смысле евразийская стратегия, как и внешняя политика России должны быть направлены прежде всего на увеличение НЧК и его влияния вовне, в Евразии.

Евразийскую интеграцию, таким образом, следует рассматривать как средство обеспечения выживания России, сохранение ее идентичности и безопасности, а не только как торгово-экономическое сотрудничество и даже внешнеполитический приоритет. Именно такой подход, вытекающий из остатков либеральной идеологии правящей элиты сохраняется, к сожалению, пока в России. Эффективность такого подхода в экономике хорошо видна из «эффективности» либеральных реформ, например в электроэнергетики, ибо хорошо видна на примере последних 10 лет¹. Между тем единая энергосистема СССР или единая ж/д сеть, как и многие другие отрасли, могли бы сохраниться.

Рост цен на электроэнергию для населения в сравнении с инфляцией

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Электроэнергия для населения, %	16,6	18	18	16,7	13	14	25	10	9,6	3	10,6*
Индекс потребительских цен, %	12	11,7	10,9	9	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6	6*

* – прогноз

Источник: Минэкономразвития РФ, Росстат

Не трудно увидеть, что либеральная экономическая политика вела к постоянному сокращению НЧК (прежде всего сокращению ВВП на душу населения), а евразийская политика в области энергетика, транспорта – к его росту.

Кроме того большая страна, такая как СССР или Россия сохраняются только при условии, когда развитие инфраструктуры, прежде всего дорог, идет более быстрыми темпами, чем остальные отрасли экономики. Это

¹ Куликов С. Кому светит лампочка Чубайса // Независимая газета. 2013. 28 марта. С. 4.

хорошо понимали в Древнем Риме, прокладывая дороги в самые дальние уголки империи. Это понимал и Петр I, который во время войны строил дороги, каналы, мосты. Это хорошо понимал Николай II, форсируя строительство Транссиба, который (теми способами и технологиями!) был построен за 10 лет. Это понимали и при Советской власти, строя Волго-Донской канал и Амурскую магистраль.

И сегодня евразийская стратегия, и внешняя политика должны исходить из необходимости опережающего развития транспортной сети и сопутствующей инфраструктуры, не превращая их, однако, в простой «транзитный коридор» между Западом и Востоком.

Но именно такой подход к системной проблеме евразийской безопасности сохраняется у монетарных властей и сегодня. Он серьезно влияет не только на политику евразийской интеграции, но и на всю внешнюю политику страны. Внедряя либеральные экономические модели, в том числе во внешнюю и военную политику, либеральные власти дискредитируют саму идею евразийской интеграции как геополитического инструмента выживания России. И не только потому, что макроэкономические принципы в политике не всегда эффективны, но и потому, что (как показывают реформы либералов) монетарные власти не могут их даже проводить с положительным результатом. Это наглядно видно на примере управления «либеральными менеджерами» в Министерстве обороны, Внутренних дел, Здравоохранения, Образования и т.д.

В контексте внешней политики и политики безопасности стратегия евразийской интеграции становится уже не просто одним из важных, но все-таки одним из глобальных процессов, а стратегий, от которой зависит само существование нации и России. Причем не в узком понимании – как экономической и таможенной интеграции нескольких стран СНГ, – а в самом широком, в том числе политическом, контексте. Гарантия выживания России и ее уникальной цивилизации заключается в реализации широкого евразийского проекта «от Лиссабона до Владивостока». И, похоже, В. Путин разделяет этот подход. В частности, в своей известной статье в октябре 2011 года он пишет: «Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества. При этом не

собираемся кого-либо торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное собственными долгосрочными национальными интересами¹.

Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов, – говорил в известной статье В. Путин еще в 2011 году. Проблема, однако, в том, что другая – западная часть – Европы так не думает. Она пока что формирует, причем ускоренно, свою идентичность в рамках Евросоюза. И мы обязаны считаться с этими реалиями.

Для этого существует множество аргументов, главный из которых заключается в том, что, развивая восточное направление своей политики, интеграции, Россия никогда не сможет ни перестать быть европейской державой, ни игнорировать экономические, политические и иные реалии современной Европы. Так, Европа, являясь крупнейшим потребителем энергоресурсов России, сегодня и в обозримом будущем будет влиять на экономическое благополучие нашей страны.

Но так долго продолжаться не будет. Планы, которые там существуют, в случае их реализации, не могут не повлиять на эту ситуацию. В Германии, например, реализация амбициозных проектов в области энергетики, существенным образом будет влиять на российский экспорт углеводородов уже в среднесрочной перспективе.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

В определенном смысле ориентация на Европу – политически, экономически. Культурно – не имеет долгосрочной перспективе потому, что:

- центр мировой активности переносится в страны АТР;
- потому, что мы не были никогда нужны и не будем Европе (за исключением некоторого вида ресурсов);
- наконец, потому, что у России должна быть только своя внешняя и военная политика, когда на нее ориентируются, а не она становится в фарватере чужой политики и идей.

Более того, как только Россия выдвигает свой проект и начинает проводить свою политику, она немедленно становится оппонентом Европы, у которой есть уже свой проект. На единый проект, как показывает история, Европа не соглашается.

Эта политика не может быть иной, как освоения пространства России, развивая ее транспортную и инфраструктурную сеть, наращивал НЧП в восточных областях от Урала опережающими темпами. По справедливому утверждению Е. Пономаревой, «“Новый интеграционный проект” важен для России, ее союзников и равно опасен для ее противников как возможность противостоять напору атлантизма, отстоять самобытность своей культуры, обеспечить национальную безопасность во всех ее аспектах. В современных условиях ни Россия, ни другие страны постсоветского пространства выжить в одиночку не

¹ Никифоров О. Переход к возобновляемым источникам энергии // Независимая газета. 2012. 21 декабря. С. 9.

смогут. Однако именно Россия, являясь одним из геополитических центров Евразии, обладающая самыми мощными в постсоветской ойкумене экономическими, военными и политическими ресурсами, может и должна стать отправной точкой возникновения новой архитектуры мира»¹.

Однако следует помнить, что, создавая будущее, необходимо иметь не только необходимые ресурсы и технологии для его осуществления, но и свою идеологию и железную волю. Только в приложении колоссальных усилий «новый интеграционный проект для Евразии» действительно станет будущим, которое рождается сегодня»².

На официально-формальном уровне все, вроде бы, движется. По мнению В. Путина, «Ещё в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции. О формировании согласованной политики в сфере промышленности, технологий, энергетики, образования и науки. И, наконец, о снятии визовых барьеров. Эти предложения не повисли в воздухе – они детально обсуждаются европейскими коллегами»³. С тех пор прошло более 10 лет, а результаты более чем скромные. Боюсь, что они такими же будут и в обозримой перспективе, пока Россия не станет активно продвигать свой внешнеполитический проект. В данном случае евразийской интеграции.

Европа, поворачивалась лицом» к России только в периоды крайне военной нужды, занимая по сути традиционно враждебную позицию и стремясь отодвинуть наши границы на восток. Ситуация, как и в случае с Византийской империей, повторяется. Пока элита Византии

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

² Пономарева Е.Г. Изобретая будущее: сценарии развития российской государственности // Мир и политика. 2012. № 1 (64). С. 22.

³ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

ориентировалась на национальную систему имперских ценностей, Европа лукаво обещала ей поддержку, но как только в византийской элите появилась партия соглашателей, то Византия не только не получила обещанной поддержки, но и исчезла как государство.

Очевидно, что разные страны в Европе, в том числе и среди стран СНГ, по-разному относятся к идее интеграции. Особенно среди стран Евросоюза, однако ее потенциал, как показали даже первые месяцы, – огромен. В частности, 1 июля 2012 года в Молдове начало работать Евразийское агентство новостей. Его корпункты будут расположены во всех крупных городах республики. Цель проекта – пропаганда евразийского интеграционного направления и, в частности, первого его этапа – Таможенного союза (ТС) РФ, Белоруссии, Казахстана. В республике идет сбор подписей за проведение референдума о присоединении к нему. Глава делегации Евросоюза в Кишиневе Дирк Шубель предупредил: интеграционные векторы на ЕС и ТС несовместимы¹.

Эти инициативы и проявления требуют однозначной и решительной поддержки со стороны России, даже если это и может повлиять (и наверняка повлияет) на отношения с другими странами. Россия должна политически и с помощью институтов НЧК всячески поддерживать любые общественные и политические силы, стремящиеся к интеграции с ней. Даже ценой политических и экономических издержек. Сегодня такая реакция вялая, либо вовсе отсутствует.

Наконец, не следует забывать, что объективное развитие событий в ряде регионов Евразии потребует формирования **евразийской внешнеполитической** позиции России, которая сегодня отсутствует. В прошлом по отношению к ряду стран, и даже континентам, Великобритания, Франция и США не раз формулировали такую позицию. Такая позиция по отношению к Евразии есть сегодня и у США, и у Евросоюза, но ее нет у России. «Разновекторность», «прагматизм» – это тоже позиция, но позиция не политическая, не имеющая к практической внешней политике никакого отношения. Тем более к евразийской стратегии. В мире стремительно нарастают процессы изменения

¹ Гамова С. Брюссель предупредил Кишинев: налево не ходить // Независимая газета. 2012. 21 июня. С. 6.

соотношении сил в пользу нового центра силы в Азии, которые уже привели к стремительному нарастанию военных потенциалов и обозначили точки вероятных конфликтов не только в этом регионе, но и за его пределами. Политика США по «сдерживанию» Китая приобретает все более отчетливые очертания, хотя и до этого, в других странах, конфликтность угрожающе приобретает военно-политические формы: КНДР, Пакистан, Афганистан, Сирия, Ирак, Иран, да и другие азиатские страны и государства Ближнего Востока и Северной Африки становятся эпицентрами потенциальных конфликтов, где происходит столкновение самых разных интересов¹.

Какова позиция России по отношению к этим странам? Теоретически она может быть:

- проатлантической;
- «равноудаленной»;
- прокитайской;
- евразийской.

Если Россия хочет стать лидером, центром интеграции в Евразии, то она должна определенно об этом заявить. И о своих национальных интересах тоже.

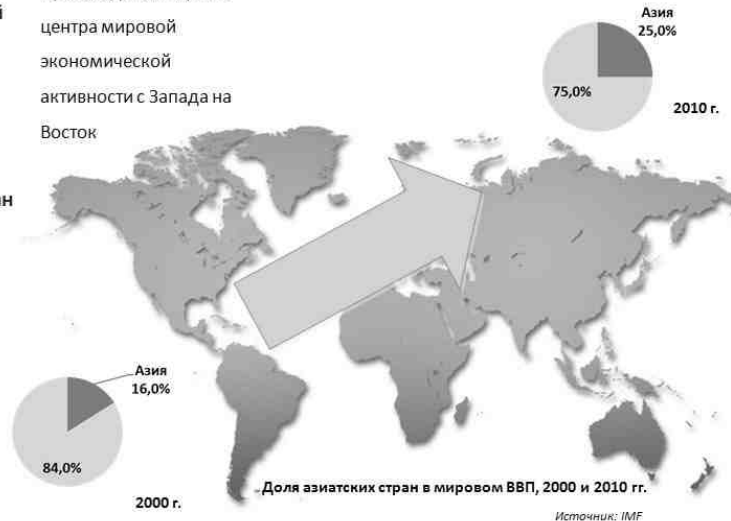
Надо понимать, что восточные регионы России – хотим мы того или нет – становятся субъектом нарастающей конфликтности, но могут (и будут) стать их объектом.

¹ Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона / Аналитический доклад. М.: Иркутск, 2011. С. 11.

Одна из главных мировых тенденций последнего десятилетия – экономический подъем развивающихся стран Азии

Восточная Сибирь и российский Дальний Восток находятся в непосредственной близости от новых мировых центров экономической активности – развивающихся стран Азии.

Происходит смещение центра мировой экономической активности с Запада на Восток

Россия не может избежать участия в той или иной форме или возможности дистанцироваться полностью от этих процессов. И не только потому, что они происходят в непосредственной близости от ее границ, но и потому, что она вынуждена занимать какую-то ясную внешнеполитическую и цивилизационную позицию, которая, в свою очередь, во многом предопределяет социально-экономическую и внутреннюю политику государства. И «разновекторная дипломатия» может помочь лишь на какое-то время и лишь отчасти: нужна долговременная евразийская стратегия, сочетающая политические, военные, экономические, информационные и социокультурные факторы в единой системе. Стратегия, формирующая будущий образ России. Образ лидера евразийской интеграции.

И, конечно, на формирование этого будущего образа и стратегии России активно влияют внешние факторы, прежде всего позиция США и других развитых стран Запада, объединенных в военно-политический союз НАТО. Это влияние во многом совпадает с теми западно-либеральными кругами в современной России, которые открыто, последовательно и недвусмысленно ассоциируются с «развитыми демократическими странами». Вот что по этому поводу пишет профессор МГИМО(У) Е. Пономарева: «В обосновании недееспособности России сохранить свою государственность, недостатка нет. Вот, например,

позиция З. Бжезинского, которую активно отрабатывает ИНСОР. “... в отдаленной перспективе Россия, возможно, уразумеет, что присоединение к НАТО упрочит безопасность ее границ, в особенности на Дальнем Востоке, где российское население стремительно редееет. Не исключено, что, в конце концов, это соображение окажется самым убедительным. А в какой-то момент, в зависимости от эволюции Китая, крепнущее сотрудничество России с НАТО по вопросам, касающимся различных конкретных угроз глобальной безопасности (как предусмотрено Советом Россия–НАТО), могло бы заложить фундамент для построения трансевразийской системы безопасности, которая простиралась бы на значительную часть континента, охватывая даже Китай”¹.

«В конечном счете, у России просто не остается альтернативы, если она желает сберечь ценнейшее из своих территориальных владений. Неисчислимы природные богатства Сибири – вот что сулит России наиболее радужные перспективы, а без западной помощи Россия не может быть всецело уверена в сохранении своего суверенитета над этой землей (курсив мой – Е.П.)”»².

Это хорошо видно на примере создания региональных систем ПРО в США и – потенциально – странами ОДКБ. Тем более что районы существующих и потенциальных конфликтов соседствуют и влияют не только на Россию, но и на всё постсоветское пространство.

Единственная эффективная стратегия противостояния нарастающему хаосу – евразийская политическая, экономическая и военная интеграция, которая позволит консолидировать российские ресурсы и постсоветских государств, а также вовлечь в этот процесс в той или иной степени другие (в т.ч. и европейские) государства. Соответственно, провал этой стратегии можно рассматривать как наиболее серьезные угрозы национальной безопасности России, невозможность противопоставить

¹ Пономарева Е.Г. Изобретая будущее: сценарии развития российской государственности // Мир и политика. 2012. № 1 (64). С. 19–20.

² Там же.

нарастающей мощи двух центров силы – США и Китая, – а также нарастающей конфликтности других.

Сегодня существуют попытки стратегического прогноза развития США и Китая на 15–20 лет, но важно отметить, что политические намерения (в отличие от экономических и военно-технических возможностей) меняются значительно быстрее. Трудно прогнозировать как отношения США-России, так и КНР-России даже на среднесрочную, а тем более долгосрочную перспективу. Так, объем торговли, например, между странами Европы и Азии за последние 25 лет вырос в 6 раз¹. Что, конечно, никто не мог прогнозировать. Поэтому неизбежно предстоит исходить из «наихудшего сценария», который применительно к России может означать экономическую и политическую экспансию США и Китая. Никто не может гарантировать нашей стране, что при очередном переделе мира её территория и природные богатства избегнут посягательства от экономических и военных гигантов – США и Китая. Как справедливо заметил Л. Млечин, «Китай – после двух столетий унижений и оскорблений со стороны внешнего мира, вторжения иностранных войск, гражданских войн, революций, голода – идет на randevu со своей судьбой. Китай желает сам заново оценить свое место в истории. Почти два тысячелетия он был главным государством Азии. Но в XX веке утерял свое первенство.

Западные державы и Япония заставили Китай почувствовать себя униженным. Китайцы мечтают вернуть себе прежнее положение в мире. Даже если это не говорится вслух, в глубине души они уверены: XXI век станет китайским веком»².

¹ Восточная аналитика. Ежегодник 2011. Экономика и политика стран Востока. М.: Институт востоковедения РАН. 2011. С. 101.

² Млечин Л. Китай – великая держава номер один? 2012 / Эл. ресурс: URL:<http://profismart.org/>

в). Евразийская стратегия России и Китай: значение НЧК

Китай, какими бы то ни были его перспективы, представляет собой приобретающее влияние и потенциально господствующую державу¹

*З. Бжезинский,
политолог*

Главной, знаковой чертой современного этапа международного развития являются глубинные сдвиги в геополитическом ландшафте...²

*Концепция внешней политики
Российской Федерации (в ред. 2013 г.)*

Евразийская стратегия России должна включать в себя стратегический прогноз и оценки перспектив развития Китая, которые повлияют неизбежно на все компоненты национальной стратегии России, ее внутренней и внешней политики.

При любых прогнозах, однако, следует исходить из того простого факта, что демографический потенциал, как часть НЧК Китая, обеспечивает этой стране ведущие позиции. С учетом же того приоритета, который отдается властью Китая развитию его НЧК, следует ожидать его стремительного роста уже в среднесрочной перспективе: рост душевого дохода, уровня образования (только 300 млн человек получили высшее образование за последние 20 лет), продолжительности жизни, развитие науки и технологии, опора на национальную систему ценностей – все это гарантирует Китаю роль мирового лидера.

Здесь следует отметить два обстоятельства. Во-первых, в российской политике, включая евразийскую стратегию, росту НЧК не уделяется внимания, хотя именно этот фактор, а не «технический» рост ВВП обеспечит ему взрывообразное развитие в среднесрочной перспективе.

Тем более в евразийской стратегии не уделяется сколько-нибудь заметного значения опережающему развитию НЧК и восточных регионов страны. А между тем только эти два фактора могут обеспечить стратегическое равновесие в Евразии. Население Китая (1300 млн) почти в 10 раз превышает российское (140 млн), но в восточных регионах, особенно Восточной Сибири и Дальнего Востока эта разница составляет уже почти 100 раз. Компенсировать ее можно только тремя способами:

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 188.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом России В.В. Путиным 13 февраля 2013 г. / URL: <http://президент.рф>

- развитием инфраструктуры, транспорта и промышленности восточных регионов, сознательной миграцией населения из западных регионов страны и резким улучшением демографической политики;
- опережающим развитием НЧК восточных регионов, которые в отличие от первого (экстенсивного) способа, смогут изменить ситуацию, ликвидировать реальную угрозу.

Важнейшим «геополитическим сдвигом» в последние десятилетия стал стремительный рост КНР, но в еще большей степени - ожидания, которые существуют по поводу темпов развития Китая уже в ближайшем будущем, целей его развития и того, как повлияет на ситуацию в мире и в Евразии становление этого нового мощного центра силы. В 2013 году ВВП КНР превысил 4 трлн долл. (почти в 3 раза больше российского), прочно предоставив Китаю место второго мирового экономического гиганта.

В этой связи не могут не обратить на себя внимания прогнозы ведущих китайских ученых до 2030 года, которые помогают по-новому взглянуть на место Китая в мире и в Евразии. В частности, если говорить о наиболее приоритетных целях, то китайские эксперты выделяют следующие: «к 2030 году: 1) стать «государством всеобщей зажиточности, всеобщей мощи, всеобщих инноваций, всеобщего распределения» для более, чем миллиардного народа; 2) стать самой мощной в мире экономикой, обогнав США по объему ВВП более чем в 2,0–2,2 раза; 3) стать «страной счастья» для всего населения, обогнав США по показателю валового индекса развития человеческого потенциала в 3,2 раза; 4) стать «зеленым» государством, то есть экологически чистым»¹.

В этих оценках привлекает не столько перспектива роста ВВП КНР, сколько целевая направленность на развитие НЧК, которая прямо формулируется в качестве конечной политической цели.

Обращает на себя внимание, кроме того, четкость стратегического планирования и прогнозирования, последовательность в реализации сформулированных целей. Так, китайские эксперты, например, отмечают: «Для достижения цели построения «общества всеобщей зажиточности» к

¹ Перспективы развития КНР к 2030 году. Научные прогнозы китайских ученых / Экспресс-информация. 2012. № 2. ИДВ РАН, 2012. С. 3–4.

2030 году в КНР была намечена программа «модернизации с китайской спецификой», состоящей из четырех шагов: 1) 1978–1990 гг. – переход от бедности к уровню «обогреть и накормить» (*вэньбао шуйпин*); 2) 1990–2000 гг. – переход от уровня «обогреть и накормить» к уровню «малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*); 3) 2000–2020 гг. – переход от уровня «малого благоденствия» к «обществу малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*); 4) 2020–2030 гг. – переход от общества «малого благоденствия» к обществу «всеобщей зажиточности» (*гунтун фуюй*)¹.

Все это подтверждает, что у Китая есть долгосрочно стратегия, которая (в отличие от российской) четко ориентирована на развитие НЧК, важнейшим компонентом которого является душевой доход ВВП. Но это означает и то, что другие компоненты НЧК будут расти. Так, сегодня:

- утверждается идеология и система ценностей, ориентированная не столько на социальные идеалы, сколько на систему национальных ценностей, среди которых важным элементом становится идея «срединной империи». Этот важный компонент НЧК в России до сих пор недооценивается, а между тем он, как показывает мировая практика, может дать мощный толчок социально-экономическому развитию;

- стремительно развивается уровень высшего образования. Правительство КНР не только направляет ежегодно десятки тысяч студентов за рубеж, но и огромными средствами инвестирует в собственные университеты;

- быстрыми темпами завершается этап «технологического заимствования», который в некоторых областях уже перешел на этап передовых позиций китайской науки;

- продолжается увеличение продолжительности жизни, что также является важнейшим компонентом НЧП.

Все это, взятое вместе, говорит в пользу того, что Китай может вскоре стать не только лидером мирового ВВП, но и лидером по уровню НЧП. Давным-давно Наполеон пророчески заметил: “Когда Китай проснется, весь мир вздрогнет”»².

¹ Перспективы развития КНР к 2030 году. Научные прогнозы китайских ученых / Экспресс-информация. 2012. № 2. ИДВ РАН, 2012. С. 3–4.

² Млечин Л.М. Китай – великая держава номер один? СПб.: БХВ, 2012. С. 5.

И это не пустые слова. Китай еще только выходит на мировую арену, и это объясняет пока еще существующую сдержанность его внешнеполитических и военно-политических амбиций. Его руководство ставит перед собой вполне разумные цели национального развития, которые определяются тем, что Китай еще находится на догоняющем этапе экономического, технологического и социального развития. По оценке академика Н. Симонии, «... Образно говоря, Китай пока преуспел по части производства или ассимиляции «железа» (hardware) высокотехнологичной продукции, но не собственного программного обеспечения (software), без чего говорить о IT укладе было бы преждевременно. Так что Китай в ближайшей перспективе будет еще находиться в процессе догоняющего развития. Другое дело, что Китай уже сейчас может быть примером для огромной массы развивающихся стран, настолько отстающих в своем экономическом развитии, что большинству из них сегодня и в ближайшей перспективе просто не до решения грандиозной задачи постиндустриального развития; им в лучшем случае предстоит решать задачи модернизации индустриального типа. Я уже не говорю о странах, которых сегодня относят к категории failed state, т.е. тех, кому не удалось пока решить базовую проблему консолидации своей государственности и в которых в настоящее время вообще не просматривается перспектива нормального развития (Афганистан, Сомали, Йемен и др.)»¹. Представление о результатах развития КНР за последние 30 лет дают такие данные.

Показатели социально-экономического развития КНР²

Показатели	1978	1990	2000	2009
Население и занятость				
Рождаемость (на 1000 чел.)	18,25	21,06	14,03	12,13
Смертность (на 1000 чел.)	6,25	6,67	6,45	7,08
Коэффициент естественного прироста (на 1000 чел.)	12,00	14,39	7,58	5,05
Уровень зарегистрированной безработицы в городах (%)	5,3	2,5	3,1	4,3
ВВП на душу населения (СНУ)	381	1644	7858	25 575
Инвестиции в основные средства				
Доля капитальных вложений в ВВП (%)		24,2	33,2	66,0

¹ Симония Н.А. Избранное. М.: МГИМО(У), 2012. С. 761.

² Коваленко В.Н. Формирование «Большого Китая»: экономическое взаимодействие Гонконга и КНР / под ред. С.Ф. Суршина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 159.

Потребление				
Розничная продажа товаров на душу населения (CNY)	163	731	3097	9965
Международная торговля				
Соотношение внешнеторгового оборота к ВВП (%)	9,7	29,8	39,6	44,2
Государственные финансы				
Отношение государственных доходов к ВВП (%)	31,1	15,7	13,5	20,1
Отношение государственных расходов к ВВП (%)	30,8	16,5	16,0	22,4
Внешний долг				
Коэффициент внешней задолженности (%)		91,6	52,1	32,2
Наука и технология				
Отношение расходов на НИОКР к ВВП (%)			0,90	1,70
Финансовые посредники				
Отношение суммы депозитов финансовых институтов к ВВП (%)	31,7	74,7	124,8	175,5
Отношение суммы кредитов/займов финансовых институтов к ВВП (%)	51,9	93,8	100,2	117,4

Растущая мощь Китая оказывает огромное влияние на Россию уже сегодня. Прежде всего экономическое (но уже и политическое, о чем говорят значительно реже). Так, 11 лет, прошедших после подписания Договора 2001 года, были посвящены преимущественно наращиванию количественных параметров партнерства. Объем торговли вырос с 8 млрд долл. в 2000 году до примерно 80 млрд в 2011 году. Китай стал главным внешнеторговым партнером России. К 2015 году товарооборот может достигнуть 100 млрд долл., а к 2020-му – 200 млрд долл. Существенную роль в достижении этих показателей призвана внести подписанная в 2009 году «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири с провинциями Северо-Востока Китая до 2018 года». Кроме этой масштабной программы подписано свыше 200 различных документов по двустороннему сотрудничеству¹.

По экспертным оценкам, доля Китая в мировом потреблении различных видов сырья увеличится на 5–10 п.п. в течение следующих 10 лет. Объем импорта сырья со стороны Китая к 2020 г. по некоторым позициям в абсолютном выражении удвоится, считают российские эксперты².

¹ Тавровский Ю.В. Москва и Пекин перед обновлением тандемов // Независимая газета. 2012. 21 марта. С. 5.

² Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 6.

Импорт в Китай некоторых видов металлов и энергоносителей

	2010 г.		2020 г. (прогноз)	
	млн т.	Доля от мирового потребления, %	млн т.	Доля от мирового потребления, %
Алюминий	0,1	40	4	46
Нефть	239	11	350	17
Уголь	135	47	230	56
Железная руда	620	64	725	72
Никель	0,3	37	0,8	45
Медь	2	37	5	47
Цинк	0,3	37	1,0	42

Источник: URL: <http://www.economv-esr.ru>; <http://www.infogeo.ru>; <http://www.chinapro.ru>;
URL: <http://www.rosinvest.com>

Открытие в последние годы в Китае (Ордосский бассейн, Таримский бассейн, Бохайский залив и др.), в Австралии (Тиморское море) и других странах АТР ряда крупных месторождений углеводородов будет способствовать развитию в регионе инфраструктуры по транспортировке, переработке и использованию нефти и газа. Но удовлетворить рост энергетических потребностей АТР ни сейчас, ни в будущем эти новые месторождения не смогут¹. Очевидно, что быстро развивающемуся Китаю потребуются новые ресурсы, ведь он к 2020 году превратится в их основного потребителя.

В силу своего стремительного развития Китай, как считает большинство отечественных экспертов, при правильной постановке дела становится одним из главных и оптимальных партнеров для Восточной Сибири и российского Дальнего Востока. При этом сотрудничество может развиваться по многим направлениям, включая топливно-энергетический и горно-металлургический комплексы, научные исследования и трансферт технологий, транспорт, строительство и сельское хозяйство.

По многим оценкам, Китай рассматривает доступ к природным ресурсам Восточной Сибири и Дальнего Востока как стратегическую задачу, как один из важнейших путей удовлетворения растущих

¹ См.: Коржубаев А.Г., Соколова И.А., Эдер Л.В. Нефтегазовый комплекс России: перспективы сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН 2009; Eder L, Andrews-Speed P., Korzhubaev A. Russia's evolving energy policy for its eastern regions, and implications for oil and gas cooperation between Russia and China // The Journal of World Energy Law & Business. 2009. V. 2, №. 3. November. P. 219–242.

потребностей в нефти, газе, энерго- и гидроресурсах, металлах. По прогнозу Международного энергетического агентства, к 2020 г. удельный вес этой страны в совокупном мировом спросе на энергоносители составит 17,5%¹.

Особое значение имеют оценки будущей военной мощи КНР, которые не могут прямо коррелироваться с ростом экономического потенциала из-за большого удельного веса военно-технологической составляющей, но уже в среднесрочной перспективе могут стать полноправным атрибутом великой державы. Так, несмотря на относительно небольшой удельный вес военных расходов в ВВП, КНР к 2013 году устойчиво занял второе место после США, существенно опередив все остальные государства.

Особое место в этой связи занимает анализ возможностей стратегических наступательных и оборонительных сил КНР, а также морских и сухопутных компонентов военной мощи. Как отмечают российские эксперты, «Армия КНР обладает самым многочисленным личным составом, однако качественная составляющая до недавнего времени оставляла желать лучшего. За последние годы, в связи с развитием промышленности, КНР достиг достаточно больших успехов в ВПК, хотя при этом зачастую используются методы полного копирования зарубежной техники, чаще всего приобретённой у РФ.

Если образцы “традиционной” военной техники Китай часто демонстрирует на парадах и не прячет под грифом “секретно”, то о войсках стратегического назначения информации крайне мало. И это при том, что все остальные страны “ядерного” клуба обнародуют с определённой периодичностью отчёты с подробной информацией о количественном и качественном составе своих ядерных арсеналов (количество боеголовок, количество и виды стратегических носителей). При этом ясно, что стратегические силы являются главным гарантом безопасности и независимости такого серьёзного мирового игрока, как Китай. Без достаточного для надёжного ядерного сдерживания количества боеголовок и их носителей страна не сможет решать всех тех глобальных задач, которые перед собой должно ставить государство, претендующее на статус

¹ World Energy Outlook 2011 // International Energy Agency. 2011.

сверхдержавы. Именно поэтому стоит подробно проанализировать ядерный арсенал КНР»¹.

Ядерное оружие Китай впервые испытал в 1964 году, а термоядерное – в 1967. С этого момента армия КНР стала оснащаться ракетами с ядерными боеголовками. На тот момент это были ракеты малой и средней дальности, такие как, например, DF-1, с дальностью действия 2000 км (копия советской Р-12). Далее, в 70-х, были разработаны ракеты с большей дальностью действия – DF-3 и DF-4 – 2800 км и 4700 км соответственно. Эти ракеты до сих пор стоят на вооружении КНР. Однако они не дотягивают до межконтинентальной дальности, и уж точно не позволяют наносить ударов по территории тех же США. Первые испытания МБР были проведены КНР в 1980-м году. Это была новая ракета DF-5, которая имела дальность действия до 13000 км. С этого момента Китай начал обладать возможностью поражать цели на территории США. В последние годы на вооружение КНР стали поступать мобильные МБР DF-31, с дальностью до 8000 км, а на стадии испытаний находится мобильная МБР DF-41, несущая 3–4 боеголовки индивидуального наведения на расстояние до 14000 км. Принятие последней на вооружение сделает возможным нанесение ударов по всей территории США, с учётом задач по преодолению противоракетной обороны, так как, по некоторым данным, DF-41 будет в состоянии нести и ложные цели.

На данный момент, если руководствоваться открытыми данными, у КНР имеется недостаточное количество стратегических носителей, для того, чтобы приблизиться по мощи к двум ядерным гигантам – США и РФ и гарантировать полную неприкосновенность. Китай имеет лишь 20 МБР DF-5 и 20 БР DF-4 (можно отнести к стратегическим, так как дальность ракеты позволяет наносить удары почти по 2/3 территории РФ). Количество DF-31 и DF-41 пока остаётся загадкой. Производство ракет DF-31 возможно уже идёт в больших количествах начиная с 2000-х годов, когда ракета прошла испытания. Можно предположить, что при таком темпе развития КНР и её вооружённых сил в скором времени станет возможно массовое производство мобильных МБР DF-41, что

¹ Ядерный арсенал Китая: Пекин может обеспечить достаточный уровень сдерживания и решить проблему Тайваня / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 13 июля / URL: <http://topwar.ru>

может в течение некоторого времени подтянуть Китай к уровню в 300–400 развёрнутых ядерных боеголовок (у США и РФ их имеется более 1500) на стратегических носителях. Тогда Китай сможет, не особо “консультируясь” с кем-либо, развязывать выгодные ему локальные войны и операции. Например, начать вторжение в Тайвань, гарантировав невмешательство США (по крайней мере, прямое)»¹.

Таким образом, вслед за стремительным ростом ВВП и НЧК ожидается не менее быстрый рост военных возможностей Китая. Причем уже сегодня его военные расходы растут быстрее, чем ВВП. Это может говорить о том, что при 7,8% росте ВВП Китай легко, в случае необходимости, может довести их до 11–12% и быстро обогнать США. Существующее отставание может быть ликвидировано уже в среднесрочной перспективе.

Пока что у Китая есть существенные трудности в области технологий и, видимо, отставание от США будет сохраняться более длительное время, ведь «технологическое лидерство» было и остается краеугольным камнем политики США. Но области технологий и науки – достаточно коварные области. СССР, отставая от Германии и США, сумел всего лишь за 4 года создать весь комплекс атомной промышленности – от обработки материалов до систем управления. Более того, уже через несколько лет, мобилизовав все ресурсы НЧП, СССР смог вырваться по некоторым направлениям вперед.

Поэтому рассчитывать на «вечное» технологическое отставание КНР – наивно. Оно может быть ликвидировано чуть позже, чем отставание по ВВП, а, может быть, и одновременно.

По сути у России в отношении КНР остается единственный выбор: как и в 50–70 гг. вступить в соревнование по качеству НЧК, понимая, что для преодоления демографического разрыва нет условий. А это означает, что российский НЧК должен быть в разы выше китайского. Что совсем не является невозможным.

¹ Ядерный арсенал Китая: Пекин может обеспечить достаточный уровень сдерживания и решить проблему Тайваня / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 13 июля / URL: <http://topwar.ru>

г). Необходимость усиления приоритета евразийской интеграции во внешнеполитической стратегии России

Мы предлагаем модель мощного
наднационального объединения,
способного стать одним из полюсов
современного мира...¹

*В. Путин,
Президент России*

... нужно сконцентрировать свое внимание
на собственной «азиатскости». Россия,
стремясь к сближению с Европой,
по сути отбрасывает свою азиатскую
составляющую...²

*Т. Хидиятов,
профессор*

Возможности евразийской стратегии России могут быть в значительной степени усилены если она станет самым важным приоритетом внешней политики России, в зависимости от которого будут формироваться остальные внешнеполитические приоритеты и задачи. Если для США и Евросоюза таким важнейшим приоритетом является либеральная система ценностей, то для России и других стран Евразии это может быть «евразийская система ценностей». Не только экономических, но и политических и гуманитарных.

В определенном смысле можно использовать не только этот опыт Запада, но и его опыт построения разноплановых моделей взаимоотношений как у США, так и Евросоюза. Так, эксперты ЕБР выделяют, например, шесть основных моделей взаимодействия крупных интеграционных объединений с соседними странами:

- модель сотрудничества ЕС с Норвегией и Исландией в рамках Европейской экономической зоны (ЕЭЗ);
- модель сотрудничества ЕС со Швейцарией (похожая модель применена во взаимодействии Чили и МЕРКОСУР);
- модель сотрудничества ЕС со странами Восточной Европы и Южного Кавказа;
- модель сотрудничества ЕС со странами Средиземноморья;
- модель сотрудничества ЕС с балканскими странами;

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.

² Мизь Н.Г. Япония – российское Приморье: путь к взаимопониманию: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун.-та, 2010. С. 4–5.

– модель сотрудничества ЕС со странами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона (АКТ).

Основные модели сотрудничества¹

Модель сотрудничества	Примеры стран	Комментарии
1. Модель сотрудничества ЕС с Норвегией и Исландией: соглашение о Европейской экономической зоне (ЕЭЗ).	Норвегия, Исландия	Подписание широкого по объему соглашения с учетом особого интереса в рыболовной отрасли и сельском хозяйстве. Модель сотрудничества ЕС с Норвегией и Исландией отражает наличие особого интереса в рыболовстве и сельском хозяйстве.
2. Модель сотрудничества ЕС со Швейцарией: опыт двусторонних секторальных соглашений. Похожий подход применен в сотрудничестве МЕРКОСУР и Чили.	Швейцария, Чили	Подписание двусторонних соглашений преимущественно в разрезе секторов. Ключевая черта швейцарской модели заключается в секторальной природе договорных отношений, учитывая особые интересы Швейцарии, например в финансовых услугах и банковском секторе, без всеохватывающего рамочного соглашения.
3. Модель сотрудничества ЕС со странами Восточной Европы и Южного Кавказа: соглашения о партнерстве и сотрудничестве, планы действий в рамках Европейской политики соседства; программа ЕС «Восточное партнерство».	Армения, Молдова	Модель сотрудничества ЕС со странами Восточной Европы и Южного Кавказа базируется на соглашениях о партнерстве и сотрудничестве, на основе которых были разработаны 5–7-летние планы действий в рамках Европейской политики соседства. В перспективе предполагается создание углубленных и всеобъемлющих зон свободной торговли в рамках соглашений об ассоциации, переговоры по которым для ряда стран уже начались. На базе сети двусторонних соглашений рассматривается создание экономического сообщества стран-соседей ЕС.
4. Модель сотрудничества ЕС со странами Средиземноморья: соглашения о Евро-Средиземноморской ассоциации, планы действий в рамках Европейской политики соседства.	Тунис, Марокко, Израиль	Модель сотрудничества ЕС со средиземноморскими странами отражает движение участников процесса к определенной максимально короткой дистанции для интеграции – созданию в долгосрочном плане всеобъемлющей Евро-Средиземноморской зоны свободной торговли. Отношения ЕС со средиземноморскими странами регулируются одновременно тремя взаимосвязанными инициативами, сочетающими многосторонний и двусторонний подходы.
5. Модель сотрудничества ЕС с балканскими странами: неравновесный формат на пути к полному присоединению.	Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория, Албания	Модель сотрудничества ЕС с балканскими странами показывает, как ЕС подготавливает страны к полноценному членству с помощью соглашений о стабилизации и ассоциации, помогая странам гармонизировать нормы и правила в соответствии с европейским законодательством, проводить внутренние реформы и т. д. Неравновесное состояние в долгосрочной перспективе переходит либо в сотрудничество без присоединения, либо в

¹ Таможенный союз и соседние страны: модели и инструменты взаимовыгодного партнерства / Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР). Доклад № 11. 2013. С. 7 / URL: <http://www.eabr.org/>

		полноценное членство.
6. Модель перехода от режима преференций для бывших колоний к соглашениям об экономическом сотрудничестве.	ЕС и страны Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона (АКТ)	Реализация поэтапного перехода от режима преференций для бывших колоний к торговым режимам, основывающимся на принципах ВТО, путем подписания соглашений об экономическом сотрудничестве и создания в долгосрочной перспективе ЗСТ с длинным переходным периодом.

Идея В. Путина о превращении «мощного наднационального объединения в один из мировых центров», – безусловно не просто правильная, но и единственно возможная с точки зрения сохранения не только государства, но и нации. Проблема, однако, заключается в том, что далеко не все (а, может быть, большинство) в российской и зарубежных элитах ее разделяет. Отсюда и крайне медленное и непоследовательная ее реализация, включающая в ряде случаев даже «откаты» назад.

Превращение восточного вектора внешней политики России в приоритет можно отнести ко второму десятилетию XXI века, хотя декларировалось об этом не раз и в XIX и в XX веках. Причем эта приоритетность осталась достаточно условной, скорее в области деклараций о намерениях и в ходе ряда визитов на высшем уровне в восточные регионы и соседние страны. Китай стал крупнейшим внешнеторговым партнером России, но их торговый оборот значительно уступает объему торговли Китая с США, Японией, Республикой Корея и даже Гонконгом. О торговле России с другими странами Ю.-В. Азии и АТР можно говорить только как о потенциале, требующем развития. Основная причина – структура нашей торговли и фактическое отсутствие самостоятельной связи восточных регионов с государствами АТР.

О небольшой (мягко говоря) роли России во внешней торговле главными товарами – машиностроительной продукцией – говорят следующие факты¹.

¹ Евразийская интеграция в XXI веке / ред. группа: А.Н. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Шевцов. М.: ЛЕНАРД, 2012. С. 91.

**Машиностроительная продукция
во внешней торговле России в 1995–2011 гг.**

Годы	Всего, млрд долл.		Со странами СНГ, млрд долл.		Доля стран СНГ в торговле машинами, %	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
1995	8,0	15,7	2,7	2,9	33,8	18,5
2000	9,1	10,7	2,4	2,6	26,4	24,3
2005	13,5	43,4	5,9	5,0	43,7	11,5
2008	22,8	141,0	11,5	11,8	49,6	8,4
2009	17,9	72,6	6,1	5,6	34,1	7,7
2010	23,3	103,4	9,0	10,8	38,6	10,4
2011	25,7	147,2	9,9	14,1	38,5	9,6

Источник: Россия в цифрах 2012. М.: ФСГС, 2012; Таможенная статистика внешней торговли РФ. 2011. Годовой сборник. М.: ФТС РФ, 2012.

Более того, когда приводят пример роста товарооборота с КНР, «забывают», что в 1990 году в его структуре 90% составляла продукция обрабатывающих отраслей промышленности, а в 2012 – только 10%.

Иными словами, доля России в экспорте и импорте продукции глубокой переработки была крайне незначительной. Особенно на фоне быстро растущей торговли в мире. И во многом это было вызвано не только главными причинами, связанными с провалами в экономике, но и отсутствием у элиты политической установки на евразийскую интеграцию.

Примерно такая же ситуация «неиспользованного потенциала» существует и в политической, и в военной области, где влияние России на фоне растущего влияния КНР и США ослабевало. Особенно если говорить о странах АТР, где ее роль упала практически до нуля.

Думается, что основная причина этому находится в ментальности и политической ангажированности на Европу российской элиты, которая игнорировала многие годы сотрудничество в Азии и даже собственные потребности восточных регионов. К сожалению, эта главная причина сохраняется и сегодня. Во всяком случае в финансовой части элиты. Это отражалось и в важнейших политических документах. Так, необходимо отметить, что в нормативном документе, определяющем внешнюю политику России того времени, – Концепции внешней политики Российской Федерации (в редакции 2008 года), приоритет евразийской политики выглядел слабо, только в контексте многовекторной внешней

политики и в соответствующем (IV разделе Концепции) разделе «Региональные приоритеты», что, конечно же, не соответствует масштабу и актуальности проблемы. В прежней Концепции, в частности, говорится: «В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями. Продолжится активное участие России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона – форуме «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество», механизмах партнерства с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), включая региональный форум АСЕАН»¹.

Изменения стали происходить позже. Примечательно, что в своей статье «Россия и меняющийся мир» В. Путин уже выделил специальную рубрику – «Повышение роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», которую он впервые по порядку и приоритетности поставил перед соответствующими рубриками, посвященными соответственно отношениям с Европой и США. Кроме этого, в этой рубрике обращает на себя внимание перечень стран и регионов, которые В. Путин включает в АТР, а именно – Китай, Индия, страны БРИКС, «страны Азии, Латинской Америки и Африки», а также «Большой двадцатки»².

Другими словами, В. Путин расширяет понятие АТР до широкого толкования, одновременно говоря о том, что в этом регионе у России существуют значительные национальные интересы. Это представление существенно отличается от неолиберального взгляда на мир, сменившегося в российской элите в начале 90-х годов, и, отчасти, сохранившегося до настоящего времени как о «региональной державе».

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 мая 2008 года (Пр-1440) // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtm>

² Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Коммерсант. 2012. 27 февраля. С. 2.

Некоторые из влиятельных политиков и политологов говорили в то время, что «Россия - сухопутная держава, которой не нужен ВМФ» и т.д.

Таким образом с геополитической точки зрения в России произошел коренной пересмотр акцентов ее внешней политики, когда она вновь заявила о себе как о глобальной державе, имеющей глобальные интересы. Прежде всего в Евразии и АТР.

В конечном счете эти изменения нашли свое отражение в Концепции внешней политики России, утвержденной в декабре 2012 года. Мы видим, что правящая элита очевидно недооценивала до начала второго десятилетия роль Евразии и АТР, но затем ее позиции были скорректированы.

Все это говорит о растущей роли стран АТР в мировой политике и во внешней политике России, а также о расширенном толковании политической географии и роли этих стран в судьбе России. К сожалению, роли, которая пока что не нашла адекватного отношения в основополагающих политических и нормативных документах.

Между тем примером такого стратегического прогноза и планирования мог бы послужить Китай, политическая и экспертная элита которого следующим образом оценивает перспективы Евразии и ряда других стран: «На основе проведенного статистического анализа, авторы китайского прогноза пришли к выводу, что в рамках экономического цикла с 1820 по 2030 гг. не только Китай и Индия к 2030 году займут лидирующие позиции в экономике, как в начале XIX века, но и другие развивающиеся страны Юга, график роста ВВП которых за 210 лет можно обозначить латинской буквой «и» с верхними точками в 1820 и 2030 гг. и нижней точкой в 1950 г. При этом рост экономик стран Юга к 2030 году будет обеспечиваться за счет стран БРИК (или «четырех золотых кирпичей») – Бразилии, России, Индии и Китая»¹.

В России на уровне истеблишмента не существует таких оценок и прогнозов, хотя именно представления о будущем лежат в основе формирования политики настоящего. Оценки и прогнозы, в т.ч. институтов РАН, представляют собой не более чем экономическую экстраполяцию, рассчитанную по стандартным моделям. В них нет

¹ Перспективы развития КНР к 2030 году. Научные прогнозы китайских ученых / Экспресс-информация. 2012. № 2. ИДВ РАН, 2012. С. 5–6.

главного – политического приоритета, установки, амбиции для нации и представлений об обеспечении ее национальной безопасности.

В них нет и стратегического планирования в широком понимании этого слова, которое подменено макроэкономическим прогнозом. В отличие от китайских экспертов, которые пишут: «Резко увеличилась доля китайского экспорта в объеме мирового ВВП – с 1,0% в 1820 г. до 10,5% в 1973 г. и 30,9% в 2010 г. Таким образом, за 80 лет Китай совершит переход от экономики сельского хозяйства – 1949 г. к экономике промышленности – 1978 г. и затем к экономике промышленности мощного государства – 2010 г., к экономике третьей сферы – 2030 г.

Произойдут значительные изменения в структуре занятости. Если в 2009 г. большая часть экономически активного населения Китая была занята в сельском хозяйстве – 38,1 : 27,8 : 34,1, то уже в 2020 г. большая часть населения будет сосредоточена в третьей сфере – 43,1%, а в 2030 г. в ней будет занято больше половины экономически активного населения – 51,5%, при значительном уменьшении доли занятых в сельском хозяйстве – до 16,6% и некотором росте доли занятых в промышленности и капитальном строительстве – 31,6% по сравнению с 2009 г.

При этом следует отметить, что вплоть до 2020 года доля произведенной высокотехнологичной продукции в ВВП КНР – 25% будет отставать от аналогичного показателя США – 39%, ЕС – 30% и Японии – 29%, к 2030 г. этот разрыв сократится, и КНР по этому показателю, по прогнозу, даже должна обогнать Японию: КНР – 35%, Япония – 34%, но останется по-прежнему ниже США – 42% и ЕС – 36%»¹.

Иными словами, в Китае, в отличие от России, в основе стратегических документов лежит долгосрочный прогноз и стратегическое планирование, основанные не только на экономических оценках, но и, прежде всего, на воле политической элиты.

Это объясняет во многом недостаточное присутствие политических приоритетов в евразийской стратегии России, которые ограничиваются аргументами в пользу ТС и тезисами о «взаимной выгоде». Как видно из китайских документов, их стратегия и прогноз ориентированы на

¹ Перспективы развития КНР к 2030 году. Научные прогнозы китайских ученых / Экспресс-информация. 2012. № 2. ИДВ РАН, 2012. С. 5–6.

национальное опережающее развитие, в отличие от макроэкономических ориентиров в российском случае. Разница – принципиальная.

Закономерно, кстати, что активизированный В. Путиным процесс евразийской интеграции становится политическим вектором России в АТР. Как известно, тема евразийской интеграции, существовавшая несколько десятилетий, фактически в забвении, была актуализирована В. Путиным в его статье в «Известиях» 3 октября 2011 года, которая сопровождалась целым рядом энергичных действий правительства, Государственной Думы России, отдельных партий и общественных организаций в последующие месяцы, прежде всего в области экономической интеграции¹. Но не только. Инициативы стали проявляться и в образовательной, культурной и информационной областях. Было активизировано и военно-техническое сотрудничество. Но эти важнейшие процессы, имеющие более важное значение, чем экономическая интеграция, получали слабую поддержку со стороны руководства страны. По сути активность в дозволенных рамках проявляли только Председатель Госдумы ФС РФ С. Нарышкин и руководитель Россотрудничества К. Косачев, у которых было явно недостаточно ресурсов и поддержки со стороны других органов власти.

Проблемы внешнеполитической стратегии и безопасности как-то были отодвинуты на второй план, хотя их обсуждение имеет принципиальное значение. Можно напомнить, что в основе европейской интеграции лежали прежде всего вопросы безопасности и общей политики, а не экономики. Этим и объясняется прежде всего ее успешность. Более того, уже Лиссабонские соглашения и поведение ведущих европейских держав показывают, что именно политические процессы лежат в основе интеграционной политики стран Евросоюза.

В России произошло и происходит все наоборот. На первый план были выдвинуты вопросы экономической интеграции – деятельности Таможенного союза и Единого экономического пространства, – хотя уже изначально говорили о возможности расширения политической интеграции, создании единой валюты и т.д.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве охватывают большую часть территории и населения бывшего СССР. Однако по многим показателям их результативность существенно уступает ведущим региональным объединениям в современном мире. В частности, общая доля стран-участников в мировом ВВП составляет в случае ЕврАзЭС менее 3%, ЕС и НАФТА – 26%, АТЭС (без членов НАФТА) 29%. Аналогичный многократный разрыв сохраняется в сфере глобальных инвестиций и государственных расходов. Поэтому, хотя интеграционные проекты ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП активно содействуют развитию постсоветских государств, их реальный потенциал требует интенсивного наращивания, особенно с учетом возможного расширения состава ТС и ЕЭП и в интересах повышения конкурентоспособности на международной арене. И ответ здесь находится в политической области.

Начало текущего десятилетия отмечено многими крупными событиями, подтвердившими российское лидерство в экономическом взаимодействии с большинством стран постсоветского пространства. Однако условия осуществления этого лидерства остаются в значительной степени затратными и не всегда создают долгосрочные гарантии продвижения российских интересов, что не должно быть препятствием. Опыт Германии в Евросоюзе показывает, что она вынуждена платить за свое лидерство. Не говоря уже об «экономических издержках» объединения Германии.

Это, безусловно, очевидный, но только самый первый шаг. Выгода Таможенного союза и экономического сотрудничества очевидна. Как на экономическом, так и на бытовом уровне¹.

Страна	Таможенный союз – всего				В том числе:											
	оборот	экспорт	импорт	сальдо	Республика Беларусь				Республика Казахстан				Российская Федерация			
					оборот	экспорт	импорт	сальдо	оборот	экспорт	импорт	сальдо	оборот	экспорт	импорт	сальдо
Всего	189733,2	124967,3	64765,9	60201,4	10019,6	4755,3	5264,3	-509,0	19368,2	15856,4	3511,8	12344,6	160345,4	104355,6	55989,8	48365,8
из них по странам:																
СТРАНЫ СНГ	18664,3	12568,5	6095,8	6472,7	1814,4	905,2	909,2	-4,0	1602,4	1080,3	522,1	558,2	15247,5	10583,0	4664,5	5918,5
АЗЕРБАЙДЖАН	1172,3	684,2	488,1	196,1	429,8	71,2	358,6	-287,4	70,4	45,2	25,2	20,0	672,1	567,8	104,3	463,5

¹ Внешняя торговля товарами государств – членов Таможенного союза за I квартал 2011 года. Статистический бюллетень / Евразийское экономическое сообщество. Комиссия Таможенного союза. М. 2011. С. 154.

АРМЕНИЯ	208,6	174,2	34,4	139,8	6,3	4,9	1,4	3,5	1,3	0,8	0,5	0,3	201,0	168,5	32,5	136,0
КИРГИЗИЯ	452,2	363,1	89,1	274,0	40,9	38,6	2,3	36,3	121,7	93,7	28,0	65,7	289,6	230,8	58,8	172,0
МОЛДОВА, РЕСПУБЛИКА	554,2	468,7	85,5	383,2	63,9	47,2	16,7	30,5	9,8	7,5	2,3	5,2	480,5	414,0	66,5	347,5
ТАДЖИКИСТАН	326,5	278,0	48,5	229,5	20,5	9,7	10,8	-1,1	75,6	67,7	7,9	59,8	230,4	200,6	29,8	170,8
ТУРКМЕНИЯ	283,4	233,0	50,4	182,6	34,7	33,9	0,8	33,1	26,1	21,0	5,1	15,9	222,6	178,1	44,5	133,6
УЗБЕКИСТАН	1091,5	650,5	441,0	209,5	24,6	12,6	12,0	0,6	319,9	206,3	113,6	92,7	747,0	431,6	315,4	116,2
УКРАИНА	14575,6	9716,8	4858,8	4858,0	1193,7	687,1	506,6	180,5	977,6	638,1	339,5	298,6	12404,3	8391,6	4012,7	4378,9
СТРАНЫ ВНЕ СНГ	171068,9	112398,8	58670,1	53728,7	8205,2	3850,1	4355,1	-505,0	17765,8	14776,1	2989,7	11786,4	145097,9	93772,6	51325,3	42447,3
АВСТРАЛИЯ	254,6	16,3	238,3	-222,0	3,3	2,3	1,0	1,3	7,3	2,5	4,8	-2,3	244,0	11,5	232,5	-221,0
АВСТРИЯ	1542,4	823,8	718,6	105,2	54,9	7,3	47,6	-40,3	626,9	594,8	32,1	562,7	860,6	221,7	638,9	-417,2
АЛЖИР	483,0	481,5	1,5	480,0	4,1	2,9	1,2	1,7	0,0	0,0	–	0,0	478,9	478,6	0,3	478,3
АНГОЛА	21,9	21,9	0,0	21,9	0,4	0,4	–	0,4	0,0	0,0	–	0,0	21,5	21,5	0,0	21,5
АРГЕНТИНА	372,4	134,6	237,8	-103,2	44,4	1,1	43,3	-42,2	16,5	10,8	5,7	5,1	311,5	122,7	188,8	-66,1
АФГАНИСТАН	192,5	179,8	12,7	167,1	12,0	11,1	0,9	10,2	30,9	29,3	1,6	27,7	149,6	139,4	10,2	129,2
БАНГЛАДЕШ	110,4	37,1	73,3	-36,2	40,1	36,4	3,7	32,7	1,5	–	1,5	-1,5	68,8	0,7	68,1	-67,4
БЕЛЬГИЯ	2940,0	1998,4	941,6	1056,8	117,5	44,6	72,9	-28,3	54,0	24,6	29,4	-4,8	2768,5	1929,2	839,3	1089,9
БЕНИН	63,3	63,3	0,0	63,3	0,1	0,1	–	0,1	–	–	–	–	63,2	63,2	0,0	63,2
БЕРМУДЫ	865,2	865,2	0,0	865,2	–	–	–	–	865,2	865,2	–	865,2	0,0	–	0,0	0,0
БОЛГАРИЯ	1095,0	941,3	153,7	787,6	22,0	9,1	12,9	-3,8	211,8	204,4	7,4	197,0	861,2	727,8	133,4	594,4
БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА	185,9	173,2	12,7	160,5	2,4	2,2	0,2	2,0	0,0	–	0,0	0,0	183,5	171,0	12,5	158,5
БРАЗИЛИЯ	1856,6	588,0	1268,6	-680,6	439,6	284,7	154,9	129,8	95,8	3,8	92,0	-88,2	1321,2	299,5	1021,7	-722,2
ВЕНГРИЯ	2654,6	1888,4	766,2	1122,2	54,4	21,6	32,8	-11,2	60,4	26,6	33,8	-7,2	2539,8	1840,2	699,6	1140,6
ВЕНЕСУЭЛА, БОЛИВАРИАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА	569,3	90,4	478,9	-388,5	512,7	34,0	478,7	-444,7	0,1	–	0,1	-0,1	56,5	56,4	0,1	56,3
ВИРГИНСКИЕ ОСТРОВА, БРИТАНСКИЕ	90,5	90,5	0,0	90,5	0,1	0,1	0,0	0,1	75,6	75,6	0,0	75,6	14,8	14,8	0,0	14,8

Приходится констатировать, что многовекторное экономическое сотрудничество стран-участников ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП обусловлено расширением их участия в международном разделении труда в целях мобилизации ресурсов для решения хозяйственных задач. Наиболее наглядным проявлением многовекторности стало изменение архитектуры внешнеторгового взаимодействия на постсоветском пространстве, отход от моноцентричной системы партнерства в сфере экспорта и импорта. На современном этапе величина товарооборота со странами мира за пределами постсоветского пространства у трех участников ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП – Казахстана, России и Таджикистана превышает величину товарооборота с партнерами по интеграционному процессу (приблизительно 74%, 86% и 53% соответственно) и только у Белоруссии и Киргизии этот товарооборот составляет относительно меньшую долю

во внешнеторговом взаимодействии (примерно 45% и 48% соответственно). Значимость многовекторности международного экономического сотрудничества стран-участников ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП еще более наглядно проявляется в контексте сравнения величины экспортно-импортных потоков, которые сложились между ними, другими странами СНГ и широкой международной средой.

**Удельный вес стоимостных показателей экспорта и импорта стран
ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП на современном этапе % %**

	ЭКСПОРТ (100%)			ИМПОРТ (100%)		
	все страны СНГ	страны ЕврАзЭС	мир	все страны СНГ	страны ЕврАзЭС	мир
Белоруссия	44	33	56	64	59	36
Казахстан	16	10	84	42	33	58
Киргизия	45	34	55	56	50	44
Россия	15	9	85	13	7	87
Таджикистан	21	13	79	57	44	43

Тем не менее, несмотря на расширение географии внешнеторгового сотрудничества и существенную значимость внешнего по отношению к интеграционному объединению вектора развития, именно современная политическая ситуация не создает условий для радикальной переориентации взаимных связей между странами-партнерами по ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП. Если для России очень большую роль играют вопросы транспортных коридоров, то объективная заинтересованность в поддержании интеграционных тенденций Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана обусловлена стабильно высокими объемами экспортных (Белоруссия, Киргизия) и импортных (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) потоков, связывающих их с другими участниками интеграционного процесса. Характерно, что в период мирового кризиса, параметры стоимостных объемов экспортно-импортных потоков стран-участников ТС/ЕЭП и ЕврАзЭС внутри интеграционного формата и за его пределами лишь в отдельных случаях претерпели значимые изменения. Важнейшими из них является заметный рост казахстанского экспорта и импорта в страны ЕС, значительный рост киргизского импорта из стран СНГ, ЕС и Китая, существенный рост

таджикского экспорта в Китай и импорта из стран ЕврАзЭС и СНГ, падение экспорта Таджикистана в другие страны мира и особенно в ЕС. Но по своему товарному составу экспортно-импортные потоки практически не изменились и общие характеристик: системы товарообмена на интеграционном пространстве сохранились.

В целом, несмотря на влияние многовекторности экономического сотрудничества, развитие основных интеграционных форматов опирается не только на масштабы взаимных торговых обменов между странами-членами, но и на их взаимодополняемость. Это качество позволяет решать многие вопросы интеграционного развития, в том числе смягчать последствия для национальных хозяйственных систем – Белоруссии, Киргизии и Таджикистана, «хронически» отрицательного сальдо во внешней торговле за пределами постсоветского пространства. Тем самым повышается привлекательность участия в интеграционном взаимодействии для небольших государств, расположенных на флангах интеграционных объединений.

В этой связи, главной особенностью многовекторной системы внешнеторгового сотрудничества стран-участников ТС, ЕврАзЭС и ЕЭП является общая сбалансированность центростремительных и центробежных характеристик и системная устойчивость в пределах среднесрочной перспективы.

Этот взвешенный, но излишне осторожный подход обуславливается объективно низкой ролью в интеграции политических факторов, которые могут иметь решающее значение. Представляется, что для изменения ситуации необходимо на национальном российском – государственном и общественном – уровне существенно повысить роль приоритетов евразийской интеграции в российской внешней политике.

Начатые интеграционные процессы – только самый первый шаг, за которым должны последовать и другие. В том числе в политической и военно-политической области. Так, необходимо резкое расширение масштабов военно-технического сотрудничества. И не только с точки зрения льготных цен (что уже существует сегодня по информации Генерального секретаря ОДКБ Н. Бордюжи¹), но и с точки зрения

¹ Бордюжа Н. Россия упростит продажу оружия союзникам // Известия. 2012. 21 июня. С. 1, 3.

усиления военно-научной и промышленной кооперации на стадии разработки В и ВТ, а также разработки способов ее применения, базирования, обслуживания и обеспечения. Здесь есть огромные возможности, но к их использованию необходимо подходить не с утилитарных «экономических», а политических требований, сформулированных в основополагающих правовых документах, а, главное, политической ориентации правящей элиты.

д). Необходимость «политизации» стратегии евразийской интеграции

... применительно к политической
сфере международной жизни
глобализация поставила ряд острых и
сложных вопросов¹

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Сегодня многие эксперты и аналитики
говорят о возможности возникновения
мировой войны, которая рассматривается
ими в качестве инструмента для разрешения
накопившихся проблем в современном
обществе²

К. Сивков,
эксперт

Процесс евразийской интеграции – прежде всего политический процесс, проходящий не только в ряде стран СНГ, но прямо (иногда даже болезненно) затрагивающий как интересы стран Евросоюза и США, так и других стран Евразии и АТР. Подходить к нему как к частной «торгово-экономической» инициативе трех стран – совершенно неверно.

Однако именно это во многом и происходит в правящих элитах постсоветских республик, которые нередко пытаются «вывести за скобки» политические, военные, гуманитарные и иные вопросы.

Концепция евразийской интеграции, предложенная в 2011 году В. Путиным, представляла собой концепцию преимущественно торгово-экономической интеграции нескольких стран, хотя уже в ней говорилось о возможности формирования «наднациональных органов». В том виде, как она была сформулирована В. Путиным в 2011 году, она выглядела следующим образом: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз.

Сложение природных ресурсов, капиталов, **сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке** (подч. авт.), в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих

¹ Торкунов А.В. По дороге в будущее / А.В. Торкунов, ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевицников. М.: Аспект Пресс, 2010. 476 с.

² Сивков К. Мировая война как выход из глобального кризиса // Военно-промышленный курьер. 2012. 12 декабря. № 49 (465).

мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами – такими как ЕС, США, Китай, АТЭС – обеспечивать устойчивость глобального развития»¹.

«Устойчивость развития» – это одно из определений обеспечения безопасности. Надо понимать, что этой устойчивости безопасности действительно угрожают. И не экономически, а вполне даже политически, а в перспективе, вероятно, и военными мерами. Примеров можно привести множество в самых разных областях. Один из них относится к проблеме природных ресурсов. И не только энергетических, но и водных. Так, «Комитет Конгресса США провел 25 июля слушания на тему «появления угрозы войн за ресурсы» в Центральной Азии. Но установить, что это за угроза и существует ли она вообще, в результате не удалось.

Слушания проводились Подкомитетом Палаты представителей по вопросам Европы, Евразии и нарождающихся угроз (House Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats) под председательством конгрессмена Даны Рорабахера (Dana Rohrabacher), привносящим свои идиосинкратические убеждения относительно региона в работу подкомитета с тех пор, как его назначили его главой.

В своей вступительной речи Д. Рорабахер сделал мрачное предупреждение, что «растущий спрос на мировых рынках на минерально-энергетические ресурсы вызывает ожесточенную экономическую конкуренцию, которая может привести к контрпродуктивному конфликту... В мире, где одна сторона может приобрести ресурсы для развития, лишь отобрав ее у другой, изначально предполагается появление конфликтов. Когда открываются новые ресурсы, как это происходит в Центральной Азии, появляются опасения, что их на всех не хватит, и так зарождается конфликт». Однако, указав на то, что Китай и Индия быстро развиваются и нуждаются в ресурсах, он не объяснил, как это может привести к войне в Центральной Азии»².

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.

² Кучера Д. В Конгрессе США прошли слушания о возможности войн за ресурсы в Центральной Азии / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 28 июля / URL: <http://topwar.ru>

На таком международном фоне. Объективно, трактовка евразийской интеграции не могла не нести в себе политических составляющих. Последующие годы показали, что различные неэкономические – политические, гуманитарные, военные – аспекты интеграции стали стремительно набирать силу. Они нашли свое отражение, например, в развитии парламентских контактов и первом опыте межпарламентских дискуссии (включая участие сотрудников аппаратов), активизации ВТС, наконец, в решении (декабрь 2012 г.) создать объединенное ПВО.

В общественном сознании граждан России и других государств, включая европейских и даже США, идея евразийской интеграции нашла не только отклик, но и привела к созданию общественных и политических объединений, выступающих за интеграцию. К весне 2013 года, например. В России было зарегистрировано уже 4 «евразийские» партии. Это означало значительно более широкое толкование идеи, чем высказанная концепция В. Путиным, хорошо иллюстрирует карта, предложена лидером молодых евразийцев Ю. Кофнером из МГИМО(У), в комментарии к которой он пишет:

Международные транспортные коридоры Евразии

«Прежде всего, необходимо всеми доступными способами поднять демографию, во-первых, русских, во-вторых, всех остальных народов России, в-третьих, братских народов Евразийского союза (ЦВЕ, Кавказа, Центральной Азии). Именно в этой последовательности. Не шовинист я, конечно, но думаю, что именно русский этнос испытывает демографический кризис на данный момент, и только поэтому ему необходимо помочь в первую очередь. То же самое касается всех остальных этносов России-Евразии, которые сейчас переживают аналогичную ситуацию.

Параллельно с реализацией этой первоочередной задачи демографической политики необходимо создать стимулы для переселения данных этносов на территорию Сибири и ДВ»¹.

¹ Кофнер Ю. Меры по экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока. 8 июля 2012 г. URL: <http://eurasian-integration.org/?q=content/>

Между тем объективно евразийская политика значительно более масштабная идея, чем только экономическая интеграция. Она имеет широкое внутривнутриполитическое и международное значение. Как справедливо заметил академик М. Титаренко, «Только Россия, основывающаяся на евразийской парадигме, способна решить проблемы возрождения, сохранения своей территориальной целостности, подъема культур всех населяющих ее народов и расцвета русской культуры – стержень единства и взаимодействия цивилизаций».

Только Россия, базирующаяся на евразийской парадигме, способна играть важную роль и взаимодействовать в рамках таких международных структур, как РИК и БРИК.

Только Россия, как евразийская держава, способна поддерживать и развивать и даже добиться признания равноправия и взаимовыгодности суверенных ее отношений с европейским сообществом, с США, Индией, Японией, другими странами и интегрироваться в региональные структуры АТР и Европы»¹.

В такой политике, безусловно, огромная, даже исключительная роль принадлежит государству. В России ведутся до сих пор бесконечные споры о роли государства вообще и в развитии Сибири и Дальнего Востока, в частности. Обострение этих споров произошло в 2011–2012 годах в связи с выдвижением идеи создания государственной корпорации по развитию этих регионов, хотя, как показывает международная практика, все государства, даже те, в которых эта проблема не стоит столь остро, активно участвуют в развитии малоосвоенных регионов. В частности, можно привести следующие примеры²:

¹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 94.

² Мировой опыт развития // Российская газета. 2012. 21 июня. С. 10.

Мировой опыт организации деятельности Институтов развития территорий: Канада, Австралия, некоторые страны Азии, США

Корпорации развития территорий США

- 1 Tennessee Valley Authority, TVA**
(Администрация долины реки Теннесси)
США, 1933
Государственная корпорация, управляющая собственностью федерального правительства (активы на 8 млрд. долларов)
Осуществление многоцелевых инвестиционных проектов энергетической инфраструктуры, региональное развитие
С 2005 года Администрация содействовала созданию (и сохранению) более чем 300 тыс. рабочих мест и привлечению свыше 32 млрд. долл. бизнес-инвестиций в штаты Долины.
- 2 The Appalachian Regional Commission, ARC**
(Компания регионального развития Аппалачей)
США, 1965. Позднее создано еще 8 подобных комиссий
Междугосударственная региональная комиссия (вкл. 13 штатов площадью 420 тыс. кв. км с населением 19 млн. человек)
Реализация проектов строительства автодорожной сети, реализация социальных программ занятости территорий
С 2006 по 2010 год Комиссия проинвестировала создание свыше 120 тыс. домашних хозяйств с инфраструктурой, профинансировала обучение свыше 100 тыс. студентов, создала (и сохранила) свыше 130 тыс. рабочих мест, привлекла около 3 млрд. долл. частных и государственных инвестиций на реализацию проектов социально-экономического развития.

Корпорации развития территорий Канады

- 1 Partnerships British Columbia** (Корпорация развития провинции Британская Колумбия)
Канада, 2002
Акционер - Министерство Финансов Канады. Принадлежит провинции Британская Колумбия.
Бизнес-проекты в интересах жителей
Реализовано 16 проектов соц. и транспортной инфраструктуры общей стоимостью свыше 5,5 млрд. долл. В процессе реализации - 7 инфраструктурных проектов общей стоимостью свыше 3,5 млрд. долл.
- 3 Nord Plan** (План развития северных территорий Квебека)
Канада 2011
Координационный совет, состоящий из представителей регионов, коренного населения Севера, бизнеса и правительства Квебека
Привлечение не менее 80 млрд. долл. государственных и частных инвестиций за 2011 - 2036 гг. Учреждение фонда Севера для развития транспортной и социальной инфраструктуры, куда в 2011-2016гг. Выделение Правительством Квебека 500 млн. долл. для долевого участия в проектах
Социально-экономическое развитие региона

Корпорации развития территорий Австралии

- 1 Land Development Corporation (Northern Territory)**
(Компания развития территории Австралии)
Австралия, создана в 2003 году
Организация под патронажем правительства Северных Территорий
Стимулирование экономического роста и создание новых рабочих мест. Изучение и внедрение инновационных методов территориального планирования.
Корпорация занимается развитием и управлением девяти промышленных и трёх жилищных инфраструктурных проектов в Северных Территориях Австралии.
- 2 Canada Economic Development for the Regions of Quebec**
(Компания экономического развития регионов провинции Квебек)
Канада, реорганизовано в 2005
Федеральное агентство, 15 отделений в провинции Квебек
Способствовать долгосрочному экономическому развитию регионов провинции Квебек - уделяя особое внимание тем, где преобладает замедленный экономический рост и не хватает возможностей для занятости населения
За последние пять лет Агентство выдало свыше 1,2 млрд. долларов в рамках реализации экономических программ
- 3 JTC Corporation** (Корпорация JTC)
1969, Сингапур
Учреждена специальным актом Парламента.
Контроль за промышленным использованием и промышленным развитием ограниченных земельных ресурсов Сингапура с целью содействия экономическому развитию.
За время деятельности Корпорация разработала свыше 6 600 га промышленных земель и построила более 3,4 млн. м² объектов промышленных объектов и объектов транспортной и бизнес-инфраструктуры.

Корпорации развития территорий Азии

- 1 China Housing and Land Development** (Китайское агентство по освоению земель и жилищному строительству)
1992, Китай
Государственная корпорация правительства Китая, в 2006 году стала публичной акционерной компанией и зарегистрирована в штате Невада, США
Стать ведущим застройщиком жилья в Сиане и на других рынках Западного Китая
За 10 лет компания реализовала восемь крупных жилищных проектов в Западной Китае общей площадью около 500 тыс. м²
- 2 Korea Land & Housing Corporation** (Корпорация жилищного строительства Корейской республики)
1962, Республика Корея. Реорганизована в 2009 через слияние Korea National Housing Corporation и the Korea Land Corporation
Собственность правительства Кореи (на 73,3%) и Корейского Банка развития (26,7%)
Стимулирование экономического роста.
Проект Корпорации «5+2» (по числу экономических территорий) нацелен на создание в Республике около 2,5 млн. рабочих мест и обеспечение производственного эффекта в размере около 328 трлн. вон (более 280 млрд. долл.)
- 4 Urban Redevelopment Authority, URA**
(Администрация реконструкции городов)
1974, Сингапур
Учреждена специальным актом Парламента.
Обеспечение долгосрочного развития территорий, притока инвестиций.
За почти три десятилетия существования, URA подготовило и выпустило свыше 1360 земельных участков по правительственной программе. Сейчас на этих территориях размещено 35% всей коммерческой структуры Сингапура, 59% общего объема гостиничных номеров и 26% частного жилья.

			
Страна, год основания	Организационная форма	Миссия	Результат

Надо отметить, что в важнейших нормативных документах, формализирующих политику России в области национальной безопасности, новая евразийская политика пока что не отражена, что в принципе понятно: они были приняты до знакового «стратегического разворота» В. Путина в 2011 году. Так, в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом России 5 февраля 2010 года, среди «основных внешних военных опасностей» перечисляются (вполне традиционно) следующие:

а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;

в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;

г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

д) территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;

е) распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;

ж) нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;

з) применение военной силы на территориях сопредельных с Российской Федерацией государств в нарушение Устава ООН и других норм международного права;

и) наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств;

к) распространение международного терроризма;

л) возникновение очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма в отдельных регионах мира»¹.

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г.

В принципе эти угрозы отражают реалии, в т.ч. стремление США и его союзников разделить Россию на европейскую и азиатскую части. В относительно «мягкой» форме об этом говорил еще в 1997 г. З. Бжезинский: «Учитывая протяженность территории и ее разнообразный характер, именно децентрализованная политическая система и экономика свободного рынка должны, скорее всего, пробудить творческий потенциал российского народа и способствовать развитию огромных природных ресурсов страны. Так сказать, свободно конфедеративная Россия, состоящая из европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики, также придет к выводу, что в таком случае ей будет легче поддерживать тесные экономические связи со своими соседями. Каждое из таких конфедеративных образований сможет успешно развивать творческий потенциал на местах, веками тормозившийся тяжелой бюрократической рукой Москвы. В свою очередь, децентрализованная Россия будет менее склонна к проявлению имперских амбиций»¹.

Как видно из перечня этих угроз, они выглядят вполне классически. Что, на мой взгляд, не соответствует ни актуальности, ни приоритетности. Практически все из них могли бы с успехом быть отнесены как к началу 90-х годов прошлого века, так и к прошедшему десятилетию. Примечательно, что в Военной доктрине среди приоритетов военно-политического сотрудничества также не упоминается приоритет военно-политическое сотрудничество в рамках евразийства, хотя отдельные его элементы отчетливо обозначены:

«Основные приоритеты военно-политического сотрудничества:

а) с Республикой Беларусь:

- координация деятельности в области развития национальных вооруженных сил и использования военной инфраструктуры;
- выработка и согласование мер по поддержанию обороноспособности Союзного государства в соответствии с Военной доктриной Союзного государства;

¹ Бжезинский З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе // Независимая газета. 1997. 24 октября. С. 3.

б) с государствами – членами ОДКБ – консолидация усилий и создание коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны;

в) с другими государствами – участниками СНГ – обеспечение региональной и международной безопасности, осуществление миротворческой деятельности;

г) с государствами ШОС – координация усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве, а также создание необходимой нормативно-правовой базы;

д) с ООН, другими международными, в том числе региональными, организациями – вовлечение представителей Вооруженных Сил и других войск в руководство миротворческими операциями, в процесс планирования и выполнения мероприятий по подготовке операций по поддержанию мира, а также участие в разработке, согласовании и реализации международных соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления военной безопасности, расширение участия подразделений и военнослужащих Вооруженных Сил и других войск в операциях по поддержанию мира»¹.

Как видно, концепция евразийского сотрудничества пока не нашла отражения в военно-политическом планировании России, ограничиваясь развитием отношений с традиционными партнерами и ОДКБ. Между тем, думается, что страны Евросоюза можно было бы шире рассматривать в качестве потенциальных партнёров. Соответственно при таком подходе «выпадают» из эпицентра внимания такие принципиальные угрозы, например, как создание системы ПРО США в АТР, возросшая конфликтность между США и Китаем, стремительный рост военных расходов в Китае, США и ряде других стран АТР и т.д.

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г.

Глава 4. Евразийская стратегия России как средство противодействия политике с позиции военной силы в Евразии и АТР

... в ближайший год мы создадим
нормативную основу для этой системы
ПВО,
а к концу 2012 – началу 2013 года
завершим формирование трех
региональных систем¹

*Н. Бордюжа,
Генсек ОДКБ*

Возникающая международная система
становится все более сложной,
динамичной, неустойчивой и все менее
предсказуемой²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Россия не может и, видимо, в ближайшее время не сможет противопоставить адекватную военную силу в Евразии США и Китаю. Не только технологические и экономические, но и демографические потенциалы несоизмеримы. Поэтому даже пытаться создать видимость военного равновесия в Евразии бессмысленно. Это означает, что силовой политике мы должны противопоставить не только и даже не столько силовые методы, сколько иные – политические, дипломатические, социокультурные.

Нередко говорят о том, что международно-правовые инструменты и институты способны нейтрализовать стремление использовать военную силу. Это справедливо лишь до определенной степени: современная политическая история показала, что эти инструменты становятся все менее эффективными, а иногда и просто игнорируются. Так было в Югославии, Ираке, Ливии. Еще более показателен пример с Сирией, когда США откровенно заявили о «недееспособности Совбеза ООН». Поэтому вполне обоснованная оценка значения международного права прозвучала в статье «New York Times» из уст В. Путина: «... если нельзя полагаться на международное право, то надо искать другие варианты гарантированного обеспечения собственной безопасности»³.

Обеспечение безопасности в Евразии не может быть гарантировано России только традиционными инструментами – ни военной силой, ни международным правом. Необходимо искать, создавать и развивать

¹ Бордюжа Н. Россия упростит продажу оружия союзникам // Известия. 2012. 21 июня. С. 3.

² Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 96.

³ Putin V.V. A Plea for Caution From Russia // The New York Times. 2013. September 12. P. 1.

другие инструменты обеспечения безопасности в Евразии. Если согласиться с этим тезисом, то сказанное означает, что России предстоит параллельно развивать, как минимум, три направления в своей евразийской стратегии:

Во-первых, опережающими темпами развивать свои восточные регионы, наращивать их экономический, демографический и военный потенциал, создавать себе в восточных регионах позицию силы, используя в этих целях свои геополитические ресурсные и географические преимущества, прежде всего, в области инфраструктуры – транспорта, связи и информатики.

Во-вторых, развивать сотрудничество и союзы по всем евразийским направлениям – от европейского до центральноазиатского и дальневосточного, включая АТР, создавать новые формы экономической, политической и военной интеграции. При этом необходимо выйти за рамки восприятия интеграции как исключительно экономического или торгового процесса, расширить его до широкого политического гуманитарного, культурного и иного сотрудничества со всеми странами Евразии и АТР.

В-третьих, не бояться использовать по отношению к своим партнерам и союзникам инструменты влияния с целью заставить их определиться со своим выбором в пользу России. Сегодня «гибкая», «прагматическая» и «разновекторная» политика этих стран во многом себя исчерпала. Многие государства пытаются одновременно выстраивать взаимовыгодные отношения с разными полюсами силы в Евразии и АТР – США, Китаем, Россией и исламскими странами, – нанося в действительности нередко прямой ущерб отношениям с Россией. К сожалению, как метко заметил бывший грузинский дипломат Г. Чилашвили, сегодня «выглядит это так: Киргизия и Таджикистан просят у России денег, иногда получают их, а потом бегут к туркам за очередным «траншем»¹.

Необходимо определить допустимые границы такой «гибкости» для целого ряда стран – от Украины и Киргизии до Вьетнама и Сербии. Так, «гибкость» Украины по отношению к ТС и Евросоюзу может дорого

¹ Чилашвили Г. Османская противоракетная империя / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 14 августа / URL: <http://topwar.ru/>

обойтись российской экономике, а тем более политике. И, наоборот, давление, предпринятое Россией на Украину в 2013 году, может привести к сокращению ее экспорта в нашу страну за второе полугодие с 8,5 млрд до 6,0 млрд долл.¹

Война, военные конфликты и военное соперничество в Евразии очевидно становятся все более и более реальными. Поэтому России, которая абсолютно не заинтересована в дальнейшем развитии этих процессов, необходимо предпринять соответствующие меры для обеспечения своих национальных интересов в АТР и Евразии. Притом понимании, что ресурсы – политические, экономические, военные – крайне ограничены. Очевидно, что при таких условиях на первый план выходят политико-дипломатические и иные инструменты внешней политики, хотя – важно подчеркнуть – в соответствии с имеющимися реальными возможностями необходимо не упускать из виду и военный компонент. Особенно ВТС и научно-техническое сотрудничество.

Главной угрозой безопасности России в Евразии является стремление США превратить военную силу в «используемый» инструмент их внешней политики как на региональном, так и на глобальном уровне. Причем эта угроза теперь может возникнуть не только с западного и южного, но и дальневосточного и арктического направлений. Последние десятилетия продемонстрировали, что там, где это нужно и возможно, в частности, в Афганистане, Иране, Югославии, США активно и эффективно используют военную силу союзников по НАТО. Похоже, что США делают на нее ставку и на евразийском направлении, прежде всего в Центральной Азии и, возможно, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, – регионах, объявленными приоритетами внешней политики США. Но возникает и угроза с севера, прежде всего от ВМС США.

Необходимо признать, что в период «холодной войны» и после ее окончания существовали объективные сдерживающие факторы, прежде всего военно-стратегический паритет, который делал такую возможность опасной и в силу этого даже малореальной. Такая ситуация никогда и в никакие периоды после Второй мировой войны не устаивала США,

¹ Вислогузов В., Ментюкова С. Политика есть искусство таможенного // Коммерсант. 2013. 15 августа. С. 1.

которые пытались все эти десятилетия не допустить подобного равновесия за счет наращивания военно-технического превосходства.

а). Военная сила США в Евразии как новая геополитическая реальность

Президент США предпринял попытку
в своей речи (обращении к нации
10 сентября 2013 г.) обосновать
исключительность американской
нации¹

*В. Путин,
Президент России*

... азиатский поворот администрации Обамы
лишь повысил напряжение и сделал регион
более подверженным конфликтам²

*Р. Росс,
профессор Бостонского колледжа*

Военные возможности США в Евразии необходимо адекватно оценивать. Их недооценка опасна. Во многом эти возможности являются производными от экономических, технологических и иных возможностей. Так же, впрочем, как возможности военной силы предопределены мощью государства и существующим соотношением сил. Но во многом военные возможности, в т.ч. военная мощь, определяются теми задачами, которые формулируются в национальной стратегии и военной доктрине, намерениями и способами использования военной силы. Именно военно-политические цели и способы применения военной силы выступают «промежуточным» и очень важным звеном между соотношением сил (экономических, политических, духовных и пр.) и соотношением военных сил. Являясь фундаментом, базой для развития ВС, ВВТ, они развиваются в соответствии с представлениями и программами их использования, которые формируются в правящей элите страны.

Изменения в соотношении сил в мире и в Евразии неизбежно ведут и к изменениям в соотношении военных сил, хотя последние «запаздывают» на одно-два десятилетия. Эта поправка очень важна потому, что нельзя прямо экстраполировать изменения собственно в соотношении мощи государства на соотношение их военных потенциалов. Тем не менее, эти процессы тесно взаимосвязаны и не могут быть оторваны один от другого. Так, по оценке китайских ученых,

¹ *Putin V.V. A Plea for Caution From Russia // The New York Times. 2013. September 12. P. 1.*

² *Росс Р. Проблема с разворотом // Россия в глобальной политике. 2012. Ноябрь–декабрь. Т. 10. № 6. С. 142.*

соотношение сил в мире в 2010 и в 2030 годах будет выглядеть следующим образом¹:

**Доля ВВП стран Севера и Юга
в 1820, 2000 и 2030 гг. (%)**

	1820	2010	2030
Страны Юга	70,3	52,4	66,9
Китай	33,0	20,7	33,4
Индия	16,1	8,0	18,6
Россия	5,4	2,4	3,0
Бразилия	0,4	2,6	5,1
Азиатские страны	56,5	40,9	58,2
Станы Севера	29,7	47,6	33,1
США	1,8	18,4	15,1
ЕС	23,3	18,1	13,1
Япония	3,0	5,4	3,2

Приходится признать, что «азиатский поворот» Б. Обамы сознательно поддерживается в США и некоторых странах Евросоюза формированием «образа врага» в лице не только КНДР, Китая, но и России. И это не случайно. В эпоху, когда идет борьба за продвижение своей системы ценностей (в данном случае либеральной), позиции того или иного государства или группы государств определяются привлекательностью своей ценностной системой и непривлекательностью чужой. Это же во многом предопределяет и эффективность использования тем или иным государством «мягкой силы» (soft power). Это имеет огромное политическое значение в информационную эпоху развития человечества. Так, российские эксперты отмечают, например, что «... вся современная германская система образования от школы до университета в большей степени способствует созданию враждебного, нежели дружественного образа России. За подобной линией стоит вековая традиция. Ещё до первого объединения Германии в 1871 г., но особо массированно после этой даты немцев стали приучать к тому, что восточный сосед рейха является его потенциальным противником, хотя для всей предыдущей истории были

¹ Перспективы развития КНР к 2030 году. Научные прогнозы китайских ученых / Экспресс-информация. 2012. № 2. ИДВ РАН, 2012. С. 29.

типичны партнёрские и союзнические отношения между обоими государствами»¹.

При этом необходимо отметить два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, эффективность «мягкой силы» зависит от других факторов силы – экономических, финансовых, но, прежде всего, военных. Поэтому рассуждения о том, что «военная сила потеряла свое значение», популярные в среде отечественных либералов с конца 80-х годов XX века, имеют мало общего с реальностью. Это хорошо видно на примере политики США в отношении КНДР, которую провоцировали (в том числе имитируя ядерную бомбардировку в ходе корейско-американских учений) на непопулярные ответные меры.

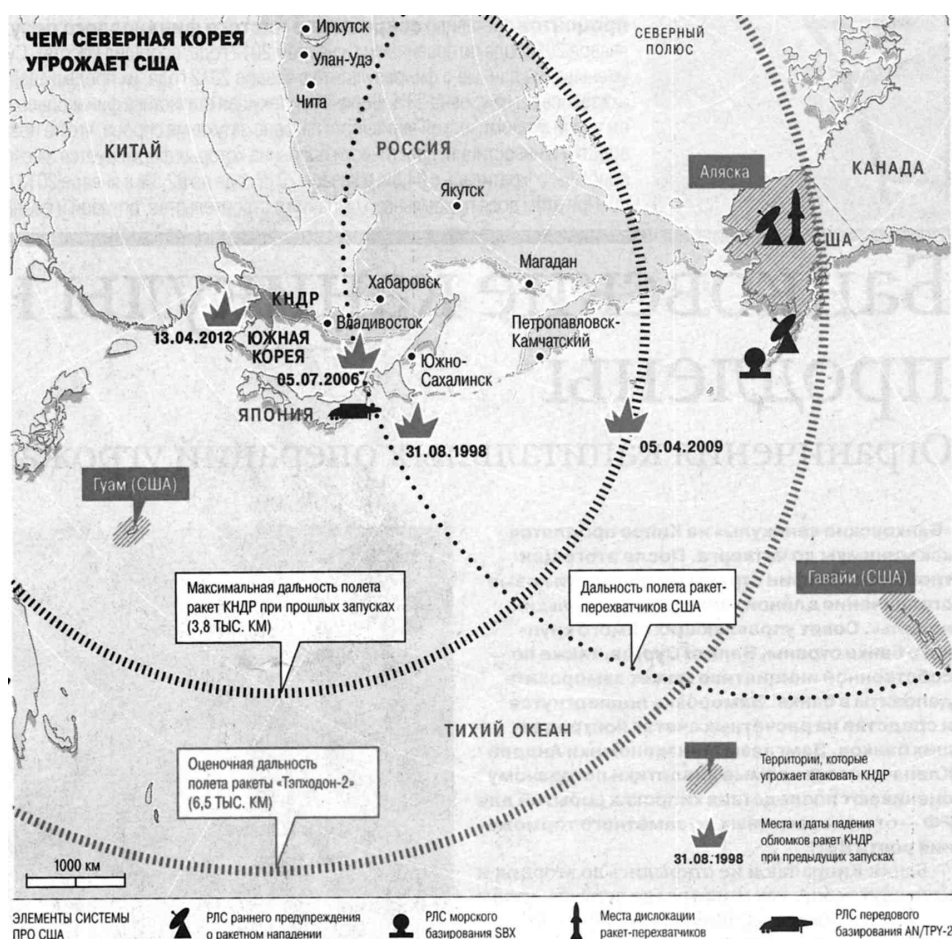
Во-вторых, новые военные возможности, созданные США в области ВКО и ВТО, позволяют им жестче шантажировать другие страны, находящиеся в числе приоритетов их внешней политики. Так, ведущий научный сотрудник центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН К. Асмолов обратил внимание на то, что новому обострению на Корейском полуострове предшествовало заявление «южан» и американцев об ужесточении политики по отношению к Пхеньяну. «Они пообещали наносить удары не только по непосредственным виновникам провокаций, но и при необходимости по командной верхушке КНДР,— напомнил «Ъ» эксперт.— То есть теперь, если где-нибудь на спорной территории произойдет перестрелка, южнокорейцы при поддержке беспилотников ВВС США смогут начать охоту на Ким Чон Ына².

Понятно, что военные возможности КНДР несопоставимы с возможностями США и их союзников особенно в области ВТО и ПРО, что хорошо видно, например, на следующей карте³.

¹ Белов В.Б., Максимычев И.Ф. Образ современной России в Германии. М.: Институт Европы РАН: Русский сувенир, 2010. С. 47.

² Тарасенко П. КНДР объявила бой учениям // Коммерсант. 2013. 27 марта. С. 7.

³ Там же.

Иными словами, продвижение системы ценностей и интересов США в Евразии основывается в основном на их военной силе. Что характерно не только по отношению к КНДР, но и другим странам Евразии, включая КНР и Россию.

С 90-х годов XX века в силу развала ОВД и СССР ситуация стала стремительно меняться в пользу военно-силовой политики США и их союзников. В итоге к концу XX века в Евразии осталась одна военно-политическая доминанта – США и их союзники. Военный потенциал КНР даже во втором десятилетии нового века был несопоставим, а российский – уступал по всем параметрам, исключая СЯС. Что немедленно отразилось на резко возросшей численности и интенсивности региональных и локальных конфликтов. Тем не менее, стратегический паритет оставался сдерживающим фактором по отношению к России. Добавлю, что ко второму десятилетию XXI века, – фактически единственным фактором. В. Путин был вынужден это признать публично, заявив в одной из своих статей в 2012 году: «... мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и

будем его укреплять. Именно он помог нам сохранить государственный суверенитет в сложный период 90-х годов, когда других весомых материальных аргументов у нас, будем откровенны, не существовало»¹.

Ликвидация фактора уязвимости США и их союзников лежит в основе современной военно-политической стратегии США в Евразии, которой способствует системный кризис в России, в том числе развал ОПК страны. Военная сила отнюдь не потеряла своего значения, как пытались «доказать» многие в СССР и России. Она стала частью общей стратегии, в которой сочетались разные формы силы и методы внешней политики. Более того, она прошла серьезную эволюцию за последние 20 лет, связанную не только с появлением новых сил и средств вооруженной борьбы, но и концепций их использования. Опыт военных действий США и их союзников последних десятилетий показывает, что в военных доктринах и стратегиях государств произошли качественные изменения, что, безусловно, полностью относится к Евразии. Речь идет прежде всего об использовании ВТО в Ливии и «повстанческих» сил в Сирии, чье сочетание формирует новый возможный облик войны в Евразии. Так, учения РГВ России и Белоруссии показывают, что «в ходе отработки учебно-боевых задач будет учтен недавний опыт боевых действия сил НАТО в Ливии и Афганистане, а также действия оппозиции в гражданской войне в Сирии. «Как известно, в 2009 году за учениями «Запад-2009» наблюдал Саиф Каддафи, сын бывшего лидера ливийской революции Муаммара Каддафи², – считает генерал Ю. Неткачев. – Действия наших войск на маневрах, к сожалению, Каддафи ничему не научили. В 2011 году его режим пал. Это стало возможным благодаря поддержке ливийской оппозиции со стороны сил НАТО, которые блокировали воздушное пространство страны». Силы РГВ Союзного государства в связи с этим должны совершенствовать навыки по уничтожению средств воздушного нападения вероятного противника, а также уметь вести эффективную вооруженную борьбу против незаконных вооруженных формирований.

¹ Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

² Мухин В. Сетецентрические ориентиры союзной обороны // Независимая газета. 2013. 27 марта. С. 2.

«Здесь уже не потребуются крупные танковые и мотострелковые соединения, которые применялись на ОСУ «Запад-2009». Видимо, настала пора осваивать применение в новом качестве мобильных сил и ССО», – считает Неткачев. По его мнению, необходимо обучать подразделения, которые могут действовать в тылу вероятного противника, «в том числе по уничтожению позиций стратегических средств ПВО, противоракетной обороны, ударных беспилотных летательных аппаратов, а также ударных авиационных средств различного предназначения»¹.

Появление новых военных возможностей доказывает, безусловно, гибкость и в разработке средств внешнеполитического воздействия. Так, Б. Обама обещал, например, «полностью сосредоточиться» на Афганистане и Пакистане, для чего была позднее разработана соответствующая стратегия, названная «АфПаковской»², полагая, что созданный новый военный потенциал позволит США контролировать Евразию по мере необходимости в режиме «on-line». Кроме того, он обещал отказаться от преимущественно военных средств борьбы с терроризмом, активнее использовать экономическую помощь и «мягкую силу» Америки с целью противостояния международному экстремизму. Для этого была разработана концепция «умной силы» (smart power), т.е. эффективного сочетания «жесткой силы» (новой военной) и «мягкой силы» (пропаганды, привлекательности)³.

В отличие от России, где с конца 80-х годов потребности обороны игнорировались и стали компенсировать недофинансирование только в последние годы, у США подобного провала нет. Наоборот рост на 100% за 10 лет заложил мощный фундамент под военный потенциал страны.

¹ Мухин В. Сетецентрические ориентиры союзной обороны // Независимая газета. 2013. 27 марта. С. 2.

² President Obama's Afghanistan-Pakistan (AFPAK) Strategy, FPC Briefing, General James Jones, National Security Advisor, Foreign Press Center, Washington, DC, March 27, 2009 / URL: <http://fpc.state.gov/120965.htm>

³ Казанцев А.А., Воронин Е.Р., Пашковская И.Г. Гусев Л.Ю. Политика США и государств ЕС в области борьбы с терроризмом и массовыми нарушениями общественного порядка / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2011. Март. С. 10.

Расходы США на Министерство обороны и национальную оборону в целом в 2001, 2003, 2006-2010 фин. гг.⁴

Данные приводятся в млрд долл. США за финансовые годы
(начинающиеся 1 октября года, предшествующего указанному).

	2001	2003	2006	2007	2008	2009	2010 ^a
Расходы в текущих ценах							
МО, военные расходы	290,2	387,2	499,3	528,6	594,6	636,7	692,0
Военный персонал	74,0	106,7	127,5	127,5	138,9	147,3	155,0
ЭиО	112,0	151,4	203,8	216,6	244,8	259,3	279,4
Закупки	55,0	67,9	89,8	99,6	117,4	129,2	147,2
НИОКРТиО	40,5	53,1	68,6	73,1	75,1	79,0	79,3
Военное строительство	5,0	5,9	6,2	7,9	11,6	17,6	23,8
Обеспечение жильем семей военнослужащих	3,5	3,8	3,7	3,5	3,6	2,7	4,0
Прочее ^b	0,3	-1,6	-0,4	0,2	3,2	1,5	3,3
МЭ, военные расходы	12,9	16,0	17,5	17,1	17,1	17,6	20,0
Прочие военные расходы	1,6	1,6	5,1	5,7	4,3	6,8	7,2
Итого на национальную оборону	304,8	404,8	521,8	551,3	616,1	661,0	719,2
Расходы в постоянных ценах 2005 фин. г.							
Итого на национальную оборону	363,1	444,6	499,3	509,2	548,6	580,2	626,2
Доля расходов в валовом внутреннем продукте, %							
Итого на национальную оборону	3,0	3,7	4,0	4,0	4,3	4,6	4,9

МО = Министерство обороны;

МЭ = Министерство энергетики; фин. г. – финансовый год;

ЭиО = эксплуатация и обслуживание;

НИОКРТиО = научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, тестирование и оценка.

^a Данные за 2010 г. являются оценками.

^b Отрицательные значения в этой категории возникают в связи с трудностями классификации финансируемой из бюджета деятельности по функциям, а не по агентствам или организациям, расходующим средства.

Источник: US Office of Management and Budget, Budget of the United States Government, Fiscal Year 2011: Historical Tables (Government Printing Office: Washington, DC, 2010), pp. 61–62, 131–132.

Еще более впечатляющий рост отчислений на прямые и косвенные военные расходы показывают сравнении с 1992 годом, когда, казалось бы, военная угроза со стороны ОВД и СССР уже исчезла. Как видно из данных авторитетного лондонского Международного института стратегических исследований, расходы на национальную оборону за 1992–2011 годы выросли с 298,3 млрд до 749,7 млрд, т.е. почти в 2,5 раза. Кроме того, за эти же годы в еще большей степени выросли расходы по

⁴ Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 224.

линии Министерства энергетики США, департамента внутренней безопасности и ветеранских организаций. Примечательно, что эти расходы росли опережающими темпами даже при стремительном росте дефицита всего федерального бюджета США¹.

**Расходы федерального бюджета США на военные
и некоторые смежные программы 1992, 2001–2011 гг.²**

(US\$bn)	National Defense Budget Function		Department of Defense		Atomic Energy Defense Activities	Department of Homeland Security	Veterans Admini- stration	Total Federal Governme nt Outlays	Total Federal Budget Surplus/ Deficit
FY	BA	Outlay	BA	Outlay	BA	BA (Gross)	BA		
1992	295,1	298,3	282,1	286,9	10,6	n,a,	33,9	1,381	-290
2001	335,5	305,5	319,4	290,9	13,0	16,4	47,6	1,863	128
2002	362,1	348,5	344,9	331,9	14,9	30,5	52,1	2,011	-157
2003	456,2	404,9	437,9	387,3	16,4	30,8	59,1	2,160	-377
2004	490,6	455,9	471,0	436,5	16,8	31,6	60,5	2,293	-412
2005	505,7	495,3	483,9	474,1	17,9	100,7	69,2	2,472	-318
2006	617,1	521,8	593,7	499,3	17,4	32,4	71,0	2,655	-248
2007	625,8	551,2	602,9	528,6	17,2	39,7	79,5	2,728	-160
2008	696,3	616,1	674,7	594,6	16,6	50,6	88,3	2,982	-458
2009	697,8	661	667,5	631,9	22,9	45,3	96,9	3,517	-1,412
2010 est.	722,1	719,2	696,9	688,4	17,7	41,4	125	3,720	-1,555
2011 est.	738,7	749,7	712,1	717	18,8	45,9	122	3,833	-1,266

Важно отметить, что стремительно растущая боевая эффективность высокоточных систем оружия изменила саму идеологию воздушных и наземных операций США, а, в конечном счете возможности использования военной силы. Если в 1991 году на поражение одного объекта выделялось несколько истребителей-бомбардировщиков США, то в 2003 году (операция «Свобода Ираку») – один самолет для уничтожения нескольких целей³. Поэтому сравнение количества имеющихся самолетов мало о чем говорит. Их качественные характеристики приобретают решающее значение.

¹ The Military Balance 2011. The International Institute for Strategic Studies / London. 2011. P. 49.

² Эти расходы не включают расходы на международную военную помощь, пограничную службу, НАСА и другие программы.

³ Куликов А. Когда сравнение не в пользу Москвы // Воздушно-космическая оборона. 2011. № 6. С. 13.

Поражает как системно, планоно и настойчиво продолжают реализовываться намеченные еще в начале 80-х годов планы США по созданию и развертыванию глобальной системы ПРО. Этот приоритет особенно заметен, когда рассматриваешь программы военных НИОКР и масштабы их финансирования. Так, по данным «Military Balance», финансирование НИОКР по ПРО занимает абсолютную долю расходов всех военных НИОКР США¹.

Основные военные НИОКР США

Classification	Designation	Estimate FY2009 Value (\$m)	Estimate FY2010* Value (\$m)	Request FY2011 Value (\$m)
Joint				
UAV	Global Hawk	743	783	780
tp	C-130	206	231	42
JTRS	Joint Tactical Radio System	843	876	689
JTRS	Missile Defense	9372	8186	8,462
	Joint Air to Ground Missile	118	127	231
	Small Diameter Bomb	145	197	197

Примечательно и то, что другие крупнейшие НИОКР относятся к средствам воздушного нападения – оружию и системам боевого управления.

На фоне этой тенденции российская ситуация выглядит, по существу, критической.

¹ The Military Balance 2011. The International Institute for Strategic Studies. London. 2011. P. 48.

б). Военные возможности России в Евразии как важный потенциал евразийской стратегии

В нынешних условиях идеи и образы государства – участников международных отношений влияют на развитие мировой обстановки не в меньшей мере, чем сила денег и сила оружия¹

*Е. Примаков,
академик РАН*

... в ближайшее десятилетие уровень военных угроз для России может существенно повыситься²

*В. Герасимов,
начальник Генштаба России*

Объективное отставание России в новейших технологиях безусловно сказывается и на ее военных возможностях, которые сегодня во многом определяются не столько традиционной военной мощью, сколько информационно-сетецентрическими возможностями³. В целом, можно согласиться с оценкой академика А. Арбатова: «В ближне- и среднесрочной перспективе дестабилизация Южной и Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и Кавказа – это самая большая реальная угроза России, в отличие от мифов, порожденных политическими, ведомственными и корпоративными интересами.

Конечно, желательно, чтобы в борьбе с этой угрозой Россия опиралась на сотрудничество с США, другими странами НАТО, Индией и Китаем. Однако в свете последних трений между великими державами это не выглядит очень вероятным. России нужно готовиться к опоре на собственные силы, и потому оптимальное распределение ресурсов становится вопросом национального выживания. Похоже, однако, что к названной угрозе Россия, как бывало нередко в ее истории, не готова ни в военном, ни в политических отношениях, отдавая приоритет подготовке к войне с Америкой и Североатлантическим альянсом на суше, на море и в воздушно-космическом пространстве.

В развитии военной силы и систем оружия качественно нового типа Россия все более отстает от Соединенных Штатов, их союзников, а в последнее время – даже от Китая. Нет уверенности в том, что реальные (в

¹ *Примаков Е.М.* Образы России и мира вне идеологии // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 40.

² *Крецул Р.* «Искандеры» для всех направлений / Эл. ресурс: «Взгляд». 2013. 14 февраля / URL: <http://www.vz.ru>

³ *Арбатов А.Г.* Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 30.

отличие от декларативных) плоды военной реформы 2008–2012 гг. и грандиозная государственная программа перевооружения (ГПВ-2020) способны переломить эту тенденцию. Запрограммированный вал производства бронетанковой техники, боевой авиации, кораблей и подводных лодок, ракет и антиракет вовсе не обязательно выведет российские Вооруженные силы на качественно новый уровень»¹.

Вместе с тем необходимо сделать несколько оговорок. Так, учитывая, что экспансия США и НАТО в целом распространяется на всю Евразию, вряд ли можно исключать возможность противостояния на всем континенте, а не только в Европе.

У России в военной области есть и существенные преимущества в сравнении с США и КНР и другими странами, вытекающие прежде всего из ее геополитического положения. Эти возможности необходимо максимально использовать. Увеличение опасности военных конфликтов в Евразии сопровождалось ростом военных потенциалов США и их союзников на всех стратегических направлениях и появлением новых угроз на новых стратегических направлениях – в Арктике и в Северо-Восточной Азии. Это, безусловно, создает огромные трудности для России, ибо требует одновременной реакции и новых ресурсов. Так, арктическое направление требует создания системы обнаружения, т.е. дорогостоящих радаров и систем ВКО, стоящих огромных средств. То же самое можно сказать и в отношении Дальнего Востока, где стремительный рост военных возможностей США и Китая требует ответной реакции.

Даже рост военных расходов до 3,11% ВВП к 2009 году не смог восстановить обороноспособность страны, хотя следует признать, что эта доля в бюджете уже близка к критической. Повышение этой доли в последующий после 2009 года период, заявленные программы до 2020 года вызвали волну критики и стали одной из причин отставки Л. Кудрина в 2011 году².

¹ Арбатов А.Г. Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 31.

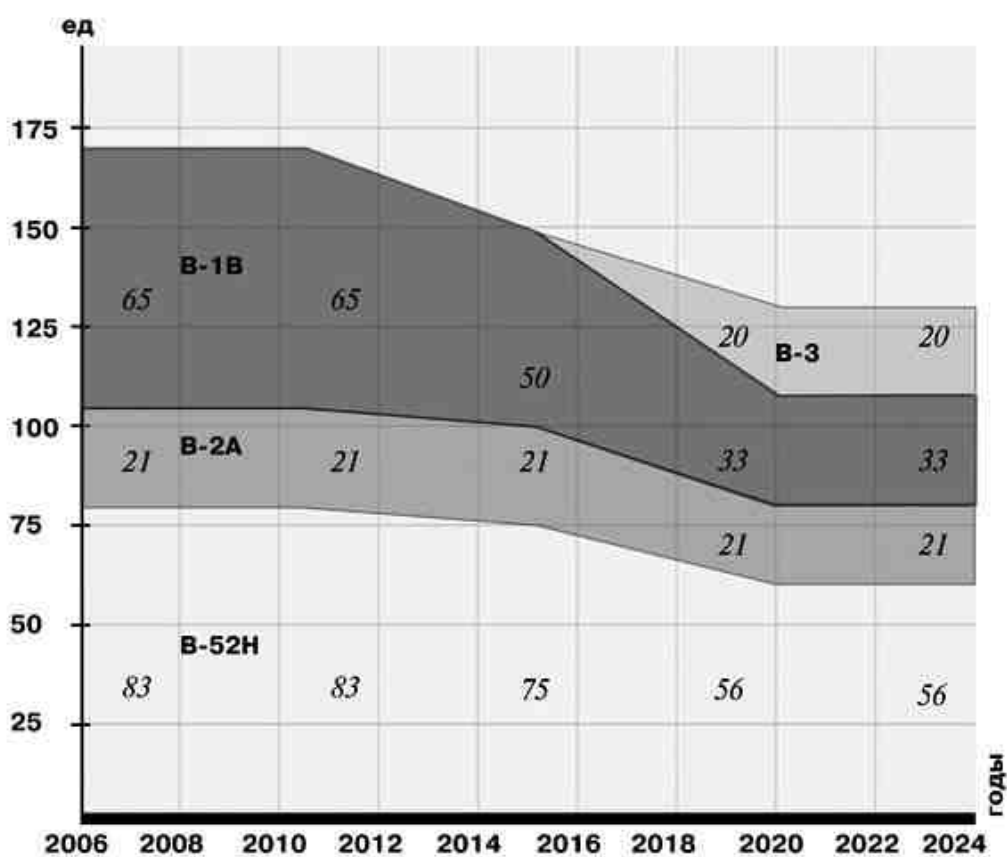
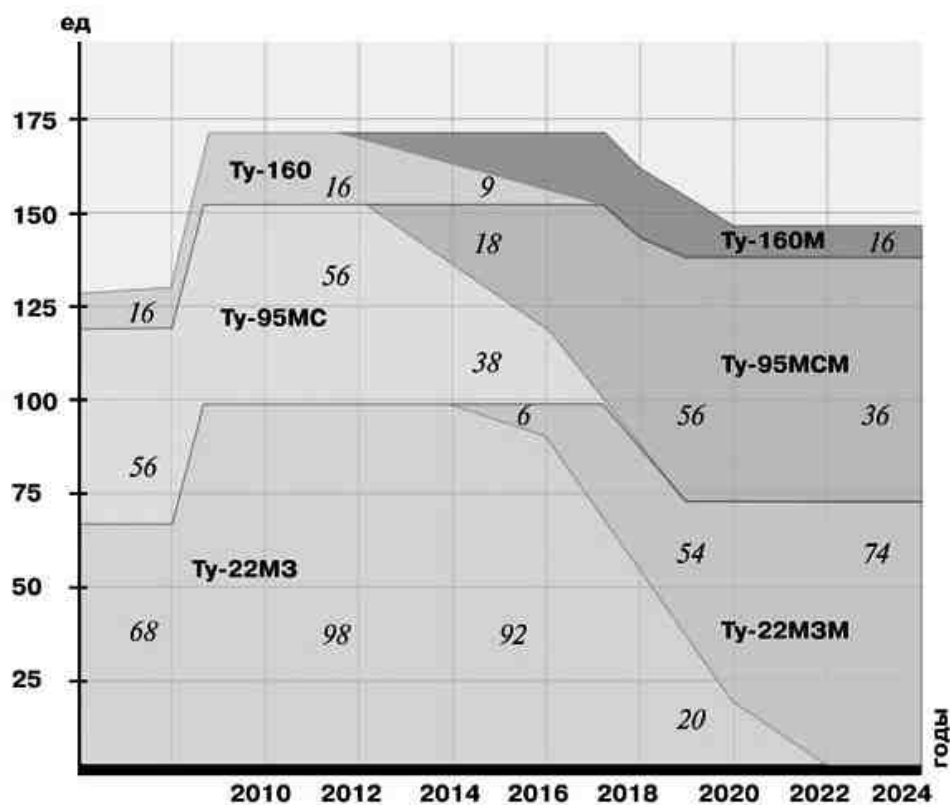
² The Military Balance 2011. The International Institute for Strategic Studies. London. 2011. P. 180.

В 2012 году авиационные средства поражения (АСП) практически не превышали 30% от необходимых норм, а к 2015 году (в связи с достижением предельных сроков эксплуатации) должны быть сняты все системы высокоточного оружия. В ВВС планируют выполнение программы создания воздушного компонента для системы быстрого глобального удара осуществить в три этапа. Первый этап – модернизация существующего парка бомбардировщиков. Второй – разработка промежуточного варианта (начало работ в 2008–2010 гг., развертывание в 2018–2025 гг.). На третьем этапе должен быть создан принципиально новый самолет на основе новейших технологий¹. Вместе с тем России не предусматривается закупка новых стратегических бомбардировщиков, хотя и предполагается увеличить долю модернизированных систем с 18% в 2016 году до 86% – в 2021 году.

¹ Куликов А. У нас и у них // Воздушно-космическая оборона. 2011. № 6. С. 11.

**Динамика количественно-качественного состава
парка ударных самолетов дальней авиации
в сравнении с парком самолетов стратегической авиации США
на период до 2024 года**

Достаточно скромные военные возможности России в Евразии, однако, не следует недооценивать. В отличие от других евразийских государств – КНР, Республики Корея, Японии и Филиппин, с которыми сравнивают военный потенциал России (не в ее пользу), наша страна обладает существенными преимуществами, которые могут быть развиты уже в ближайшем будущем. Речь идет как о конкретных родах и видах войск, так и о потенциале новейших НИОКР, которым пока не обладают другие государства Евразии. Так, например, наша страна создала «Мобильно-модульный ракетный комплекс CLUB-K, не имеющий аналогов в мире, открывает новую страницу в создании оборонительного оружия нового поколения.

Наша страна не только доказала, что может в кратчайшие сроки создавать и выводить на рынок принципиально новые системы вооружения. Отечественные специалисты фактически открыли революционное направление в проектировании военной техники. По мнению руководителя концерна, в котором разработали CLUB-K, Г. Анцева, приходит эпоха модульного вооружения. Боевые системы будут собираться из своеобразных кубиков. И Россия в этом направлении становится своеобразным законодателем моды.

Идея размещения различных боевых систем в специальных мобильных модулях не нова. Однако лишь у нас догадались в качестве таких модулей использовать стандартные контейнеры – 20 и 40 футовые. В них спрятаны многоцелевые ракеты типа Х-35УЭ, ЗМ14, ЗМ54, а также системы разведки и боевого управления. Предполагается использование беспилотных вертолетов оригинальной конструкции. Из кубиков-контейнеров можно легко и быстро собирать оборонительные ракетные системы любой мощности и любого назначения, а затем скрытно перемещать в зону возможных боевых действий. Любой контейнеровоз с комплексами Club-K становится ракетоносцем с сокрушительным залпом»¹.

Эти и другие мобильные системы могут быть быстро переброшены в любую акваторию Евразии.

¹ Птичкин С. Ракеты спрятали в контейнер // Российская газета. 2013. 26 марта. С. 7.

Сегодня, как отмечает известный эксперт В. Коровин, «... Ведутся работы по поиску оптимальной стратегии создания единой системы ПВО страны, которая будет способна решать задачи эффективной воздушно-космической обороны страны. Как отмечается в ряде изданий, в ее состав должны войти зенитные ракетные системы большой дальности С-500 и С-400, ЗРС средней дальности «Витязь», ЗРК малой дальности, создание которого будет осуществлено на базе технических решений, использованных для ЗРК “Тор” и ЗРАК “Панцирь”, ЗРК сверхмалой дальности “Морфей” и ряд унифицированных командных пунктов, обеспечивающих АСУ единой системы зенитно-ракетного оружия 5-го поколения. Ожидается, что работы по созданию единой системы зенитного ракетного оружия ПВО-ПРО будут завершены к 2015 г. Выбор данной даты в значительной степени обусловлен тем, что именно в этом году начнется вывод из эксплуатации в ВВС России первых ЗРС из серии С-300ПС, выпущенных в 1980-е гг.

Подтверждением реальности выполнения указанных задач в заданные сроки служит успешное выполнение программы введения в строй новейшей системы ПВО С-400 “Триумф”, которая в ближайшей перспективе должна составить основу ПВО России.

Ракетами, которые в настоящее время используются в составе С-400, могут уничтожаться аэродинамические цели, находящиеся на дальности от 3 до 250 км (в диапазоне высот от 0,01 до 27 км) и баллистические двигающиеся со скоростями до 4,8 км/сек – от 5 до 60 км (в диапазоне высот от 2 до 27 км).

Завершается работа по введению в состав системы С-400 ракеты с увеличенной дальностью действия. Ее предварительные испытания продолжались около трех лет, при этом был выполнен ряд перехватов мишеней различного типа.

Одновременно с началом серийного производства средств системы С-400 на предприятиях Концерна разворачивается работа по созданию мобильного комплекса противоракетной обороны С-500. Дальность обнаружения целей средствами этой системы будет на 150–200 км больше, чем у С-400. При этом С-500 сможет обеспечивать одновременное поражение до 10 целей различного типа, включая баллистические (с дальностью стрельбы до 3500 км и скоростью до 4,8

км/сек), крылатые ракеты, а также малозаметные ЛА находящихся на дальностях более 300 км в диапазоне высот от 50 м до 30 км»¹.

Существует и серьезная проблема с возможностью перехвата межконтинентальных баллистических ракет США. Существующий комплекс ПВО–ПРО С-400 не способен их уничтожать. Не ясно, будет ли на это способен новый комплекс С-500, который, возможно, будет готов «в железе» к концу 2014 года. Как признают российские эксперты, «... проблема в другом – для работы в ближнем космосе нужна дальняя ракета, которая до сих пор не готова ни для С-400, ни для С-500».

Система воздушно-космической обороны С-500, которую обещают сконструировать в 2015 году, должна будет сбивать объекты, летящие на высоте свыше 185 км на удалении более 3,5 тыс. км от пусковой установки.

Самой последней действующей разработкой промышленников является система С-400, которая способна уничтожать цели на высоте от 5 м до 185 км. Однако для таких высотных объектов нужна новая ракета 40Н6Е, которую не удастся создать уже несколько лет. Ракета следующего поколения, которая сможет взлететь еще выше, тоже пока под вопросом. Без ракеты комплекс ПРО будет небоеспособным.

США разрабатывает глобальные системы противоракетной обороны последовательно и целенаправленно с 1982 года. Эта стратегическая установка существует вот уже более 30 лет в соответствии со следующими принципами:

– во-первых, преемственностью политики, которая в целом не зависит от того, какая партия находится в большинстве в Конгрессе США или победила в Белом доме. Это дало, в частности, основание для В. Путина заявить 19 июня 2012 года на саммите «двадцатки» в Лос-Кабосе: «Я думаю, что проблема ПРО не будет решена вне зависимости от того, будет переизбран Обама или не будет. США идут по пути создания своей собственной ПРО уже не один год, и я пока не вижу ничего, что могло бы изменить их подхода».

¹ Коровин В. Концерн ПВО «Алмаз-Антей» – курс на обеспечение эффективной воздушно-космической обороны. Справка.

Он подчеркнул, что кардинально ситуацию можно было бы изменить лишь в том случае, если бы США согласились создавать ПРО совместно с Россией и ЕС.

Президент подчеркнул, что предложение Москвы заключается в том, чтобы и Россия, и США, и Европа были бы «равноправными участниками этого процесса»¹.

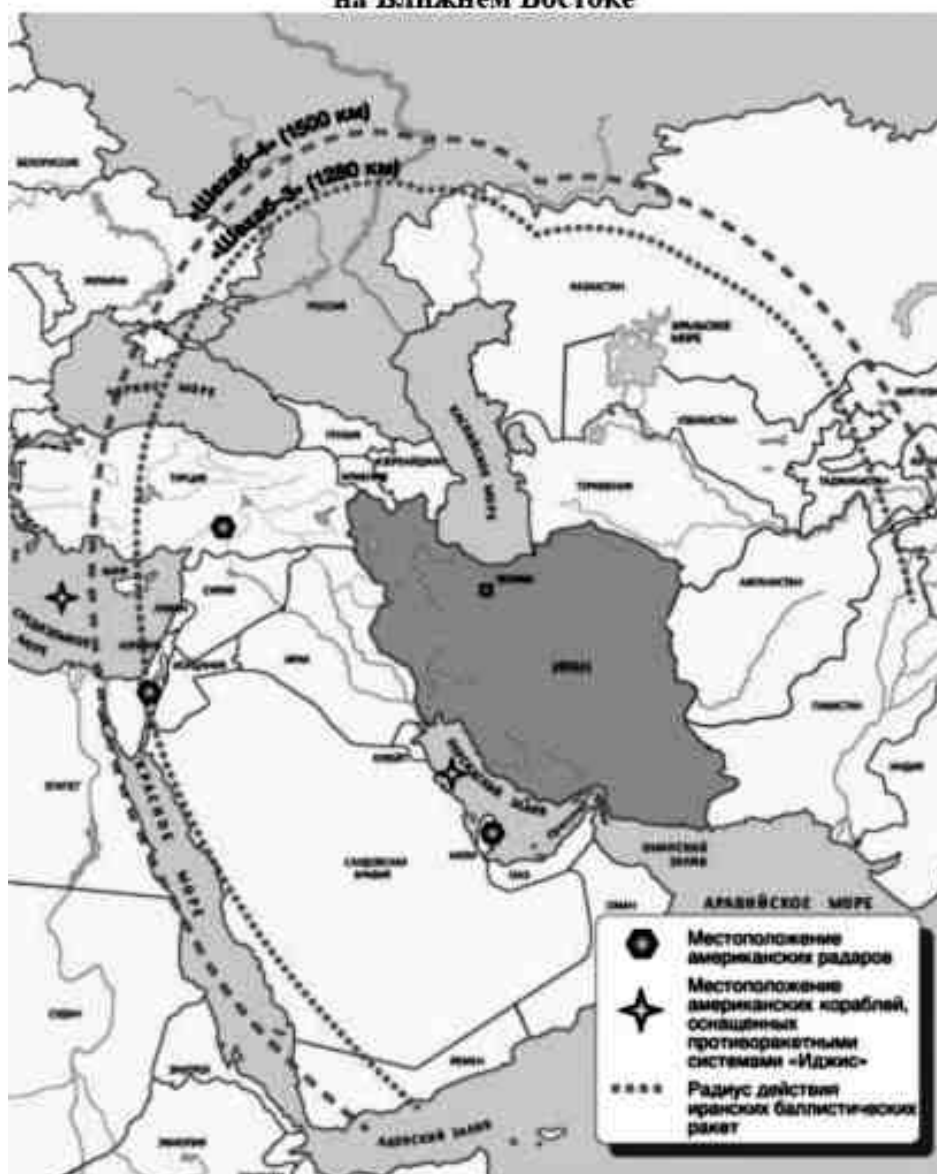
– во-вторых, глобальную ПРО следует рассматривать как часть формируемого сегодня единого глобального стратегического наступательно-оборонительного комплекса, в который входят системы обнаружения, боевого управления, связи и разведки, а также наступательные стратегические силы.

Уже ясно, что кроме «ЕвроПРО» Соединенные Штаты создают региональные системы ПРО в Северной Америке, Юго-Восточной Азии и на Среднем Востоке. В частности, сооружается радарная система X-Band в Катаре, где уже находятся две базы США, которые будут дополнением к построенным ранее объектам в пустыне Негев в Израиле и в центральной Турции².

¹ Проблема ПРО не будет решена вне зависимости от избрания Обамы – Путин. 20 июня 2012 / РИА новости / www.ria.ru

² Скосырев В. США строят базу ПРО в Персидском заливе // Независимая газета. 2012. 18 июля. С. 7.

Радар в Катаре станет новым звеном американской ПРО на Ближнем Востоке

Ясно, что подобная региональная ПРО может быть использована и как система ВКО США и НАТО в отношении Юга России и всей Средней Азии.

«США сейчас развивают концепцию «Быстрый глобальный удар», которая предполагает нанесение удара межконтинентальными баллистическими и крылатыми стратегическими ракетами США в течение нескольких часов по любой точке мира, в том числе по корабельным соединениям. У нас же мощной системы ПВО дальнего действия сейчас нет – по сути только С-300Ф стоит на единственном атомном крейсере.

С-500, в отличие от С-400, которая рассчитана на противовоздушную оборону, создается как система противоракетной обороны, в том числе

она сможет бороться с гиперзвуковыми средствами, которые активно развивают США»¹;

– в-третьих, сокращение СНВ, как, впрочем, и других вооружений, рассматривается США как часть такой политики, облегчающей создание стратегического комплекса, в т.ч. с использованием новейших неядерных вооружений, прежде всего развития космических систем, беспилотников и крылатых и гиперзвуковых ракет.

¹ Тельманов Д. Эсминцы будущего получают корабельный вариант С-500 // Известия. 2012. 28 июня. С. 3.

в). ВТС как инструмент евразийской стратегии безопасности России

... С 6 до 16% уже увеличена доля новой военной техники и вооружения в войсках в период с 2008 до конца 2012 года¹

*В. Герасимов,
начальник Генштаба ВС России*

Одним из важных конкурентных преимуществ России в Евразии является военно-техническое сотрудничество, которое, как известно, выполняет одновременно много неэкономических функций, хотя чаще всего говорят об экономической выгоде – торговле оружием и услугами, измеряемой для России в миллиарды долларов ежегодно. Это, конечно, имеет значение. Фактически ВТС составляет всю долю обрабатывающих отраслей в экспорте страны. Но не только.

Главное – это та политическая роль, которую играет ВТС, особенно в таких жизненно важных областях, как ВКО. Современные вооружения во многом являются инструментом политики. И не только потому, что поставки современных ВВТ меняет соотношение сил, но и потому, что последующее обслуживание, ремонт, подготовка кадров требуют высокой степени доверия.

Есть для России и другой, особенно важный в современных условиях аспект. Создание современных вооружений требует огромных затрат на фундаментальную науку и НИОКР, тогда как их серийное производство во многом окупает эти издержки.

Соответственно ответные меры по обеспечению безопасности России наиболее перспективны в рамках реализации военно-политического и военно-технического сотрудничества, которые формируются в качестве развития евразийской концепции. Сегодня Россия и Белоруссия развивают региональную систему ПВО, которая может потом трансформироваться в ПРО, если поставят новые системы С-400 «Триумф».

Это плановая работа в рамках ОДКБ и Союзного государства Белоруссии и России. Хотя такая же система создается и в Армении – уже есть соответствующие нормативные документы по ее реализации.

¹ Крецул Р. «Искандеры» для всех направлений / Эл. ресурс: «Взгляд». 2013. 14 февраля / URL: <http://www.vz.ru>

Ведутся переговоры по созданию российско-казахстанской региональной системы ПВО в Центрально-Азиатском регионе с дальнейшим присоединением к ней и участием Таджикистана и Киргизии.

Можно будет их впоследствии объединить в своеобразную систему ПВО ОДКБ.

– Мы сейчас по такому пути и идем: сначала создадим региональные системы, а потом замкнем их в общую, считает Н. Бордюжа.

Например, Казахстан закупает российские системы ПВО. А часть будет поставляться, может быть, в случае принятия такого решения, в качестве военной помощи. Второй этап создания такой системы – это появление единого центра контроля и вообще организация боевого дежурства всех этих региональных систем.

– Есть сложности в согласовании подходов, в участии, в подготовке нормативных документов – например, где разместить центр контроля или центр управления. Но к концу 2012 – началу 2013 года завершится формирование трех региональных систем¹.

В Военной доктрине Российской Федерации описаны основные военные угрозы в целом они соответствуют действительности. Так, в этом документе в специальном разделе № 10 говорится:

«Основные военные угрозы:

а) резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы;

б) воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов;

в) создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников;

¹ Бордюжа Н. Россия упростит продажу оружия союзникам // Известия. 2012. 21 июня. С. 3.

г) демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях сопредельных с Российской Федерацией или ее союзниками государств с провокационными целями;

д) активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или полной мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени»¹.

Как видно из этого перечня, на первом месте (пункт «а») находится военно-политическая угроза («обострение межгосударственных отношений» и «создание условий для применения военной силы»), суть которой в Военной доктрине не раскрывается, ведь «обострение отношений и «создание условий» можно трактовать очень широко и по-разному.

В сегодняшней действительности это прежде всего может быть как политическое соперничество – сотрудничество между США и их союзниками, с одной стороны, и Китаем, с другой. Российские эксперты высоко оценивают возможность американо-китайского конфликта, хотя определенности на начало второго десятилетия XXI века в этом вопросе ожидать не приходится. Прежде всего из-за позиции самого Пекина, который достаточно осторожно активизирует свою внешнюю политику, соизмеряя ее с решением внутренних, социально-политических задач.

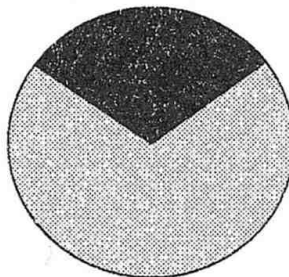
Но не только, ведь Китай и США сегодня находятся в очень высокой степени финансовой и торговой зависимости друг от друга, что добавляет сдержанности в их военную политику. И в то же время «Большинство экспертов не надеются на улучшение в ближайшем будущем американо-китайских отношений»².

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г.

² Абаев Л. Ч., Терехов В. Ф. Анализ результатов опросов участников конференции «Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества». В сб.: Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М.: РИСИ, 2011. С. 144.

**Какая, на Ваш взгляд, составляющая
стратегии США в отношении КНР
будет превалировать в ближайшие годы?**

"Встраивание" Китая в мировую систему политических
и экономических отношений в качестве
их "ответственного участника" (30 %)

Военно-политическое сдерживание Китая
путём усиления военного присутствия США
в соседних странах, а также установления с ними
военно-политических союзов (70 %)

По сведениям в США «разрабатывается стратегия вооруженных действий против КНР, которая предусматривает уничтожение радарных и ракетных систем, предназначенных против ВМФ США, максимальная дальность которых пока не превышает 1300 миль.¹

Очевидно, что пока что военный потенциал КНР не сравним с США, а военные расходы составляют порядка 30% от американских. Но надо понимать, что по мере роста экономической мощи Китая будет расти и его военно-политические амбиции. США, объявившие Центральную и Юго-Восточную Азию важнейшим приоритетом, очевидно будут также наращивать свои возможности в этом регионе.

¹ Скосырев В. США объяснили Китаю, кто на море хозяин // Независимая газета. 2012. 3 августа. С. 7.

Глава 5. Особенности евразийской стратегии России и период «фазового перехода»

Согласно его (В. Путина – А.П.) планам, за 10 лет доля инновационной продукции должна вырасти с 4–5% до 25–30%, а расходы на НИОКР к 2020 году – увеличиться вдвое¹

*М. Казанцева,
обозреватель*

... необходимо создать качественно новую, «умную» систему военного анализа и стратегического планирования, подготовки готовых «рецептов» и их оперативной реализации...²

*В. Путин,
Президент России*

Разработка эффективной евразийской стратегии предполагает точную оценку особенностей современного этапа в развитии человеческой цивилизации, влияния внутренних и внешних факторов на основные элементы национальной стратегии.

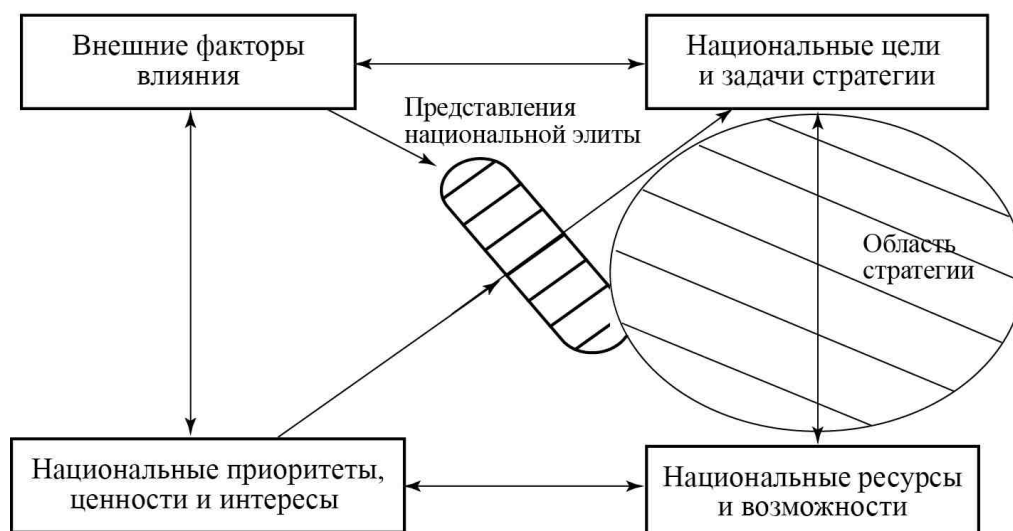
Внешние обстоятельства, международные условия существования, угрозы и вызовы иногда оказывают решающее значение на стратегию государства. Особенно, когда эти внешние условия неблагоприятные или даже угрожают безопасности нации и государства.

Поэтому чрезвычайно важно адекватно оценить эти внешние факторы, недооценка или переоценка которых непосредственно влияет на реалистичность поставленных целей и эффективность использования национальных ресурсов. В приведенном рисунке, отображающем основные элементы стратегии, эти внешние факторы занимают следующее место:

¹ Казанцева М. «Уралвагонзавод» не выполнил поручение Путина // Известия. 2012. 15 июня. С. 1.

² Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 3.

Основные элементы стратегии государства

Человечество во втором десятилетии XXI века переходит в новую фазу своего развития, своего рода «фазовый переход», новое качество экономики, социальных отношений и, как производное, – международных отношений. Те государства, которые успеют реализовать представившиеся возможности, станут новыми лидерами цивилизации, одновременно предложив другим странам свою систему ценностей, модели социально-политического и экономического развития. Проигравшие в глобализационной гонке государства не только технологически и экономически отстанут навсегда, но и в конечном счете потеряют свою идентичность и свою систему культурных и духовных ценностей. Этот вывод в полной мере справедлив для России и всех стран Евразии, где сталкиваются основные современные ценностные системы – либерально-протестанская, конфуцианско-социалистическая, исламская и православно-восточно-европейская.

В этой связи совершенно по-иному видится процесс национальной модернизации, в основе которого должно находиться формирование и опережающее развитие национального человеческого капитала. В отличие от концепции развития человеческого потенциала, ставшей общепринятой с начала 90-х годов, национальный человеческий капитал кроме универсальных показателей – душевого ВВП, продолжительности жизни, уровня образования – включает в себя показатели, характеризующие уровень развития нации, культуры, искусства,

духовности и нравственной системы ценностей, т.е. те критерии, которые, собственно говоря, и делают народ наций.

Нация, обладающая высоким качеством НЧК, неизбежно становится не только экономическим лидером (общепринято считать, что доля прироста ВВП, приходящаяся на НЧК в развитых странах, превышает 80%), но и цивилизационным, и идеологическим лидером, а также лидером в модернизации. Поэтому именно повышение НЧК является главным интересом, приоритетом и целью национальной стратегии.

В современной России это не так. Политики и эксперты, как правило, говорят о ВВП (душевом ВВП), «комфортных условиях» жизни и т.д., не осознавая, что показатель душевого ВВП является лишь одним из критериев НЧК. Исследователь МГИМО(У) А. Лукин по этому поводу справедливо замечает: «Задачей государства сегодня повсеместно считается обеспечение экономического роста с целью повышения уровня жизни населения. Между государством и обществом сложилась жесткая взаимосвязь – от правительства, избираемого массами, эти массы требуют прежде всего материальных благ, и правительство обещает их все больше и больше. А доминирующие элиты навязывают соответствующий жизненный идеал через СМИ, рекламу и т.п., что ведет к росту материальных appetитов населения»¹.

Поэтому, говоря о евразийской стратегии, ее приоритетах, неизбежно придется пересмотреть отношение к главной цели стратегии, где повышение уровня жизни населения не должно определять всю суть стратегии, а тем более игнорировать другие приоритеты и ценности.

В период «фазового перехода» главной целью национальной стратегии и, как следствие, производных стратегии (внешнеполитической, евразийской отраслевой, региональной и т.д.) является опережающее развитие НЧК, измеряемого не только душевым доходом, но и уровнем образования, науки, культуры здравоохранения, продолжительностью жизни, безопасности, а также степенью развития институтов (государственных, общественных, частных) реализации НЧК.

Очевидно, что концепция модернизации, основанная на внешних заимствованиях (идеологических, технологических, общественно-

¹ Лукин А.В. Знание – вчера, сегодня, завтра // Независимая газета. 2013. 11 сентября. С. 5.

политических, образовательных и пр.), никогда не сможет сделать Россию цивилизационным и модернизационным лидером, моделью успешного развития просто потому, что она повторяет (как правило, хуже и с опозданием) успехи и неудачи других наций. По сути дела такая нация, ориентированная на заимствования, постепенно отказывается от национальной системы ценностей, превращаясь из нации – лидера в нацию – ведомую. Собственно это и происходит с современной Россией. И не только в области технологий (где фактически отсутствует прогресс), но и в области образования, науки, культуры и искусства.

Продвижение национальной системы ценностей имеет огромное влияние на формирование внешнеполитических целей другими государствами. Это влияние, часто игнорируемое, либо умышленно незамеченное, проявляется в том, что другие государства вносят коррективы в свое целеполагание и выбор внешнеполитических средств. «Понимание процесса формирования внешней политики включает в себя аспекты, не только относящиеся к категориям «национальные интересы», «национальная безопасность», «геополитика». Любому внешнеполитическому решению предшествует образная ориентация, то есть сложившиеся в данном обществе представления об окружающем мире и его субъектах. Эта образность формируется из позитивного и негативного опыта общения с внешней средой, а также на основе закономерностей развития социального сознания»¹.

Применительно к России это означает, что те политики и эксперты, которые оказываются под влиянием чужих ценностей и образов, соответственно влияют и на формирование внешнеполитического курса страны. В том числе и на ее евразийскую стратегию. Конкретные примеры появляются ежедневно – от критики политики по отношению к странам СНГ до прямых призывов «перенять западную систему ценностей». Таких примеров, которые в конечном счете привели к катастрофическим результатам, немало и в истории России: франкофилы XVIII–XIX годов привели к нашествию Наполеона, англофилы XIX века – к Крымской войне, германофилы – к Первой мировой войне.

¹ Задохин А. Международные отношения и национальная безопасность // Дипломатическая служба. 2012. № 6. С. 22.

Этот процесс приобретает особенное значение в эпоху «фазового перехода» человечества, когда революционно меняются все сложившиеся веками устои и представления, возникает реальная угроза слома национальной системы ценностей под различными предлогами («мировой революции», «глобализации», «прав человека»).

Нарастающий мировоззренческий хаос не угрожает только тем нациям и государствам, которые четко ориентированы на сохранение и продвижение своих систем ценностей в условиях «фазового перехода». Сегодня это Китай, исламские государства, США и страны Евросоюза. И, наоборот, в отношении «ведомых» наций «фазовый переход» проявляется в системной дестабилизации их внутренней жизни, политических систем и отношений с другими государствами. На мировой арене формируются две группы государств – «стабильные» страны, сохраняющие свои системы ценностей, являющиеся идеологическими и экономическими лидерами, и страны, теряющие ценностные ориентиры, игнорирующие национальные интересы, которые становятся объектом влияния «стабильных» государств. Фазовый переход предполагает, как показывает современная история, обострение международных противоречий, рост конфликтности, насильственных методов достижения политических целей, а в целом нарастания хаоса и потери элементарного контроля над развитием опасных процессов в мире. Подобная непредсказуемость требует от государств и их элит особой предусмотрительности, но, главное, диктует условия выживания, когда победитель «получает всё». «Множатся признаки роста неуправляемости нашего тревожного мира. Восстание фундаменталистов, обострение территориальных споров в Азии, неожиданно резкая реакция на кинофильм «Невинность мусульман», неутихающее протестное движение в Европе против политики строгой экономии, непрекращающаяся депрессия — все указывает на то, что обостряются как социальные, так и межнациональные конфликты»¹.

К сожалению, с большинством этих проблем сторонники фундаментального либерализма намерены бороться силовыми методами. И не только используя для этого «мягкую силу» (soft power), но и вполне даже «жесткую силу» (hard power), для которой сознательно создаются

¹ Гринберг Р. Битва мировоззрений // Известия. 2012. 4 октября. С. 7.

материальные, финансовые и информационные условия. Не случайно ведь за последние 10 лет военные расходы США и ряда стран, особенно в Юго-Восточной Азии, росли быстрее, чем в период «холодной войны» и фактически удвоились за этот период. Только в 2013 году произошло сокращение военных расходов США при их оптимизации и переориентации, а на АТР за счет накопленного за последние десятилетия мощного импульса.

Насильственное внедрение либеральной системы ценностей стало официальной политикой США и Евросоюза, отодвигая в ряде случаев на второй план даже политику, основанную на национальных интересах этих стран. Причем «демократизация», сопровождающая глобализацию, в т.ч. насильственными способами, отнюдь не уменьшает такого цивилизационного и религиозного противостояния. Достаточно сказать, что одним из последствий «арабской весны» стало усиление и даже обострение религиозных противоречий, которые стали принимать устойчивую социальную окраску и приводить к реальным жертвам среди населения. Так, «исход» коптов из Египта начался сразу после революции, превысив в первую половину года 100 тыс. человек², а события лета 2013 года в Египте и Сирии лишь ускорили эту тенденцию.

² Полухович А. Сила веры // Известия. 2012. 3 августа. С. 1.

Таким образом цивилизационная угроза, как и угроза потери национальной идентичности в период «фазового перехода», очевидно усиливаются, хотя по привычке говорят только о негативных экономических последствиях, кризиса и стагнации, пытаясь ограничить эту проблему только вопросами миграции.

Для России цивилизационная угроза представляет особую актуальность, хотя и не является исключительно новым явлением. На протяжении многих веков она была вынуждена отражать эту опасность в самые переломные для нее периоды. При этом главной опорой для нее оставались православие. Именно в XVI веке, когда всю Европу сотрясали религиозно-цивилизационные конфликты и смена экономических укладов, используя эти три главные опоры, Ивану IV удалось:

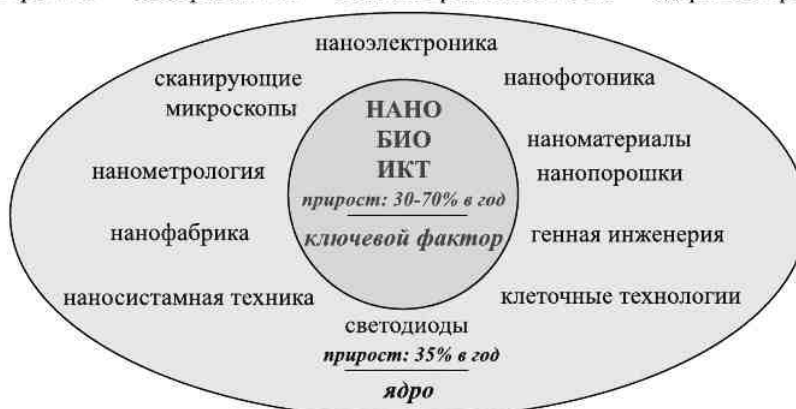
- сложить мощное централизованное государство, ликвидировав Казанское, Астраханское ханства, обуздать Крымское царство и продвинуться в Сибирь;
- укрепить центральную власть, превратившись в Государя и создав механизмы централизованного управления (Приказы);
- укрепить православную веру, канонизировав русских святых, упорядочив богослужение, но, главное, превратив православие в национальную идею;
- создать упорядоченную, кодифицированную нормативно-правовую систему (Уложение «Стоглавого Собора»); оперативно внедрив ее во все звенья управления;
- сложить систему взаимоотношений власти и общества (Земские соборы) и многое другое.

Сегодня перед Россией стоит задача быстрого перехода к новому технологическому укладу. Об этом много говорят, но редко связывают темпы такого перехода с сохранением национальной идентичности и суверенитета¹.

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 40 / URL: <http://viperson.ru/>

Структура нового (VI) технологического уклада и темпы роста его составляющих

авиа-, судо-, автомобиле-, приборо-, станкостроение солнечная энергетика
электроника электротехника атомная промышленность ядерная энергетика

телекоммуникации образование химико-металлургический комплекс
ракето-космический комплекс растениеводство здравоохранение
прирост: до 10% в год
несущие отрасли

а). Евразийская стратегия против цивилизационной угрозы

Каждый из противников (СССР и США – авт.) распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом...¹

З. Бжезинский,
политолог

В системной модернизации важнейшую роль играет... «перезагрузка» ценностно-смысловых приоритетов как внутри страны, так и в мировом контексте²

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Радикальное изменение в соотношении сил в мире будет иметь для России катастрофические последствия, если из-за инерционной политики наша страна не сможет стать полноценным субъектом формирующейся системы взаимоотношений в Евразии и АТР. Как видно из данных, приводимых ЕБР, по своему потенциалу ТС и СНГ сопоставимы с другими региональными объединениями, за исключением Евросоюза и Восточной Азии. Примечательно, что Евразия в целом, безусловно, лидирует, что означает для России и ее союзников возможность именно через интеграцию в Евразии выйти на уровень, сопоставимый со странами Евросоюза и США.

Население и ВВП макрорегионов Евразии, 2011 г.³

	Население, млн. чел.	ВВП, млрд долл. США
Европа	534,9	18863,6
Европейский Союз	500,5	17582,8
Страны, не входящие в ЕС	34,4	1280,7
Северная и Центральная Евразия	277,8	2412,1
Центральная Азия	64,4	261,9
Восточная Азия	1558,1	15002,5
Юго-Восточная Азия	512,2	2235,8
Южная Азия	1629,7	2097,1
Западная Азия	268,8	3107,0
Евразия, в целом:	4786,0	43732,5

Источник: МВФ, расчеты авторов.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 18.

² Торкунов А.В. Школа российской идентичности. История международных отношений и состояние современного исторического образования // Независимая газета. 2009. 14 октября. С. 6.

³ Винокуров Е.Ю. Евразийская континентальная интеграция. Доклад-презентация. М.: ЕБР, 2012. 11 октября.

Евразийская интеграция, как политический, а не только экономический процесс, имеет фундаментальную ценность для России и других наций евразийского континента прежде всего с точки зрения борьбы за сохранения национальной системы ценностей и права на национальный и государственный суверенитет. Она должна стать важной частью национальной стратегии противодействия нарастающей цивилизационной угрозе в период «фазового перехода» человечества.

Действительно, если мы исходим из посылки о том, что Россия должна стать самостоятельным центром силы в Евразии и АТР, «ядром» евразийской интеграции, то важнейшей проблемой, стоящей перед таким центром силы, является проблема его самоидентификации по отношению к другим цивилизационным центрам силы – либеральному, конфуцианско-социалистическому и исламскому – в Евразии и АТР. Без такой цивилизационной самоидентификации невозможно говорить о какой-либо самостоятельности любого центра силы. Тем более в период «фазового перехода».

Вместе с тем заявка России на роль «ядра» нового центра силы предполагает, что другие страны, в т.ч. принадлежащие к другим цивилизациям, согласятся на эту роль нашей страны. Подобное согласие нельзя объяснить с точки зрения экономической выгоды. Так, ВВП Украины в 2013 году едва достиг 70% ВВП страны в последний год существования СССР, однако это отнюдь не изменило отношения значительной части элиты к России и готовности стать ассоциированным членом Евросоюза. И это притом, что большинство украинцев самоидентифицирует себя с общероссийской цивилизацией.

Это означает, что реализация идеи российского «ядра» нового центра силы основывается не столько на экономической выгоде, сколько на обеспечении военной безопасности и политическом сотрудничестве, сохранении национальной идентичности и суверенитета в условиях «фазового перехода».

Действительно, именно эти мотивы могут стать объединяющими мотивами евразийской интеграции вокруг российского «ядра», что, впрочем, отнюдь не является новым явлением в российской истории. Можно напомнить, что присоединение Грузии, Армении, Молдавии, Казахстана и других стран и народов к России происходило не из-за

экономической выгоды, а из-за необходимости обеспечения безопасности и сохранения национальных систем ценностей от внешних, в том числе цивилизационных угроз.

Думается, что в период «фазового перехода, когда цивилизационные угрозы становятся все более актуальными, государствам и нациям придется выбирать: либо ассимилироваться с одним из центров силы не только политически, но и цивилизационно (что произошло с восточноевропейскими и прибалтийскими странами), фактически потеряв свой суверенитет, либо войти в союз с другим центром силы на условиях сохранения национальной системы ценностей и суверенитета.

Очевидно, что евроатлантический центр силы, сформированный на базе либеральных ценностей, достаточно агрессивно относится к другим ценностным системам даже притом, что их представители становятся значительной долей среди граждан Европы, достигая, например, в ряде стран 20–25%.

Другая сторона проблемы заключается в том, что защититься от цивилизационной угрозы может только та нация, которая не просто обладает мощными национальными культурными, историческими и нравственно-духовными ресурсами, но и понимает их значение и активно их использует. К сожалению, этого нельзя сказать о правящей элите России, где десятилетиями игнорировалось это богатство. И не только из-за фактически насаждавшейся неолиберальной идеологии, но и из-за того явления (господствующего и поныне), которые справедливо называют «правовым дебилизмом» – преувеличенного значения роли законов, норм, указов и «ручного управления» в общественно-политической и социально-экономической жизни страны. Между тем, как справедливо считается уже много тысячелетий, для воспитанных, образованных людей не нужно придумывать законы, как правило, ограничивающие свободу человека. «Законы бесполезны как для хороших людей, так и дурных: первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше», – утверждал философ Демокрит. Духовно-нравственное воспитание и образование порождают самое дорогое – внутреннюю свободу человека творить добро и внутреннюю свободу от всего того, что возбуждает в человеке его низменные чувства. Духовно-нравственный потенциал человечества огромен и он способен вывести его на благородный путь

развития, а великую Россию на путь духовного возрождения и созидания¹.

Право и его нормы не могут построить современного общества и экономики. Бесконечная борьба с коррупцией – пример неэффективности таких расчетов, которые в действительности игнорируют решающее значение НЧК и его культурно-духовной составляющей.

Известно, что в Европе, например, именно продвижение «общеевропейской» системы ценностей становится главной задачей, иногда даже более приоритетной, чем национальные (в данном случае – «евросоюзовские») интересы. Причем каждая из европейских наций стремится отразить свою ценностную систему от негативного внешнего воздействия, используя в этих целях даже государственные институты принуждения. Станным образом это сочетается с попытками отказать в этом праве другим нациям, включая российской.

Защита национальной идентичности государством относится в развитых (либеральных) странах к безусловным приоритетам. Это выражается в том числе и в защите духовных ценностей, которая противопоставляется агрессивному секуляризму¹.

НАКАЗАНИЕ ЗА БОГОХУЛЬСТВО И ОСКОРБЛЕНИЕ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ			
АВСТРИЯ		до годового оклада	+++++ до 3 лет
ГЕРМАНИЯ			+++++ до 3 лет
ИНДИЯ			+++++ до 3 лет
КАНАДА			+++++ до 2 лет
БРАЗИЛИЯ			+++++ от 1 месяца до 1 года
ФИНЛЯНДИЯ			++++ до 6 месяцев
БЕЛЬГИЯ			++++ до 6 месяцев
НИДЕРЛАНДЫ		до €3800	++ до 3 месяцев
ИРЛАНДИЯ		до €25 000	
ШВЕЙЦАРИЯ		до полугодового оклада	
ИСТОЧНИК: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН			

штраф

общественные работы

лишение свободы

* на усмотрение суда

¹ Карпенков С.Х. Духовно-нравственные ориентиры / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 17 августа / URL: <http://viperson.ru/>

¹ Полюхович А. Срок за чувства // Известия. 2012. 27 сентября. С. 1.

В этой связи вызывает недоумение поддержка Западом и либеральными СМИ агрессивной кампании против РПЦ и других традиционных религий России, которая приобретает не только оскорбительные, но и физические формы.

Как уже говорилось, решающую роль на новом этапе развития человечества будет играть соотношение сил между новыми центрами силы – США, Евросоюзом, Китаем, – которое будет определяться уже не соотношением их ВВП или военной мощи, а соотношением национальных человеческих капиталов (НЧК). И здесь не может не беспокоить, что по этому критерию Россия качественно, многократно, уступает формирующимся новым центрам силы. Причем уже не только в США и европейских странах, но и Японии, Китае, Индии и, конечно, на Тайване, в Гонконге и других странах АСЕАН.

Стоимость национального ЧК в 2010 году¹

Страна	Индекс эффективности ЧК	ЧК на душу населения тыс. долл., ППС
США	1,225	1255,6
Великобритания	0,855	315,2
Германия	0,93	565,9
Япония	0,93	612,4
Китай	0,49	19,1
Индия	0,37	3,8
Эстония	0,67	143,6
Россия	0,30	14,5

Стоимость накопленного за 30 лет национального НС на душу населения России к 2011 году составила 14,5 тыс. долл. и в 87 раз меньше американского, в 39 раз меньше немецкого, в 42 раза японского, в 1,3 раза меньше китайского, – делает вывод Ю. Корчагин².

Во многом это было предопределено темпами развития научно-технического прогресса за последние 40 лет, в основе которого лежали информационно-коммуникационные технологии. При этом очевидно, что

¹ Корчагин Ю. Измерение национального человеческого капитала / URL: <http://vvwvvv.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=119>

² Корчагин Ю.А. Модернизация экономики России невозможно без изменения парадигмы развития и модернизации человеческого капитала. 17 января 2012 г. / URL: 2020strategy.ru/documents/32681540.html

этот этап НТР развивался параллельно на нескольких уровнях – от самых передовых, лидерских технологий до технологий низкого уровня.

Кроме того, эти уровни имели и отчетливый региональный срез, что особенно заметно на примере КНР, где уровень развития отдельных провинций качественно отличался друг от друга. Это видно на примере матрицы, созданной учеными ИМЭМО РАН¹. Они, в частности, отмечают: «В процессе экономического роста страны движутся по ячейкам таблицы вправо и вверх по условной шкале технологического развития. Изначально лидером «гусиной стаи» выступает Япония, однако по мере экономического и технологического возвышения и другие страны начинают перемещаться на позиции вожака, хотя бы по отдельным товарам или товарным группам»².

Экономический рост и технологическое возвышение азиатских стран АТР

	1970–1990	1990–2000	2000–2010	После 2010
Технологическое лидерство	Япония	Япония	Япония + Южная Корея	Япония + Южная Корея + + КНР
Высокий уровень технологий	НИСы первой волны	НИСы первой волны	НИСы первой волны + КНР	КНР + НИСы первой волны
Средний уровень технологий	НИСы первой волны	НИСы второй волны + КНР	КНР + НИСы второй волны	КНР + НИСы второй волны + + НИСы третьей волны
Низкий уровень технологий	АСЕАН + КНР	КНР	КНР	КНР

* НИСы первой волны: Гонконг (КНР), Сингапур, Тайвань (КНР), Южная Корея.

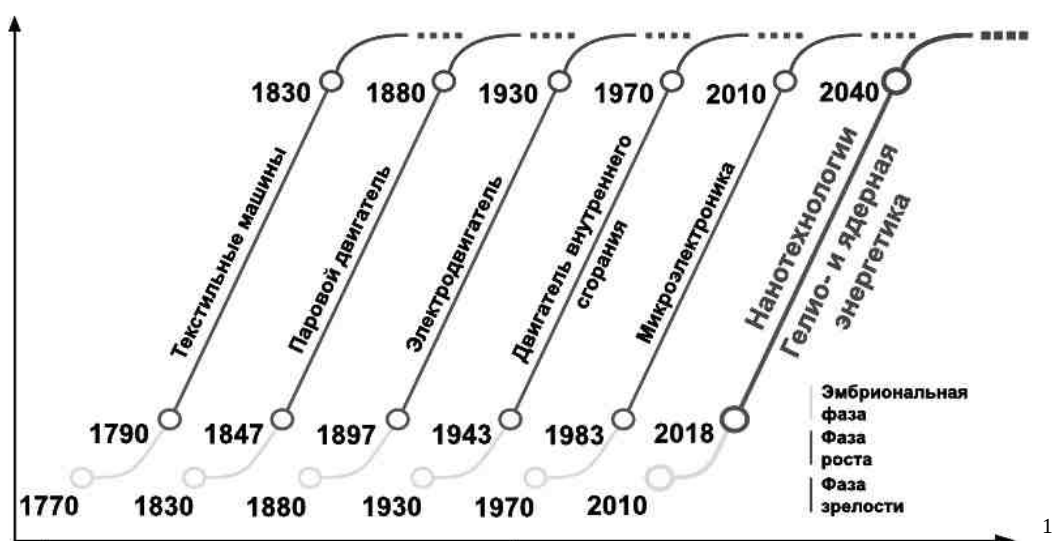
НИСы второй волны: Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины.

НИСы третьей волны: Вьетнам, Лаос.

¹ Азиатские энергетические сценарии 2030 / под ред. С.В. Жукова. М.: Магистр, 2012. С. 40.

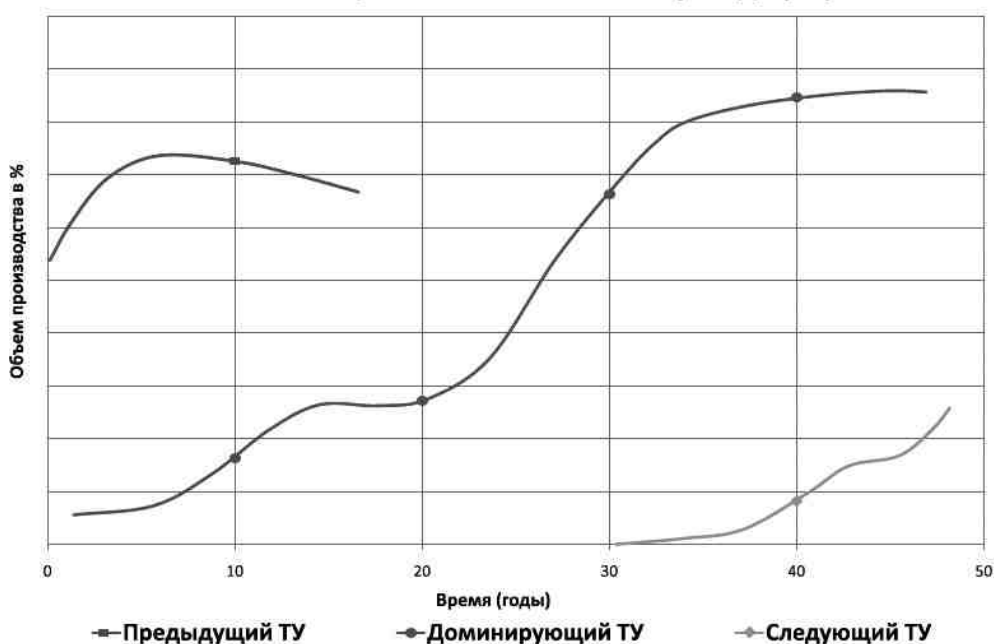
² Там же.

Смена технологических укладов в процессе глобального экономического кризиса

1

Жизненный цикл технологического уклада (ТУ)

2

С конца 1970-х гг. в цепочку начал встраиваться и Китай, при этом он привнес в данную логическую схему принципиальные новации. Экономический и технологический рост в КНР крайне неравномерно разворачивается **в территориальном разрезе**. Фактически вверх по шкале развития с разными темпами движутся отдельные провинции.

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 40 / URL: <http://viperson.ru/>

² Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 40 / URL: <http://viperson.ru/>

Это наблюдение имеет принципиально важное значение для стратегического планирования экономического развития России. Споры о том, нужно ли заниматься новой индустриализацией, заимствованиями или развития стран АТР можно сделать вывод, что необходимо двигаться **по всем 4-м направлениям**. В том числе и в регионах Сибири и Дальнего Востока: восстановить индустриальную базу, развивать науку и наукоемкое производства в том числе.

Растущее значение гуманитарных, экологических, энергетических, информационных и других проблем – важнейшее проявление «фазового перехода». Оно означает, что существующая мировая система международных отношений, политические и экономические модели, казавшиеся еще недавно идеальными развитых государств, перестали быть таковыми. И если некоторые новые центры силы, например, Китай и Индия, в принципе определились с национальными стратегиями развития, то большинство государств, включая прежних лидеров, – только задумались над этой проблемой. Так, известный китайский исследователь и функционер Би Юн, характеризуя эту ситуацию, приводит следующий пример соотношения роста ВВП и его вредных последствий:

	ВВП душевой долл.	Двуокись азота на 1000 долл. ВВП (т)
Япония	38559	0,26
Гонконг	30755	0,33
США	46859	0,59
Тайвань	17040	0,77
Ю.Корея	19505	0,86
Индия	1016	2,12
Китай	3315	2,44

Би Юн считает, что необходимо срочно менять ситуацию с охраной окружающей среды в городах, в том числе повышать роль общественного транспорта, а не увеличивать число личных автомобилей¹.

По мнению известного исследователя Н. Симония², «Последний ипотечный кризис в США, быстро переросший в национальный

¹ Проблемы глобализации в трудах современных китайских ученых. Экспресс-информация, № 1. Институт Дальнего Востока РАН. М. 2012. С. 40–41.

² Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 754.

финансовый кризис, а затем и в глобальный экономический кризис (2007–2009 гг.), многие на Западе расценивают как начало полного заката неолиберальной модели американского капитализма. Даже некоторые европейские лидеры выступили с заявлением о том, что настала пора избавиться от доминирования англо-саксонской модели мировой финансовой системы. В июле 2009 г. «Файнэншл таймс», например, привела интересную диаграмму географического распределения в мире количества хедж-фондов и фондов фондов (фондов, инвестирующих в другие инвестиционные фонды) по состоянию на II квартал 2009 г. (в скобках – удельный вес регионов от общего числа):

США	4442 (45,2%)	Оффшорные центры	684 (7%)
Великобритания	2208 (22,5%)	АТР	419 (4,3%)
ЕС (без Великобритании)	849 (8,6%)	Америка (без США)	275 (2,8%)
Швейцария	821 (8,4%)	Остальной мир	126 (1,3%)

Таким образом, только на США и Великобританию (не считая оффшорные центры) приходится 67,7% подобных фондов».

«Фазовый переход» – особый этап международного развития. Он формирует не просто новые, а новейшие вызовы, противостоять которым способна только четкая стратегическая линия. В российском случае – это линия евразийской стратегии.

б). Евразийская стратегия как инструмент формирования нового цивилизационного центра силы в период «фазового перехода»

Возможность успешно преодолеть вызовы современности теснейшим образом связана с тем, какие ценности возобладают в российском обществе...¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Объективные процессы, ведущие к формированию новых центров силы в мире, прежде всего в Евразии и АТР, требуют, чтобы правящие элиты ведущих государств приняли соответствующие стратегии. В таких стратегиях должно быть определено как отношение этих государств к таким центрам силы, так и выработан относительный консенсус внутри самых правящих элит в отношении роли этих государств к новым центрам силы. По сути дела с таким выбором так или иначе сталкиваются все правящие элиты стран, не только претендующие на такую роль, но и тех государств, которые пока еще не определились относительно своей роли в этих центрах силы. Это видно на множестве примеров. Так, создание США Транстихоокеанского партнерства, посредством установления особых двусторонних отношений со странами АТР, требует от Японии, стран АСЕАН, Китая и России, как минимум, выработки своего отношения к ТТП. Аналогичная ситуация наблюдается в Атлантике, где США развивают идею Трансатлантического партнерства (ТАП), которая встречает отнюдь не однозначную реакцию целого ряда стран Евросоюза.

Применительно к России мы наблюдаем похожую ситуацию: правящая элита вынуждена в короткие сроки определиться с выбором. Либо продолжать ориентироваться на Европу, либо на Евразию и АТР, либо выдвинуть и реализовать идею самостоятельного центра силы в Евразии и АТР, о чем несколько раз в различных обстоятельствах говорил В. Путин.

Ситуация в еще большей степени актуализируется тем, что процессы формирования новых политических и экономических центров силы неизбежно ведут к тому, что эти центры в условиях «фазового перехода» становятся цивилизационными центрами, вокруг которых так или иначе

¹ Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 184.

концентрируются другие нации и государства. Любой выбор в пользу того или иного центра силы означает и выбор соответствующей стратегии. И не только экономической или политической, но и социальной, культурной, цивилизационной. Как справедливо заметил С. Тихонов, «Виртуальная экономика, на которой во многом основывался не обеспеченный ресурсами рост Запада последние десятилетия, исчерпала свой потенциал. На этом фоне резко обострилась глобальная конкуренция за рынки сбыта товаров с высокой добавленной стоимостью. Несмотря на формальные стремления к открытости (дохийский раунд ВТО), из-за конфронтации между цивилизационными блоками наций, происходит повсеместное усиление протекционистских трендов в их внешней политике. Мир все более четко разделяется в соответствии с метками «свой-чужой». В этой жесткой конкурентной борьбе выживет тот, кто сформирует единый рынок, по своему объему достаточный для окупаемости новых, инвестиционно емких технологий. А лидером станет блок, создавший самое большое по покупательскому потенциалу единое экономическое пространство (ЕЭП). Те страны, которые останутся в стороне от этой глобальной игры, потеряют конкурентоспособность своей экономики и, в итоге, будут отброшены на задворки цивилизации. Запад спешно приступил к строительству своего гигантского рынка между ЕС и США, Китай усиленно формирует азиатский ЕЭП на базе АСЕАН, А страны СНГ, вместе с Россией, ввиду полного несоответствия мировоззренческим парадигмам обоих глобальных союзов (в случае присоединения они полностью потеряют свою национальную идентичность), обречены на создание своего единого рынка с центром в Москве. В случае быстрой успешной реализации западного проекта прогноз дает однозначный ответ, кто выйдет победителем – Запад»¹.

Подтверждает этот вывод то обстоятельство, что в странах АТР именно в последние годы ускоряется процесс создания по сути альтернативного проекта американскому ТТП – «Всеобъемлющего регионального экономического партнерства». Так, 27 февраля 2009 года было подписано соглашение о свободной торговле между региональным

¹ Тихонов С. Разоблачения американского беглеца призваны не допустить создание единого рынка между США и Европой / «Expert Online». 2013. 13 августа / URL: <http://expert.ru/>

блоком АСЕАН, состоящим из 10 стран и Новой Зеландии и её близким партнером Австралией. Это соглашение позволит увеличить совокупный ВВП этих 12 стран более чем на 48 млрд долл. Окончательно формируя пекинский международный торговый центр, 1 января 2010 года была создана зона свободной торговли Китай-АСЕАН, которая стала крупнейшей в мире подобной зоной, состоящей из стран с 1,9-миллиардным населением, с общим ВВП в размере 6 трлн долл. и суммарным торговым объемом в 4,5 трлн. После создания зоны средний уровень таможенных пошлин Китая в отношении стран АСЕАН снизился с 9,8% до 0,1%, в то время как 6 старых членов АСЕАН – Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд снизили уровень таможенных пошлин в отношении Китая с 12,8% до 0,6%, а 4 новых члена АСЕАН – Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Мьянма пообещали ввести к 2015 году нулевую таможенную пошлину на 90% наименований китайских товаров. И, наконец, члены АСЕАН вместе с шестью своими основными торговыми партнерами – Австралией, Китаем, Индией, Японией, Новой Зеландией и Южной Кореей – начали 26–28 февраля 2013 года первый раунд переговоров в Бали (Индонезия), о создании «Всеобъемлющего регионального экономического партнерства», который по своим параметрам и степени свободы торговли должен превзойти даже Евросоюз. Стоит отметить, что население создаваемого блока – более 2 млрд человек¹.

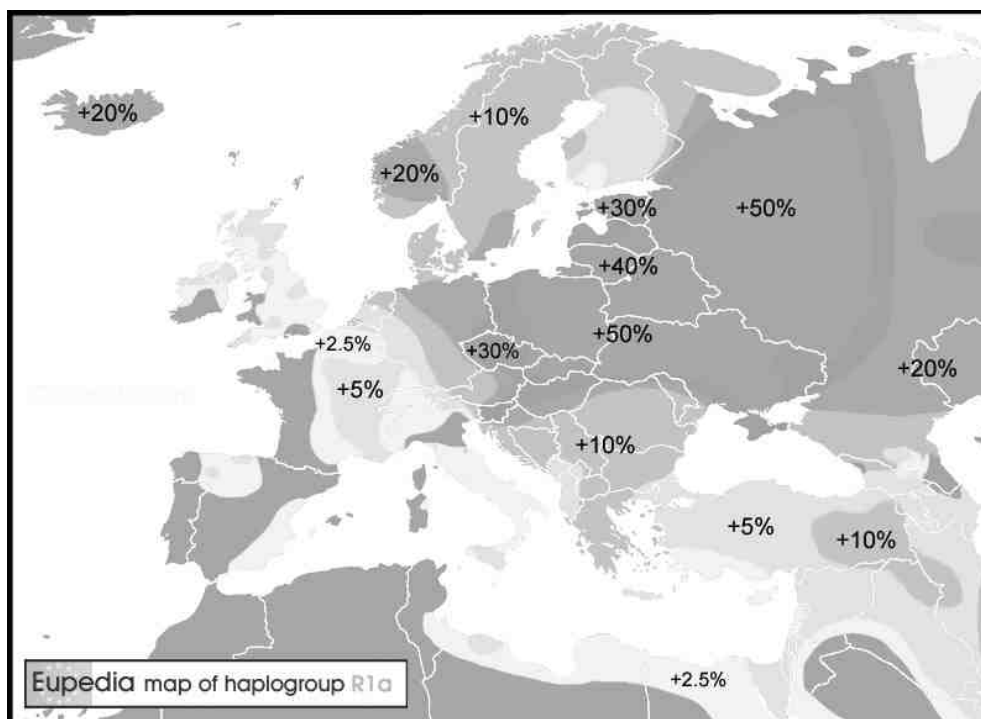
Глобализация, насильственные попытки унифицировать мировое сообщество в соответствие с либеральной системой ценностей Запада, ведут, как показала современная политическая история, к росту национализма, «откату» от универсализма в пользу национальных систем ценностей. Это характерно для многих, в том числе развитых, государств-наций, которые стремятся сохранить национальную самоидентификацию и суверенитет вопреки глобализации. Успех или неудача в этих усилиях во многом зависит от того, какую политику проводит в этом вопросе то или иное государство и общество.

¹ Тихонов С. Разоблачения американского беглеца призваны не допустить создание единого рынка между США и Европой / «Expert Online». 2013. 13 августа / URL: <http://expert.ru/>

Для России это сверхактуальная задача потому, что ей навязывается вот уже более 20 лет, европо-центричное представление о мире и система ценностей исключая как сохранение национальной идентичности, так и государственный суверенитет. В том числе над территорией, национальными ресурсами и правом субъектности в международных отношениях, природными ресурсами и транспортными коридорами. Таким образом, сохранение европо-центричного представления у российской правящей элиты фактически способствует дезинтеграции страны и утраты его суверенитета, отпаду от европейской территории восточных регионов.

Альтернативой европо-центрическому взгляду и политической ориентации выступает евразийская интеграция как в политико-идеологической, так и социально-экономической и культурной областях. Что приобретает особенно важное значение в период «фазового перехода», когда будущее нации будет зависеть от сохранения ею цивилизационной роли и способности обеспечить контроль над своими национальными ресурсами и территорией, включая укрепления государственного суверенитета. При этом по целому ряду критериев российскую нацию можно выделить как самостоятельный этнос в Европе и Азии.

С точки зрения этического, как доказывают генетики, общий предок гаплогруппы родился около 20 тысяч лет назад где-то в Азии.

В Европе эта группа представлена гораздо шире предыдущей и обычно ассоциируется со славянами, поскольку наибольшую распространенность имеет в славянских странах: Польша (55%), Беларусь (49%), Словения (23,5%), Украина (43%), Словакия (42%), Россия (46%). В Прибалтике встречается не реже, чем N1c1 – Литва (42%), Латвия (38%). Интересно, что большой процент есть также в Германии (16%), Швеции (19%), Норвегии (27%), Исландии (23%) – в Скандинавию носители данной гаплогруппы переселялись начиная с ранней бронзы из ареала культуры боевых топоров.

Другими словами, этнические предки россиян очень близки не только народам восточной и центральной Европы, но и Скандинавии и Азии.

С точки зрения истории, российская нация может быть отнесена к восточноевропейской ветви европейской цивилизации, у которой на протяжении более 1000 лет сохранялись устойчивые связи со всеми европейскими странами при сохранении своей оригинальной системы ценностей, во многом формировавшейся под влиянием православия. Эта же нация начиная с XII века продвигалась на северо-восток и восток Сибири, осваивая все новые территории и ассимилируя другие народы.

Освоение восточных регионов в XVIII–XX веках привело к появлению в них не только русско-язычного населения, но и

экономическому развитию этих районов, постепенному вовлечению их в единый российский рынок. Особенное значение в этом приобрело строительство в Азии и Сибири железных дорог и портов.

Все это позволяет говорить о том, что русская цивилизация, двигаясь на юг и восток, создала уникальное явление нации – цивилизации, освоившей не только значительную часть европейской, но и азиатской и даже американской территории. При этом, в отличие от колонизаторской политики индустриальных держав, это продвижение на восток было естественным, не встречающим сопротивления коренных народов, хозяйственным освоением огромных территорий.

Таким образом, к началу в XXI веке периода «фазового перехода» российская нация превратилась в уникальную цивилизацию, объединенную по большинству этнических, исторических, культурных, духовных и экономических признаков в нацию – цивилизацию, занимающую большую часть Евразии. У этой нации – цивилизации есть единственная возможность сохранения себя и государства только в движении на восток. Что начинает осознаваться правящей элитой страны. Но, если ее либеральная часть, поддерживая новую восточную политику, ориентируется прежде всего на использование природных ресурсов восточных регионов в интересах увеличения экспорта России в АТР, то другая часть элиты и экспертного сообщества понимает значения восточных регионов как центра евразийской интеграции и потенциала сотрудничества со странами АТР. Таким образом, сегодня, по сути одновременно, существуют две восточные политики и концепции евразийской интеграции, которые существенно, принципиально отличаются друг от друга. В условиях периода «фазового перехода» подобная двойственность и неопределенность недопустима, так как в этих двух подходах существуют принципиальные противоречия, которые в основном сводятся к следующему.

Противоречия к восточной политики и евразийской стратегии у двух лагерей российской элиты

Проблема	«Либеральный», «западнический», «антинациональный»	«Государственный», «национально- цивилизационный»
Цивилизационная	Россия – часть европейской	Россия – самостоятельная нация

	цивилизации, которая должна полностью воспринять систему ее ценностей	– цивилизация с уникальной евразийской системой ценностей
Государственный суверенитет	Размывание суверенитета под воздействием глобализации	Сохранение суверенитета при восприятии реалий глобализации
Восточная экономическая политика	Развитие экспорта восточных регионов, ориентированного на добычу ресурсов	Опережающее экономическое развитие восточных регионов, экспорт продукции глубокой переработки ресурсов
Транспортные коридоры	Транзит с Запада на Восток и Востока на Запад	Транспортная инфраструктура как условие развития восточных регионов
Роль государства	Создание развития (одинаковых) условий для всех регионов страны	Создание благоприятных, более выгодных условий для восточных регионов страны
Финансовая политика	Госинвестирование совместно с бизнесом отдельных проектов, сохранение налоговых и таможенных правил	Госинвестирование, ориентированное на развитие регионов, инфраструктурой при изменении налоговой и таможенной политики в восточных регионах
Интеграционная политика	Ориентирована на экономическую интеграцию стран ТС и развитие отношений с Евросоюзом, при усилении экспорта в страны АТР	Ориентирована не только на экономическую, но и другие формы (включая политические) интеграции со всеми странами Евразии и создание субъекта отношений со странами АТР и на базе восточных регионов
Политические вектора	Западноевропейский доминирующий вектор, по сути ориентированный на ассимиляцию Европой России	Россия как центр Евразии и самостоятельный полюс силы в Евразии и АТР
Отношение к НЧК	Технологически научные и пр. заимствования	Развитие собственного потенциала НЧК

Существует и множество других принципиальных расхождений, которые могут и проявляются в самых различных областях, в частности, в непоследовательной политике федерального центра по отношению к ключевым аспектам восточной политики – демографической, индустриальной, налоговой, таможенной и др.

Вместе с тем сегодня можно говорить, что при сохранении либерального подхода происходит значительный пересмотр восточной политики в пользу «государственнического», «национально-цивилизационного».

В самые последние годы общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в регионах Сибири и Дальнего Востока постепенно стабилизируется. Этому в немалой степени способствуют

налаживание новых внутрихозяйственных и внешнеэкономических связей регионов, продолжение реализации крупных энергетических проектов и развития транспортной инфраструктуры, реанимация старых и ввод новых производств. Страна и ее восточные регионы в своем движении фактически прошли рубеж неуверенности в будущем и возвращаются к масштабным планам социально-экономического развития, ориентированным на резкое усиление Восточного вектора движения России.

Важным стабилизирующим фактором обстановки стали укрепление и повышение эффективности деятельности региональных органов законодательной и исполнительной власти, а также рост общественно-политической активности и самосознания жителей этих регионов, заинтересованных в быстрейшем преодолении негативных последствий кризисных лет постсоветского периода. Здесь, как и в целом в России, большинство населения заинтересовано в превращении Дальнего Востока в динамично развивающуюся часть Российской Федерации, в ее, так сказать, витрину и мощный экономический и политический плацдарм в интересах развития отношений и взаимовыгодного сотрудничества нашего государства со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Пример государств-«восточных тигров» является достаточно наглядным и заразительным. Сегодня 80% экономики Дальнего Востока уже ориентировано на страны АТР. Но это – в основном ресурсы. Нам не должно быть безразлично, в каком виде и с какими перспективами развития и предложениями предстанет восточный форпост России перед глазами участников очередного саммита АТЭС во Владивостоке на о. Русский осенью с.г.

Безусловно, одним из главных факторов, обеспечивающих постепенное выравнивание общественно-политической ситуации в рассматриваемых регионах, следует считать политику федерального центра, все эти годы остро чувствовавшего повышение стратегического значения для страны регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока и настоятельную необходимость в оказании им поддержки в преодолении наиболее острых ситуаций. Сегодня федеральные власти располагают

значительно большими, чем прежде, ресурсами, которые могут быть выделены для развития восточных регионов страны¹.

Другое новое принципиальное явление, связанное с фазовым переходом в мире, Евразии и АТР, появление новых политических и военных центров силы, а также политических организаций (типа «Большой двадцатки», БРИКС, ШОС и т.д.), которые начинают теснить старых игроков на международной арене. Но не только. Новые центры силы – цивилизационные, – будь то Китай, Индонезия, АСЕАН, Индия или Бразилия, стремительно развиваются прежде всего в Евразии и АТР. Их отличает высокая степень национальной самоидентификации, (как в Бразилии), верность традициям и стремление интегрироваться в глобальное сообщество не только сохранив государственный суверенитет и национальную систему ценностей, но и распространить их (по аналогии с англосаксонским миром) за пределы национальных границ (как в Китае). Становится все более очевидным, что новый центр силы в мире это не только экономический и военный центр силы, но и центр цивилизационный, способный предложить другим странам конкурентоспособную систему ценностей и модель социально-экономического и политического устройства. Пока что на эту роль претендуют только США, понимая огромное значение этой роли как факторы мирового влияния.

Сегодня сырьевая составляющая экономики России делает ее очень уязвимой от колебания мировой конъюнктуры. Как отмечает А. Коэн, возможная «Война (в Иране – А.П.), как показали результаты военной игры и экономические модели, отработанные в Heritage Foundation, поднимет цены на нефть до \$200 за баррель, а то и выше. Возможно, именно поэтому больше всего войны желают богатые нефтью арабские страны: Саудовская Аравия, Кувейт и эмираты. На Персидский залив, а также на Россию и Венесуэлу прольется золотой дождь.

Но за скачком цен на энергоносители последует глобальный экономический спад. Монархии Залива, с их колоссальными валютными ресурсами, его, скорее всего, переживут. К сожалению, для России

¹ Гушер А. Новый этап социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока / Эл. ресурс: «Новое военное обозрение». 2013. 20 августа / URL: <http://www.ru.journal-neo.com/print/117364>

прогноз на случай тяжелого экономического кризиса, способного обвалить цены на нефть до \$35–50 за баррель на пару лет – совсем не радужный»¹.

Существует и другая версия: производство газового конденсата как альтернативы углеводородам. В США заинтересованы в росте цен для того, чтобы сделать его добычу рентабельной. В этом смысле мы заинтересованы и в войне.

Третье проявление «фазового перехода» – это резкое возросшее значение человеческого потенциала, вообще науки о человеке и смежных наук, например, на стыке наук об информации и человеке. Это означает, что наступает не просто новый этап НТР, лидерство, в котором будет предопределять экономическую, военную и социальную мощь государства, но новый этап в развитии человечества. Приведу пример с наиболее благополучной отраслью – атомной промышленностью, – который в принципе показателен не только для ОПК, но и всех перерабатывающих отраслей экономики. Как следует из доклада С. Кириенко, «... к 2005 году “возник риск утраты ключевых технологий”. Так, производство бериллия после распада СССР вообще осталось в Казахстане. Но после принятия федеральной целевой программы в 2006 году гособоронзаказ стал увеличиваться и возрос в пять раз.

– Сохранены все 26 критических ядерных технологий, которые обеспечивают ядерный комплекс России, – доложил Сергей Кириенко, – в том числе созданы замещающие производства потерянных технологий, таких, как детали из бериллия или создание новых взрывчатых составов. Отрасль полностью обеспечена делящимися материалами и необходимым запасом, производительность труда выросла в 2,6 раза. Благодаря сохранению целостности отрасли через корпорацию “Росатом” все эти годы на 100 % выполнялся гособоронзаказ. И у нас не было ни одного года, когда бы хоть на сколько-то ни был не выполнен гособоронзаказ, – с законной гордостью взглянул в зал С. Кириенко.

Кстати, из доклада главы “Росатома” стало ясно, что корпорации удалось увязать модернизацию отрасли с требованиями минобороны и, таким образом, избежать конфликтов с ведомством в отличие от остальных. Пожалуй, единственная проблема, на которую указал

¹ Коэн А. Кому выгодна война с Ираном? // Известия. 2012. 22 июня. С. 8.

Кириенко, – это кадры. Хотя зарплата в эти годы и выросла в три с половиной раза, средний возраст работников в отрасли снижается медленно – чуть ниже 45 лет»¹.

В настоящее время перед Россией, по мнению авторитетных экспертов, стоят две ключевые проблемы в области развития науки:

– во-первых, создание материальных и моральных условий для научных работ – пиков (как заявил иностранный член РАН Ж. Муру, «я не могу найти людей, которые хотели бы заниматься исследованиями»)²;

– во-вторых, отсутствие «среднего поколения» в российской науке. «В российской науке есть либо старые ученые, либо молодые», – справедливо считает Ж. Муру.

Здесь важно подчеркнуть, что на таком этапе развития технологические заимствования уже не могут играть решающей роли. «Заимствования», как уже говорилось, означают заведомое отставание (на 15–20 лет) государств в НТР. Политика внешних заимствований, наверное, – одно, причем не главное, направление модернизации.

Отсюда – важнейшая роль той части национального человеческого капитала, которая определяется уровнем развития национальной фундаментальной и прикладной наукой, технологий и образованием. Особенно, если речь идет о научно-технических разработках в военной области. Сегодня в ВПК пока еще сохраняется научно-технический потенциал, о чем свидетельствует, например, сравнение наиболее наукоемких военных систем в области ВКО России и США³.

Сравнительные характеристики ЗРС С-300ПМУ-1 и ЗРК «Пэтриот» (США)

Параметр	С-300ПМУ-1	«Пэтриот»
Основной разработчик	НПО «Алмаз»	«Рейтеон»
Год принятия на вооружение	1993	1991
Дальность поражения, км	150	100
Высота поражения, км	0,01-27	0,06-25

¹ Закатнова А. Военная тайна // Российская газета. 2012. 17 февраля. С. 2.

² Панов П. Сурков послушал про научные зарплаты и нехватку кадров // Известия. 2012. 19 апреля. С. 4.

³ Меньшиков В.В. ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»: события и факты первого десятилетия // Вестник Концерна ПВО «Алмаз-Антей». 2012. Апрель. № 1 (7). С. 92.

Вероятность поражения без помех	0,9	0,9
Максимальная скорость цели, м/с	2800	2500
Канальность по цели	6*	9
Время развертывания, мин	5	20

* В системе С-300ПМУ-2 количество целей увеличено до 36

Как видно из сравнения ТТД двух систем, основные характеристики комплекса С-300 лучше, чем аналогичной американской системы «Пэтриот». Важно также отметить, что создание такого комплекса требует интеграции широкого спектра НИОРК – от ракетостроения до систем боевого управления, обработки данных, слежения, радиолокации и т.д.

Не хуже, а даже по некоторым параметрам лучше, и сравнение ЗРК комплексов России с зарубежными аналогами, что свидетельствует прежде всего о соответствии военных НИОКР и промышленно-технологической базы России уровню наиболее передовых в этой области государств – Израиля и Франции.

Сравнительные возможности российских и зарубежных ЗРК малой дальности²

Параметр	«Тор-М1»	«Адаме»	«Роланд-3»	«Кроталь-НГ»
Страна изготовитель	Россия	Израиль	Франция	Франция
Основной разработчик	НИЭМИ	«Вестингаус»	«Евромиссائل»	«Талес»
Год принятия на вооружение	1991	1994	1990	1993
Дальность поражения цели, км	1,0–12	0,5–12	0,5–8	0,5–11
Высота поражения цели, км	0,01-6,0	0,03–6,5	0,01–6	0,015–6
Вероятность поражения самолета без помех	0,45–0,8	0,8	0,5–0,6	0,8
Максимальная скорость цели, м/с	700	600	550	600
Время перевода в боевое положение, мин.	3	5-10	3	5–10

Важно понимать (а неудачные попытки модернизации России в 2005–2012 годах говорят о том, что в российской правящей элите это осознается плохо), что технологические заимствования консервируют

² Меньшиков В.В. ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»: события и факты первого десятилетия // Вестник Концерна ПВО «Алмаз-Антей». 2012. Апрель. № 1 (7). С. 93.

отставание и делают процесс догоняющего развития бесконечным. Речь, конечно, идет не об отказе от политики внешних технологических заимствований, а о том, что они имеют одно из вспомогательных значений в политике модернизации.

Мир ко второму десятилетию XXI века четко разделился на постиндустриальную часть и индустриальную, которые все больше отделяются друг от друга. Россия принадлежит к индустриальному миру, а ее политика модернизации означает, что страна приобретает технологии и знания, которые уже устарели как минимум 15–20 лет назад. Это – абсолютно бесперспективная стратегия развития, которая будет вести к дальнейшему отставанию страны и создает наиболее опасную угрозу национальной безопасности.

Отставание в развитии НЧП иллюстрируется прежде всего масштабами финансирования в сравнении с развитыми странами (а не в абсолютных цифрах). Как справедливо замечает исследователь этой проблемы Ю. Корчагин, «Основой науки являются культура, образование, эффективная система здравоохранения, безопасность граждан, составляющие базу качества жизни. По всем этим составляющим накопилось огромное отставание в развитии российского ЧК, его стоимость и качество снизились в разы. Культуру выбросили куда-то вместе с советской идеологией. Но жизнь пустот не терпит. И около криминальная субкультура заполнила эту нишу, подменив русскую культуру»¹.

Эта политика отчетливо выражается в приоритетах федерального бюджета.

В 2013 году оборонные расходы России увеличатся на 25,8%, до 2,3 трлн рублей (примерно 75 млрд долл.). В последующие два года, как следует из выкладок, опубликованных на сайте Минфина, оборонные статьи бюджета прибавят еще 18,2 и 3,4% соответственно. На надбавку могут также рассчитывать правоохранительные органы (+ 9% в 2013 году) и ЖКХ (+24,4%). **Зато затраты на здравоохранение, образование, социальную политику, а также физкультуру и спорт планируется**

¹ Корчагин Ю.А. Модернизация экономики России невозможно без изменения парадигмы развития и модернизации человеческого капитала. 17 января 2012 г. / URL: 2020.strategy.ru/documents/32681540.html

сократить на 1,4–8,7%. Так, только здравоохранение по сравнению с 2012-м потеряет до 48 млрд рублей. Впрочем, на социальную сферу в 2013 году будет приходиться почти 30% бюджетных расходов, тогда как на оборону – 17,5%. К слову, в марте о повышении расходов на оборону в текущем году на 11,5% (до \$105 млрд) сообщали и власти Китая¹.

«Инвестиции в культуру, образование, здравоохранение, науку в долях ВВП примерно вдвое ниже, чем в развитых странах. А в здравоохранение – более чем вдвое ниже средних в мире. Поэтому правительство РФ и власти регионов предпочитают жонглировать в основном абсолютными цифрами, а не долями ВВП, ВРП или показателями на душу.

В СНГ затраты на образование на душу населения составляют в среднем – 2596 долл., инвестиции в здравоохранение – 7221,6 долл., в Москве инвестиции в образование ниже в 4,6 раз, а в медицину – в 10,3 раза на душу населения, чем в развитых странах. В средней по всем показателям Воронежской области расходы на медицину в 37 раз меньше,

¹ [Полюхович](#) А. Бюджет обороняется от социалки // Известия. 2012. 18 июля. С. 1.

чем в США, в образование – в 13 раз. Близкие соотношения и для большинства других регионов. В среднем по России медицинские расходы на душу населения в 23 раза меньше, чем в США.

Даже богатая Москва в силу ущербности существующей системы бюджетного перераспределения налогов и низких инвестиций в ЧК значительно уступает Эстонии. Остальные регионы уступают на порядки»¹.

Пример КНР, в этой связи, очень показателен. Научная концепция развития страны – это выдвинутый после XVI съезда КПК новейший продукт китаизированного марксизма, автором которого является генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, своим основным идейным постулатом ставит во главу угла «человека как основу основ» и требует всестороннего гармоничного и устойчивого развития. Концепция официально объявлена базой построения в Китае мощного, богатого, гармоничного социалистического общества, «социализма с китайской спецификой». Вместе с тем следует заметить, что выдвижение этой новой концепции фактически означает «бархатный» отход и уточнение

¹ Корчагин Ю.А. Модернизация экономики России невозможно без изменения парадигмы развития и модернизации человеческого капитала. 17 января 2012 г. / URL: 2020.strategy.ru/documents/32681540.html

некоторых идей, ранее выдвигавшихся предшественниками. Прежде всего «научная концепция развития» и вытекающее из нее указание на всестороннее гармоничное и устойчивое развитие означает преодоление ряда односторонних акцентов в экономической политике. Например, ныне уже не делается упор на рост лишь экономических показателей в ущерб вниманию к социальным проблемам. Вместо подчеркивания тезиса об обогащении отдельных районов и отдельных лиц акцент делается на полном построении среднезажиточного общества, совместном росте благополучия.

Значительны достижения КНР в развитии науки, культуры, образования, в повышении жизненного уровня населения. За последние годы удалось обеспечить повсеместное введение 9-летней системы образования, а в отдельных, экономически наиболее развитых провинциях вводится 12-летняя система. Быстро развивается профессиональное образование, постепенно становится массовым высшее образование. Численность студентов высших учебных заведений увеличилась с 7 млн человек в 1999 г. до 29,8 млн человек. Уже в 2005 г. Китай обошел по этому показателю США. В ведущих университетах значительно повысился уровень образования и научных исследований.

Китай начал выдвигаться на лидирующие позиции по основным параметрам, характеризующим развитие науки и техники. Поступательно увеличиваются вложения в НИОКР. В 2008 г. они составили 1,52% ВВП. Общее количество дипломированных специалистов, занятых в сфере науки и технологий, достигло 42 млн человек – больше, чем где бы то ни было в мире, в том числе в НИОКР занято 1,9 млн человек – 2-е место в мире после США. По числу научных публикаций, включенных в международную научно-техническую поисковую систему SCI, Китаю принадлежит 3-е место в мире, а по количеству патентов на изобретения он вышел на 4-ю позицию. Беспрецедентно быстрыми темпами создаются парки и инкубаторы высоких технологий. По числу инкубаторов Китай занял 2-е место в мире после США. Для привлечения иностранных ученых КНР создает технопарки за рубежом. Ежегодно число

дипломированных специалистов по информтехнологиям прирастает на 200 тыс. человек – в 5 раз больше, чем в США»¹.

Примеров – не счесть. В том числе и в самых, казалось бы, неожиданных областях. Так, для нужд Министерства обороны в свое время производили наручные часы на заводе «Восток», которые работали без подзаводки 36 часов, выдерживали наезд армейского джипа, удары, падения, погружение в воду на 50 метров и другие экстремальные испытания. Там был собственный, очень надежный механизм и высочайшая культура производства – процент брака у них был ниже, чем у швейцарской ETA².

Другой пример: на встрече гендиректоров-производителей комплекса «С-300» с теми, кто его эксплуатирует в одной из бригад под Москвой в конце 2012 года, я наблюдал такую картину: большинство претензий было высказано в отношении сцепления к колесным тягачам, которые «горели» от неумелого обращения молодых солдат-водителей. А ведь еще какое-то время тому назад управляли тягачами, как правило, офицеры и прапорщики и такой проблемы не было.

Эти два примера хорошо иллюстрируют колоссальную потерю в НЧП, которая произошла в последние годы, ставшую критичной для эффективного использования ВВТ.

¹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. М.: ИД «Форум», 2012. С. 142–143.

² Мацарский И. Военные часов не наблюдают // Известия. 2012. 22 марта. С. 1.

в). Курс на опережающее развитие НЧП как важнейшая часть евразийской стратегии

... рост добычи сланцевой нефти
в США в ближайшие 10 лет способен
вдвое сократить американский импорт,
что приведет к падению нефтяных
цен до 80\$–60\$ за баррель¹

*И. Кезик,
публицист*

Россия на наших глазах
превращается в крупнейшего
экспортера интеллектуального
потенциала²

*Н. Симония,
академик РАН*

Уровень и темпы развития НЧП определяют будущее значение той или иной нации и государства в период «фазового перехода». Применительно к евразийской стратегии России и странам АТР это означает, что не только ее количественный (демографический), но и качественный потенциал будет определяться НЧП и институтами его развития. Это – мировая тенденция, характерная прежде всего, конечно, для восточных российских регионов. Это – ведущий (по терминологии политологов) мегатренд до 2030 года, который описывается аналитиками американского разведсообщества следующим образом: «Ключевыми мегатрендами, определяющими облик будущего мира, по мнению экспертов НСР, являются развитие человеческой личности, диффузия силы, демографические изменения, недостаток пищи, воды и энергии. Развитие человеческой личности ускорится вследствие сокращения бедности, роста мирового среднего класса, большей образованности, широкого использования новых коммуникационных и производственных технологий, а также медицинских достижений.

В будущем, – считают эксперты, – не ожидается никаких держав-гегемонов. Власть станет постепенно переходить в сторону сетей и коалиций в многополярном мире. Демографическая дуга нестабильности будет сужаться, но и экономический рост ослабеет за счет старения населения стран. 60 процентов населения мира будет жить на урбанизированных территориях, миграция также увеличится. Недостаток

¹ Кезик И. США обрушат цены на нефть до \$80 за баррель // Известия. 2012. 5 октября. С. 1.

² Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 762.

пищи, воды и энергии приведет к тому, что спрос на эти ресурсы существенно вырастет из-за увеличения населения планеты»¹.

Таким образом, американские аналитики акцентируют внимание на двух мегатрендах – приоритете в развитии НЧП и его институтов, а также на увеличивающемся дефиците природных ресурсов.

Очевидно, что оба эти мегатренда имеют особенное значение для восточных регионов России, где первый мегатренд имеет **отрицательное** значение, особенно тревожное на фоне быстрых темпов роста НЧП стран АТР.

Второй мегатренд также не может не беспокоить, ибо когда в восточных регионах страны проживает менее 1 чел. на км², то мировой дефицит этих огромных ресурсов становится проблемой уже политической и военной.

Уже сегодня стагнация российского НЧП ведет к изменениям в структуре экспорта страны, депопуляции, особенно характерных для восточных регионов России. Для евразийской стратегии и особенно стратегии развития восточных районов России выбор между двумя полюсами – политикой модернизации на основе технологических заимствований и политикой роста НЧП этих регионов – во многом невозможен. Очевидно, что предстоит реализовывать параллельно обе стратегии – привлекать внешних инвесторов и технологические заимствования по китайскому сценарию и одновременно опережающими темпами развивать НЧП и инфраструктуру восточных регионов. Но даже при таком «синтезированном» подходе приоритет остается за развитием НЧП восточных отраслей и регионов. И вот почему:

Первое. Строительство транспортных коридоров и освоение природных богатств на основе внешних инвестиций и заимствований будет требовать высококачественного НЧП, без которого освоение новых возможностей будет нереально. Также, впрочем, как и развитие наукоемких отраслей промышленности. В ОПК России, например, сегодня уже главной проблемой стало не финансирование, а отсутствие необходимого числа высококвалифицированных инженеров и рабочих,

¹ Цит. по: Дождиков А. Глобальное будущее – 2030 – версия американской разведки / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 6 апреля / URL: <http://eurasian-defence.ru>

для чего предполагается даже принять специальный закон¹. Более того, по некоторым оценкам, сегодня в России производится не более 2 тыс. образцов станкостроительного оборудования по сравнению с 70 тыс. в советский период. Восстановление номенклатуры станкостроения, как ставится задача, но на период до 2017–2020 годов она вряд ли реализуема. За эти годы предстоит прежде всего подготовить кадры, способные работать на современном оборудовании с высокой производительностью труда. Вероятно и неизбежно, что это будет происходить на импортном оборудовании, но вопрос о кадрах все равно остается. Простой пример: новые лазерные технологии обработки металла на Обуховском заводе Концерна «Алмаз-Антей» позволили сократить изготовление одного контейнера для ПУ с 20–25 дней до 3 часов, но для того, чтобы работать на этом оборудовании, руководству завода пришлось практически с нуля готовить рабочих и техников.

Для огромных восточных регионов, где проживает от 300 тыс. до 3 млн человек, проблема качественных трудовых ресурсов стоит особенно остро. Нужны университеты, профтехучилища, колледжи, но прежде всего просто люди, способные трудиться.

Второе. Создание наукоемких производств и возрождение обрабатывающей национальной промышленности, в т.ч. в ОПК восточных регионов, возможно при условии быстрого роста производительности труда, которое реализуется не только с появлением новых технологий, но и новых кадров. Эти новые кадры могут появиться либо в результате резкого изменения демографической и социальной политики, когда условия работы и жизни будут лучше, а не хуже, чем в центральных регионах, либо за счет массовой миграции из центральных регионов (как в годы советской власти). Но и первое, и второе возможно только при условии новой государственной политики по отношению к НЧК восточных регионов.

Третье. Задачи обеспечения военной безопасности евразийского пространства, в целом, и восточных регионов, в частности, возможно решить на основе отечественного НЧК просто потому, что современные передовые военные технологии не продаются. В лучшем случае можно

¹ Мухин В. Оборонка предпенсионного возраста // Независимая газета. 2012. 5 октября. С. 1.

частично заимствовать устаревшие (или «вчерашние») военные технологии. Тем более невозможно «заимствовать» передовые военные НИОКР в критически важных областях – ВКО, РЭБ, БПЛА и др. База для этого в восточных регионах есть. Прежде всего в авиастроении, судостроении и некоторых других отраслях, но ее нужно целенаправленно развивать.

Сегодняшняя реальность такова, что в существующей системе отечественного ОПК образовались значительные «дыры», по которым отставание от Запада в последние десятилетия только нарастало. Так, российская стратегическая система РЭБ, как показали учения 2012 года на полигоне Ашулук, оказалась бессильной против американской системы GPS в основном из-за устаревшего алгоритма постановки помех¹.

Политика технологических заимствований, которая в 2005–2013 годы называлась «модернизацией», очевидно ведет к растущему отставанию России, потере технологической культуры и НЧП. Пока что происходит, как отмечают российские эксперты, недооценка этого фактора: «... в российском правительстве, похоже, отсутствует эффективная система подготовки и принятия решений по серьезным вопросам. При ее наличии спор между ВПК и Генштабом по новому стратегическому бомбардировщику вообще не должен был возникать, а проектно-конструкторские работы по изделию, аналогичному Falcon NTV-2 или более совершенному, давно бы велись полным ходом»², – считают, например российские эксперты. Это свидетельствует прежде всего о недооценке роли НЧК для ОПК и всей промышленности, что стало предметом острой дискуссии в правительстве в 2013 году. «Об отсутствии такой системы свидетельствует также невнимание правительства к решению некоторых вопросов, от которых зависят темпы научно-технического прогресса России. Самый важный из них – это уровень изобретательской активности инженеров-конструкторов и исследователей. По этому показателю Россия отстает от Японии в 18 раз, от Южной Кореи в 14 раз, от США – в 4, Германии – 3, Австралии – 2,5

¹ Коновалов И. Войска РЭБ проиграли борьбу GPS // Известия. 2012. 1 октября. С. 9.

² Осин М.И., Светлов Н.М. Бомбардировщики на нашу голову // Независимая газета. 2012. 22 июня. С. 3.

раза. А ведь в конце 80-х годов прошлого столетия мы были впереди всех»¹.

Это результат научной политики (точнее – ее отсутствия) последних десятилетий, когда либеральные концепции «самофинансирования» науки и образования создали ситуацию устойчивого недофинансирования, развала научных школ, приватизацию основных фондов и массовый отток кадров. К сожалению, во многом эта либеральная идеология продолжает определять научную и образовательную политику государства и сегодня – от «реформ» высшей школы и ЕГЭ до развала РАН, ликвидации отраслевых НИИ, научных и учебных заведений МО и других министерств.

Недооценка значения мегатренда НЧК сохраняется и сегодня. Она привела не только к деиндустриализации страны, но и деградации НЧК, которая на фоне его стремительного роста в странах АТР выглядит катастрофической, особенно в восточных регионах. Как справедливо считают некоторые российские эксперты, деление на индустриальный и постиндустриальный мир – это не просто классификационное различие. «Два мира реально формируются. Постиндустриальный мир замыкается в себе. Возрастает доля экспорта развитых стран в развитые страны: в 1953 г. – 38%, в 1963 г. – 49%, в 1973 г. – 54%, в 1990 г. – 76%. Так же «замыкается» и ввоз-вывоз капитала. 90% зарубежных инвестиций в США идут из 7 стран, и на них же приходится 60% зарубежных американских инвестиций. К началу 90-х гг. семи ведущим постиндустриальным странам принадлежало 80,4% мировой компьютерной техники, 87% патентов, 90,5% высокотехнологичного производства².

¹ Осин М.И., Светлов Н.М. Бомбардировщики на нашу голову //Независимая газета. 2012. 22 июня. С. 3.

² Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 745.

Торговля внутри Евразии растет быстрее мировой¹

Экспорт	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Совокупный прирост за 2001–2010
Из Азии в Европу	-9,16	4,5	25,1	25,7	15,3	20,3	19,5	12,0	-20,2	26,0	178,64
Из Европы в Азию	-0,44	7,1	19,2	21,8	7,1	11,3	17,6	12,8	-12,5	22,4	162,17
Из СНГ в Европу	-3,66	8,2	28,1	40,0	39,9	30,5	15,9	36,7	-41,4	30,3	312,89
Из Европы в СНГ	29,60	15,0	30,9	36,4	23,4	30,9	32,9	25,9	-38,8	22,6	439,64
Из Азии в СНГ	12,16	24,3	63,5	46,0	45,9	34,0	60,5	36,2	-47,6	48,5	1006,75
Из СНГ в Азию	1,51	8,6	24,2	30,4	15,6	8,3	29,6	35,9	-17,0	34,3	338,84
Из Азии в Азию	-10,13	10,5	21,9%	25,7	15,0	14,9	15,4	15,7	-15,4	33,2	202,52
Из Европы в Европу	0,31	7,1	20,7%	19,6	7,7	13,8	16,4	10,5	-23,2	10,4	107,29
Из СНГ в СНГ	5,49	0,5	28,7%	38,5	12,3	27,3	29,8	31,2	-36,9	28,9	274,20
Мировая торговля	-4,09	4,8	16,9%	21,6	13,9	15,6	15,7	15,3	-22,6	21,7	136,40

Среднегодовые темпы прироста торговли товарами между регионами Евразии (в номинальном выражении, %)

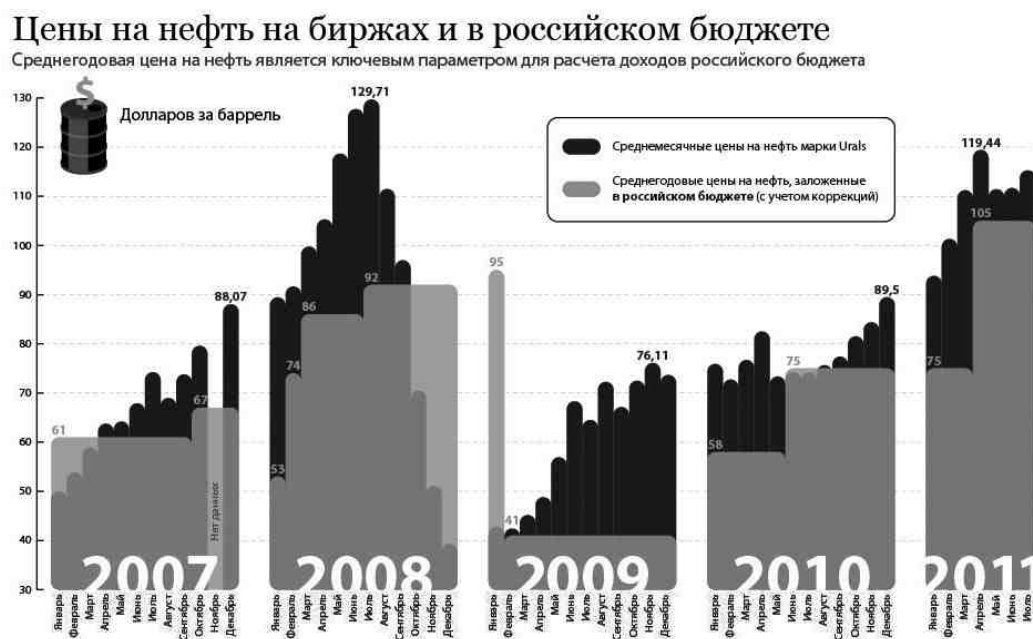
Как видно из приведенных данных, экспорт из Азии в страны СНГ за 10 лет вырос более чем на 1000%, а импорт только на 338%. Даже по сравнению с Европой, где аналогичный разрыв только в 1,5 раза, этот процесс выглядит угрожающим.

И эта ситуация не может в обозримое время кардинально измениться. Страны – члены ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), т.е. наиболее развитые страны, тратили в 1990-е годы на научные исследования в среднем 400 млрд долл. (в ценах 1995 г.) в год. На США сейчас приходится 44% общемировых затрат на научные исследования. Эта исключительная роль США продолжает сохраняться. Как заметил академик Н. Симония, «... в формационном отношении Америка снова вырвалась вперед, когда в ней стал складываться информационно-технологический уклад, который в течение каких-то двух десятков лет начал постепенно пронизывать и

¹ Винокуров Е.Ю. Евразийская континентальная интеграция. Доклад-презентация. М.: ЕБР, 2012. 11 октября.

интегрироваться в сегменты «традиционной» (т.е. индустриальной) экономики. Можно, конечно, отметить, что далеко не последнюю роль во всех этих процессах сыграла «подпитка» из все той же старой Европы и бывшего СССР («утечка мозгов»). Как бы то ни было, но именно в США были созданы условия для расцвета инновационных технологий. В этой стране, по существу, сложилась полноценная национальная инновационная система (НИС)»¹.

И, наоборот, в России в эти же годы отчетливо наблюдалась обратная тенденция, которая в концентрированном виде выражалась в росте зависимости формирования доходной части бюджета от нефтегазовых доходов. Так, если в 2007 году нефтегазовые доходы бюджета оценивались из расчета 61 долл. за баррель, то в 2011 году в 105 долл. При этом большинство экспертов полагает, что падение цены на нефть ниже 90 долл. за баррель, как это было, например, в феврале 2005 года, когда цена упала до 41 долл., неизбежно ведет к дефициту бюджета².

Вот примерный перечень участников НИС при разработке и реализации каких-либо национальных стратегических проектов:

¹ Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 745.

² Цена на нефть на биржах и в бюджете России // ИНОСМИ. 2011. 8 ноября / www.inosmi.ru

– государственные министерства и комиссии зачастую выполняют функцию координирующего механизма, они инициируют и соучаствуют в таких государственно-частных проектах, в случае необходимости привлекают национальные лаборатории (ВВС, ВМС и др.);

– частные корпорации со своими подразделениями НИОКР. В случае отсутствия последних, привлекаются сервисные компании;

– университеты и исследовательские институты работают над фундаментальными проблемами и прикладными разработками;

– венчурные компании представляют собой один из главных источников инновационных технологий, финансируются венчурными банками, либо представителями продвинутых крупных корпораций, которые в дальнейшем выкупают изобретение и запускают изделие в массовое производство»¹.

«Очень показательно, что в подавляющем большинстве стран, пытающихся догнать... развитые страны, ставится задача модернизации. А что это значит? Это значит освоение того, что в мире уже есть. Все попытки провести модернизацию имеют целью более или **менее творческое заимствование созданного другими**. Но это означает бесконечный комплекс неполноценности»².

Догоняющий тип развития способен дать многое, пока страны конкурируют в пределах одной системы производительных сил. Но самые быстро растущие страны Азии находятся на этапе индустриализации. Они увеличивают выпуск уже имеющихся в мире товаров, используя втягивание в производство все новых слоев населения»³.

Наконец, четвертое проявление «фазового перехода» происходит на уровне мировоззренческом и социальном. Вот как его описывает известный эксперт А. Неклесса: «К концу века утрата оснований прежним строем становится очевидной. Рушатся классовые, расовые, национальные перегородки и параллельно возникают новые; привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном

¹ Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 746.

² Там же.

³ В поисках «китайского чуда»: Сборник статей, посвященных 80-летию Ю.В. Чудодеева / Институт востоковедения РАН. / М.: ИВ РАН, 2011. С. 191.

контексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит. Человеческий космос персонализируется и усложняется, бывшие иерархии, коды деятельности разрушаются либо преобразуются, порою с точностью до наоборот. Делегирование полномочий становится под сомнение, происходит сдвиг к прямой, но асимметричной (конкурентной) демократии пассионарностей, ориентированной скорее на социальное, нежели политическое обновление, а в самом обществе нарастает “бешенство превращений”, ведется страстная борьба за право на индивидуальность»¹.

Фактически происходит социальная революция, в результате которой прежние представления о социальной структуре общества, его ценностях, классовых и расовых отличиях стремительно ломаются. Одновременно возникают новые, до этого неизвестные.

Особенно важное значение приобретает новый социальный слой – креативный класс и роль отдельного индивидуума – творца, который начинает вести «страстную борьбу за индивидуальность».

Проблемы экономики, общества, ОПК и Армии тесно связаны между собой. Какая экономика и общество – такая и Армия. Как справедливо заметил Ю. Корчагин, «Перед Россией сейчас стоит та же проблема, что стояла и перед СССР накануне его распада. СССР, при всей своей мощи, смог создать только 3–4-е технологические уклады (ТУ) экономики, а на 5-м споткнулся и затем распался (таблица).

К тому же, даже продукция 3–4 ТУ российской экономики была и остается низко конкурентоспособной на мировых рынках².

Технологические уклады экономики

№	1	2	3	4	5	6
Годы	1770-1830	1830-1880	1880-1930	1930-1980	1980-20.. (?)	2015-2050 (?)
Лидеры ТУ	Голландия, Великобритания, Франция, Бельгия	Те же + Германия и США	Те же	Те же + ЕС + Канада + СССР + Япония + Австралия	Те же (включая всю Европу) + Сингапур + Китай + Корея +	Те же, включая дополнительно Юго-Восточную Азию и Латинскую Америку

¹ Неклесса А.И. Будущее и грядущее: кризис современного мира // Политические исследования. 2012. № 2. С. 75.

² Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / URL: <http://www.lerc.ru>

					Индия + Бразилия + Мексика + РФ(?)	
Ядро ТУ	Текстиль, каналстрой , водян. и ветрян. двигатели, чугун	Паровой двигатель, ж/д, машино- и пароходост роение станкоинст румент. пром., черная металлурги я уголь	Электротех ника, тяжмаш, ЛЭП, неорганиче ская химия, авиа- и автостроени е, сталь	Авиа-, авто- тракторостр ование, цветмет, органическа я химия, синтетическ ий каучук, атомная энергетика и технологии, космос неф ть	Микро- электроника, программное обеспечение, робототехник а, биотехнологи и, лазерная и иная оптика, фототехника, дистанционн ое управление, космос. газ	Социальные технологии, технологии сознания, human technology, climate technology (климатические техн.), технологии интеллекта, ИТ, водородная энергетика и синтетический газ, био- и нанотехнологии, клеточные техн., геномная инженерия, мембранные и квантовые техн.
Ключев ые факторы развития	Текстильно е машиностр оение	Паровые двигатели, станки	Электродви гатель, сталь	Двигатель внутреннег о сгорания, нефть	Биотехнолог ии, микроэлектр оника, программное обеспечение, ядерная физика, компьютеры, ИТ, Интернет	Нанотехнологии, социальные техн., технологии человека, климатические техн., синтетический газ

Надо сказать, что такая ситуация существует в сложной международной и военно-политической обстановке, когда стремительно растут военные расходы, а военные потенциалы стран приобретают качественно новое значение. Это особенно заметно на примере АТР, где, например, «КНР с 2002 по 2009 гг. поднялась в мировом рейтинге расходов на вооружение с 7-го места на 2-е¹. Рост официальных военных расходов КНР чрезвычайно динамичен – почти в 5 раз за 10 лет: от 21,743 млрд в 2000 г. до 100,425 млрд в 2009 г. Следует принимать во внимание, что в ежегодных докладах Министерства обороны США Конгрессу²

¹ The World Bank. 2011. World Development Indicators and Global Development Finance / URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog>

² US DoD. 2005-2009. Military Power of the People's Republic of China 2005, 2006, 2007, 2008, 2009: Annual Report to Congress, <http://www.defense.gov/pubs/>; US DoD. 2010-2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010, 2011: Annual Report to Congress. URL: <http://www.defense.gov/pubs/>

производится обоснование оценок, согласно которым реальные военные расходы КНР в 1,7–2,6 раз превышают официальные суммы. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что официальные военные расходы (расходы государственного бюджета по статье «Национальная оборона») не являются единственным источником финансирования, и реальные военные расходы существенно превосходят официальные». Международный институт исследования проблем мира (SIPRI) в 2004 г. доказал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований, перевооружение и развитие ВПК осуществляется из других бюджетных источников – Фонда научных исследований и разработок и Фонда развития новых видов продукции. Согласно оценке SIPRI, **реальные военные расходы Китая в среднем более чем вдвое превышают официальные**¹.

Ю. Корчагин справедливо считает, что «Величина и качество советского интеллекта, ЧК и государства оказались недостаточными для перехода к 5-му ТУ экономики. Свои микроэлектронику, компьютерные, информационные и другие высокие технологии создать не удалось. Лопнуло там, где было тонко, – в высоких технологиях»².

Важной особенностью «фазового перехода» становится ведущая роль национального человеческого капитала, который характеризуется как количественными, так и качественными (демографическими) параметрами. При этом отмечается отчетливая и прямая взаимосвязь между развитием инфраструктурных проектов и НЧП, в том числе его демографической составляющей. Так, Л. Аристова, в частности, отмечает: «Переход к социально ориентированной высокоэффективной рыночной экономике предполагает достижения современного уровня и качества жизни населения. Состояние и развитие транспортной инфраструктуры определяет устройство экономики в целом. В настоящее время для России и большинства государств Центральной Азии, международные транспортные коридоры, нередко повторяющие древние

¹ Чайковский М.М. Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР. Аналитическая записка. М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 3.

² Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / URL: <http://www.lerc.ru>

торговые пути, являются необходимым условием, обеспечивающем экономическое и культурное единство территории, сохранение ее целостности и развития. Современные изменения в мировой экономике характеризуются расширением географии межгосударственных связей и ростом конкуренции, повышением роли государства в определении и соблюдении баланса между опорой на собственные национальные силы и открытостью своей экономики. Для России и большинства республик Центральной Азии и соседних стран, совместное вхождение в мировой рынок обеспечивает более значимые для каждой из стран результаты, чем при индивидуальных действиях, подчас стимулируемых третьими странами из-за рубежа»¹.

Если говорить о демографии, то известно, что начиная с 1990 года вплоть до 2012 года существовал огромный провал, или «демографическая яма» в Российской Федерации, которую вероятно, удалось остановить только в 2012 году.

Но и за пределами Российской Федерации шел процесс сокращения «русского присутствия». Как отметил Д. Тренин, «После обретения независимости русских стали увольнять или вытеснять с ответственных постов в правительстве, государственном аппарате, полиции, вооруженных силах, образовании и других важнейших структурах»².

Русские меньшинства в бывших советских республиках, получивших независимость, %

Страна	Доля русских в 1989 г.	Доля русских сегодня	Год последнего подсчета
Российская Федерация	81,5	79,8	2002
Армения	1,6	0,5	2001
Азербайджан	5,6	1,8	1999
Белоруссия	13,2	11,4	1999
Эстония	30,3	25,6	2000
Грузия	6,3	1,6	2002
Казахстан	37,4	30,0	1999
Киргизия	21,5	12,5	1999
Латвия	33,9	29,6	2002

¹ Аристова Л.Б. Россия и прикаспийские государства: водно-транспортные проекты / Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 101.

² Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история // М: Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. С. 264.

Литва	9,4	6,3	2001
Молдавия	13,0	5,9	2004
Таджикистан	7,6	1,1	2000
Туркмения	9,5	6,7	1995
Украина	22,1	17,3	2001
Узбекистан	8,4	5,0	1996

«Следующий шестой ТУ в части новых технологий будет ориентирован на совершенствование здоровья и интеллектуальных возможностей человека, на социум, на повышение качества жизни, включая климат, среду обитания и труда (human technology), на развитие нанотехнологий, технологий естественного и искусственного интеллекта. В ядро 6-го ТУ войдут социальные технологии, технологии сознания и мозга, climate technology (климатические технологии), водородная энергетика и синтетический газ, био- и нанотехнологии, клеточные технологии, генная инженерия, мембранные и квантовые технологии.

Ю. Корчагин полагает, что «Согласно прогнозам, 6-й технологический уклад вступит в фазу распространения в 2015–2030 гг., а в фазу зрелости – в 2040–2050 годах. При этом социальные технологии и технологии развития личности и совершенствования здоровья населения будут развиваться опережающими темпами. Новый ТУ создадут здоровые и интеллектуально развитые люди (креативный класс)»¹.

На мой взгляд, такие оценки излишне пессимистичны, хотя их разделяют многие авторитетные ученые, руководители и , особенно, руководители производств. Так, еще недавно, в России существовал абсолютный скепсис в отношении распространения Интернета и числа пользователей. Между тем уже в первой половине 2012 года, по данным компании Microsoft, доля пользователей компьютерами среди молодых людей достигла 87% против 92% в Европе. «При этом потребность граждан современной России в использовании технологий для решения своих личных и профессиональных задач достаточно высока. ИКТ-компетенции все чаще требуются при устройстве на работу: если более 10 лет назад умение пользоваться компьютером или Интернетом было обязательным условием при приеме на работу **только в 7% случаев**, то

¹ Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / URL: <http://www.lerc.ru>

сейчас этот показатель **возрос до 30%**. Также жители России демонстрируют заинтересованность и спрос на государственные услуги в электронном виде: 42% взрослого населения считают Интернет наиболее удобным способом взаимодействия с органами власти.

По мнению экспертов, в развитии ИКТ-компетенций ведущую роль играют программы повышения компьютерной грамотности. И это подтверждается исследованиями: 48% людей, когда-либо проходивших специальное обучение, свободно владеют компьютером и выполняют большинство базовых операций, тогда как среди людей, не обучавшихся на компьютерных курсах, опытных пользователей насчитывается только 17%.

Согласно результатам исследования, проведенного ИРИО, уровень ИКТ-компетенций россиян сегодня отстает от среднеевропейских показателей, но этот разрыв быстро сокращается. С 2008 г. разница в доле пользователей Интернета в России и странах Европейского Союза сократилась более чем в два раза. При этом существенное отставание еще остается, как количественное (число компьютеров на душу населения), так и качественное (то, как используются технологии, госуслуги в электронном виде и т.п.).

Сегодня в России не реже одного раза в неделю компьютером пользуется 58% населения, в то время как в ЕС этот показатель составляет 69%. Приблизительно такое же соотношение и между пользователями Интернета: 56% в России и 68% в ЕС»¹.

В России доля пользователей, еженедельно работающих за компьютером, среди молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет составляет 87% против 92% в Европе. Такие данные были представлены сегодня на пресс-конференции в рамках Петербургского экономического форума Институтом развития информационного общества (ИРИО) и компанией Microsoft.

Эксперты по результатам проведенного исследования «Роль ИКТ-компетенций в социально-экономическом развитии России» указывают, что лидером в освоении информационно-коммуникационных технологий

¹ По данным экспертов, в России еженедельно работают за компьютером 87% молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет 21.06.2012. Санкт-Петербург / URL: <http://rbc.ru/rbcfreenews/20120621150332.shtml?print>

в России, безусловно, является молодежь. Так, для сравнения в более старшей группе (от 55 до 74 лет) компьютером пользуется лишь 18% (42% в ЕС).

«Для России 6-й ТУ экономики, считает Ю. Корчагин, – пока принципиально не достижим, как, впрочем, и 5-й уклад. Для этого предварительно необходимо в условиях конкуренции и профессиональных реформ создать высококачественные системы воспитания, культуры, образования, науки и конкурентоспособное качество жизни. Распад СССР – это накопленный отрицательный опыт, доказывающий сделанные выводы»¹.

Важно подчеркнуть, что решение этой задачи, как и реализация евразийской политики, требует совершенно новой системы государственного и политического управления, прежде всего, в целях эффективного использования – консолидации и мобилизации – национальных ресурсов. Причем не только федеральных, но и региональных, и местных. Не только финансовых (которые сегодня прежде всего имеются в виду), но и моральных, идеологических, духовных. Как справедливо заметил академик М. Титаренко, «Концепция России как евразийской державы требует серьезного реформирования нынешней системы управления экономикой и глубоких изменений форм и методов управления регионами из центра.

1. Жесткий политический моноцентризм, диктуемый огромными пространствами и наличием порождаемого на местах сепаратизма, ролью региональных факторов, тем не менее, должен сочетаться с необходимым учетом географического, культурного, социального своеобразия регионов и предусматривать в экономическом плане значительный потенциал региональной самостоятельности, права регионов к творческому самосовершенствованию и видоизменению, права адаптировать поступающие из центра общие указания к местным условиям.

2. Подлинное решение задач развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования ее административно-экономической системы, укрупнения административных структур. Опыт

¹ Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / URL: <http://www.lerc.ru>

экономического подъема развитых стран Запада, США и Японии, а также Китая дает пример разделения функций управления процессами развития экономики между столицей и региональными центрами»¹.

Но, главное, «фазовый переход» требует от России реальной политики опережающего развития, в результате которого Россия должна перейти в новый технологический уклад. Это возможно при параллельном развитии – последовательном одновременном «догонянии» и «скачке», перескакивании через этапы. Эти два процесса необходимо совместить, а не противопоставлять один другому, что вполне возможно, если они будут опираться на приоритетное развитие НЧП: технологические заимствования будут становиться частью национальной инновационной системы развивающейся на базе отечественной фундаментальной науки, НИОКР и образовании.

¹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 92.

Глава 6. Евразийская стратегия: роль опережающего развития восточных регионов и транспортной инфраструктуры России

... Россия, обладая огромным потенциалом энергетических ресурсов, умудрилась не распорядиться по-хозяйски этим богатством для создания высокотехнологичной экономики¹

*Н. Симония,
академик РАН*

Не случайно уже сегодня раздаются голоса, что, мол, скоро «объективно» встанет вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения²

*В. Путин,
Президент России*

ТС создало не только единое таможенное пространство от ЕС до АТР, но и потенциально, единое экономическое пространство ЕС–АТР. При этом по уровню вовлеченности в экономику АТР Россия занимает предпоследнее место из всех стран АТЭС, «опередив» только Папуа–Новую Гвинею. Нашего Дальнего Востока просто нет на экономической карте региона. «Другие страны АТР не видят необходимости обращаться к Москве при обсуждении различных проектов зон свободной торговли. Именно поэтому (а не в результате «вражьих» происков) в программной статье Хиллари Клинтон «Тихоокеанский век Америки» Россия не упомянута ни разу. Нечего, к сожалению, упоминать. Можно сколько угодно ностальгировать по советской мощи региона, мечтать о развитии с нуля и по мановению волшебной палочки самых высокотехнологичных и прибыльных производств в каждом из городов Дальнего Востока, закладывать эти мечты в нереализуемые федеральные целевые программы, но ситуацию это не изменит. Полностью сложившаяся и функционирующая без России огромная экономика АТР – это данность»³, – отмечают авторы доклада об итогах председательства России в АТЭС.

У России, как одного из трех лидеров евразийской интеграции, вместе с тем, есть большие преимущества:

- именно ее территория является географической сердцевиной Евразии;
- она является важнейшим регионом минерально-сырьевых ресурсов (МСР);

¹ Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 762.

² Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

³ АТР и Россия: трезвый взгляд вместо утопий / Эл. ресурс: «ДВ-РОСС». 2012. 24 декабря / URL: <http://trud-ost.ru>

– потенциально – Россия является важнейшим логистическим центром между западной и восточной частями Евразии и АТР, а также странами ЦА.

Эти преимущество в конкуренции с США и Китаем, в случае проигрыша, однако, превращают Россию просто в «проходной двор» для великих держав. Более того, такое превращение в примитивный транзитный коридор несет в себе угрозу суверенитету страны потому, что неизбежным следствием станут требования экстерриториальности транспортных коридоров. И, наоборот, если восточные районы будут достаточно развиты, то они станут важнейшим конкурентным преимуществом России в борьбе за лидерство в Евразии.

Реализация российского евразийского проекта в решающей степени зависит от опережающих темпов развития восточных регионов страны. Можно даже сказать, что в рамках единого евразийского проекта эта задача не просто ключевая и приоритетная, но и даже более важная, чем интеграция с бывшими советскими республиками. Продвижение «российского ядра» на восток, развитие Сибири и Дальнего Востока многократно усиливает позиции России как главного участника и лидера евразийской интеграции, основного партнера Евросоюза и стран АТР.

Кроме того, темпы развития восточных регионов непосредственно укрепляют геополитические позиции России по отношению как к двум наиболее заинтересованным в сотрудничестве центрам силы – США – Евросоюзу и КНР, – так и по отношению к партнерам России по интеграции. Можно сказать, что от реализации восточной политики нашей страны непосредственно будет зависеть как развитие сотрудничества с центрами силами в Евразии, так и успех интеграции с традиционными партнерами.

У евразийской инициативы В. Путина есть и другая сторона, о которой говорят значительно реже, но эксперты, интересующиеся евразийской интеграцией её четко обозначают: продолжающаяся дифференциация российских регионов и национальный вопрос неизбежно приведут уже не к экономическому обескровливанию и депопуляции восточных провинций, а к социальному взрыву. Как подчеркивает директор Института демографии Н. Белова, «говоря о перспективах формирования ЕАС первично имеет смысл выделить два

аспекта – региональная политика России на своих внутренних просторах (территориальный вопрос) и национальный вопрос. Первичны они потому что, социально-экономический дисбаланс внутри страны во-первых, демонстрирует неспособность власти разобраться с теми территориями, которые есть, во-вторых, рано или поздно этот дисбаланс выступит тем самым «брутовым клинком», что, безусловно, не будет проигнорировано мировыми игроками (и нынешняя ситуация с г. Ульяновск в той или иной степени это подтверждает).

Присутствие «национального вопроса» для многонациональной России демонстрирует отсутствие чётко сформулированной идеологической линии, и по-прежнему выступает «ахиллесовой пятой» как для России вообще, так и для России – ядра новой интеграции.

Не менее значимым остается вопрос с разваливающимся станкостроением в стране и проблемы авиации. По тем или иным причинам Москва экономически и кадрово не решает эти задачи, тем самым теряя контроль над своими территориями. В масштабах ЕАС эти проблемы станут первичными, остро поставив вопрос с необходимостью лидера в этих сферах.

Исходя из этого, можно предположить, что либо на формирующийся проект ЕАС возлагается миссия решения этих задач, косвенным или прямым путём, либо реализация намеченного инициирует территориальный передел страны – с несколькими богатыми (финансово и энергетически) гигантами и остальными территориями, фактически выделенными под нужды интеграции – засилье новых народов с их культурой и миропониманием и ассимиляция оставшейся вне гигантов «ненужной» части народа»¹.

Действительно, отстающие российские регионы, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, по логике евразийской интеграции должны обеспечить опережающее по отношению к регионам-лидерам развитие. Естественно, что это можно сделать только при условии перераспределения национальных ресурсов в их пользу.

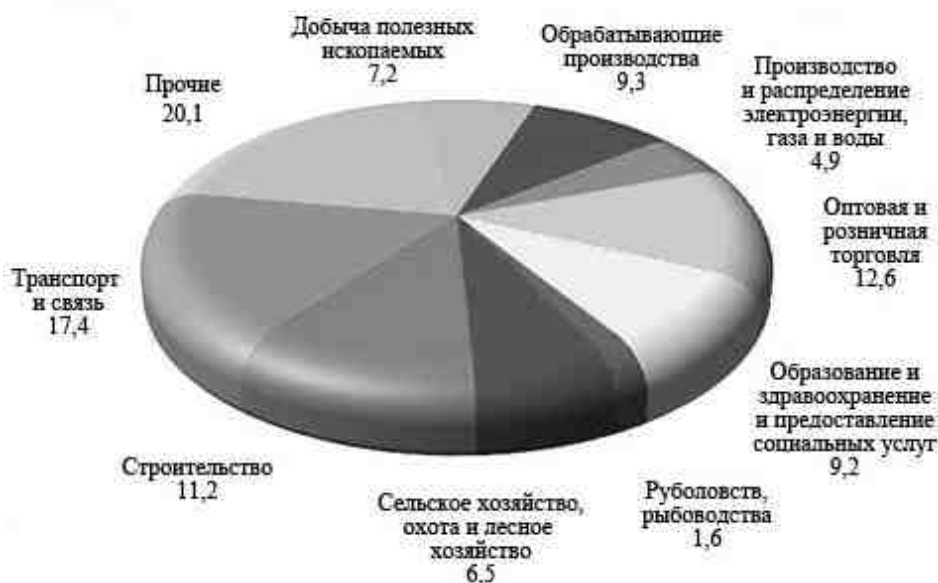
¹ Наталья Белова: Некоторые аспекты региональной и национальной политики Москвы в условиях создания Евразийского союза / Эл. ресурс. Евразийская интеграция. 3 августа 2012 г. / URL: <http://www.eurasian-integration.org>

Более того, учитывая роль инфраструктуры, особенно транспорта и связи, которые должны развиваться даже еще быстрее, чем сами восточные регионы, необходимо срочно пересмотреть политические приоритеты и бюджет как Российской Федерации, так и восточных регионов. В этой связи можно напомнить, что формирование крупных городов, экономических центров и появление столиц, как правило, происходило на пересечении транспортных артерий. Так появился Киев, Новгород и Москва, которая и сегодня является крупнейшим транспортным узлом России. Здесь пересекаются пути пяти видов транспорта – 11 железнодорожных лучей, 15 автомагистралей, 5 газопроводов и 3 нефтепровода, 3 речных порта, пять аэропортов и 9 вокзалов. Такие транспортные узлы притягивают торговлю (включая транзитные перевозки, средний и мелкий опт), в них удобно развивать промышленность, да и соответственно система транспорта и связи требует много рабочих мест. Особое место занимают города-порты: в США – Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Сан-Франциско, в Японии – Токио, в Китае – Шанхай, Сингапур и т.д. Не случайно именно Рамштадт (комплекс транспортных узлов) в Нидерландах позволил стать этой стране крупнейшим реэкспортером и финансовым центром.

Это полностью подтверждается и современными российскими реалиями. Например, в Хабаровском крае доля в ВВП региона транспорта связи превышает 17,4%, т.е. почти в два раза долю обрабатывающей промышленности и в 2,5 раза долю добывающей промышленности¹.

¹ Эл. ресурс: Хабаровский край. Официальный информационный портал. 2013. 17 августа / URL: <http://www.khabkrai.ru/>

Структура ВРП Хабаровского края за 2012 года в % (оценка)

При этом в первом полугодии 2013 года грузооборот края вырос на 135,9% к соответствующему периоду 2012 года, тогда как в других отраслях экономика региона наблюдался либо незначительный рост (2–3%), либо даже спад (до 90% от уровня 2012 года).

Важно отметить и тот факт, что и без того незначительный внешнеторговый оборот края упал на 9,1% за тот же период, т.е. скромные позиции региона в АТР во внешней торговле еще больше ухудшились. При этом наблюдался процесс снижения инвестиций и продолжающийся отток населения, которое составляет порядка 1,3 млн человек или 1,7 чел./км², а в северных районах 0,2 чел./км²,

Приведенная выше информация на примере Хабаровского края позволяет сделать несколько основных принципиальных выводов:

- во-первых, требуются срочные меры по увеличению потенциала НЧП восточных регионов вообще и демографического, в частности, за счет сознательного создания более благоприятных экономических и социальных условий. Эти условия (из-за удаленности региона от центральных районов, климата, транспортных издержек и его стратегического значения) должны быть значительно более благоприятными, чем в центрально-европейской части России;

- во-вторых, требуются меры по развитию транспортной и иной инфраструктуры восточных регионов, которая позволит ускорить решение экономических и социальных задач собственно регионов и обеспечить всей стране полноправное политическое и экономическое сотрудничество в АТР;

- в-третьих, требуется по сути заново создать экспортный потенциал регионов, который сегодня не просто ничтожно мал, но и ориентирован на экспорт добывающих отраслей экономики и лесопереработки;

- наконец, в-четвертых, необходимо комплексное развитие инфраструктуры восточных регионов, включая прежде всего создание транспортных узлов (ж/д, морских, речных, автодорожных и воздушных), в которых происходила бы концентрация производств, населения и финансов. Думается, что сегодня это должны быть (в порядке приоритетности) Владивосток, Хабаровск и Иркутск.

В эти центры необходимо аккумулировать всю деятельность и все ресурсы федерального центра и органов власти: развивать имеющиеся и создавать новые производства (реиндустриализация), открывать филиалы учреждений и компаний, переносить центр активности. Пример с созданием Минрегиона в Хабаровске – очень показателен, но явно недостаточен. Необходимо развивать имеющиеся университеты, переносить научно-образовательную и культурную активность из центра на восток.

**а). Политико-идеологический и экономический приоритеты
опережающего развития восточных регионов в стратегии
евразийской интеграции России**

... суммарный облагаемый налогом доход русскоязычного сообщества за рубежом бывшего СССР приблизительно равен годовому бюджету России¹

*Ю. Магаршак,
президент Международного комитета
интеллектуального сотрудничества*

Конкуренция за право жить лучше и за право жить вообще идет со времен сотворения мира. Она никогда не прерывалась, никогда не закончится.

К сожалению, современная лексика выдавила из себя для отдельных экс-политиков такие понятия, как Честь, Долг, Родина, Отечество, Патриотизм.

И всё же мы должны понимать, что безопасность России — это не только армия и флот, это духовная категория и приоритет над всеми и вся²

*Р. Кадыров,
Глава Чеченской Республики*

Говоря о стратегии евразийской интеграции, как правило, редко и неполно говорят о приоритетном значении как опережающего развития НЧК восточных регионов России, так и транспортной сети. Существует до сих пор представление о трех самостоятельных, не зависящих друг от друга проблем – собственно евразийской интеграции, опережающего развития восточных регионов и транспортной инфраструктуры. Между тем эти три проблемы не только тесно связаны между собой, но и решение одной из них во многом предопределяет решение последующих.

Более того, эти три ключевые проблемы могут быть решены только при других, еще более значимых по своему масштабу общенациональных проблем:

– достижения консенсуса внутри элит относительно сохранении национальной идентичности в условиях «фазового перехода» и глобализации, что возможно только при реализации идеи превращения России в евразийской политический и экономический центр силы и цивилизационного и идеологического лидера;

– переноса центра политической, экономической и финансовой активности в восточные регионы, лучше всего на дальневосточное побережье, например, в Советскую гавань. Без того, чтобы штаб-

¹ Цит. по: Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 762.

² Кадыров Р. Потому что Родина // Известия. 2013. 1 апреля. С. 2.

квартиры госкорпораций, банков и фирм (на первом этапе – их филиалы) не были переселены на Дальний Восток, говорить о его развитии и превращении в субъект равноправных отношений в АТР – бессмысленно;

– важно также перенести институты развития НЧП, прежде всего, научные, образовательные и технологические центры на Дальний Восток. Так же, как это было сделано Петром I, когда он «прорубал окно» в Европу, а после него еще в более 60 случаях, когда столицы переносились в силу разного рода причин. В любом случае экономика оказывалась вторичной, подчиненной идеологии и политике. Так было не только в Российской империи и СССР, но и в постсоветской России и СНГ. Господствующая идеология национализма на Украине, например, привела к тому, что сегодня там производится на 30% меньше ВВП, чем на советской Украине. И никого это особенно не беспокоит сегодня, когда обсуждается вопрос о членстве Украины в Евросоюзе.

И сегодня, рассуждения об «экономической целесообразности» освоения восточных регионов зачастую просто игнорируют национальные и государственные интересы России, которые гораздо более значимее, чем экономическая краткосрочная выгода. Например, создание центра экономического развития в Советской Гавани, куда можно было бы инвестировать столько же средств, сколько в Сочи, очевидно было бы гораздо выгоднее с политической и даже идеологической точки зрения. Как и в истории БАМа, здесь можно было бы «выделить» специальные объекты для инвестирования отдельных регионов.

Российской империей и Советским Союзом комплексному освоению и развитию регионов Сибири и Дальнего Востока всегда уделялось большое внимание. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали (1891–1903 гг.), Китайско-Восточной железной дороги – КВЖД (1897–1903 гг.), Байкало-Амурской магистрали – БАМ (1938–1984 гг.), опорных городов и портов, создание крупных промышленных предприятий, производств, энергетических объектов и научных центров, а также проводившаяся в XIX–XX столетиях государственная политика переселения и привлечения населения из европейской части империи и Советского Союза для жизни и работы в Сибири и на Дальнем Востоке – только небольшая часть тех усилий, которые были предприняты в рамках

освоения и развития этих регионов и наращивания потенциала страны в целом. Они были необходимы и понятны населению и свидетельствовали как о наличии у российских властей твердой государственной воли, нацеленной на превращение регионов Сибири в развитые индустриальные регионы страны¹.

Известно, что единство крупной страны зависит от наличия развитой инфраструктуры, т.е. политическое и экономическое единство России зависит от опережающих темпов развития транспорта и всей инфраструктуры (аналогическая ситуация была с Древним Римом, Китаем и в современный период истории с США). В свою очередь опережающее развитие восточных регионов невозможно без еще более быстрого развития транспортно-инфраструктурной сети. Наконец, эффективная евразийская интеграция не только в широком (Европа–Россия–Азия–АТР), но и даже в узком (ТС) контексте невозможна без развития восточных регионов и транспортной инфраструктуры в Евразии и АТР.

Сегодня таким транспортным центром является Москва, куда сходятся водные, ж/д, автомобильные и авиационные пути не только Европы, но и Востока. Новый транспортный узел должен быть создан на Дальнем Востоке.

Идеология рыночного либерализма и проводившиеся в рамках этой идеологии реформы нанесли мощный удар по НЧК и экономике восточных регионов. Что вынуждены признать даже сами либералы. Приведу вывод, сделанный группой «политиков-экспертов»: «Во-первых, остановились или оказались близки к остановке многие крупные промышленные предприятия, в их числе Красноярский завод тяжелого машиностроения, Красноярский телевизорный завод, Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат, Красноярский завод медпрепаратов, Красноярский завод комбайнов, ряд крупных оборонных предприятий Бийска и Рубцовска на Алтае, Рубцовский тракторный завод, Алтайсельмаш и другие»².

¹ Гушер А. Новый этап социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока / Эл. ресурс: «Новое военное обозрение». 2013. 20 августа / URL: <http://www.ru.journal-neo.com/print/117364>

² Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков В. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. 2012. 23 декабря. Т. 10. № 6. С. 86–87.

Мировой кризис, но в еще в большей степени либеральная политика, нанес мощный удар по инфраструктуре региона. Строительство дорог и инженерных сооружений почти прекратилось, советские дороги и мосты начали приходить в упадок, грузооборот железнодорожного транспорта в Сибирском федеральном округе с 1990 по 2000 гг. упал в 1,72 раза, в Дальневосточном – в 2,65 раза, пассажирооборот воздушного транспорта – более чем в 4 раза. С 1990 по 2009 гг. в Красноярском крае число действующих аэродромов (площадок) сократилось с 200 до 108, в Хабаровском – с 60 до 25, в Томской области – с 67 до 16. Пассажирооборот воздушных судов, обслуживающих местные перевозки вместимостью 15–19 мест, снизился в 40 раз по сравнению с 1990 г., парк воздушных судов вместимостью 12 мест – почти в 60 раз.

В эти же годы диверсифицировалась добыча полезных ископаемых: рентабельной оказалась лишь продукция, прямо шедшая на внешний рынок; с каждым годом доля экспорта в общем производстве полезных ископаемых устойчиво росла. Все это привело фактически к скатыванию Сибири в прошлое – к сырьевой экономике и быстрому восстановлению колониального по сути пути развития. Это, естественно, отразилось на позиции России в АТР. Либералы признают, что процесс деиндустриализации привел к закреплению сырьевой парадигмы развития Сибири. За январь-сентябрь 2012 г. в Кемеровской области на руду, уголь и металлы пришлось 90,6% экспорта, на Сахалине на нефть и газ – 90,2%, в Красноярском крае на черные и цветные металлы – 76,9%, в Иркутской области на металлы и лес – 86,6%. При этом стоит отметить, что Якутия экспортирует, оказывается, не алмазы, а уголь (почти 100%), Магаданская область – не золото, а шлаки и лом черных металлов (более 76%), а более ценные товары продаются через Москву. В целом сибирский экспорт на 95% складывается из продукции трех укрупненных отраслей: топливно-энергетического сырья; металлов и руд, а также леса и первичной продукции деревообработки. По мере нарастания исключительно сырьевой специализации инвестиции и финансовые ресурсы начали стекаться в отдельные точки роста, а инфраструктура и коммунальное хозяйство, и ранее не идеальные – приходить в упадок. Как следствие, жители стали покидать регион, а оставшиеся концентрироваться в крупных городах, где можно было найти работу и

обустроиться. С 1989 по 2010 гг. нетто-отток населения из зауральской части России в европейскую составил 2,2 млн человек, а общее население Сибири и Дальнего Востока сократилось на 3,57 млн человек»¹.

Принятые при В. Путине меры несколько исправили ситуацию, хотя и сегодня она не соответствует оптимальным характеристикам.

Прежде всего потому, что до сих пор не произошла окончательная переоценка политико-идеологических приоритетов элитой страны в отношении пространственного развития и не было сделано соответствующего правового, нормативного и интеллектуального обеспечения. По этому «Пространственный разрез должен быть четко обозначен во всех основных блоках единой системы стратегического планирования. Это позволит выявить дополнительные ограничения потенциальных темпов роста экономики, а также разработать меры по их повышению путем оптимизации региональной структуры экономики.

Для создания скоординированной системы институтов региональной политики необходимо обеспечить ее адекватное законодательное обеспечение. В первую очередь необходимо доработать и принять Концепцию пространственного развития Российской Федерации. Также необходимо доработать и принять федеральный закон о региональной политике, в котором должны быть предусмотрены: иерархическая система согласованных между собой уровней, институтов и полномочий региональной политики (федерация – федеральный округ – субъект – муниципалитет); единая нормативно-правовая база подготовки и согласования плановых и прогнозных документов регионального развития, позволяющая разным уровням сохранять самостоятельность и одновременно быть структурными элементами единой системы управления; механизмы мониторинга выполнения согласованных обязательств и обеспечения соответствующей ответственности субъектов управления.

Важным элементом системы стратегического планирования является развитие транспортной, телекоммуникационной и энергетической инфраструктуры. В настоящее время потребность в транспортных услугах удовлетворяется только на 60–70%, при этом простои составляют

¹ Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков В. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. 2012. 23 декабря. Т. 10. № 6. С. 86–87.

до 40% общего времени транспортного обслуживания. Остается нереализованным транзитный потенциал российской территории.

Формирование высокоразвитой системы транспортных коммуникаций, включающей высокоскоростной железнодорожный и автомобильный транспорт, развитую сеть авиаперевозок, транспортных узлов и логистических центров может стать мощнейшим локомотивом модернизации и инновационного развития экономики.

За создание и развитие самой системы стратегического планирования не должна и не может отвечать исполнительная власть (правительство, министры, губернаторы), поскольку когда исполнитель сам ставит себе задачи – он их поставит так, чтобы никто, кроме него, не мог проверить качество и напряженность исполнения задач. Поэтому общесистемный уровень (постановка целей, определение процедур и стратегический контроль) – уровень Президента России и Совета безопасности РФ. И задаче формирования «гражданского Генштаба» в условиях фактически начавшейся мировой валютно-финансовой и геоэкономической войны должно быть уделено достаточно внимания, выделены соответствующие интеллектуально-кадровые, организационные и финансовые ресурсы. В противном случае, мы будем продолжать заимствовать идеи и модели развития – с соответствующими интересами их «заимодавцев».

Россия уже не может себе позволить ни заемной (в духе Петра Великого) насильственной модернизации, ни импортной макроэкономики¹.

В планах руководства страны – увеличение производства сырья и экспорта продукции.

В угледобыче доля Восточной Сибири возрастет с 23,6 до 35,7%, Дальнего Востока с 9,7 до 17,1%.

Предполагается, что это приведет к повышению конкурентоспособности экспортных поставок. Основанием для такого вывода является то, что на долю Азиатско-Тихоокеанского региона в 2010 г. приходилось 38% потребляемой в мире энергии, а к 2030 г. она

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 2–3 / URL: <http://viperson.ru/>

может достичь 44–45%. При этом регион будет крупнейшим потребителем первичной энергии.

Наряду с наращиванием мощности добывающих отраслей большие задачи ставятся в области развития транспорта (железные дороги, автомобильные магистрали, трубопроводы, морские порты, воздушный транспорт). Предстоит модернизация Транссиба и БАМа, прокладка железных дорог к новым районам добычи полезных ископаемых и портам, расширение перевалочных возможностей морских портов. На Дальнем Востоке Россия располагает 20 торговыми и 10 рыбными портами. Имеется около 300 оборудованных гаваней. Предстоит серьезная модернизация всей рыболовной отрасли. К 2025 г. объем железнодорожных перевозок по БАМу должен вырасти до 108 млн. т (уголь, руды, древесина, другие грузы). А реальные возможности БАМа на сегодня составляют всего 12 млн т. Важной задачей становится реанимация и модернизация Северного морского пути, что даст России и ее восточным территориям важные преимущества.

Плотная, сильно разветвленная речная сеть стимулирует развитие судоходства в Хабаровском и Приморском краях, Якутии, Магаданской области, а также развитие рыбной промышленности и гидроэнергетики (Чульманская, Бурейская, Зейская и Нерюнгринская ГРЭС). Дальний Восток с его малой плотностью населения производит более 50% всей рыбной продукции России, основная часть которой добывается в Приморском крае. Другими наиболее крупными промысловыми зонами являются Сахалин и Камчатка. Среди рыбопромышленных баз можно выделить Петропавловск-Камчатский и Владивостокско-Находкинский комплексы.

В рамках развития энергетической промышленности в ДФО, наряду с малыми ГЭС, работает программа газификации региона, планируется строительство электростанций, работающих на природном газе. Также в перспективе – строительство геотермальных станций на Курильских островах и Камчатке.

Среди рисков и вызовов развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока сегодня на аналитическом уровне на практике выделяют следующие проблемы. В частности, А. Гушер говорит о том, что:

Во-первых, это процесс происходящего в последние годы (считайте с момента распада СССР и до настоящего времени) сокращения численности населения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Многие люди уезжали из региона вслед за развалом плановой экономики, понижением военного потенциала России на Дальнем Востоке и в Забайкалье, снижением уровня социальных льгот и гарантий, возникшей в постсоветский период политической неопределенности, боязни навсегда остаться на Дальнем Востоке без работы, без защиты и перспектив на будущее. Численность населения Дальневосточного федерального округа – ДФО – 6600865 чел. составляет 4,81% от общей численности населения РФ, при том, что по территории ДФО – это 36,4% территории всей страны. Такой численности населения явно недостаточно для решения планов нового этапа развития восточных районов страны. Но и просто увеличение численности активного населения в регионе в обозримое время невозможно из-за недостаточно развитой экономической инфраструктуры. Людям нужны хорошая работа, достойные условия жизни и высокие моральные стимулы. На Востоке в первую очередь нужны специалисты, а не разнорабочие. Пожалуй, единственной надежной гарантией возвращения людей на Дальний Восток является превращение этого региона в динамично развивающуюся территорию и наращивание государством мер социальной защиты, занятости и условий безопасного проживания в регионе. Иначе стране и регионам придется искать другие возможности для развития. Например, думать о массовом привлечении в регион мигрантов.

Во-вторых, не исчезают риски сохранения территориальной изолированности восточных российских регионов от остальной территории страны и их замкнутости на свои, региональные проблемы. Этому способствуют недостаточная для дальневосточников транспортная доступность центральных регионов России (практическое отсутствие современных воздушных и наземных средств перебросок людей и грузов с востока на запад и наоборот; неразвитость современных скоростных наземных магистралей; дороговизна транспортных услуг и др.), сужение полей межрегиональных культурных обменов, отсутствие реализации на Дальнем Востоке крупных программ и проектов федерального значения,

что вызывало бы у дальневосточников ощущение сопричастности к делам всей страны.

Если всего этого не делать, Дальний Восток в экономическом, технологическом и в социокультурном плане будет уходить во все более глубокую изоляцию от остальной России. Люди об этом думают и высказывают опасения относительно возможного развития сепаратистских настроений на востоке страны. В частности, высказываются предположения о некоторой вероятности того, что Министерство по развитию Дальнего Востока может сыграть роль «троянского коня» на Востоке, т.е. стать центром притяжения выраженных местнических изоляционистских настроений.

В-третьих, к явлениям риска для удержания под контролем ситуации на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири следует относить плохо регулируемую миграцию на их территории граждан соседних стран и их часто незаконную экономическую деятельность, торговлю, браконьерство, попытки надолго осесть на российской территории и вести здесь свою жизнь по своим законам. Нельзя не обращать внимания на то, что незаконное и ползучее заселение восточных регионов страны мигрантами из соседних государств является частью их стратегии развития.

В-четвертых, гармоничному социально-экономическому развитию восточных регионов РФ на длительную перспективу будет препятствовать сохранение ресурсодобывающей структуры региональной экономики и ориентации ее продукции преимущественно на экспорт. В стратегическом плане эту проблему должно решать государство. Сами восточные регионы ее не решат. В федеральном центре и в регионах это понимают, но для того, чтобы перестроить сложившуюся структуру экономики, требуются и политическая воля, и крупные инвестиции, и совершенно конкретный интерес людей.

В-пятых, в качестве вызова экономической безопасности Дальнему Востоку и РФ в целом следует рассматривать браконьерский вылов как российскими, так и иностранными судами и рыбаками рыбы, кальмаров, крабов и другой морепродукции в пределах исключительной морской экономической зоны России с последующей реализацией улова на внешних рынках. Сюда же следует относить и незаконную охоту на

больших морских животных типа тюленя, морского котика и др. То же следует говорить и о хищнических вырубках лесов с последующим нелегальным контрабандным вывозом этой древесины за рубеж, в основном в Китай, Японию и другие страны АТР.

Не следует забывать и о некоторых других негативных аспектах ситуации на востоке. Среди них следует выделять недостаточную морально-психологическую готовность части местных властей к активной работе по решению непривычных для них задач развития регионов, экономическую преступность, коррупцию, низкий авторитет части местных высокопоставленных чиновников и исполнителей среднего звена среди населения. Именно эти негативные аспекты общественно-политической обстановки в восточных регионах вызывают зачастую скептическое отношение представителей местных средств массовой информации и общественности к новым планам российских властей.

Разработка и реализация планов социально-экономического развития регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири началась в не очень благоприятных условиях общественно-политической ситуации в стране, общественных настроений и внешнеэкономической конъюнктуры. Поворот России на Восток вызывает определенное сопротивление со стороны прозападно ориентированных сил в самой России. Наши внутренние распри, поведение элит, взаимные обвинения, развязный тон средств массовой информации не способствуют национальной консолидации и наносят ущерб авторитету страны и ее руководству. Но все это необходимо преодолеть, сохранить верность новому стратегическому курсу, упрямо и последовательно решая жизненно важные для восточных регионов и страны в целом задачи¹.

¹ Гушер А. Новый этап социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока / Эл. ресурс: «Новое военное обозрение». 2013. 20 августа / URL: <http://www.ru.journal-neo.com/print/117364>

б). Взаимосвязь евразийской интеграции, опережающего развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры

Восточная Сибирь и Дальний Восток, несмотря на то, что входят в состав Азиатско-Тихоокеанского региона, значительно отстают в уровне «интернетизации». Из-за отсутствия отлаженной системы коммуникаций и обмена информацией регионы не взаимодействуют и остаются «за бортом» информационного общества¹

*Ю. Грязнова,
эксперт ОП РФ*

Анализ возможных вариантов устранения сегодняшних дисбалансов и противоречий

показывает, что они носят антагонистический характер и без существенного ущемления интересов тех или иных крупнейших геополитических субъектов кризис преодолен не будет. А это означает неизбежность применения силы для выхода из сложившейся ситуации²

*К. Сивков,
доктор военных наук*

Евразийская стратегия России должна исходить из взаимосвязи ее трех наиболее приоритетных элементов:

- опережающего развития НЧК прежде всего его демографической, культурно-духовной и интеллектуальной составляющих, лежащих в основе русского «ядра» интеграции;
- приоритета в развитии восточных регионов (от Южного Урала до Дальнего Востока) по сравнению с другими регионами страны;
- приоритета в развитии инфраструктуры, прежде всего транспорта и связи, в восточных регионах, с помощью которых эти регионы и в целом Россия станут полноправным субъектом в отношениях с новым центром силы в АТР.

Эти три приоритета не просто тесно взаимосвязаны друг с другом, но и являются системообразующей при формировании национальной стратегии развития и ее частных составных частей – стратегии евразийской интеграции, военной и внешней политики страны.

Стратегию евразийской интеграции и политику России в АТР необходимо рассматривать в глобальном, геополитическом контексте, учитывая такие важнейшие факторы, как ситуация в мире, возросшая конфликтность, изменения ВВТ и военном искусстве и т.п., а не только

¹ В Хакасии обсудили стратегию развития макрорегиона Сибири и Дальнего Востока / Эл. ресурс: «vg-news». 2012. 4 июня / URL: <http://www.vg-news.ru/news/>

² Сивков К. Мировая война как выход из глобального кризиса // Военно-промышленный курьер. 2012. № 49 (466).

как средство повысить экономическую эффективность международного сотрудничества.

Это хорошо видно на геополитической карте России, которая выступает не просто географическим и геополитическим центром Евразии, но и перекрестком основных транспортных путей. Как видно из рисунка, Евразия немыслима без России, более того, центральной роли России, в том числе из-за ее роли и транспортно-инфраструктурного значения. Аналогичный вывод применим и к евразийской интеграции: без восточных регионов России (от Урала до Дальнего Востока) интеграция даже в рамках ТС будет очень ограниченной.

Большое значение для евразийской интеграции по оси «Запад–Восток», например, имеет развитие Северного морского пути (СМП) и превращение его уже в среднесрочной перспективе в Северный транспортный коридор (СТК), который будет доступен круглогодично для транспортировки грузов из стран Евросоюза в страны АТР.

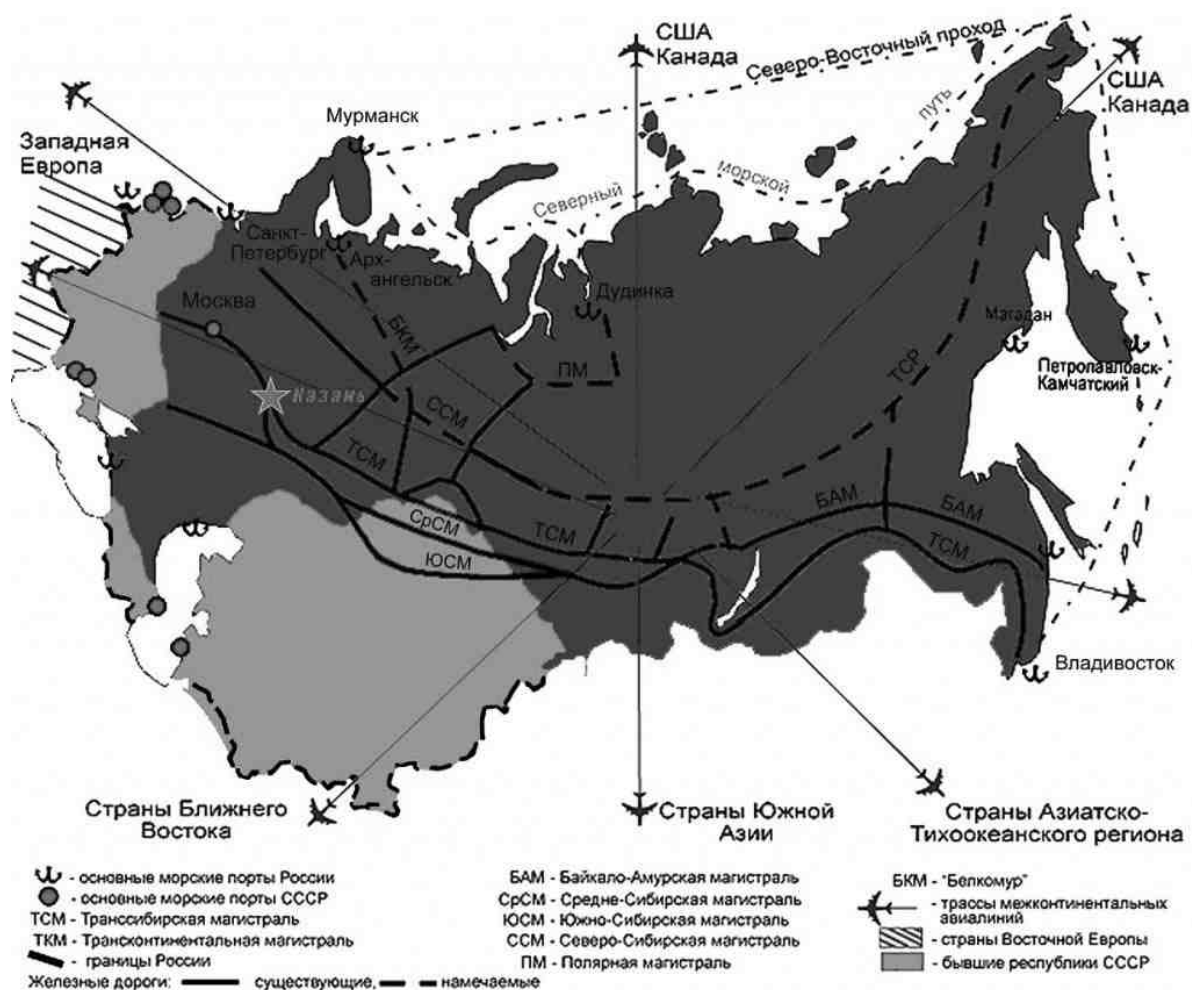
«Показательным для выявления тенденции развития судоходства в Арктике можно назвать навигацию 2011 года. Данная навигация продемонстрировала, что плавание судов различного назначения по Северному морскому пути, к примеру, из Мурманска в различные порты Юго-Восточной Азии обеспечивает сокращение времени доставки грузов от 7 до 22 суток по сравнению с плаванием через Суэцкий канал. Естественно, при соответствующем обеспечении.

Россия находится в выигрышном положении по сравнению со всеми другими претендентами, которые хотели бы воспользоваться богатствами Арктики. Помимо 6 атомных ледоколов (атомного ледокольного флота нет ни у одной страны мира) у России имеется еще около 20 дизельных ледоколов. Для сравнения у Дании – 4 ледокола, у Норвегии – 1, у США – 3, побольше ледоколов у Канады – 2 тяжелых ледокола и более десятка ледоколов небольшого класса. Однако большой опыт работы в высоких широтах и наличие атомного ледокольного флота обеспечивают России несомненное преимущество.

Проведенный специалистами анализ свидетельствует о том, что транзитные перевозки грузов по СМП уже к 2015 году могут возрасти до 3–4 млн тонн, что потребует 100 ледовых проводок в год. К 2019–2020 годам транзитные перевозки по этому маршруту вырастут до 5 млн тонн

в год, что в свою очередь потребует увеличения числа ледовых проводок до 170–180. К 2030 году потребность в ледокольных проводках будет уже более 200 в год. С принятием во внимание наиболее предпочтительного сценария развития Арктики до 2030 года предполагаются радикальная модернизация СМП с одновременным наращиванием грузооборота на его трассах до 30–35 млн тонн каждый год»¹.

На железные дороги возлагается большая задача

Так, развитие восточных регионов и интеграция США странами АТР, например, невозможна без роста экспортного потенциала этих регионов. Это хорошо видно на следующей карте.

¹ Юферева С. Сколько ледоколов нужно России? / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 13 августа / URL: <http://topwar.ru/>

ПРОЕКТ ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА ЕВРАЗИЯ-СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

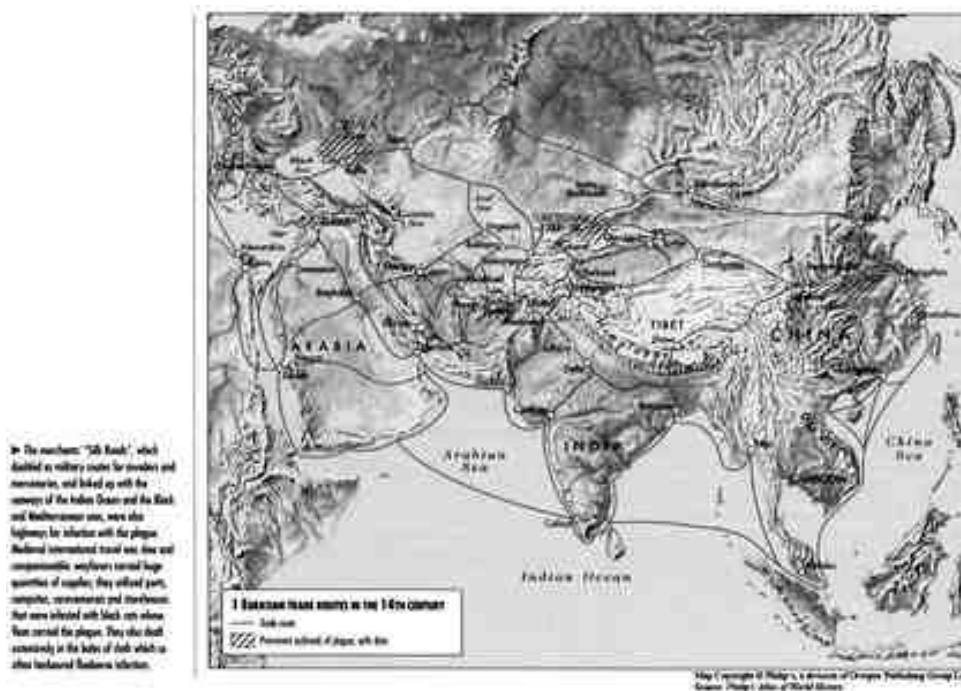
В еще большей степени этот вывод справедлив для двух других российских направлений – юго-восточного и южно-азиатского, – которые являются традиционными транспортными коридорами Евразии. Тем более, что Китай ускоренно развивает свои транспортные коридоры в С.-В. и Ю.-В. Азии, основными векторами которого являются¹.

1). **Северо-Восточная Азия**, где ключевым логистическим центром станет Расон (КНДР), через который китайцы получают выход к Японскому морю. Кстати, Россия тоже будет встроена в этот проект, восстановив магистраль между Расоном и станцией Хасан в Приморском крае. Таким образом, обеспечивается баланс интересов ключевых экономик региона: КНР, России и КНДР. В противовес прозападной «связке» Японии и Южной Кореи.

2). **Монголия**. Китайцы работают над реализацией своей давней «мечты» объединить под «крышей» Поднебесной Внутреннюю и Внешнюю Монголию (то есть провинцию КНР с Монгольской Республикой). На данный момент Пекин и Улан-Батор связаны через Цзинхаскую магистраль. Да, китайцы уже сделали немало для модернизации путей, но здесь также нужно учесть, что монгольская железнодорожная сеть в целом развернута в сторону России. А еще динамичный рост Монголии на протяжении последних лет, осуществленный при поддержке Запада, несколько сдерживает данные китайские планы.

¹ Шелковые пути Евразии. 2013. 9 января. Эл. ресурс: URL:<http://nk.org.ua/geopolitika/27285>

Шелковый путь в XIV веке

3). **Синцзян – ЦентрАзия.** Здесь ключевые выходы китайских магистралей в Казахстан – через Ланьчжоу – Синцзянскую магистраль; в Киргизстан – и далее на Узбекистан, Казахстан по евразийскому мосту; в Таджикистан – и далее в Афганистан, Иран, на Средний Восток.

4). **Синцзян – Пакистан и выход в Южную Азию.** Для этого уже функционирует Каракорумское шоссе через Кашмир, а также выстроен транспортный коридор к пакистанскому порту Гвадар. Что позволяет Поднебесной снизить зависимость от импорта из Ормузского пролива.

5). **Китай – Юго-Восточная Азия.** К 2015 году запланирована сдача в эксплуатацию скоростной магистрали Китай–Лаос–Таиланд–Сингапур. Таким образом, развивая «шелковые сети», Китай, с одной стороны, укрепляет свои связи с Евразией, а другой стороны, усиливает собственное доминирование в Азии, становясь одним из «полюсов» формирующегося многополярного миропорядка.

Шелковая специфика. Анализируя проекты шелковых путей, отметим несколько нюансов. **Во-первых**, есть два стратегических «шелковых проекта», конкурирующих между собой, – прозападный и евразийский. Оба транспортных коридора между собой тесно переплетены и имеют ряд общих маршрутов, что только усиливает степень конкуренции, где победитель может быть только один.

вытесненными из Азиатско-Тихоокеанского региона, подпадают под монопольную зависимость от России.

В-четвертых, в центр Азии основными выгодоприобретателями от евразийского «шелкового пути» являются Киргизстан и Казахстан. Но несколько выпадает из евразийского проекта Таджикистан. Отчасти это вполне соответствует стратегии США, которые заинтересованы теснее прижать Душанбе к Афганистану. Но Таджикистан, выпадая из евразийской интеграции, встраивается также в ось влияния Ирана, который является надежным союзником создаваемого Евразийского союза. И это вряд ли входит в планы Вашингтона. Тем более что модернизация «смычки» с Киргизстаном позволяет Таджикистану, в конечном итоге, обеспечить свой евразийский баланс.

Возможные направления движения через Казахстан

Нечто подобное можно сказать и о Туркменистане, который с советских времен связан с окружающим миром только через Россию. Среди альтернативных транспортных проектов Ашхабада – разве что в Иран. В то время как попытки Запада выстроить «транскаспийскую смычку» из Туркменистана на Турцию в обход и России, и Ирана по-прежнему безнадежно зависли в воздухе.

Пожалуй, единственное направление, где у прозападного «нового шелкового пути» достигнуты сравнительно неплохие успехи, – это

Кавказ. Здесь уже успешно функционируют «смычки» грузинской Аджарии с Турцией. Кроме того, Тбилиси уже создал со своим южным соседом упрощенный таможенный режим. А самое главное – это магистраль «Баку – Ахалкалаки – Карс», запланированная к запуску в 2015 году и которая позволит Анкаре взять контроль над ключевыми направлениями Южного Кавказа, блокировав все евразийские анклавные России. Правда, и здесь есть свои нюансы. Например, перманентная нестабильность в Грузии и «карабахский детонатор» угрожают в одночасье обрушить все прозападные транспортные стратегии.

Сегодня приоритеты развития восточных регионов России практически отсутствуют. Более того, концепция евразийской интеграции (так как она пока изложена В. Путиным) практически игнорирует эту важнейшую геополитическую задачу. Другое дело, что не в концептуальном и политическом плане, а в конкретной деятельности власти эти приоритеты не просто существуют, но и практически реализуются. Свидетельством тому стала правительственная программа, принятая в марте 2013 года, о развитии регионов Дальнего Востока.

Вместе с тем, даже принятие этой программы было отмечено рядом особенностей, о которых необходимо сказать подробнее.

Во-первых, программа развития регионов Дальнего Востока не является программой развития восточных регионов. Из нее выпадают не только геополитически важнейшие регионы Западной, но и Восточной Сибири, а также Южного Урала.

Во-вторых, эта программа не несет на себе политической нагрузки, тем самым принципиально снижая ее геополитическое значение. Во многом именно поэтому дискуссии вокруг этой программы сконцентрировались на инвестициях, запланированных до 2020 года в объеме до 10 трлн рублей, а не на политическом, геополитическом и даже экономическом значении этих регионов.

**в). Перенос центра политической и экономической активности на
восток: сущность приоритета развития восточных регионов
в стратегии интеграции России как главного условия для создания
нового центра силы в Евразии и АТР**

Для России «сдерживание» Китая
чревато усилением нажима США
и их союзников на районы Сибири
и особенно Дальнего Востока¹

*Ю. Тавровский,
востоковед*

Многообразие и сложность
международных проблем и кризисных
ситуаций предполагают своевременную
оценку приоритетности каждой из них
во внешнеполитической деятельности
Российской Федерации²

Концепция внешней политики РФ

Приоритетность развития восточных регионов страны и отношений со странами АТР не случайно совпала с публикацией в «Известиях» 3 октября 2011 года известной статьи В. Путина, посвященной евразийской интеграции. В ней концептуально и стратегически речь шла не только о проблемах ТС и ЕврАзЭС, но и вообще восточном векторе российской политики. Причем не только внешней, но и внутренней. При этом в статье очевидно была заметна и тревога, которая вытекала из негативных аспектов мировой политики, включая рост конфликтности в борьбе за мировые ресурсы и напряженности в АТР. Как подчеркивал в то время востоковед Ю. Тавровский, «Формат статьи, опубликованной “Известиями” 3 октября, очевидно, помешал Путину указать не только на благоприятные, но и на негативные обстоятельства, в которых России предстоит наращивать свой вес в АТР. Это в первую очередь провозглашение президентом Обамой переноса приоритета США во внешней политике и в военных приготовлениях с Ближнего Востока в АТР ради «сдерживания» Китая. Эта стратегия коснется не только самого Китая, но и всех стран АТР, в каких бы отношениях с Вашингтоном или Пекином они ни состояли. Для России «сдерживание» Китая чревато усилением нажима США и их союзников на районы Сибири и особенно Дальнего Востока. США уже пытаются ограничить доступ Китая к сырьевым ресурсам других стран – от Ливии до Мьянмы, от Судана до

¹ Тавровский Ю.В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2012. 6 июня. С. 6.

² Концепция внешней политики России. Утверждена Указом Президента РФ В.В. Путина 13 февраля 2013 г. / Эл. ресурс: «Президент России». 2013. 18 февраля / URL: <http://президент.рф>

Латинской Америки. Слабая заселенность и относительная неразвитость наших восточных регионов могут стать предлогом для призывов к их «интернационализации». Соответствующие «пробные шары» уже давно катают американские эксперты, рассуждающие о «принадлежности всему человечеству нерационально используемых Россией богатств». Защита Сибири и Дальнего Востока возможна прежде всего через их ускоренное развитие, расширение имеющихся и создание новых предприятий, транспортных магистралей, городов и поселков. Запущенность проблем Востока России породила немыслимые еще не так давно сепаратистские настроения среди местных жителей. В ходе недавней переписи населения тысячи людей назвали своей национальностью «сибиряк». С ностальгией вспоминается и недолгое существование «суверенной» Дальневосточной Республики, упраздненной большевиками из-за усиления американского влияния»¹.

Иными словами, проблема развития восточных регионов и стратегия евразийской интеграции являются не столько экономическими, сколько политическими и даже военно-политическими проблемами. Соответственно и средства для решения этих проблем, и приоритеты должны быть прежде всего политическими.

Очень важно понимать сущность приоритетности в развитии восточных регионов страны, их содержание и характер, которые сегодня в основном сводятся к ресурсным и территориальным факторам.

Для русских, осваивавших Сибирь и Дальний Восток на протяжении веков, понятие «Русская Земля» всегда имела традиционно более глубокий смысл, чем экономическая целесообразность или даже политическое единство. Достаточно вспомнить лекции В. Ключевского, чтобы соотнести современные представления с традициями и обычаями прошлых лет. В этом смысле Сибирь и Дальний Восток – «Русская Земля», восточная часть европейской цивилизации, которая органично и удивительно цивилизованно впитала в себя азиатские обычаи и нравы.

Для России заявленная цель имеет огромное, принципиальное цивилизационное значение – политическое, военное, экономическое и социокультурное «пространственное» освоение Сибири, Дальнего Востока и АТР означает не просто сохранение контроля над этими

¹ Тавровский Ю.В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2012. 6 июня. С. 6.

регионами, но и создание нового центра силы во главе с Россией в Евразии и АТР, естественное увеличение национального человеческого потенциала, прежде всего в его демографическом, пространственном и качественном измерении.

При таком понимании роли восточных регионов для России как будущего цивилизационного и политико-экономического центра в Евразии и АТР, совершенно по-иному выглядит вся восточная политика Москвы, которая во втором десятилетии XXI века стала приобретать новые очертания. В частности, если согласиться с тем, что эта цель является важнейшей стратегической целью российской нации в XXI веке, то неизбежно необходимо ответить на вопрос: где должен находиться не только географический, геополитический, но и социально-экономический центр России в XXI веке?

Сегодня предлагаются самые разные варианты ответа на этот вопрос, включающий и такие, как перенос экономической и политической активности из центральной части России в Западную, Восточную Сибирь или на Дальний Восток. Выдвигается и самая разная аргументация.

На мой взгляд, возможен и такой вариант ответа: если допустить, что новым мировым центром силы стал АТР, то ключевая роль в России должна принадлежать регионам, расположенным вблизи этого региона. В том числе политическая и экономическая. В частности, речь идет неизбежно о переносе столичных функций (прежде всего экономических и финансово-торговых) в АТР, а именно в один из Дальневосточных регионов.

Наиболее предпочтителен, может быть выбор не в пользу Владивостока или Хабаровска, а в пользу небольшого порядка Советская Гавань, у которого есть целый ряд серьезных конкурентных преимуществ.

1. Географически он является примерно одинаково удален как от Камчатки, Якутии, остальных районов Хабаровского и Приморского края.

2. Он является конечным пунктом БАМа и связан ж/д сетью с Хабаровском и Владивостоком.

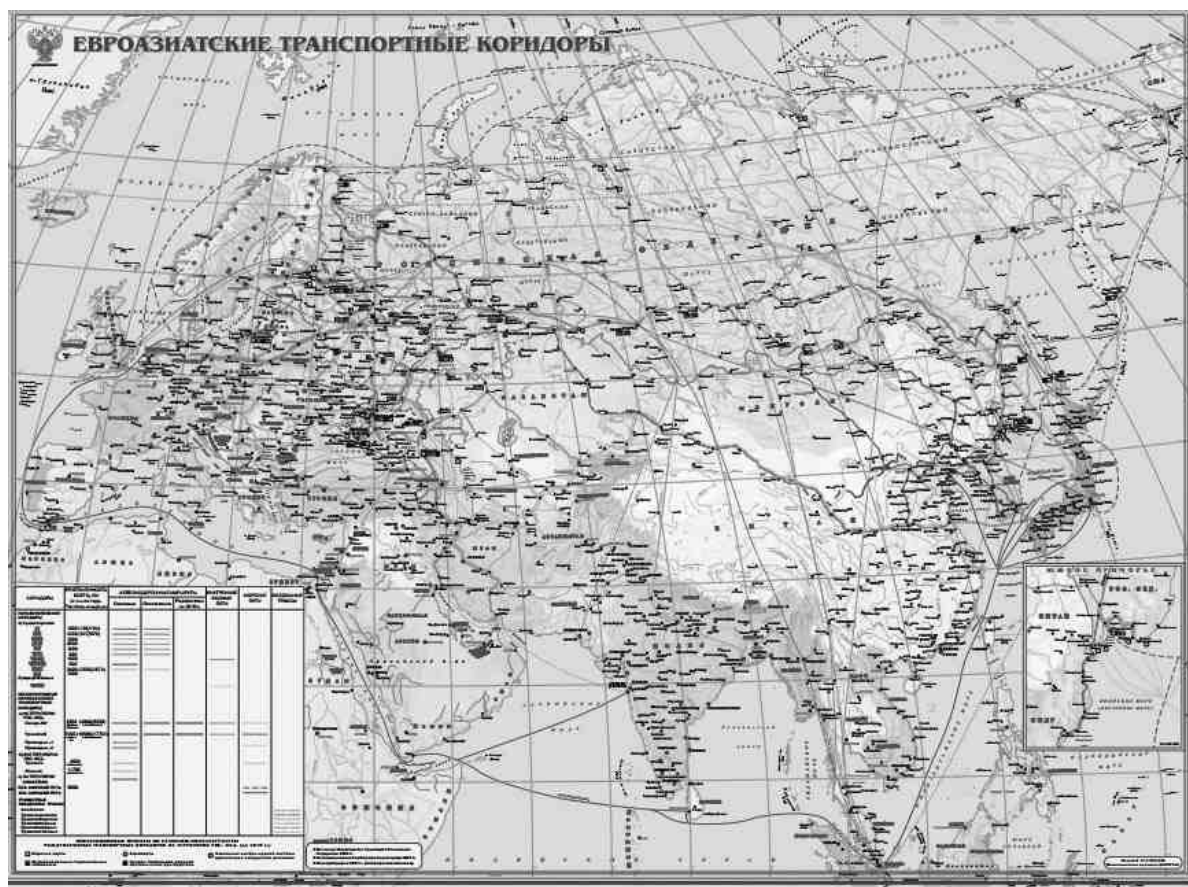
3. Этот город расположен вблизи Сахалина, Камчатки и других регионов по сути внутреннего Охотского моря.

4. Этот город обладает потенциалом портового центра, а при необходимости может стать крупнейшим портом АТР.

5. Этот город обладает минимальной авиационной и автодорожной структурой, а также судостроительными и судоремонтными производствами.

6. В отличие от Хабаровска и Владивостока, он не столь удален от других регионов ДВФО и не расположен вблизи границ с другими государствами.

Кроме того, важнейшие возобновляемые ресурсы – вода, посевные площади, леса – в XXI веке приобретают качественно новое значение. Уже не только углеводороды и минеральное сырье, но и эти ресурсы становятся важнейшим национальным достоянием.

Важно сохранить, а в будущем и усилить влияние России на постсоветском пространстве и в АТР, которое объективно падает. В том числе и прежде всего в культурной и гуманитарных областях, что хорошо видно на примере русского языка. Так, за 20 лет украинской независимости «число школьников, обучающихся на русском языке, уменьшилось с 54% в

1991 году до 17% в 2011-м, а на украинском за этот период возросло с 45 до 82%. В целых регионах обучение на русском языке полностью или почти полностью отсутствует: в миллионном Львове одна русская школа, а в Ровно – и вовсе ни одной! В Киеве из почти 300 школ – 6 русских, в то время как больше половины киевлян – русскоязычные. Аналогичная ситуация с детскими садами, а о высшем образовании на русском языке нечего и говорить, оно частично выживает вопреки законодательству только в городах Востока и Юга. Очевидно, если процесс вытеснения русского языка из вертикали образования не остановить, через 7–10 лет уже никто учиться на нем не будет».¹

«Транспортный коридор» между Западом и Востоком, таким образом, это не только и даже не столько проблемы развития логистики и инфраструктуры на территории нынешней Российской Федерации, это и огромные территории и демографически не освоенные пространства между ключевыми центрами силами XXI века – Западом – странами АТР и Индией.

Наконец, для России эта идея имеет исключительное значение в силу выравнивания различий между различными регионами, которые имеют качественный характер.

Эта тема стала предметом активного обсуждения в последние годы в политических и научных кругах. Так, на VII Байкальском международном экономическом форуме в сентябре 2011 года общий подход был сформулирован следующим образом²:

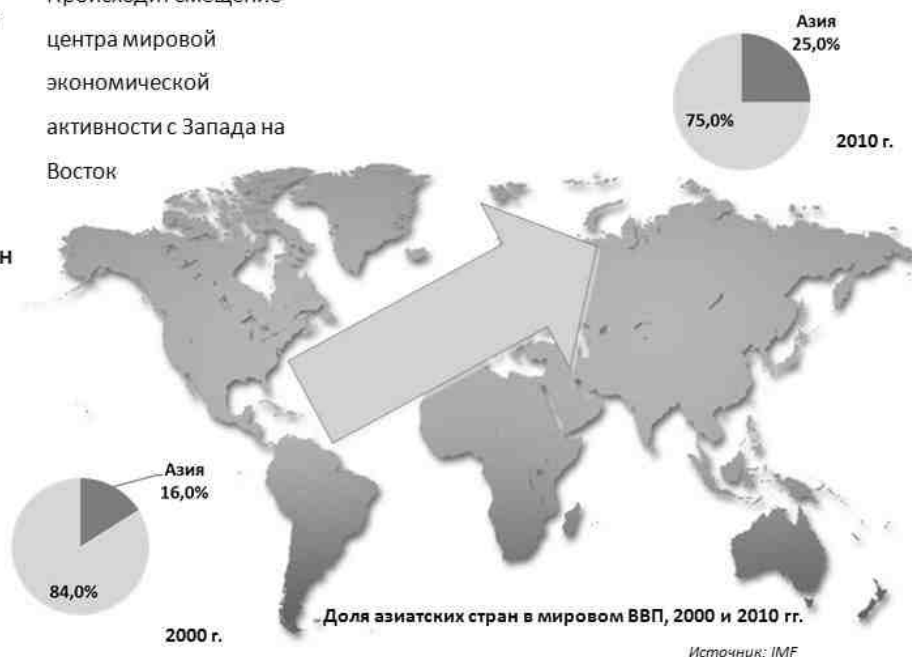
¹ Погребинский М.Б. Язык и либералы // Независимая газета. 2012. 14 июня. С. 3.

² Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. VII Байкальский международный экономический форум. 2011. Сентябрь.

Одна из главных мировых тенденций последнего десятилетия – экономический подъем развивающихся стран Азии

Восточная Сибирь и российский Дальний Восток находятся в непосредственной близости от новых мировых центров экономической активности – развивающихся стран Азии.

Происходит смещение центра мировой экономической активности с Запада на Восток

Процессы индустриализации и урбанизации ведут к значительному росту спроса на ресурсы в Китае

В настоящее время Китай является крупнейшим мировым потребителем ресурсов и товаров.

С ростом экономики в условиях ограниченности собственной сырьевой базы зависимость Китая от импорта ресурсов будет увеличиваться.

	Доля Китая в мировом потреблении		Импорт Китая, млн. тонн		
	2010 факт	2020 прогноз	2010 факт	2020 прогноз	Рост, %
Железная руда	64%	72%	620	725	17%
Энергетический уголь	47%	56%	135	230	70%
Алюминий	40%	46%	0,8	4,0	в 40 раз
Медь	37%	47%	2,0	5,0	150%
Никель	37%	45%	0,3	0,8	167%
Цинк	37%	42%	0,3	1,0	в 3,3 раза
Нефть	11%	17%	239	350	46%

Источники: презентации мировых сырьевых компаний (Peabody, Rio Tinto, UC RUSAL, Vale), прогнозы экспертов и специалистов из институтов РАН

Доля КНР в общем экспорте развитых и развивающихся стран

Источник: UN Comtrade

12

Территориальный фактор в развитии взаимодействия Восточной Сибири и Дальнего Востока со странами Азии

Территориальная близость к странам Азии и богатейший ресурсный потенциал Восточной Сибири и Дальнего Востока позволяют воспользоваться растущим спросом стран Азии и осуществить технологическую и инфраструктурную модернизацию экономики этих российских регионов.

	Доля России в мировых запасах, %	Доля Сибири и Дальнего Востока в общих запасах России, %
Нефть	10	≈ 71
Природный газ	27,2	≈ 78
Уголь	18	≈ 69
Никель	13,7	≈ 79
Железная руда	26,3	≈ 18
Медь	3,3	≈ 79
Золото	12	≈ 75
Гидроэнергоресурсы	10	≈ 80

Источники: Информационно-аналитический центр «Минерап»,
Министерство природных ресурсов РФ, Федеральное агентство по недропользованию

Улучшение макроэкономических показателей в России само по себе, автоматически не ведет к сокращению разрыва с ведущими государствами. Прогнозы таковы, что даже сохранение благоприятной конъюнктуры на сырьевые цены может лишь незначительно сократить его к 2020–2025 году. Но для успешной идеологии признание сохранения разрыва на длительную перспективу недопустимо. Целью может быть только лидерство, т.е. опережение развитых стран.

Именно поэтому необходимы иные, а именно качественно новые темпы развития, такие, например, как были в Москве или Ленинградской области в 2003–2007 годы – свыше 10% роста регионального ВВП. Собственно, поэтому Президент России и сформулировал еще в 2003 году задачу «опережающих темпов развития». Опережающих по отношению к ведущим государствам. Задача, которая пока не реализована. Высокие темпы роста 2006–2007 годов можно отнести не к результатам деятельности правительства, их планам и прогнозу, а стихийному росту ряда отраслей и мировой конъюнктуре.

В 2011 г. в рамках Федеральной адресной инвестиционной программы на строительство объектов на территориях регионов

Восточной Сибири и Дальнего Востока планировалось выделить 25,7 и 121,6 млрд руб. соответственно (не включая расходы на исполнение гособоронзаказа). Государственные капиталовложения за счет средств Инвестиционного фонда РФ составляют в Восточной Сибири 13,7 млрд руб., а на Дальнем Востоке – 11,0 млрд руб. Таким образом, для реализации целевого сценария «Новые возможности» необходимо обеспечить запланированный в рамках существующих государственных программных документов объем финансирования развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока¹.

В результате выполнения целевых показателей по инвестициям сценария «Новые возможности» доля участия государства в финансировании инвестиционной программы развития Восточной Сибири и Дальнего Востока может составить от 25 до 34%. Основная часть инвестиционной программы будет финансироваться за счет средств частных инвесторов – российских и международных компаний. В этих условиях ключевой задачей государственной политики по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока является установление в регионе режима развития, стимулирующего экономический рост.

В структуре капитальных вложений во всех сценариях будут доминировать российские частные инвестиции. Доля иностранных инвестиций при их пониженном уровне будет максимальной в сценарии «Падение в пропасть», в результате чего произойдет снижение экономического суверенитета России на Востоке страны.

Структура инвестиций по источникам финансирования

Вид инвестиций	Сценарий развития Восточной Сибири и Дальнего Востока					
	«Новые возможности»		«От инерции к стагнации»		«Падение в пропасть»	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Российские государственные	160	28	120	33	70	25
Российские частные	280	49	150	42	130	46
Иностранные	130	23	90	25	80	29
Итого инвестиций	570	100	360	100	280	100

¹ Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 6.

В этой связи возникает вопрос, имеющий принципиальное значение. Если Россия состоит из множества регионов, радикально отличающихся друг от друга, то **средний** показатель темпов ее развития (включая уровень НЧП и конкурентоспособности) будет определяться показателями **большинства регионов, а не только регионов-лидеров**. Это означает создание **системы** мониторинга, мотивации и координации действий **всех уровней и ветвей власти**. Рассмотрим возможность такой системы на примере Свердловской области, имея в виду, что эта система должна стать **основой всех региональных стратегий развития**. Это в полной мере соответствует идее модернизации и долгосрочной стратегии развития страны.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, утвержденной 19 ноября 2008 г., в частности, отмечается: «Сбалансированное территориальное развитие Российской Федерации предусматривается ориентировать на обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики регионов».

«Достижение этой цели будет обеспечено в ходе реализации государственной региональной политики, направленной на реализацию потенциала развития каждого региона, преодоление инфраструктурных и институциональных ограничений, создание равных возможностей граждан и содействие развитию человеческого потенциала...»¹.

¹ Цит. по: Рейтинг факторов и показателей конкурентоспособности регионов России. Департамент стратегического анализа и разработок ВЭБ. М.: ВЭБ, 2009. С. 4.

г). Потребности разработки национальной стратегии развития восточных регионов России

Возвращение в Кремль президента Владимира Путина сопровождалось усилением восточного вектора как во внешней, так и внутренней политике России¹

*Ю. Тавровский,
востоковед*

Возрастающее значение приобретает укрепление позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что обусловлено принадлежностью нашей страны к этому самому динамично развивающемуся геополитическому пространству, куда последовательно смещается центр тяжести мировой экономики и политики²

Концепция внешней политики РФ

Для преодоления структурных ограничений экономического роста необходима кардинальная активизация инвестиционной и инновационной деятельности, что невозможно без поддержания темпов экономического роста на уровне не ниже 8% ежегодного прироста ВВП, 10% – промышленного производства, 15% – инвестиций в основной капитал, 20% – расходов на НИОКР. При этом опережающим образом должны развиваться инновационный и инвестиционный сектора российской экономики³.

В Концепции внешней политики РФ обозначены ориентиры для стратегии, которые (по понятным причинам) не претендуют на саму национальную стратегию, где главными факторами влияния и основными ресурсами являются не внешнеполитический ресурс, а социально-экономические ресурсы государства. Очевидно, что, не получив серьезной поддержки с точки зрения участия государства в развитии восточных регионов, внешнеполитический акцент на развитие сотрудничества в Евразии и АТР будет недостаточен.

Да и оценка роли восточных регионов и стран АТР, которые не превращаются, а уже превратились в новый центр силы, в Концепции внешней политики РФ, очевидно занижена. Как справедливо пишет востоковед Ю. Тавровский, «Попытки приостановить депопуляцию и отставание в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока

¹ Тавровский Ю.В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2012. 6 июня. С. 6.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным / Эл. ресурс: «МИД России». 12 февраля 2013 г. / URL: <http://www.mid.ru>

³ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 5 / URL: <http://viperson.ru/>

предпринимались и в Советском Союзе, и в Российской Федерации. Было принято немало долгосрочных и краткосрочных, федеральных и отраслевых программ, проектов госкорпораций и субъектов Федерации, выделялись колоссальные финансовые ресурсы. Зачастую они не были согласованы и не направлялись на единую цель – развитие региона. Очевидно, сейчас будут востребованы новые, нестандартные подходы, способные обеспечить сравнительно быстрый эффект. Старые наработки вряд ли пригодятся создателям новой стратегии, хотя времени на ее разработку «с нуля» тоже нет. В то же самое время совсем рядом имеется эффективно действующая модель догоняющего развития отстающих регионов. Речь идет, конечно, о Китае. Осуществляемые там стратегические программы «открытости приграничных районов» (с 1992 года), «масштабного освоения западной части страны» (с 1999 года), «модернизации старой промышленной базы Северо-Востока Китая» (с 2007 года) хотя и не позволили догнать в экономическом и социальном развитии приморские провинции, но заметно сгладили неравномерность развития, улучшили балансировку экономических, демографических, социальных процессов. Инструментами стали как прямые государственные субсидии регионам, бюджетное финансирование крупных производственных и инфраструктурных проектов, так и методы экономического стимулирования, расширение прав местных властей, поощрения частной инициативы. Своими глазами видел возникший за два десятилетия город-сказку Маньчжоули (Маньчжурия) километрах в двух от нашего поселка Забайкальск, уютный и современный город Линьчжи и уникальную высокогорную железную дорогу в Тибете, скоростные шоссе и украсившиеся небоскребами, университетскими кампусами и стадионами города в самой бедной провинции Гуйчжоу...»¹

Опережающее развитие восточных регионов России не может быть решено иначе как путем превращения этой задачи в национальной приоритет. Это, естественно, потребует, как минимум, существенной корректировки планов и программ во всех областях – от бюджетной до военной. Это означает, что такая стратегия должна быть системной и комплексной, разработанной как специалистами МИД и Минобороны, так и МЭРа и других министерств и ведомств.

¹ Тавровский Ю.В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2012. 6 июня. С. 6.

Глава 7. Исторические, географические, культурные и природные предпосылки опережающего развития регионов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации

Эта стратегия («сдерживания Китая» – А.П.)
коснется не только самого Китая,
но и всех стран АТР...¹

*Ю. Тавровский,
востоковед*

Сохранение энергосырьевого крена
в специализации хозяйства грозит
России превратиться в мирового
поставщика энергии, сырья,
финансового капитала, не нашедших
применения у себя на родине²

*Е. Примаков,
академик РАН*

Географические условия и факторы играли решающую роль в истории России от создания первого государства Киевской Руси с городами вдоль речного пути «из варяг в греки», Московского государства в междуречье Оки и Волги, войн Петра I за выход к Азовскому, Черному и Балтийскому морям. Так, первопричиной Северной войны стала борьба за получение «хотя бы одного порта» (по словам В. Ключевского) на Балтике.

Политика России в Сибири и на Дальнем Востоке также в течение столетий определялась географическими и геополитическими факторами, т.е. не столько интересами внутреннего национального развития, сколько внешними факторами. Причем это было характерно как для имперской России, так и СССР, а позже – Российской Федерации. Как заметил один из исследователей, «...обращение России к Тихому океану было обусловлено двумя факторами: стремлением властей активно участвовать в тихоокеанской политике и интегрироваться в экономическую систему региона, с одной стороны, и их опасением потерять свои тихоокеанские владения – с другой. В обоих случаях внешний фактор играл решающую роль. Желание «не отстать от держав» подстегивало экспансионистские устремления Петербурга в середине и конце XIX века, как и интеграционные мотивы Москвы начала XXI столетия, а угроза дальневосточным территориям, неоднократно возникавшая с 1850-х до 1970-х годов, влекла за собой принятие экстренных мер по укреплению

¹ Тавровский Ю.В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2012. 6 июня. С. 5.

² Примаков Е.М. Нам нужна новая индустриализация // Российская газета. 2012. 9 июня. С. 6.

обороноспособности региона (в самом широком смысле этого слова) и активизации политики России в Восточной Азии.

Именно стратегическая значимость и громадное пространство Дальнего Востока определяли содержание и суть российской политики в отношении региона. Стратегические и военно-политические интересы заставляли центр предпринимать шаги по его колонизации. Основными средствами при этом являлись переселенческая политика, создание транспортной инфраструктуры, оборонительное строительство, инвестиции в промышленность (преимущественно военного профиля)»¹

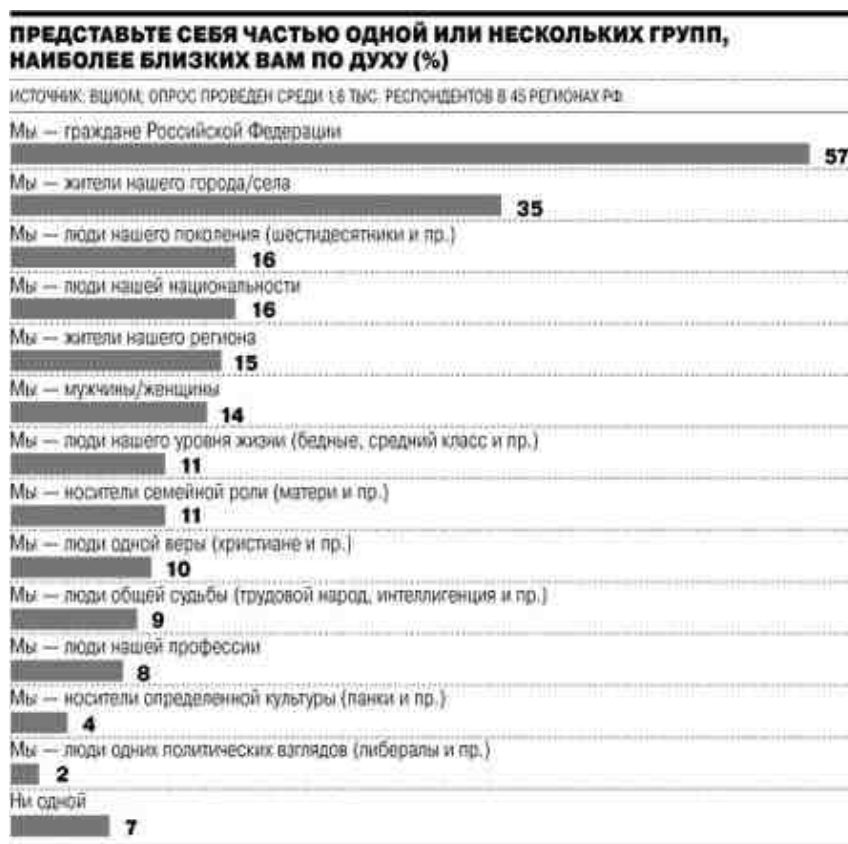
Естественно, что по мере развития экономики эти факторы играли разное значение, но они и сегодня продолжают оказывать решающее влияние. Так, среди жителей ДВФО почти 80% считают себя русскими, т.е. носителями культурной и исторической традиций великорусской нации, которая продвигалась на восток из европейской части России.

Не изменилась за века и география, способы общения между регионами. Транспортные коридоры существовали с глубокой древности, связывая Европу и Китай, Россию и Индию, центральную Россию и «Русскую Америку». Эти географические факторы не изменились и так же как в прошлом влияют, несмотря на все новейшие технологические достижения, которые лишь повышают их значение: появление авиации и современных судов отнюдь не сокращает расстояние. Оно сокращает время, хотя и требует для этого дополнительной инфраструктуры – аэропортов, морских портов и терминалов.

Таким образом основные факторы, определявшие движение русских на восток, сохранились и дают основания для формирования более мощного «русского ядра» в восточных регионах, вокруг которого может консолидироваться гражданская российская нация. Тем более, что несмотря на все опасения размывания ее иммиграцией, она продолжает оставаться целостной. По опросам ВЦИОМ в исследовании «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы», в основе идентичности россиян – принцип гражданственности, а не национальной, религиозной или территориальной принадлежности. 57%

¹ Россия и АТР: восточный поворот Кремля / Эл. ресурс: «Глобальный конфликт». 2013. 17 июля / URL: <http://globalconflict.ru/>

опрошенных ощущает себя гражданами РФ, а гордится этим 63%. Впрочем, немало и тех (59%), кто гордится своей национальностью².

Российские ученые заметили одну важную, можно сказать, геополитическую тенденцию: на протяжении веков и даже тысячелетней волны переселенцев из Азии продвигались на Юго-Запад и Юг Евразии. За одним исключением – русские, славяне, как уже было сказано выше двигались в северо-восточном и восточном направлении, осваивая бескрайни просторы Евразии. Собственно эта тенденция и стала причиной создания Московского, а затем и Российского государства.

Продвижение русских на восток, а до этого – на северо-восток европейской части России (Новгородская земля и Владимиро-Суздальское княжество) – стало первоосновой и для формирования нации и государства. Как видно на карте, составленной Б.В. Онегиным, лишь в XII–XIV веках территория России ограничивалась европейской частью, хотя последние генные исследования показывают, что этнически более

² Городецкая Н. Россияне чувствуют себя гражданами РФ // Коммерсант. 2013. 11 сентября. С. 5.

[illegible]

Как описывает этот процесс В. Тимаков, «... Если воспроизвести историческую картину, окинув взором просторы величайшего на планете континента, то Евразия представится гигантской центрифугой, создающей мощное центробежное давление из глубины к периферии. А если быть более точным – давление направлялось только к тёплой приокеанской периферии, полумесяцем охватывающей Евразию с юго-запада, юга и юго-востока. Именно эта благодатная периферия, которую Хэлфорд Маккиндер назвал «краевой Землёй», «Римлендом», была колыбелью всех древних цивилизаций Евразии. За пределами Римленда, в глубине материка, ютилось обделённое на празднике жизни варварство, которое и посылало одно поколение за другим на штурм цивилизованных цитаделей»¹.

376

«Самая простая причина, способная объяснить механизм миграционной центрифуги – климат. Линии изотерм откровенно подсказывают нам, что все древние цивилизации расцветали там, где нет зимы в русском понимании слова, то есть там, где столбик термометра в январе редко опускается ниже нуля. Например, северная граница Римской империи в момент её максимального расширения почти точно совпала с нулевой изотермой января. Не случайно публицист Александр Никонов назвал Рим «виноградно-оливковой цивилизацией». Римский образ жизни был успешным там, где росли оливы и виноград, и не мог привиться вне ареала этих теплолюбивых растений, где природа ограничивала человека и требовала от него более простого и грубого бытия.

Связь между климатом и плотностью населения прямая и очевидная. Обильные, тёплые, богатые земными плодами земли Римленда, «Краевой земли» позволяли прокормить наибольшее количество людей, причём – с минимальными издержками. В то же время Хартленд, «Сердцевинная земля», глубинная часть Евразии с холодным континентальным климатом – поначалу не годилась даже для примитивного земледелия. Биологическая продуктивность здесь была существенно ниже, а рентабельность хозяйственной деятельности – несравненно ниже, чем на тёплой периферии материка. На протяжении долгих веков Хартленд оставался заповедной зоной кочевников: кочевников степи, как скифы и монголы, или кочевников леса, как древние германцы и наши предки»¹.

«Климат определил генеральный вектор миграций на тысячи лет. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше. Руководствуясь этим немудрёным законом, народы век за веком стремились переместиться из пояса суровых зим в пояс благодатного лета. Почему же Хартленд в результате центробежных миграций не опустел вовсе? Наверное, потому, что на его редконаселённом пространстве было меньше поводов для войн, гораздо реже распространялись эпидемии. Освободившиеся после откочёвки очередной порции мигрантов охотничьи и рыболовецкие угодья, леса и пастбища также становились предпосылкой для ускоренного воспроизводства населения.

Почему жителям Римленда, благодатной «Краевой земли» не удалось обратить миграционный поток вспять, остановить натиск

¹ Там же.

мигрантов и самим заселить сердцевину Евразии? Наверное, у них было гораздо меньше мотивов сражаться за скудные земли Хартленда, чем у стороны, двигавшейся в противоположном направлении. Кроме того, можно предположить, что народы континентальной сердцевины обладали волевым, пассионарным превосходством. Правда, объяснить этот волевой потенциал проще не таинственными вспышками космических мутаций по Льву Гумилёву, а постоянной закалкой в суровых условиях жизни»¹.

¹ Евразийская центрифуга. 2011. 27 ноября / Эл. ресурс / <http://www.meta.kz/>

**а). «Евразийская центрифуга» и транспортные коридоры:
историческая и политическая реальность**

4. В соответствии с высшим приоритетом национальной безопасности... главные внешнеполитические усилия должны быть сосредоточены на достижении следующих основных целей:

а) обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных и конкурентоспособных центров современного мира¹

*Концепция внешней политики
Российской Федерации*

Современные политические, экономические и другие реалии уходят корнями в историю человеческой цивилизации и конкретных наций и государств. Эту банальную истину, однако, приходится нередко повторять потому, что некоторые политики и эксперты преимущественно либерального толка пытаются оторвать историю и традицию от современных реалий, абсолютизируя современные реалии. Прежде всего реалии глобализации, которые, на самом деле, также являются производными от исторического наследия и реалий прежних лет².

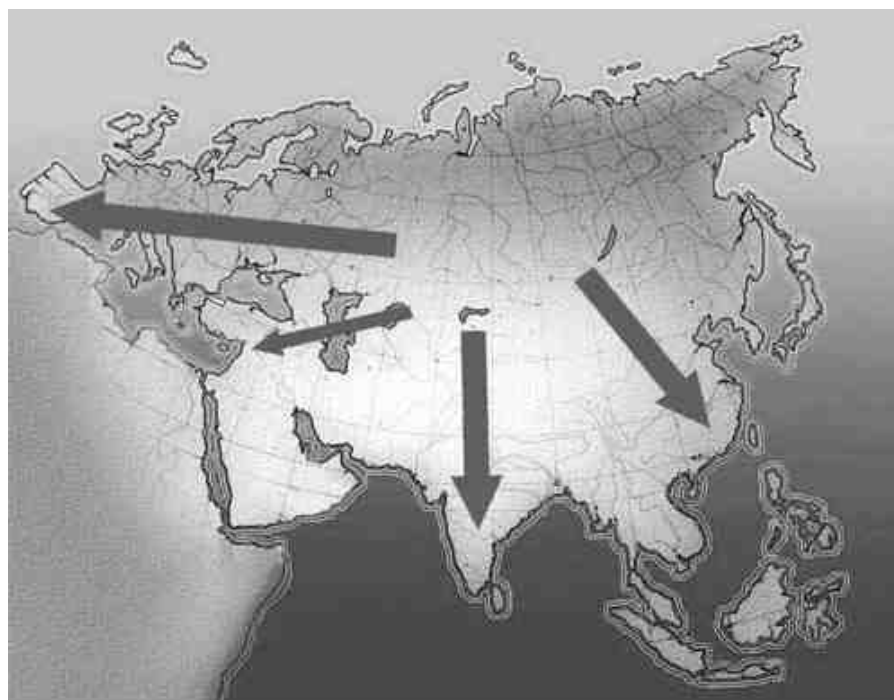
Рассуждая о стратегии евразийской интеграции, необходимо в обязательном порядке рассмотреть исторические предпосылки, географические, природные и многие другие условия, которые являются ее первоосновой и, возможно (как в случае с Россией), ее мощными конкурентными преимуществами. Это позволит избежать одностороннего, однобокого подхода к этой проблеме, который, к сожалению, нередко доминирует сегодня не только у российских экономистов, но и политиков.

Как уже упоминалось, среди сотен народов, подчинявшихся неумолимой центробежной силе «евразийской центрифуги», всё-таки

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом России В.В. Путиным 13 февраля 2013 г. / URL: <http://президент.рф>

² Подберезкин А.И., Абакумов С. Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. – М.: Имидж-Пресс, 2004.

встречались редкие исключения. Почти всегда таким исключением оказывался небольшой этнос, выбитый с насиженного места более сильными соседями. И лишь одна великая нация, чей тысячелетний миграционный вектор невозможно объяснить случайным стечением обстоятельств, двигалась вопреки «закону центрифуги» – русские.

Так работала «Евразийская центрифуга»
На карте показаны преобладающие вектора миграций,
не изменявшиеся на протяжении тысяч лет

История вопроса развития евроазиатских транспортно-экономических связей уходит своими корнями в последнее десятилетие прошлого века. Инициаторами создания системы надежных транспортно-экономических связей между Европой и Азией выступили отдельные страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Китая, Казахстана, государств Центральной Азии, которые затем веером расходятся в направлении портов на Балтийском и Черном морях, стран Балтии, Финляндии, Белоруссии, Украины, через которые, в свою очередь, попадают в государства Западной, Центральной и Восточной Европы.

На сегодня евроазиатский транспортный коридор «ТРАНССИБ» – это мощная двухпутная, электрифицированная магистраль, технические возможности которой позволяют перевозить до 100 млн тонн в год. В настоящее время объемы перевозок составляют от 40 до 60 млн тонн, то есть имеются значительные резервы пропускной способности.

Автодорожная составляющая ТРАНССИБА – это магистраль Москва-Владивосток протяженностью 9200 км. В настоящее время существует недостроенный участок этой магистрали между городами Чита и Хабаровск.

Завершение его строительства намечено на первую половину 2004 г. и является одним из важнейших приоритетов Программы «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 гг.)». Проект строительства автодороги «Чита-Хабаровск» реализуется с привлечением средств займа ЕБРР. Сейчас для России это скорее исключение, чем правило. Правительство проводит сдержанную политику в отношении внешних займов. Ряд крупнейших проектов финансируется за счет бюджетных средств.

На западе евроазиатский транспортный коридор «ТРАНССИБ» совпадает с панъевропейским международным транспортным коридором №2 «Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород», а также стыкуется с коридорами 3 и 9.

В соответствии с Программой «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 гг.)», объем инвестиций развитие евроазиатского коридора ТРАНССИБ на территории России составил более 7,5 млрд долл. США.

Уже закончены следующие работы по развитию инфраструктуры коридора.

На железнодорожном транспорте:

- завершена электрификация Транссибирской железнодорожной магистрали, а также отдельных участков в европейской части России;
- осуществлена реконструкция припортовых станций в Находке, Санкт-Петербурге и Новороссийске;
- проведено усиление подходов к морским портам;
- проведена реконструкция ряда пограничных станций;
- проведена модернизация контейнерных терминалов для переработки 40-футовых контейнеров. В настоящее время 36 станций Транссибирской магистрали имеют терминалы для выполнения грузовых операций с крупнотоннажными контейнерами, в т.ч. 13 – с 40 футовыми;

– подписано соглашение и начаты работы по соединению магистральных цифровых линий передачи железных дорог России и Украины»¹.

Уникальные транспортные возможности современной России используются крайне нерационально, что становится особенно заметным в сравнении с такой же крупной страной, как Китай, где стремительно развиваются в последние годы все виды транспорта.

Пассажирооборот железнодорожного транспорта

(миллиардов пассажиро-километров)

	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Россия ¹	192,2	167,1	172,2	177,8	174,1	175,9	151,5	139,0
Австрия	10,1	8,7	9,1	9,3	9,6	10,8	10,7	–
Азербайджан	0,8	0,5	0,9	1,0	1,1	1,0	1,0	0,9
Армения	0,2	0,05	0,03	0,03	0,02	0,03	0,03	0,05
Беларусь	12,5	17,7	10,4	10,0	9,4	8,2	7,4	7,6
Бельгия	6,8	7,7	9,2	9,6	9,9	10,4	10,5	–
Болгария	4,7	3,5	2,4	2,4	2,4	2,3	2,1	–
Венгрия	8,4	9,7	9,9	9,7	8,8	8,3	8,1	–
Германия	71,0	75,4	75,0	77,8	79,1	81,8	80,7	–
Дания	4,9	5,5	6,0	6,1	6,2	6,3	6,2	–
Индия	342	457	576	616	695	770	838	–
Италия	46,7	49,6	50,5	50,9	49,7	49,8	45,1	–
Казахстан	13,2	10,2	12,1	13,7	14,6	14,7	14,7	16,1
Киргизия	0,09	0,04	0,05	0,06	0,06	0,09	0,1	0,1
Китай	355	453	606	662	722	778	788	–
Литва	1,1	0,6	0,3	0,3	0,2	0,3	0,4	–
Мексика	1,9	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	–	–
Нидерланды	16,4	14,7	15,2	15,9	16,3	16,0	16,8	–
Норвегия	2,4	2,6	2,7	2,8	3,0	3,1	3,1	–
Польша	26,6	24,1	18,2	18,6	19,9	20,2	18,6	17,9
Республика Корея	29,3	27,8	31,0	31,4	31,6	32,0	31,3	–
Республика Молдова ²	1,0	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4
Румыния	18,9	11,6	8,0	8,1	7,5	7,0	6,1	–
Соединенное Королевство (Великобритания)	30,3	38,4	44,4	47,0	50,2	52,7	52,8	–
США	25,9	31,1	31,9	32,4	35,3	37,1	–	–
Таджикистан	0,1	0,07	0,05	0,05	0,05	0,06	0,05	0,03
Туркмения	1,9	0,9	1,3	1,4	1,6	1,7	1,7	1,7
Турция	5,8	5,8	5,0	5,3	5,6	5,1	5,4	–
Узбекистан	2,5	2,2	2,1	2,1	2,3	2,5	2,6	2,9

¹ Арсенов В. Российская транспортная инфраструктура международного значения в системе евразийских экономических связей. Доклад. 27–28 ноября. 2003 г.

Украина	63,8	51,8	52,7	53,2	53,1	53,1	48,3	50,2
Финляндия	3,2	3,4	3,5	3,5	3,8	4,1	3,9	—
Франция	55,6	69,9	76,5	78,8	80,3	85,0	88,6	—
Швеция	6,8	8,2	8,9	9,6	10,3	11,1	11,3	—
Япония	400	384	391	396	406	405	—	—

¹ По данным ОАО «РЖД».

² С 2004 г. – без данных по территории левобережья р. Днестр и г. Бендеры.

Как видно из сравнений России и КНР, за последние 15 лет пассажирооборот в Китае вырос более чем на 100%, тогда как в России за это же время он сократился почти на 30%¹.

Исключительно важную роль в XXI веке начинают играть малоиспользованные транспортные возможности России в Сибири и на Дальнем Востоке².

Территориальный фактор в развитии взаимодействия Восточной Сибири и Дальнего Востока со странами Азии

Территориальная близость к странам Азии и богатейший ресурсный потенциал Восточной Сибири и Дальнего Востока позволяют воспользоваться растущим спросом стран Азии и осуществить технологическую и инфраструктурную модернизацию экономики этих российских регионов.

	Доля России в мировых запасах, %	Доля Сибири и Дальнего Востока в общих запасах России, %
Нефть	10	≈ 71
Природный газ	27,2	≈ 78
Уголь	18	≈ 69
Никель	13,7	≈ 79
Железная руда	26,3	≈ 18
Медь	3,3	≈ 79
Золото	12	≈ 75
Гидроэнергоресурсы	10	≈ 80

Источники: Информационно-аналитический центр «Минерап», Министерство природных ресурсов РФ, Федеральное агентство по недропользованию

Как признает известный специалист в этой области А. Минакир, «Как спонтанные, так и формально документированные концепции

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Раздел «Международные сравнения». РП № 1734 от 22 ноября 2008 г. С. 69.

² Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 12.

освоения и развития Дальнего Востока формировались, естественно, в тесной связи и как ответ на состояние экономики страны и региона. К началу русской колонизации большая часть современного юга Дальнего Востока представляла собой слабо дифференцированное в экономическом отношении территориальное образование. Границы районов по большей части имели природный характер, в значительной мере определяли и характер системы расселения. Масштабы экономической деятельности были невелики, а уровень заселенности территории крайне низок. России досталась практически девственная с экономической точки зрения территория, которую еще только предстояло превратить в экономический район.

Обмен между отдельными районами, которые смело можно отнести к категории однородных районов, носил эпизодический характер. В пределах Дальнего Востока были лишь крайне незначительные районы, в отношении которых можно говорить о том, что они имели сельскохозяйственный характер, а экономика вышла за рамки самодостаточности, таковыми, например, были районы проживания «зазейских маньчжур».

Соответственно и первая по времени «спонтанная» концепция регионального развития (№ 1) представляла собой некоторую сумму идей, направленных на закрепление за Россией вновь приобретенных территорий, а, следовательно, и на защиту этих территорий от вероятных посягательств военного и экономического характера. Это предполагало, конечно, в первую очередь создание военной базы на Тихом океане, функционирование которой было невозможно без решения проблемы надежного материального обеспечения армии и флота, дислоцированных на Дальнем Востоке...

... Отсюда вытекала следующая идея – сравнительно быстрое заселение южной части региона. А заселение и наращивание экономического потенциала, точно так же, как и надежное функционирование собственно военной базы, представлялось немыслимым без создания транспортного коридора, который связал бы Европейскую Россию и Сибирь с берегами Тихого океана. Транспортное сообщение было необходимо еще и для того, чтобы осуществить контроль над китайским рынком, что непосредственно было связано с

решением задачи экономического развития с использованием местных ресурсов материальной базы армии и флота. При этом практически единственным источником решения этих задач являлись государственные финансовые и материальные ресурсы, а само их решение опиралось на достаточно ясные государственные планы.

Реализация этой совокупности идей породила экономический бум на Дальнем Востоке, который в некотором отношении походит на современный инвестиционный бум, так как был сконцентрирован на строительстве железных дорог (Транссиб, КВЖД) и портов (Владивосток). Различие заключалось в том, что инфраструктурное строительство сопровождалось высокими темпами земледельческой и промышленной колонизации, которая, чем дальше, тем больше, принимала форму транспортно-промышленной колонизации»¹.

Слабая заселенность и относительная неразвитость наших восточных регионов могут стать предлогом для призывов к их «интернационализации». Соответствующие «пробные шары» уже давно катают американские эксперты, рассуждающие о «принадлежности всему человечеству нерационально используемых Россией богатств». Защита Сибири и Дальнего Востока возможна прежде всего через их ускоренное развитие, расширение имеющихся и создание новых предприятий, транспортных магистралей, городов и поселков².

Доля Сибири и Дальнего Востока в мировых запасах некоторых видов минерального сырья (2009 г.)

Показатель	Доля РФ в мировых запасах	Доля Сибири и Дальнего Востока в общих запасах РФ
Уголь	18%	69%
Никель	13.7%	79%
Железная руда	26.3%	18%
Медь	3.3 %	79%
Золото	12%	75%

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сосредоточено почти 19 млрд т ресурсов и около 3,1 млрд т (доказанных и вероятных) запасов

¹ Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7–28.

² Тавровский Ю.В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2012. 6 июня. С. 5.

жидких углеводородов (нефти и конденсата), свыше 60 трлн куб. м ресурсов и почти 9,5 трлн куб. м запасов газа, около 100 млрд т запасов угля, около 23 млн т меди, почти 2 млн т олова, более 6.5 тыс. т золота, свыше 500 тыс. т запасов природного урана¹.

Как признают российские эксперты, Россия располагает крупнейшим в мире энергетическим потенциалом, включая запасы и ресурсы нефти, газа, конденсата, угля, природного урана, ресурсы приливной, ветровой, гидро- и геотермальной энергии. Многие отечественные компании обладают передовыми технологиями разведки и добычи углеводородов, обогащения и конверсии ядерного топлива, транспорта нефти и газа на сверхдальние расстояния. Страна выступает самым крупным экспортером энергоносителей в мире.

Главные экспортные позиции – нефть, нефтепродукты, газ и уголь. Выручка от их продажи составляет около 70% стоимости российского экспорта. Сейчас основной внешний рынок для России – это Европейский Союз, энергетический спрос в большинстве стран которого, при высокой конкуренции поставщиков, стабилизировался, а по ряду позиций снижается².

Несмотря на высокую степень вовлеченности большинства отраслей российского ТЭК в мирохозяйственные связи и относительную территориальную близость Восточной Сибири и Дальнего Востока к АТР, поставки энергоносителей и энергии на крупнейший в мире Тихоокеанский энергетический рынок пока не играют основной роли в российском экспорте энергоносителей.

¹ Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 19.

² Там же. С. 20, 21.

Доля экспорта нефти на тихоокеанском направлении, прежде всего в Китай, Корею, Японию, а также в США, составляет порядка 15% от российских поставок на международные рынки, нефтепродуктов – менее 10%. Поставки СПГ в Японию, Корею и на Западное побережье США не превышают 7% от суммарного экспорта газа. В экспорте угля доля АТР составляет 23%, в экспорте электроэнергии – около 7%

Несмотря на большое количество месторождений минерального сырья в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока и их приближенность к крупнейшим рынкам Китая, Японии, Кореи, поставки продукции горно-металлургического комплекса в АТР, за исключением лома черных металлов, пока не играют значительной роли во внешнеэкономических связях России. Только в экспорте российского леса регион АТР является доминирующим.

Доля АТР в некоторых товарных позициях российского экспорта, % (2010 г.)

Товарная позиция	Доля от экспорта России
Лес	60%
Лом черных металлов	50%
Алюминий	35%
Уголь	32%
Медь	16%
Нефть	15%
Нефтепродукты	10%
Газ	7%

Никель	7%
Цинк	3 %

Освоение Россией огромных пространств Дальнего Востока началась в конце XVI – начале XVII вв. Когда русские начинали осваивать территорию, местные жители дальневосточного региона находились на стадии родового строя или зарождения феодальных отношений. Большинство населения составляли кочующие охотники и рыбаки. Некоторое исключение составляли земледельческие племена дауров и дючеров в верхнем Приамурье, бурят-монгольские скотоводы-земледельцы и оседлые скотоводы-охотники якуты в бассейне реки Лены.

Именно в XVII веке движение русского народа на восток привело к открытию и включению в состав России обширных территорий Сибири и Дальнего Востока¹.

Однако широкомасштабное заселение Россией Дальнего Востока началось намного позже, в XVII и XVIII веках. На Дальнем Востоке, например, активно и успешно велись боевые действия в период Крымской войны. После размежевания с Китаем в 1850-х годах и строительства Транссиба в 1890-х появились материальные возможности для массового заселения этого региона.

¹ Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока, XVII – начало XX века. Хабаровск, 1958 г.

**б). «Ресурсное проклятие»
или геополитическое преимущество России?**

Возьмите Бразилию. Какие там были глобальные изменения сделаны? Да никаких. Просто уволили руководство в свое время. И Бразилия уже 10 лет выделяет по 7% ВВП на науку. Если бы я был министром, я бы вот этим занимался. А не выяснял, как бы из академии сделать клуб ученых¹

*В. Фортов,
Президент РАН*

Основная проблема эффективности стратегии евразийской интеграции не в удаленности регионов или климатических трудностях и прочих условиях использовании национальных богатств восточных регионов, а в неумении и незаинтересованности власти в полной мере использовать те преимущества, которые дает России ее географическое положение и природные ресурсы. Пример с Бразилией, который привел В. Фортов, очень показателен: в этой стране (вполне сопоставимой с Россией по географическим и климатическим трудностям) объективно проблемы решаются по-иному.

Одно из важнейших геополитических преимуществ России в Евразии и АТР это ее огромные природные богатства и географическое положение. И первое, и второе нередко относят к «ресурсному проклятию» нашей страны, которое – де затрудняет освоение восточных регионов и сдерживает их развитие. Более того, нередко некоторые западные авторы и политики пытаются доказать, что России необходимо «избавиться» от нагрузки в виде части территорий из-за их географической удаленности и климатической непригодности.

На самом деле восточные регионы предоставляют нашей стране уникальные политические, географические и природные преимущества, которые пока что практически не используются. Так, с политической точки зрения многие страны Евразии и АТР прямо заинтересованы в активизации политики России, в которой они видят важного участника обеспечения системы безопасности. С геополитической точки зрения

¹ Фортов В. Создателям законопроекта хочется что-то изменить и доложить // Коммерсант. 2013. 16 сентября. С. 4.

существует большой потенциал в развитии взаимоотношений не только со странами Евразии, но и АТР и Тихоокеанского альянса¹ (прежде всего Мексики, Чили и Перу), которые пока что находятся в начальной стадии развития. Кроме того, Мексика и Чили выступают инвесторами на мировом рынке. Взятое вместе, эти и другие возможности говорят о большом и неиспользованном потенциале России, являющемся прямым следствием ее географического положения².

Сибирь, когда Российская империя ее присоединила, была наименее заселенной и наиболее сложной в плане прав на обладание её территорией. До 1900 года это были нанесенные на карту земли, населенные малочисленными местными охотниками и кочевниками. Это был уязвимый момент, так как земли могли посчитаться «незанятыми», и российскому государству во что бы то ни стало необходимо было там укорениться. Вначале Российская империя не предпринимала активных попыток заселения Сибири и Дальнего Востока, её инициатива ограничивалась частичной эксплуатацией ресурсов. Как справедливо замечает академик М. Титаренко, «К сожалению, внутренняя политика России со времен Петра I не отличалась последовательностью в решении вопросов о геополитической и цивилизационной идентичности страны и ее культуры. Петр I толкал Россию в Европу. В советское время В.И. Ленин и ряд его ближайших последователей призывали бороться с азиатскими компонентами русской политики и культуры («азиатчиной»). Все это усиливало доминирование евроцентризма в политике страны и, в частности, принижало значение исконно русских, славянских корней российской цивилизации. В практической политике подобные тенденции выражались и выражаются до сих пор в том, что евроцентризм доминирует во всем»³.

¹ Тихоокеанский Альянс (ТА) создан 28 апреля 2011 года странами, имеющими морскую границу в Тихом океане (Колумбией, Мексикой, Перу и Чили).

² Литвин В.Я. Тихоокеанский альянс и перспектива его развития / Аналитические записки. ИМИ МГИМО(У). 2013. Сентябрь. С. 10.

³ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 85–87.

В частности, в пренебрежении развитием железных дорог и востоку от Урала.

Эксплуатационная длина железнодорожных путей на конец 2009 года¹

	Эксплуатационная длина железнодорожных путей, тыс. км	в том числе электрифицированных		Плотность железнодорожных путей, км путей на 1000 км ² территории
		тыс. км	в процентах от общей длины железнодорожных путей	
Россия ¹	86	43,2	50,4	5,0
Страны-члены Европейского Союза				
Австрия ²	5,8	3,5	61,5	68,5
Бельгия	3,6	3,0	84,0	115,4
Болгария	4,2	2,8	68,3	37,4
Венгрия	7,8	2,8	35,8	83,8
Германия	33,7	19,7	58,4	94,4
Греция	2,6	0,3	10,3	19,3
Дания	2,1	0,6	29,1	49,6
Ирландия	1,9	0,1	2,7	27,4
Испания	15,0	8,8	58,3	29,7
Италия	17,0	12,1	71,2	56,3
Латвия	1,9	0,3	13,7	29,0
Литва	1,8	0,1	6,9	27,2
Люксембург ²	0,3	0,3	95,3	91,7
Нидерланды	2,9	2,2	76,1	68,7
Польша	19,8	11,9	60,2	63,1
Португалия	2,8	1,5	51,4	30,9
Румыния	10,8	4,0	37,1	45,3
Словакия	3,6	1,6	43,5	73,9
Словения ²	1,2	0,5	41,0	61,4
Соединенное Королевство (Великобритания)	16,2	5,3	32,8	66,6
Финляндия	5,9	3,1	51,8	17,5
Франция	33,8	16,7	49,4	61,2
Чешская Республика	9,5	3,2	33,1	120,7
Швеция	9,9	7,9	79,0	22,1
Эстония	0,9	0,1	14,2	20,6

¹ По данным ОАО «РЖД». 2010 г. – соответственно: 86 тыс. км, 43,2 тыс. км, 50,4%, 5,0 км.

² 2008 г.

Из этих сравнений следует, что:

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Раздел «Международные сравнения». РП № 1734 от 22 ноября 2008 г. С. 66.

– во-первых, существующая плотность ж/д путей в России уступает в 5–25 раз (!) европейским;

– во-вторых, длина российских эксплуатируемых путей всего лишь в 2,5 раза больше, чем у Германии и Франции и в 4–5 раз больше, чем у Италии и Испании;

– в-третьих, сравнение восточных регионов России с западноевропейскими странами или Китаем вообще нецелесообразно потому, что счет идет уже об отставании не в разы и десятки раз, а на два–три порядка.

Этот евроцентризм, по мнению М. Титаренко, получил конкретное экономическое и политическое оформление:

– в концентрации основных средств и стратегических целей развития страны в европейской части и превращении Москвы в сверхмонополиста в сфере финансовых и других ресурсов страны;

– в превращении огромных восточных регионов, богатых ресурсами, в своеобразную квазиколонию европейской части страны. Из Сибири и Дальнего Востока выкачивались и выкачиваются ресурсы без должной компенсации для развития и подъема восточных регионов;

– в одностороннем, уродливом развитии регионов российского Востока. Сырьевая направленность экономики стала здесь доминирующей. Лишь в 30-е годы прошлого века и особенно в годы Великой Отечественной войны Сибирь получила перемещенные из европейской части крупные промышленные предприятия и объекты. Правда, и до этого возникали такие гиганты индустрии, как Кузнецкий металлургический комбинат, ряд машиностроительных предприятий на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири. Однако в освоении региона, с точки зрения обеспечения трудовыми ресурсами, значительную роль играли принудительные формы труда, лагеря ГУЛАГа, что придавало региону не самый привлекательный образ;

– в обострении противоречия внутри российской культуры и цивилизации в целом. Под давлением вестернизации национальные черты русской культуры и культуры других национальностей стирались и растворялись в чуждых цивилизационных и религиозных традициях народов, в чуждых и низкопробных образцах европейской и американской масс-культуры. Более того, в конце XX века российская

культура и цивилизация были принижены до такой степени, что на политическом уровне была поставлена «задача вхождения в мировую цивилизацию», что, по сути, означало маргинализацию российской культуры.

Еще в середине XVIII века, когда консолидировалось централизованное российское государство в виде Российской империи, основоположник российской науки, образования и реформатор русского языка М. Ломоносов впервые комплексно сформулировал три стратегические задачи, которые должно было решить российское государство, чтобы обеспечить устойчивое и нормальное развитие и играть отведенную историей роль. Эти три программные задачи сводятся к следующему.

Во-первых, «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

Во-вторых, «когда... желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана».

В-третьих, одной из ключевых задач российской власти великий ученый считал «сбережение» и «приумножение российского народа» не менее чем по 1 млн новорожденных в год. Одновременно он придавал важное значение налаживанию добрых отношений сотрудничества русского населения с коренными народами Сибири и Дальнего Востока».

Впрочем, правящие круги страны вполне довольствовались символическим контролем над гигантской территорией в течение ее завоевания, вытесняя туда избыточное население с европейской части страны и основывая ряд малых городов и постоянных поселений между Уральскими горами и Тихим океаном. Монархия не стремилась к широкомасштабному освоению или урбанизации этого региона.

Фактически урбанизация Сибири и Дальнего Востока – это советский феномен. Размещение и концентрация людей и экономической деятельности в конкретных городах по всей территории была фундаментальная идея советских руководителей.

Характер освоения Сибири дает ясно понять, что с самого начала преследовалась цель получения прибыли. Сибирь и Дальний Восток были источником ценного меха, соли и ценных минералов. В 1700 году, кроме коренного населения, во всем регионе Сибири и Дальнего Востока проживало уже около 200 000 российских поселенцев. Население было по большей части сельским и проживало в небольших деревнях.

Главные мотивы продвижения русских людей на восток следует искать в развитии социально-экономических отношений в России в XVII веке. Это было время активного проникновения в экономику России товарно-денежных отношений, усиления обмена между областями страны, формирования единого всероссийского рынка. В таких условиях страна нуждалась в новых территориях как источниках сырья и рынках сбыта. Пушнина, которой были богаты дальневосточные и сибирские земли, служила источником пополнения государственной казны и способствовала росту доходов промышленников и купцов.

Наряду с экономическими, были и социально-политические причины, стимулирующие продвижение русских людей на восток. В XVII веке происходит резкое усиление социальной напряженности в стране, связанное с ростом налогов, последствиями смуты и разрушительных войн. С принятием Соборного Уложения 1649 года произошло юридическое оформление крепостного права, ухудшилось положение посадских людей. Усиление эксплуатации народа вызвало серию городских и крестьянских движений. Стремясь избавиться от гнета помещиков и бояр, народ шел на восток. Особых препятствий добровольному переселению народа правительство не чинило, что было связано, во-первых, с выводом непокорных социальных элементов из центральных регионов России; во-вторых, со стремлением царизма распространить свою власть на новые земли и освоить их для укрепления статуса государства.

Существовали и внешние причины колонизации Дальнего Востока. Барьер враждебных России государств – Швеции, Речи Посполитой, которые владели Прибалтикой, и Турции, захватившей берега Черного моря, изолировал российскую державу от Западной Европы и других стран. В таких условиях Россия должна была обезопасить свои восточные и юго-восточные рубежи, создав здесь прочный тыл, и искать новые

экономические и политические связи на востоке. В совокупности эти факторы и составили исторические мотивы открытия и освоения обширного дальневосточного региона¹.

В конце XVI – начале XVII вв. общая численность проживающих по всей Сибири народов составляла 200 тыс. человек, а на территории Приамурья и Приморья к середине XVII в. достигала 30 тыс. человек. Местные народности Сибири и Дальнего Востока представляли разные языковые семьи и этнические группы. Начиная с XVII в. общественная жизнь коренных народов постепенно менялась под влиянием русских переселенцев, а на формирование дальневосточного социума наложили свой отпечаток различные формы колонизации Дальнего Востока (военная, казачья, крестьянская и криминальная), которая активизировалась после подписания Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров между Россией и Китаем. К началу 60-х гг. XIX в. на территории русского Дальнего Востока проживали 352,5 тыс. человек – в Забайкальской области, 13,9 тыс. человек – в Амурской области, 35,1 тыс. человек – в Приморской области².

Первыми, кто колонизировал Дальний Восток, были военнослужащие, появившиеся на Амуре и Сахалине еще до заключения Айгунского договора. Солдаты Восточно-Сибирского линейного батальона, а также третьего Сибирского батальона сравнительно небольшой численностью несли воинскую службу на постах и в гарнизонах. Власти предприняли попытку задержать демобилизованных в крае с помощью льгот, определенных законом 1893 г., полагая, что в случае войны запасные будут нужны. Однако этот источник заселения края себя не оправдал. В 1906 г. здесь осталось лишь три сотни демобилизованных.

Переселение показало, что колонизационное дело не может быть успешным при отсутствии собственной инициативы переселенцев. Дальнейшее заселение Дальнего Востока носило уже добровольный характер. Самым массовым во второй половине XIX в. стало крестьянское переселение, что было обусловлено отменой крепостного

¹ Ефимов А.В. Из истории русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII – первая половина XVIII века. М. 1960.

² Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. /Сб. статей по истории Дальнего Востока. М. 1958.

права, крестьянским малоземельем в центре страны, большими площадями свободных земель и угодий на юге Дальнего Востока, отсутствием здесь помещичьего землевладения. В 1850–1916 гг. на Дальний Восток прибыло 488,7 тыс. крестьян¹.

В переселенческом движении на Дальний Восток во второй половине XIX – начале XX вв. выделяют, как правило, три этапа: 1861–1881 гг. (сухопутное переселение); 1882–1900 гг. (переселение морским путем) и 1901–1917 гг. (переселение по Транссибирской железнодорожной магистрали). По закону от 26 марта 1861 г. переселенцам отводился в бесплатное пользование участок земли до 100 десятин (109 га) на каждое семейство, они навсегда освобождались от подушной подати и на 10 лет – от рекрутской повинности; за плату (3 руб. за десятину) поселенцы могли дополнительно приобретать землю в частную собственность; в крае была введена беспошлинная торговля (режим порто-франко) и т. д. Эти меры усилили миграционную подвижность населения страны, способствовали притоку на дальневосточную окраину крестьян, казаков, рабочих.

1880-е гг. стали переломными в отношении российского правительства к дальневосточному краю. В значительной степени это было связано с активизацией международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где столкнулись интересы России, Китая, Кореи, Японии, США, Англии и Франции. Правительство осознало крайнюю необходимость заселения российскими подданными недавно приобретенной территории².

Быстрому росту населения Дальнего Востока способствовала Столыпинская переселенческая политика. Только в 1911–1915 гг. на Дальний Восток проследовало на заработки 194,3 тыс. человек³.

Колонизация Сибири и Дальнего Востока стала официальным правительственным проектом в рамках программы российского премьер-министра Петра Столыпина по реформированию сельского хозяйства.

¹ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). Учебное пособие. М.: ЛОГОС, 2001.

² Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 10, 17.

³ Дубровский С.М. Столыпинская реформа. М. 1930.

Большинство миграционных ограничений, включая требования к собственности, были отменены в 1904 году. В результате этой политики численность населения Сибири достигла 10 миллионов человек к 1917 году¹.

Тем временем заселение Дальнего Востока оставалось неплотным и разбросанным. Известно, что строительство более или менее значимых поселений на Дальнем Востоке началось только в 1850-х гг. Территория вдоль Амура была предметом спора между Россией и Китаем. Когда она была окончательно присоединена. Причем большинство переселенцев сосредоточилось поближе к Тихоокеанскому побережью, в Приморье².

К концу царского правления районы Восточной Сибири и Дальнего Востока за пределами Транссибирской магистрали были едва обозначены на карте, не говоря уже об их заселении. Крупномасштабное заселение и урбанизация Дальнего Востока в царской России было просто невозможно. Все-таки заселение, освоение и содержание такого огромного и холодного региона было слишком дорогостоящим, у Российской империи просто не было таких средств.

Колонизация Дальнего Востока на первом этапе имела ряд отличий от колонизации других территорий. Они влияли на формирование дальневосточного социума, на специфику зарождения и развития общественных процессов и явлений внутри него. Среди отличительных черт колонизации Дальнего Востока можно выделить следующие:

- влияние внешнеполитического фактора на всю дальневосточную политику России было превалирующим над всеми другими. Процесс русского заселения восточной территории находился под постоянной угрозой его опережения другими государствами, поэтому скорейшее заселение пустующих земель стало стратегической целью царского правительства;

- заселение края началось в середине XIX в. и по времени было наиболее поздним среди других проводимых Россией колонизаций, таких, например, как освоение Приуралья, Сибири, Кавказа, Новороссии, Бессарабии. Накопленный опыт давал представление о целях и задачах

¹ Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795-1917 гг.) // История СССР. 1979. №. 3. С. 622.

² Там же. С. 628-629.

государства в политике колонизации, а также о формах и методах их достижения;

- заселяемая территория была по существу необжитой. Коренные народы Дальнего Востока были весьма немногочисленными, а так как они занимались в основном рыбной ловлей и охотой, то не противились сельскохозяйственной колонизации;

- необходимые ускоренные темпы заселения заставляли проводить переселенческий процесс на неподготовленные территории, где уже на месте решались возникающие проблемы;

- в аграрной России колонизация по преимуществу являлась крестьянской, но в ней приняли участие и другие социальные слои: казаки, военнослужащие и ссыльные. Решая свои задачи, возникающие на различных этапах переселения, государство привлекало тот или иной состав переселенцев к заселению территории, которые перемещались на отличных друг от друга основаниях, двумя различными способами: добровольным и принудительным. Помимо выходцев из России, в дальневосточный регион были допущены и представители соседних азиатских стран.

Дальний Восток всегда был для России прежде всего военным форпостом на берегах Тихого океана. Большая военная составляющая присутствовала на протяжении всей истории освоения этого региона, что наложило свой отпечаток и на более поздние формы колонизации.

в). Инфраструктура как будущий геополитический выигрыш

И сегодня политическая составляющая развития инфраструктуры и транспортных коридоров является основной. На 12-м саммите ШОС, например, состоявшемся в июне 2012 года, эту позицию четко обозначил лидер КНР Ху Цзиньтао: «– Нужно превратить ШОС в двигатель экономического развития в регионе, – заявил председатель КНР Ху Цзиньтао. По его словам, в ближайшее время следует прилагать усилия в развитии инфраструктуры между странами, создать банк развития, стимулировать облегчение торговли, инвестиций.

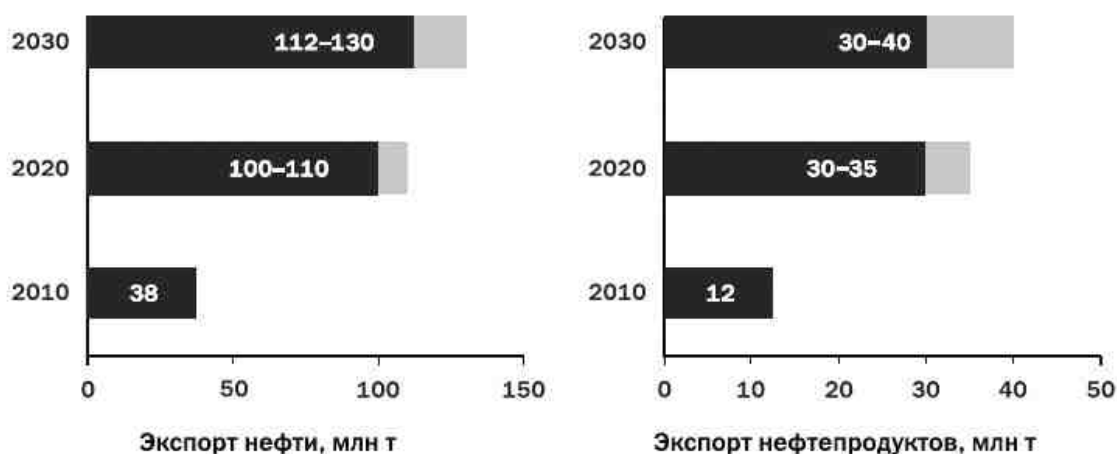
Ху Цзиньтао еще раз упомянул о выделении всем странам-членам ШОС кредитов от Китая в размере \$10 млрд на совместные проекты на льготных условиях. Пекин при этом уже вложил более \$10 млрд в совместные с участниками ШОС предприятия.

Восстановить транспортно-технологическую сеть между странами ШОС председатель КНР предложил по древнему Шелковому пути. Россию она затронула в меньшей степени и могла бы перетянуть часть транспортного потока с ее территории в другие страны-члены ШОС, что вряд ли выгодно Москве.

С учетом состояния и перспектив реализации сырьевых проектов, развития перерабатывающей и транспортной инфраструктуры экспорт из России нефти, нефтепродуктов и газа в АТР может осуществляться не только с месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока, но и из Западной Сибири. Экспорт сырой нефти по всем маршрутам может быть доведен, по ряду оценок, к 2020 г. до 100–110 млн т, к 2030 г. – до 112–130 млн т. Поставки нефтепродуктов на рынки АТР могут составить к 2020 г. 30–35 млн т, к 2030 г. – возрасти до 40 млн т.¹

¹ Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 22.

Экспорт нефти и нефтепродуктов из России в АТР в 2010 г. и прогноз до 2030 г.

О транспортном развитии говорил и президент В. Путин. Он дополнительно выделил проект создания мобильного транспортно-логистического узла в Челябинской области, в котором участвуют Россия и Китай, и к которому проявляет интерес Узбекистан.

Президент в очередной раз призвал страны ШОС обратить внимание на интеграционные процессы, идущие в странах СНГ, и плотнее работать с Таможенным союзом и Евразийским экономическим сообществом. Белоруссия и Украина, конечно, не являются членами Шанхайской организации, но могли бы сотрудничать с Азией через эти интеграционные образования с Россией¹.

По мере развития глобализации и усиления значения в мировом товарообороте стран АТР все актуальнее становится проблема транспортного коридора США – Европа – Россия – Китай, – в обход традиционных маршрутов. Как пишет Н. Воробьев², «Началом Северного транспортного коридора можно определить международную группу портов Баренцева, Белого морей и Ботнического залива Балтийского моря, объединенных под названием «порты Баренц Региона». Грузопотоки, поступающие на континент через норвежские, шведские, финские и российские порты, сливаются в потоки, стремящиеся на восток через железнодорожные и автодорожные инфраструктуры Северных стран и России.

¹ Жебит М. Китай активизировался против доллара // Известия. 2012. 8 июня.

² Воробьев Н.И. Роль транспортной инфраструктуры в отношениях России и Северной Европы. Диссертация на соискание степени магистра. М.: МГИМО(У), 2011. С. 53–54.

Идея СТК получила новое развитие с появлением инициативы Норвегии по созданию нового международного транспортного коридора, связывающего Китай через транспортные коммуникации России, Финляндии, Швеции и Норвегии с портом Нарвик и далее, по морю, с Северной Америкой (Northern East-West Freight Corridor – коридор «N.E.W.»). Дополнительные логистические возможности данного проекта связаны с подключением порта Мурманск к перевозкам грузов стран Северо-Восточной Азии в трансатлантическом сообщении.

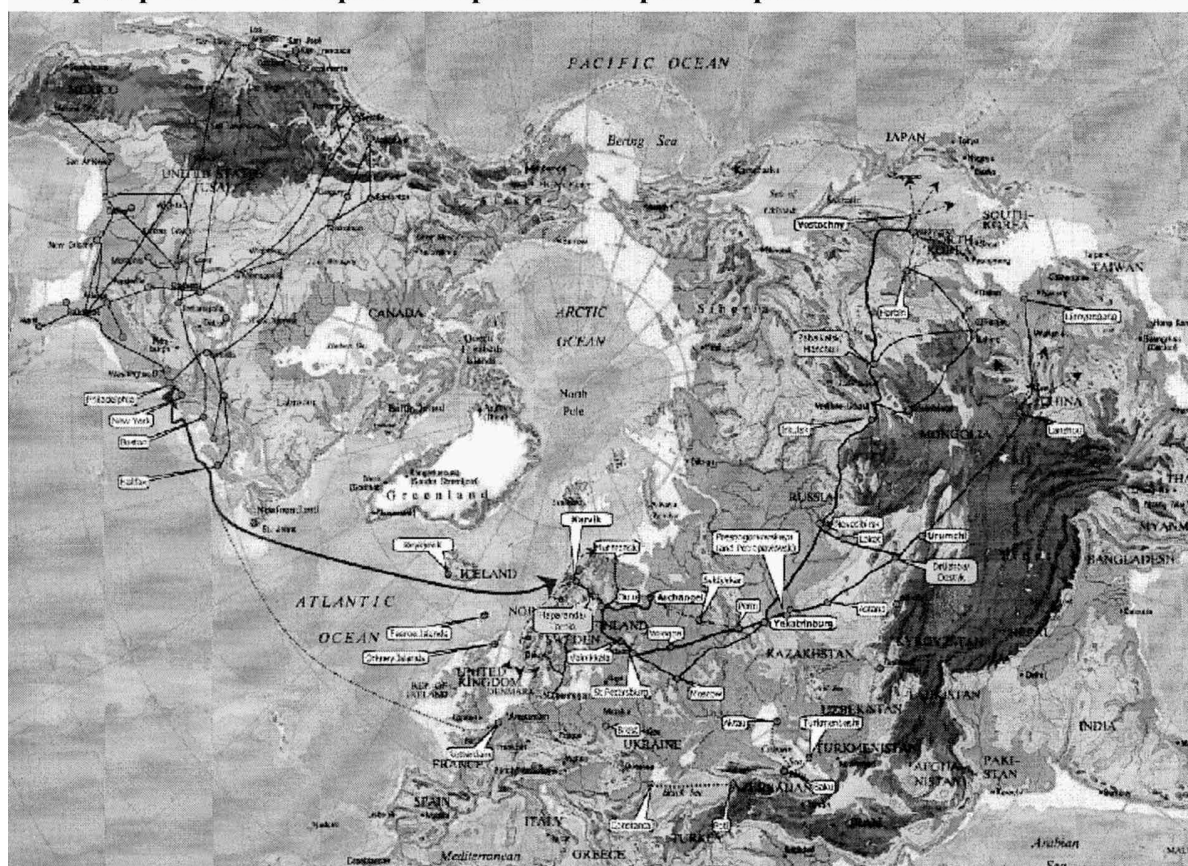
Все началось с того, что в 1996 году компания «Futurum AS» в Нарвике, занимающаяся развитием транспорта, выступила с идеей создания международного торгового маршрута, соединяющего Северную Америку и Азию через северные регионы Северных стран, Северо-Запад России и Северо-Западную часть Китая. Компания «Futurum AS» совместно с руководством железнодорожной инфраструктуры Финляндии, Швеции и Норвегии разработала концепцию Транспортного коридора Азия – Северная Америка. В 2000 году был разработан международный проект Транспортного коридора, в состав участников которого вошел Международный союз железных дорог.

В Транспортный коридор Азия – Северная Америка входит морской транспорт между восточным побережьем Северной Америки и севером Норвегии, а также железнодорожный транспорт между Норвегией, Швецией, Финляндией, Россией, Центральной Азией и Китаем. Целью проекта стало представление концепции компетентным структурам и объединение интересов в деле создания альтернативного транспортного маршрута.

Морской маршрут в рамках Транспортного коридора включает целый ряд портов восточного побережья Северной Америки, такие, как Ньюпорт-Ньюс, Филадельфия, Бостон и Галифакс. Порт Нарвик используется при разгрузке товара с судна в железнодорожные составы. В связи с тем, что Нарвик является единственным портом в северной части Атлантики, имеющим прямую железнодорожную связь со Швецией, Финляндией и Россией, это позволит достичь любого пункта назначения в пределах Баренцева региона, а также Центральной и Восточной Азии и Китая.

Первоначально основной целью было определение катализатора развития торговли и промышленности в Баренцевом регионе. С участием Международного союза железных дорог концепция Транспортного коридора была рассчитана на вовлечение дополнительных крупных рынков, кроме Баренцева региона. Помимо идеи стимулирования экономического роста в северных регионах Северной Европы, целью проекта стал поиск альтернативы международного восточно-западного коридора.

Коридор N.E.W. Северная Америка – Северная Европа – Юго-Восточная Азия

N.E.W. играет важную роль в качестве альтернативы традиционному навигационному маршруту из Китая в США в основном благодаря:

- Сокращению времени, затрачиваемого на осуществление транзита, за счет более быстрого передвижения наземного транспорта и уменьшения расстояния при перемещении.
- Решению проблемы большого скопления транспортных средств в густонаселенных регионах, расположенных на побережье Китая, а также в портах западного побережья США. В связи с тем, что транспортный

коридор в рамках проекта проходит через малонаселенные территории, решение этой проблемы может быть осуществлено без особых затрат.

- Наличие необходимой инфраструктуры в регионе. Основная цель – расширение портов и более быстрый перевод поездов на другие рельсы на границе.

- Порт Нарвик на севере Норвегии является незамерзающим портом и имеет железнодорожную связь с Россией через Швецию и Финляндию.

- Маршрут обходит шесть узких проливов мировой навигации: Панамский канал, Суэцкий канал, Гибралтарский пролив, пролив Босфор, Ормузский пролив и Малаккский пролив, которые проходят 60% всех судов в мире.

- Данный коридор выступает в качестве запасного маршрута в случае террористического акта, транспортных заторов или столкновений судов конфликта вблизи южного побережья Китая или забастовок рабочих в тихоокеанском судоходном маршруте.

Сегодня необходимость в восточно-западном грузовом сообщении повышается быстрее, чем возникают приемлемые варианты решения транспортных проблем. Таким образом, СТК и N.E.W. одновременно могут служить в качестве инструмента регионального развития в Баренцевом регионе и создания дополнительных экономических выгод для участников мирового рынка. СТК и N.E.W. – еще одна логистическая альтернатива, способная содействовать сокращению транспортных издержек грузоотправителей в глобальном процессе мировой торговли.

Реализация проектов СТК и N.E.W. во многом зависит от хода выполнения локальных транспортно-инфраструктурных проектов, которые обеспечивают функционирование глобального коридора.

Глава 8. Экономические и социальные предпосылки опережающего развития регионов Сибири и Дальнего Востока

Дело... упирается в правильность и эффективность использования и управления доходами от продажи сырья, поступающими в страну¹

*Е. Примаков,
академик РАН*

У России огромный потенциал. Поэтому вопрос, может ли страна изменить свое место в рейтингах инновационной активности или нет, даже не стоит. России просто необходимо это сделать²

*П. Линдхольм,
советник Всемирного банка*

Успех или неудача идеи евразийской интеграции во многом определяют темпами развития восточных регионов России, которые будут означать не только продвижение «русского ядра» на восток, но и создавать благоприятные условия как для интеграции постсоветских республик, так и развития отношений по осям Евразия – Евросоюз и Евразия – АТР. Пока что эта концепция не находит своего отражения ни в официальных выступлениях российских лидеров, ни в соответствующих документах. Евразийская интеграция рассматривается прежде всего на уровне экономической интеграции России – Белоруссии – Казахстана, которая заявляется до 2014 года первым этапом, а темпы развития восточных регионов рассматриваются как средние по России.

Между тем этот подход абсолютно неверен.

С демографической точки зрения восточные регионы представляют собой практически не заселенную территорию в то время как в европейской части России продолжает концентрация населения. Для сравнения: только в Москве (которую планируется расширить до границ «новой Москвы» с Калужской областью) сегодня проживает более 12 млн человек, что в 1,5 раза больше, чем во всем ДВФО! В одном «спальном районе» Москвы проживает больше, чем на всей территории Камчатского края.

На фоне ухудшающейся в долгосрочной перспективе общей демографической ситуации в стране, которая, как прогнозируется, приведет к сокращению населения трудоспособного возраста к 2020 году

¹ *Примаков Е.М.* Нам нужна новая индустриализация // Российская газета. 2012. 9 июня. С. 6.

² *Кривошапко Ю.* Рубль в стиле хай-тек // Российская газета. 2012. 14 июня. С. 1.

на 7–8 млн чел., а к 2050 – более чем на 26 млн человек¹, ситуация в восточных регионах представляется как неизбежная катастрофа. В этих условиях ясно, что принимаемые меры абсолютно недостаточны. Нужен комплекс чрезвычайных мер по выходу из этой ситуации, ориентированных исключительно на восточные регионы.

Другой вопрос – опережающее экономическое развитие восточных регионов – тесно связан с демографическим.

Между тем восточные регионы за последние десятилетия оказались фактически в ситуации деиндустриализованных регионов. Причем в наибольшей степени пострадали обрабатывающие отрасли промышленности. По оценке заместителя гендиректора ОАО Концерна «Алмаз-Антей» С. Остапенко, в СССР выпускалось примерно 70 тыс. станков различной номенклатуры, а сегодня в России в лучшем случае 2 тысячи².

Другой пример, который привел Д. Рогозин с 2008 по 2013 год российские компании приобрели почти 600 иностранных и только 59 отечественных авиалайнеров. Доля российской продукции составила менее 7% всего авиапарка, что означает фактическую потерю внутреннего рынка для авиапрома³.

Вместе с тем уже сегодня передовые предприятия и целые отрасли восточных регионов могут и развиваются темпами, значительно превышающими среднероссийские. Учитывая демографические проблемы СФО и ДВФО, необходимо сделать ставку именно на такие отрасли и предприятия, которые в значительной степени сосредоточены в ОПК. Так, ОАО «Швабе», объединяющее ключевые предприятия оптико-электронной отрасли, увеличило в 2012 году объем продаж на 27%, а в 2013 году планируется на 21%. Кадровый потенциал ОАО «Швабе» – 20 тыс. человек, из которых 4,8 тыс. научные сотрудники. При этом расходы на НИОКР в 2012 году выросли на 48%, а производительность труда на 123%⁴. Это пример можно рассматривать

¹ Смольякова Т. Третьим будешь // Российская газета. 2013. 15 августа. С. 3.

² Прохоренко О. Переоборудовать старое – дороже / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 12 августа / URL: <http://eurasian-defence.ru>

³ Егоров И. Теряем небо // Российская газета. 2013. 15 августа. С. 2.

⁴ Максим С. Стремиться вперед, опираясь на традиции // Независимая газета. 2013. 5 апреля. С. 5.

как модель развития наукоемких производств в восточных регионах России.

Для успеха идеи евразийской интеграции возможно, большего числа стран успех «восточной политики» России выражается в обязательном условии опережающих темпах развития регионов Сибири и Дальнего Востока и их инфраструктуры. Прежде всего транспортной. Это собственно говоря, создает не только экономические и социальные предпосылки для всего процесса евразийской интеграции, но и лежит в основе этого процесса. Как в узком понимании (интеграции трех–четырех государств), так и в широком понимании – развитии отношений российского евразийского ядра с Евросоюзом и странами АТР.

Соответственно этапность и приоритетность задач выглядит поразному. На наш взгляд, они выглядят следующим образом, имея в виду, что все три процесса являются, во-первых, основными приоритетами, а, во-вторых, должны развиваться параллельно, но с разной скоростью.

Как видно из предложенного рисунка, успех идеи евразийской интеграции во многом предопределяется результатами развития восточных регионов России и укрепления «российского ядра» евразийской интеграции. Причем в качестве относительно самостоятельной тенденции в рамках первого приоритета необходимо выделить развитие транспортной инфраструктуры восточных регионов. Практически это означает, что подпрограммы «Транссиб» и «БАМ» ФЦП развития регионов Дальнего Востока, утвержденной Правительством РФ в марте 2013 года, должны быть расширены с целью концентрации на этих направлениях предприятий обрабатывающей промышленности в

наиболее наукоемких областях. Это означает их превращение из «подпрограмм» ФЦП в самостоятельные ФЦП общенационального масштаба. В этом случае они превратятся из примитивных «транспортных коридоров» (имеющих не только достоинства, но и недостатки, в т.ч. политические) в крупные политико-экономические проекты, имеющие ключевое значение для развития евразийской интеграции по всем азимутам.

Такая последовательность практически важна:

- чтобы правильно перераспределить национальные ресурсы. Дискуссия по поводу финансирования Программы развития Дальнего Востока показала, что даже выделение 10 трлн руб. (из которых менее 4 трлн средства федерального бюджета) – суммы достаточно скромной и явно недостаточной – вызывает возражения не только Минфина, но и экспертов преимущественно либеральной направленности;

- избежать рисков зависимости от элит постсоветских государств (опыт СНГ – весьма негативен), когда процесс военно-политической интеграции не должен тормозиться, например, нежеланием участия Узбекистана в ОДКБ;

- чтобы создать максимально выгодные и благоприятные условия для интеграционных процессов со странами АТР и Европы за счет развития восточных районов. Пока что происходит «интеграция» Москвы, например, с Японией или Вьетнамом, а не интеграция восточных регионов. Которые фактически не могут быть самостоятельными субъектами в силу экономической инфраструктурной отсталости. Вместе с тем уже есть и удачные примеры. Так, экспедиция «Тюмень-Сабетта-Китай» на сухогрузе «Инженер Трубин» открыла новый торговый путь из России в страны Юго-Восточной Азии через Северный Ледовитый океан, который намного короче, чем через Суэцкий канал. И на этом пути отправителям грузов не страшны ни обострения напряжённости на Ближнем Востоке, ни пираты южных морей. Теплоход Северного морского пароходства (порт приписки – Архангельск) прошёл Северным морским путем от строящегося на полуострове Ямал

арктического порта Сабетта до Китая с продукцией уральских предприятий для стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Согласно экспертным оценкам, только на предприятиях Уральского федерального округа может появиться более 750 тыс. рабочих мест в УрФО, а с учётом мультипликативной занятости – не менее четырёх миллионов рабочих мест по всей России¹.

Таким образом, важнейшим условием реализации евразийского проекта становится опережающее развитие восточных регионов России, перенос центра тяжести политической, военной, научной и культурной жизни на восточное побережье страны.

И наоборот. Евразийская интеграция лежит в основе экономических и социальных предпосылок опережающего развития Сибири, находится евразийская идея укрепления «российского ядра» единого экономического, культурного и геополитического пространства. Поэтому «чисто» экономические аргументы не могут, как сегодня, служить единственным и главным основанием для принятия решений. Что, к сожалению, происходит сегодня нередко не только на Западе, но и в России.

В этом смысле выгодно отличаются исследования российских ученых, которые пытаются системно рассмотреть эту проблему. Так, на VII Байкальском международном экономическом форуме (сентябрь 2011 г.) подход к этой проблеме был сформулирован следующим образом²:

¹ Севморпуть открыл дорогу товарам между разными странами и перспективу создания миллионов рабочих мест в России // Экономика и жизнь. 2013. 22 августа / URL: <http://www.eg-online.ru/news/220604/>

² Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. VII Байкальский международный экономический форум. 2011. Сентябрь.

Сибирь и Дальний Восток

Значение Сибири и Дальнего Востока для Российской Федерации	Сибирь и Дальний Восток – основная пространственная и ресурсная часть современной России, богатая минеральными ресурсами, сельскохозяйственным сырьем, интеллектуальным потенциалом. От того, в каком направлении будут развиваться на этих территориях экономические, инновационные, общественно-политические и социальные процессы, станет все более зависеть место России в мировой экономике и мировой политике.
Ресурсный потенциал	В регионах Сибири и Дальнего Востока находятся крупнейшие месторождения углеводородов, угля, алмазов, крупные месторождения черных, цветных и редких металлов и других рудных и нерудных полезных ископаемых. Сибирь и Дальний Восток обладают огромным энергетическим потенциалом, включая запасы и ресурсы нефти, газа, конденсата, угля, природного урана, ресурсы гидро-, приливной, ветровой, геотермальной энергии, значительный потенциал развития сегментов машиностроения.
Проблемы социального развития	Регионы Сибири и Дальнего Востока отличаются депопуляцией и низкой экономической плотностью территории, слабо развитой транспортной, энергетической, социальной инфраструктурой.
Факторы, сдерживающие развитие	Высокая составляющая транспортных затрат при перевозке грузов и пассажиров между дальневосточными регионами и остальной частью России, экстремальные природно-климатические условия. Наличие изолированно работающих энергосистем и энергорайонов, затратность и неэффективность структуры энергоисточников. Неразвитая энергетическая и транспортная инфраструктура прямо или косвенно продолжает оставаться основным ограничителем осуществления любых видов деятельности на Дальнем Востоке и Восточной Сибири, причиной низкой конкурентоспособности произведенных продукции, товаров и услуг.

Как видно из приведенной таблицы, ее авторы принципиально по-новому сформулировали значение Сибири и Дальнего Востока для всей России и, что немаловажно для оценки перспектив ее места в мире. Совершенно оправдан и вывод о том, что от того, как будут развиваться восточные регионы будет зависеть само будущее нашей страны.

Вместе с тем, говоря о значении восточных регионов и ресурсном потенциале, авторы придерживаются по большому счету сценария, ориентированного на природные ресурсы, а не человеческого потенциала, инфраструктуру и наукоемкие отрасли. Приоритеты должны быть иными, а именно: в условиях демографической катастрофы и деиндустриализации восточных регионов ставка должна быть сделана, во-первых, на опережающее развитие НЧП этих регионов (прежде всего, демографической, научной и образовательных составляющих), во-вторых, инфраструктуры – транспорта, связи, «точек роста», – а, в-третьих, на новой индустриализации регионов, включая переноса в них производств, конструкторских бюро, исследовательских институтов и т.д. из центральных регионов страны.

а). Транзитная сверхдержава?

Транспортная инфраструктура как главное условие опережающего социально-экономического развития восточных регионов

Неверно представлять, будто после окончания холодной войны влиянию идеологии больше не подвержены политика, соотношение сил на региональном и глобальном уровнях, международные отношения в целом. Видоизменились характер и форма такого влияния, но оно никуда не исчезло. Более того, идеологическое противостояние, целенаправленное внедрение своих, часто подкрашенных образов при искажении чужих стало одной из составляющих внешнеполитической практики¹

... такой сверхцелью (Н. Назербаева)

на первом этапе было создание новой столицы²

*В. Шпаков,
политолог (Казахстан)*

*Е. Примаков,
академик РАН*

Проблема опережающего развития транспортной инфраструктуры восточных регионов прежде всего политико-идеологическая проблема изменения представлений российской правящей элиты о месте России в мире и значения для страны АТР и восточных регионов. Об этом свидетельствует в том числе и преувеличенное внимание руководства страны к развитию транспортной инфраструктуры в европейской части – Москве, Санкт-Петербурге, Сочи. Очевидно, что при недооценке значения восточных регионов. Об этом в присутствии В. Путина 16 августа 2013 года, говорил доктор технических наук, профессор кафедры «Изыскания и проектирование железных дорог» А. Васильев, что Москва и Санкт-Петербург – «это начало межконтинентального, евразийского транспортного коридора, который соединяет два крупнейших мировых потенциала: Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона», чей товарооборот достигает ежегодно 650–670 млрд долл. «И мы, к сожалению, перевозим от этого огромного товарооборота, который морским путем идет через Тихий, Индийский океаны и моря

¹ *Примаков Е.М.* Образы России и мира вне идеологии // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 1. С. 40.

² *Уралов С.* Евразийская политология. Прекращение трансляции Первого канала в Киргизии и проблема необасмачества / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 3 апреля / URL: <http://topwar.ru>

Атлантического океана, всего 1,5%. Хотя мы обладаем огромным преимуществом для организации таких транзитных перевозок. Продолжение второго европейского транспортного коридора, прежде всего на Транссиб, позволит России занять достойное место в международных транзитных перевозках».

Эксперт справедливо заметил, что для достижения этой цели. Нужно также подключить к общей транзитной системе БАМ и построить несколько новых трасс. В частности, нужен еще один выход к Тихому океану через Сахалин по железной дороге с переходом через пролив Невельского»¹.

К сожалению, инерция такого отношения, сформированного либералами в 90-е годы, еще сохраняется. Уместно напомнить высказывание руководителя правительства тех лет Е. Гайдара, которое четко отражает либеральный подход: «Проект строительства Байкало-Амурской магистрали — характерный пример социалистической «стройки века». Проект дорогой, масштабный, романтический — красивые места, Сибирь. Подкреплённый всей мощью советской пропаганды, экономически абсолютно бессмысленный. Дороги умели строить — это не производить конкурентоспособную продукцию или хорошие товары народного потребления. Беда в том, что никто так и не задумался элементарным вопросом: «А зачем мы строим эту дорогу? Что мы собираемся по ней возить и в какую сторону?» Проект обошелся примерно вчетверо дороже, чем предполагалась...»²

На первый взгляд транспортная система России характеризуется развитой дорожной транспортной сетью, одной из наиболее обширных в мире и включающей в себя 87 тыс. км железных дорог, более 745 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием, свыше 600 тыс. км воздушных линий, 70 тыс. км магистральных нефте- и продуктопроводов, свыше 140 тыс. км магистральных газопроводов, 115 тыс. км речных судоходных путей и множество морских трасс. В ней занято свыше 3,2 млн человек, что составляет 4,6 % работающего населения.

¹ Транзитная сверхдержава / Эл. ресурс: Центр политического анализа. 2013. 16 августа / URL: <http://tass-analytics.com/stories/tranzitnaya-sverhderzhava>

² URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Байкало-Амурская_магистраль

Огромные пространства и суровый климат предопределили первостепенное значение для России всепогодных видов наземного транспорта – железнодорожный и трубопроводный. На них падает основной объём грузовой работы.

Этот факт означает, что приоритет в развитии транспортной инфраструктуры совпадает с приоритетом в развитии восточных регионов страны, где приток населения может быть обеспечен в том числе и за счет развития транспортной отрасли. И не только железнодорожных и авиационных перевозок, но и, прежде всего, морских, соединяющих Европу и АТР.

Роль и значение транспортной инфраструктуры определяется объективными реалиями восточных регионов. В частности, тем, что территория Дальнего Востока и Байкальского региона, составляющая 7727,4 тыс. кв. км (45,2% территории Российской Федерации), включает в себя 12 субъектов Российской Федерации – Республику Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурскую область, Магаданскую область, Сахалинскую область, Еврейскую автономную область, Чукотский автономный округ, Республику Бурятия, Забайкальский край и Иркутскую область. То есть почти половина всей территории нашей страны относится к районам Дальнего Востока, а с учетом Восточной Сибири – почти две трети.

При этом численность населения, постоянно проживающего на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, на 1 января 2008 г. составляет 11072,9 тыс. человек (7,8% населения страны) с преобладанием городского населения. Плотность населения колеблется в пределах от 0,1 до 12,1 человека на 1 кв. км, в среднем – 1,4 человека на 1 кв. км¹.

Совершенно очевидно, что такое сверхнепропорциональное распределение населения, которое еще более усугублялось в последние десятилетия, требует решительного вмешательства государства, без которого добиться радикальных изменений просто невозможно. В ряде

¹ Конкурентные преимущества и угрозы Дальнего Востока и Байкальского региона / Федеральный портал protown.ru /
URL: <http://protown.ru/information/hide/7734.html>

случаев государства сознательно шли на перенос центров экономической и политической жизни, и даже столиц в силу разного рода соображений. В течение XVIII–XXI вв. столицы были перенесены в 69 странах. Причем в ряде случаев на значительные расстояния (более 1 тыс. км). При этом в некоторых государствах (в т.ч. евразийских) такие переносы планируются и сегодня.

Природно-климатические условия на большей части территории Дальнего Востока и Байкальского региона характеризуются как весьма суровые и даже экстремальные. Только на юге Приморского края среднегодовая температура превышает нулевую отметку.

Территория Дальнего Востока и Байкальского региона отличается богатством недр. Здесь находятся (как правило, в труднодоступных районах) крупнейшие месторождения углеводородов, гелия, угля, золота, меди, алмазов, крупные месторождения черных, цветных и редких металлов, фосфоритов урана, олова, плавикового шпата и других рудных и нерудных полезных ископаемых¹.

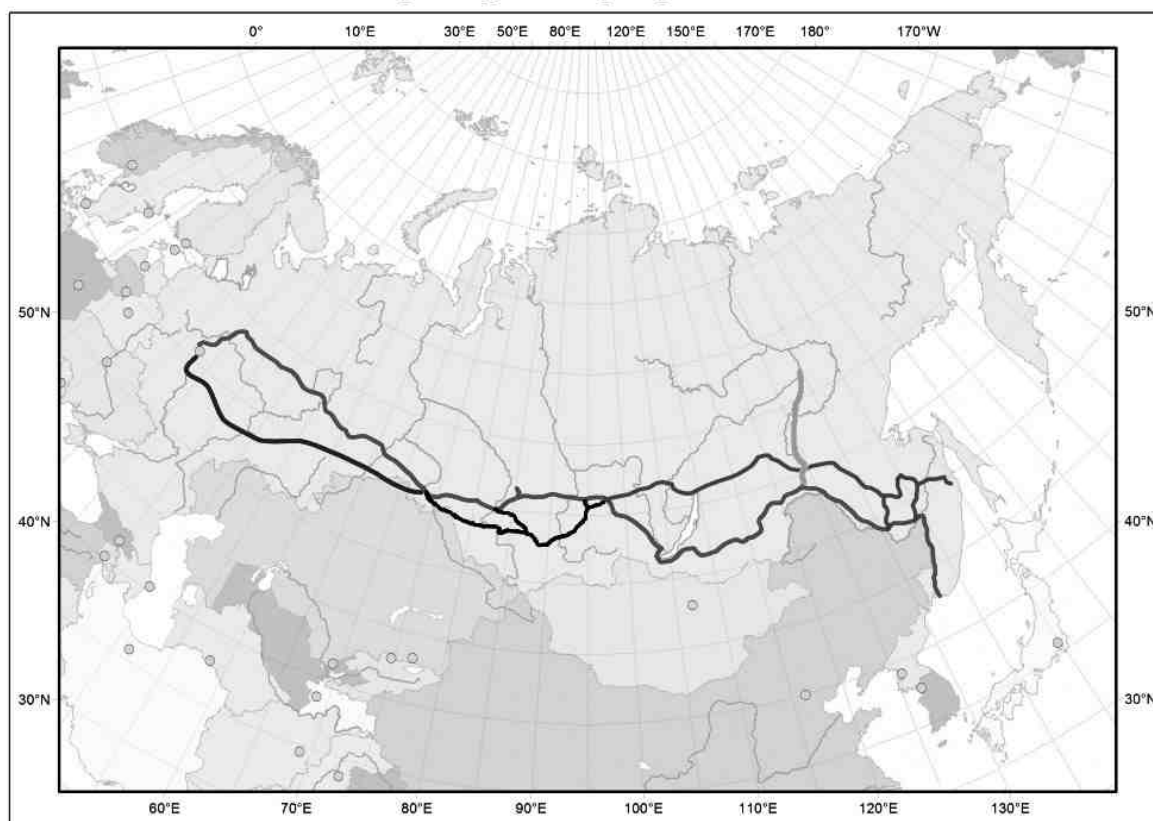
«Природные ресурсы общемирового значения привлекают к Дальнему Востоку и Байкальскому региону внимание всех государств, особенно стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако ресурсный потенциал Дальнего Востока и Байкальского региона в силу объективных и субъективных причин используется далеко не полностью.

Опережающее развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сравнении с общемировыми показателями заставляет по-новому взглянуть на место Дальнего Востока и Байкальского региона в политическом, экономическом и социальном развитии России, на их роль для России с глобальной точки зрения в стратегической перспективе. Прежде всего как связывающего звена между Европой и АТР, а не простого транспортного коридора².

¹ Конкурентные преимущества и угрозы Дальнего Востока и Байкальского региона / Федеральный портал protown.ru / URL: <http://protown.ru/information/hide/7734.html>

² URL: <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/50/Ayam-route-map.png>

Главный ж/д. транспортный коридор «Запад–Восток»

Производительность труда в расчете на одного занятого в экономике Дальнего Востока и Байкальского региона в 4 раза ниже, чем в Японии, в 6 раз ниже, чем в США, в 2,5 раза ниже, чем в Южной Корее, и в 5 раз ниже, чем в Австралии, а также указанная производительность труда ниже среднероссийской. Потребление первичных энергоресурсов на территории Дальнего Востока и Байкальского региона на единицу валового регионального продукта в 2,5 раза выше, чем в среднем по Российской Федерации, электрической энергии – в 1,8 раза, а нефтеемкости – в 2 раза. Структура топливно-энергетического баланса крайне неэффективна.

Степень интегрированности экономики субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, можно охарактеризовать как невысокую. В большей степени интегрированы отдельные южные территории Дальнего Востока и Байкальского региона, объединенные единой транспортной и энергетической инфраструктурой.

При этом вклад экономики субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона,

в экономику Российской Федерации незначителен. В то же время на территории Дальнего Востока и Байкальского региона добыча олова составляет 100%, алмазов – более 98%, золота – 67,5%, улов рыбы и добыча морепродуктов – 65% общероссийского объема»¹.

За прошедшие годы сложился наиболее интенсивный по России отток населения с территории Дальнего Востока и Байкальского региона. Сокращение численности населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе сопровождается его дальнейшей концентрацией в городских населенных пунктах и старением населения. В большинстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона демографическая ситуация развивается с положительной динамикой – численность населения растет, доля молодого населения не опускается ниже критического уровня.

Занимая значительную часть территории Российской Федерации, Дальний Восток и Байкальский регион имеют недостаточно развитую транспортную сеть. Эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования составляет 13,8% эксплуатационной длины всех железных дорог Российской Федерации, протяженность автомобильных дорог (общего пользования и ведомственных) с твердым покрытием – 9,5% и протяженность внутренних судоходных путей – 28,7%. Плотность железнодорожных путей общего пользования в расчете на 10 тыс. кв. км в 3,6 раза меньше, чем в среднем по стране, а автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием – в 5,6 раза.

Основными транспортными артериями являются Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали. В настоящее время основная нагрузка в экспортных и транзитных перевозках приходится на Транссибирскую магистраль, имеющую пропускную способность до 100 млн тонн в год. Пропускная способность Байкало-Амурской магистрали составляет 12,5 млн тонн в год и не имеет резервов пропускной способности на протяжении 280 км пути. Износ основных фондов железнодорожного транспорта составляет 60%.

Воздушный транспорт имеет особое значение для Дальнего Востока и Байкальского региона как средство обеспечения дальних

¹ Конкурентные преимущества и угрозы Дальнего Востока и Байкальского региона / Федеральный портал Protown.ru / <http://protown.ru/information/hide/7734.html>

магистральных пассажирских перевозок и сообщений в регионах. В удаленных труднодоступных районах Крайнего Севера и на Курильских островах он является безальтернативным видом круглогодичного транспорта. Вместе с тем очевидно, что в этой отрасли существует глубокий кризис. К 2013 году отечественные самолеты занимают порядка 7% всего авиапарка, а количество аэропортов в России стремительно сокращалось.

Количество аэропортов в России¹

Год	1991	1995	2000	2005	2010	2011	2012
Количество аэропортов	1450	876	533	393	332	332	315

Пассажирские и грузовые перевозки (РСФСР, РФ):

	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010
Перевезено грузов млн т	1,4	2,4	2,5	0,6	0,8	0,8	1,1
Перевезено пассажиров млн	45	66	91	32	23	37	59

Порты Дальневосточного бассейна обеспечивают 17,7% грузооборота морских портов России. Ведущую роль в Дальневосточном бассейне играют 3 транспортных узла – Владивостокский, Находкинский и Ванинский.

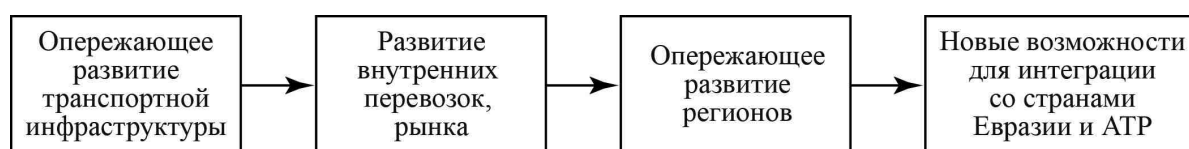
Трубопроводный транспорт Дальнего Востока и Байкальского региона динамично развивается в рамках единой трубопроводной инфраструктуры России.

Наиболее важной особенностью функционирования электроэнергетики Дальнего Востока является технологическая изолированность ее работы вследствие недостаточной связи с Единой энергосистемой России. Кроме того, электроэнергетика Дальнего Востока состоит из нескольких изолированных друг от друга крупных энергообъединений, большого количества мелких энергоузлов и энергорайонов, централизованно снабжающих потребителей электроэнергией, а также из районов децентрализованного энергоснабжения с небольшими объемами энергопотребления, не имеющих электрических связей с энергосистемой из-за значительной удаленности от нее. Это приводит к снижению надежности

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Транспортная_система_России

электроснабжения потребителей и необходимости содержания увеличенного по сравнению с другими энергосистемами страны резерва генерирующей мощности, составляющего более 23% максимальной нагрузки. Отсутствие возможности выдачи имеющейся в настоящее время избыточной электроэнергии и мощности тепловых электростанций в соседние регионы приводит к недоиспользованию мощности теплоэлектростанций и снижению эффективности их работы¹.

В евразийской стратегии России изначально принципиально важно политически сформулировать существующую взаимосвязь между политикой евразийской интеграции, опережающим развитием восточных регионов России и еще более быстрыми темпами развития транспортной инфраструктуры. Схематично эта взаимосвязь выражается в следующей последовательности.

Таким образом, главным и первым импульсом в стратегии евразийской интеграции должно стать опережающее развитие транспортной инфраструктуры – дорог, сервисных центров, магазинов, складов, таможенных терминалов и т.п.

¹ Конкурентные преимущества и угрозы Дальнего Востока и Байкальского региона / Федеральный портал Protown.ru / URL: <http://protown.ru/information/hide/7734.html>

б). Потерянные конкурентные преимущества России в Евразии

В настоящее время новый технологический уклад переходит из «эмбриональной» фазы развития в фазу роста ... расходы на освоение новейших технологий ... растут в передовых странах с темпом около 35% в год¹

*С. Глазьев,
советник Президента России*

... сформировать новую общечеловеческую цивилизацию и, став флагманом новой, постзападной эпохи, создать предпосылки для вечного развития всего человечества в мире, где Китай будет помощником и наставником каждого²

*Ван Ивэй,
эксперт*

Считается, что географическое расположение России автоматически дает ей конкурентные преимущества с точки зрения направленности мировых потоков. Это не в полной мере соответствует действительности, если такие конкурентные преимущества не используются. Так, развитие морских перевозок, строительство огромных высокоскоростных контейнеровозов фактически сводит на нет преимущества ж/д прямого сообщения с Западом на Восток и наоборот. Но и морские перевозки, планируемые по СМП, также столь очевидно конкурентоспособны из-за необходимости привлечения ледокольного флота, потери скорости, утяжеления класса судов и т.п. Из этого следует простой вывод: сами по себе географические преимущества не реализуются. Их надо развивать как технологически, так и политически. Поэтому не используемые преимущества означают в конечном счете их потерю не только потенциально, но и фактически, уже сегодня.

Соответственно и любые планы «движения на восток» должны быть планами быстрого и эффективного использования имеющихся (пока еще не потерянных) преимуществ.

Существует множество идей перенесения центра экономической и политической активности на восток – в Западную или Восточную Сибирь, Забайкалье или на Дальний Восток. Одна из них принадлежит Ю. Крупнову, полагающему, что именно юг Западной Сибири должен стать не только географическим, но и политическим и экономическим центром России. Для начала он предлагает изменить названия

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 7–8 / URL: <http://viperson.ru/>

² Ван Ивэй. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей» («Жэньминь жибао», Китай) / Эл. ресурс: «ИноСМИ». 2013. 14 января / URL: <http://www.inosmi.ru>

федеральных округов, привязав их к географическому центру страны, находящемуся в Западной Сибири¹.

«Конкурентные преимущества Дальнего Востока и Байкальского региона – это прежде всего экономико-географическое расположение (в первую очередь кратчайшие транспортные маршруты Восток – Запад) в Азиатско-Тихоокеанском регионе, огромные запасы природных ресурсов (рудные и нерудные полезные ископаемые, водные биологические ресурсы, а также гидроэнергетические, лесные, рекреационные и другие ресурсы), наличие протяженного морского побережья и внешней границы как возможности для социально-экономического сотрудничества, развитой "базовой" портовой инфраструктуры, привлекательных туристических активов, а также близость к крупнейшим мировым туристическим рынкам»¹. Эта оценка – характерна для современного подхода к восточной политике вообще и восточным регионам, в частности. Между тем главные конкурентные преимущества, которые до сих пор недооценены, вытекают из характера современного этапа развития человечества, а именно:

– перехода на новый технологический этап и уровень социального развития, когда творческие возможности человека, принципиально новые технологии, а также институты развития НЧП (как государственные, так и общественные) уже играют решающую роль. В том числе и прежде всего в восточных регионах России. Как справедливо считает С. Глазьев, «...Но для «инвестиционного прорыва» само государство и бизнес должны перестать «обескровливать» экономику, вывозя и складировав в практически бездоходных западных финансовых инструментах сотни миллиардов долларов (при том, что бизнес потом их занимает на мировом рынке уже под реальные 6–9% годовых). Корабль с такими дырами ниже ватерлинии далеко не уплывет! Особенно когда все сделки и споры между членами его команды решаются в чужой юрисдикции. Оффшоризация прав собственности и правоотношений становится особенно опасной в период глобальной нестабильности, начавшейся в западных странах, а также в рамках борьбы Совета по финансовой стабильности, G8 и G20 с «налоговыми райками» и международными коррупционными потоками.

¹ Конкурентные преимущества и угрозы Дальнего Востока и Байкальского региона / Федеральный портал Protown.ru / URL: <http://protown.ru/information/hide/7734.html>

Политика модернизации и развития российской экономики должна исходить из четкого понимания структурных изменений и перспектив глобального социально-экономического развития и выявления национальных конкурентных преимуществ, активизация которых способна обеспечить устойчивый и быстрый рост производства на формирующейся новой волне экономического подъема. Меры по преодолению последствий глобального кризиса должны быть согласованы со стратегическими задачами социально-экономического развития»¹. Каковы же эти задачи?

– другой особенностью современного этапа в развитии человечества является перенос экономического, политического, торгового и финансового «центра мира» в АТР, сопровождающийся тектоническими сдвигами в цивилизационной и военной конкуренции. Это также должно быть осознанно в России, где предстоит неизбежно принять масштабные, даже глобальные решения по переносу эпицентра деятельности нации с запада на восток;

– третья особенность заключается в том, что транспортная и иная инфраструктура восточных регионов России и СМП могут превратиться из неудобного транзита в инфраструктуру развития мирового значения даже более важного, чем Панамский или Суэцкий каналы;

– наконец, четвертая особенность заключается в необходимости отказа от догоняющей модели развития и переходу к рывку.

К сожалению, мы безударно потратили последние 20 лет, отставая все больше и больше от передовых стран и сползая к сырьевой модели развития. Сегодня эта модель господствует по всей России, но более всего в восточных регионах.

«Преуспеют те, кто быстрее сможет выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних фазах развития. И, наоборот, по мере формирования новых технологических траекторий вход на них будет становиться все дороже.

В настоящее время новый технологический уклад переходит из «эмбриональной» фазы развития в фазу роста. Его расширение

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 6 / URL: <http://viperson.ru>

сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Однако, несмотря на кризис, расходы на освоение новейших технологий и масштаб их применения растут в передовых странах с темпом около 35% в год. Фондовые индексы высокотехнологических компаний растут быстрее средних показателей. Кризис закончится перетоком значительной части оставшегося после коллапса финансовых пузырей капитала в производства нового технологического уклада.

После структурной перестройки экономики ведущих стран на его основе, которая продлится еще 3–7 лет, начнется новая длинная волна экономического роста. При этом баланс негативных и позитивных эффектов будет определяться скоростью роста новых производств, компенсирующих сжатие устаревающей части экономики»¹.

«... Вследствие длительного периода деградации обрабатывающей промышленности в мировом разделении труда Россия стала играть роль сырьевого придатка или поставщика сырья для относительно развитых стран. Ее доля в мировом экспорте товаров составляет всего 2,5%, а на рынках высокотехнологической продукции – около 0,2%. Недопустимо низким остается уровень инновационной активности: в инновационные процессы вовлечено лишь около 10% предприятий. На исследования и разработки Россия тратит вчетверо меньше средств, чем Китай, и в 40 раз меньше, чем США и их союзники (страны НАТО, Республика Корея, Япония и Израиль)»².

Отсутствие четкой государственной стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона создает опасность превращения этой территории только в источник энергоносителей и сырья для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Не будет реализован интегрирующий потенциал России в системе экономических и пространственных связей Азии и Европы. Эта реальная угроза, вытекающая из либерального подхода, свойственного власти еще в 90-е годы, о котором Ю. Крупнов справедливо сказал следующее: «Очевидный провал в России

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 7 / URL: <http://viperson.ru/>

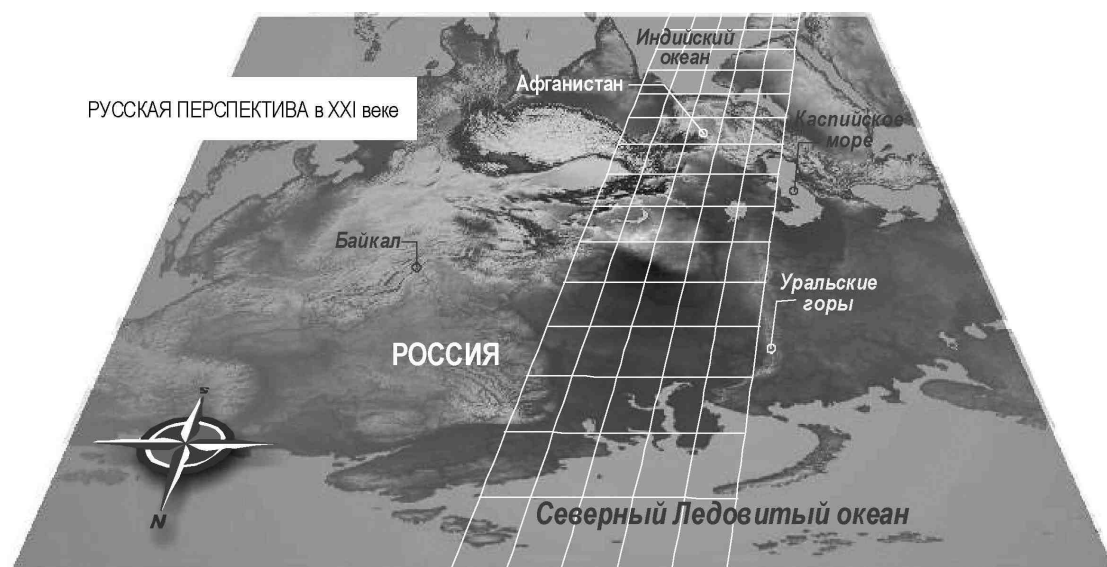
² Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 7 / URL: <http://viperson.ru/>

неолиберального проекта, запущенного четверть века назад, и столь же очевидная неспособность страны уйти от сырьевой зависимости и запустить новую индустриализацию — эти два фундаментальных факта требуют от нас ответа по существу на неприятный вопрос: способны ли мы к достойному хозяйственному участию в мировой жизни?

Наше геоэкономическое и хозяйственное поражение давно уже получило концептуально-доктринальное обоснование, по сути приговор, в утверждении научного руководителя Высшей школы экономики Евгения Ясина, постулировавшего, что «традиционные русские ценности во многом привлекательны, но в целом низкопродуктивны».

Мы же утверждаем, что русские ценности являются не просто продуктивными, но сверхпродуктивными, что вопреки климатическим и геополитическим негативным условиям неоднократно доказывал наш народ.

И в ближайшие двадцать лет Россия имеет все возможности продемонстрировать это, создав в Западной Сибири новый планетарный центр индустриализации и производства общественного богатства, связав по материку два океана — Северный Ледовитый и Индийский в новый макрорегион, определив русскую перспективу на XXI век»¹.

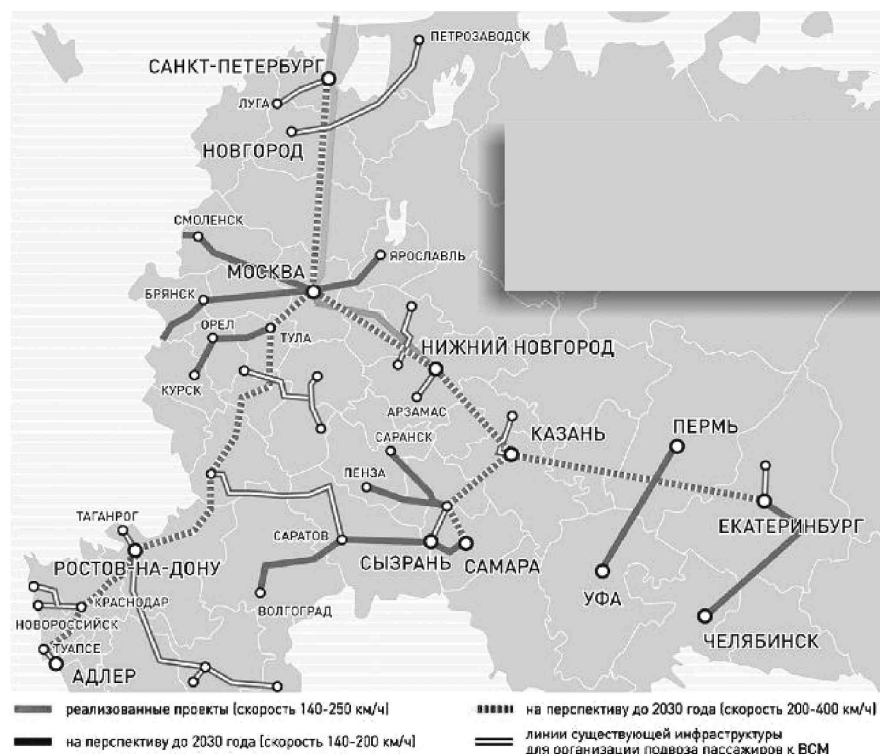
¹ Крупнов Ю. Сибирь – новая Центральная Россия, или как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты / Международное движение развития Института демографии, миграции и регионального развития. Проектно-аналитический доклад. М. 2013. С. 3.

Реальное противодействие потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе может оказать лишь особая стратегия комплексного социально-экономического развития этой территории, ориентированная на ускоренный рост (на инновационной основе) экономического потенциала этой части страны, на реализацию интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также закрепление населения путем формирования комфортной среды обитания и оптимизацию системы расселения.

Глобальный экономический контекст экономического и геополитического прорыва России в Азиатско-Тихоокеанском регионе предполагает в долгосрочной перспективе особые характеристики развития Дальнего Востока и Байкальского региона.

Главными проблемами, сдерживающими реализацию экономического потенциала Дальнего Востока и Байкальского региона, являются их экономическая и инфраструктурная изоляция от остальной части России и наиболее развитых российских рынков, низкая внутренняя транспортная связь территории при ее огромных размерах, очаговый характер расселения с низкой плотностью населения, специфичность условий ведения сельского хозяйства, высокая затратность, дотационность и сезонность обеспечения завоза грузов для арктических и северных районов Дальнего Востока. К сожалению, существующие планы развития транспортной инфраструктуры России в восточных регионах не соответствуют потребностям и масштабам задач. Очевидно, что правительство делает по-прежнему основной упор на развитии транспортной сети в европейской части России, концентрируя во все большей степени грузопотоки и транспортные артерии вокруг Москвы, Санкт-Петербурга и европейской части. Это хорошо видно на примере планов развития высокоскоростных магистралей РЖД.

Показательно, что предлагаемая на сегодня РЖД «Схема развития высокоскоростного железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года» обрывается на Южном Урале, на Челябинске – наглядно подчёркивая вынесение Сибири «за скобки».

Это свидетельствует об отсутствии общегосударственного подхода к транспортному развитию, что ведёт к ведомственному вписыванию высокоскоростного транспорта в существующие потоки вне понимания необходимости создания планетарного центра новой индустриализации в России и вне представлений о будущем Сибири¹.

К числу сдерживающих развитие внутренних факторов также относятся высокая составляющая транспортных затрат при перевозке грузов и пассажиров между дальневосточными регионами и остальной частью России, экстремальные природно-климатические условия, наличие изолированно работающих энергосистем и энергорайонов, затратность и неэффективность структуры энергоисточников. Неразвитая энергетическая и транспортная инфраструктура прямо или косвенно продолжает оставаться основным ограничителем осуществления любых видов деятельности на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, причиной низкой конкурентоспособности произведенных продукции, товаров и услуг.

¹ Крупнов Ю. Сибирь – новая Центральная Россия, или как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты / Международное движение развития Институт демографии, миграции и регионального развития. Проектно-аналитический доклад. М. 2013. С. 14.

В этой связи в составе основных мероприятий, реализация которых повысит конкурентоспособность любых видов деятельности, даст возможность развития эффективной экономики и создания комфортных условий проживания на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, необходимо рассматривать:

- инвестиционные программы в сфере электроэнергетики Дальнего Востока, направленные на повышение надежности электроснабжения, устранение “узких мест” в технологических цепочках, развитие электросетевого хозяйства, создание новых генерирующих мощностей, обновление потенциала децентрализованной энергетики и снижение затрат на производство электро- и теплоэнергии, снижение потерь электро- и теплоэнергии;

- инвестиционные программы в сфере развития транспортной инфраструктуры, направленные на повышение транспортной доступности, пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, повышение качества транспортно-логистических услуг и интеграцию в международные транспортно-логистические системы.

Невысокая степень диверсификации и инновационности региональной экономики, имеющей ярко выраженную ресурсную направленность при низкой степени переработки природных ресурсов, – еще один ключевой фактор, сдерживающий развитие Дальнего Востока и Байкальского региона. В различных частях этой территории наблюдается также большой разрыв между условиями для ведения экономической деятельности и условиями жизни населения, низкое качество социальной инфраструктуры, низкий уровень жизни и, как следствие, отсутствие комфортных условий проживания в городах и поселках, не имеющих эффективных градообразующих производств»¹.

Россия «выпала» в последние три десятилетия из процесса формирования самого мощного центра силы в Евразии и АТР. Во многом она не только не усилила, но даже растеряла те конкурентные преимущества в регионе, которыми она обладала до 80-х годов XX века.

¹ Конкурентные преимущества и угрозы Дальнего Востока и Байкальского региона / Федеральный портал Protown.ru / URL: <http://protown.ru/information/hide/7734.html>

Тому было много причин, среди которых важно выделить главную, не устранив которую невозможно избежать повторения ошибок и исправить негативные последствия. Такой главной причиной является утрата Россией на несколько десятилетий идеологии развития и соответственно стратегии развития страны, которые, в свою очередь, привели к той геополитической катастрофе, в т.ч. в Евразии и АТР, в которой они оказались в начале XXI века.

Ближайшим последствием этой утраты идеологии развития стали:

- утрата идеологического лидерства, которым обладал СССР в Евразии и АТР, привлекательности системы ценностей и модели политического и экономического развития;

- утрата стратегической перспективы и понимания роли России в Евразии и АТР, означавшая, что Россия добровольно уступила эту роль КНР, Сингапуру, Японии, США и другим странам региона.

Именно Китай, разработав такую идеологию, стратегию и модель развития стал лидером Евразии и АТР, заявив во втором десятилетии XXI века о своих претензиях на роль «учителя» других стран не только в региональном, но и глобальном масштабе.

Прежде чем говорить о возвращении этой политико-идеологической роли необходимо остановиться на тех последствиях, которые наступили для России в регионе в результате потери идеологического лидерства.

В политической области развал СССР, неадекватная внешняя и военная политика существенно были, если ни подорваны, позиции России на Дальнем Востоке и АТР.

В демографической области ситуация характеризуется депопуляцией и деинтеллектуализацией российских регионов. Плотность населения сегодня составляет от 0,1 до 12,1 человека на 1 кв. км (в среднем 1,4 чел.).

В промышленной и экономической области положение регионов определяется как деиндустриализация, падение НЧП и роли обрабатывающих отраслей промышленности.

В военной области ситуацию можно охарактеризовать как превращение России из глобальной державы в «регионального игрока» средней руки, уступающей существенно не только США, Китаю и Японии, но и развивающимся государствам АТР и Ю-В Азии.

В области ресурсов из транспорта, где Россия имеет огромные преимущества перед другими странами, эти преимущества были сведены к ничтожному минимуму. Прежде всего из-за внутриэкономической политики России. Так, известно, что «активная интеграция России в международную экономическую систему непосредственным образом касается транспортной отрасли. Эта интеграция происходит по трем основным направлениям: экспорт, импорт, транзит. Однако именно **внутренние перевозки в большей степени влияют на развитие транспортной инфраструктуры и системы в целом.** Поэтому необходимо не только способствовать развитию грузоперевозок внутри страны, но и стимулировать транзитную роль России на Евразийском континенте»¹, – писала еще в 2009 году Е. Кузнецова.

К сказанному важно добавить, что процесс евразийской интеграции также будет непосредственно зависеть от темпов развития восточных регионов, способности нашей страны выступить конкурентом США и Китаю в лидерстве в евразийской интеграции.

Все последние десятилетия являлись примером того, как политическая элита России недооценивала значение восточных регионов страны для национального и государственного развития. Если говорить коротко, то приоритетность этой части России просто игнорировалась.

К 2012 году структура экономики России, имеющая очевидно сырьевой характер, вынуждена учитывать то, что более 50% доходов бюджета формируется за счет экспорта сырья, которое, как известно, находится в регионах Сибири и Дальнего Востока. Однако, по замечанию Председателя Правительства РФ Д. Медведева, «государство фактически не занимается развитием Дальнего Востока»². За последние 5 лет, например, в рамках ФЦП по развитию Дальнего Востока и Забайкалья было выделено всего 300 млрд руб., а еще 110 млрд руб. было обещано выделить в ближайшие 2 года. Получается, что на 1 кв. км региона

¹ Кузнецова Е. Конкурентные преимущества транспортной отрасли России в период мирового экономического кризиса // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. 2009. № 49. С. 91.

² Наумов И. Третью России превращает в безлюдную пустыню // Независимая газета. 2012. 3 июля. С. 1.

выделяется 50 рублей в 5 лет. Не удивительно, что с 1991 года население региона сократилось с 8 млн до 6 млн человек¹.

Не удивительно и то, что восточные регионы (за исключением Республики Саха) относятся к группе отстающих аграрно-промышленных регионов в рейтинге социально-экономического положения регионов по итогам 2011 года².

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2011 года

Место в рейтинге по итогам 2011 года	Субъект РФ	Интегральный рейтинг	Место в рейтинге по итогам 2010 года		Место в рейтинге по итогам 2011 года	Субъект РФ	Интегральный рейтинг	Место в рейтинге по итогам 2010 года
1	г. Москва	82,16	1		43	Курская область	41,65	43
2	г. Санкт-Петербург	73,84	2		44	Алтайский край	41,35	40
3	Ханты-Мансийский АО	72,63	3		45	Калининградская область	41,05	47
4	Тюменская область	72,63	4		46	Ульяновская область	39,72	44
5	Московская область	64,85	6		47	Тамбовская область	39,06	54
6	Ямало-Ненецкий АО	62,59	5		48	Ненецкий АО	38,55	н.д.
7	Свердловская область	60,7	8		49	Чувашская Республика	37,69	53
8	Красноярский край	60,06	7		50	Кировская область	37,59	45
9	Республика Татарстан	58,32	10		51	Амурская область	37,58	50
10	Белгородская область	58,05	16		52	Новгородская область	37,29	51
11	Ленинградская область	57,39	13		53	Рязанская область	37,1	55
12	Республика Башкортостан	57,07	9		54	Тверская область	36,74	48
13	Краснодарский край	56,8	11		55	Республика Карелия	35,53	58
14	Пермский край	56,43	15		56	Смоленская область	34,95	49
15	Самарская область	56,41	12		57	Камчатский край	34,86	56
16	Сахалинская область	53,55	18		58	Магаданская область	34,62	67
17	Кемеровская область	53,44	21		59	Пензенская область	34,6	52
18	Нижегородская область	53,19	17		60	Брянская область	34,33	57
19	Челябинская область	52,62	14		61	Республика Бурятия	34,26	59
20	Оренбургская область	51,85	20		62	Орловская область	33,95	61

¹ Там же.

² Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2011 / М.: РИА Рейтинг, 2012. С. 9–10.

21	Ростовская область	51,85	19		63	Забайкальский край	33,04	60
22	Республика Коми	51,67	23		64	Астраханская область	33	63
23	Республика Саха (Якутия)	51,58	22		65	Республика Хакасия	30,58	62
24	Иркутская область	50,23	31		66	Курганская область	30,32	65
25	Новосибирская область	49,71	24		67	Республика Дагестан	29,47	64
26	Омская область	49,7	26		68	Чукотский АО	29,37	72
27	Липецкая область	49,43	25		69	Псковская область	28,7	69
28	Калужская область	47,54	28		70	Ивановская область	27,84	68
29	Хабаровский край	47,15	27		71	Республика Мордовия	27,84	66
30	Тульская область	46,62	39		72	Республика Марий Эл	25,5	70
31	Приморский край	46,51	36		73	Костромская область	24,95	71
32	Воронежская область	46,1	35		74	Республика Адыгея	24,64	73
33	Томская область	45,92	30		75	Кабардино-Балкарская Республика	22,13	74
34	Владимирская область	44,68	37					
35	Волгоградская область	44,59	29		76	Карачаево-Черкесская Республика	18,59	76
36	Ярославская область	43,63	41					
37	Ставропольский край	43,14	32		77	Еврейская АО	17,52	75
38	Мурманская область	43,14	33		78	Республика Тыва	16,2	78
39	Удмуртская Республика	42,71	46		79	Республика Калмыкия	15,01	80
40	Вологодская область	42,59	38		80	Республика Алтай	14,59	77
41	Архангельская область	42,37	34		81	Республика Ингушетия	14,51	81
42	Саратовская область	41,88	42		82	Республика Северная Осетия–Алания	13,72	79

**Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ *
по итогам 2011 года по группам регионов с учетом отраслевой
специализации экономики**

Финансово-экономические центры

	Субъект РФ	Рейтинг в группе
1	г. Москва	74,28
2	г. Санкт-Петербург	48,92
3	Московская область	4,78

Экспортно-ориентированные регионы

	Субъект РФ	Рейтинг в группе
1	Ханты-Мансийский АО	69,42
2	Тюменская область	61,71
3	Ямало-Ненецкий АО	60,02
4	Сахалинская область	34,95
5	Республика Коми	27,05
6	Республика Саха (Якутия)	24,48
7	Ненецкий АО	21,33

Аграрно-промышленные регионы

	Субъект РФ	Рейтинг в группе
1	Краснодарский край	76,28
2	Оренбургская область	66,08
3	Воронежская область	60,39
4	Волгоградская область	58,95
5	Ставропольский край	57,13

Промышленные регионы

	Субъект РФ	Рейтинг в группе
1	Свердловская область	71,01
2	Красноярский край	70,18
3	Белгородская область	67,32
4	Республика Татарстан	67,23
5	Ленинградская область	63,97

6	Курская область	56,79
7	Саратовская область	55,34
8	Ульяновская область	53,79
9	Алтайский край	52,81
10	Тамбовская область	52,14
11	Амурская область	51,32
12	Кировская область	50,17
13	Чувашская Республика	49,76
14	Пензенская область	48,06
15	Орловская область	46,95
16	Магаданская область	46,78
17	Камчатский край	46,44
18	Республика Бурятия	46,11
19	Забайкальский край	45,86
20	Брянская область	45,67
21	Астраханская область	45,17
22	Чукотский АО	41,45
23	Курганская область	40,97
24	Республика Мордовия	39,57
25	Псковская область	39,44
26	Республика Дагестан	38,55
27	Республика Марий Эл	35,35
28	Республика Адыгея	34,41
29	Кабардино-Балкарская Республика	29,45
30	Карачаево-Черкесская Республика	25,20
31	Еврейская АО	23,45
32	Республика Тыва	21,09
33	Республика Северная Осетия–Алания	20,70
34	Республика Калмыкия	19,57
35	Республика Алтай	19,34
36	Республика Ингушетия	18,45

6	Самарская область	63,73
7	Республика Башкортостан	61,54
8	Пермский край	60,23
9	Челябинская область	56,56
10	Нижегородская область	55,41
11	Кемеровская область	55,38
12	Ростовская область	51,68
13	Липецкая область	49,99
14	Омская область	49,61
15	Новосибирская область	48,87
16	Калужская область	46,84
17	Хабаровский край	44,86
18	Иркутская область	43,84
19	Тульская область	43,26
20	Томская область	41,72
21	Ярославская область	41,18
22	Приморский край	41,10
23	Архангельская область	40,49
24	Вологодская область	39,69
25	Удмуртская Республика	39,38
26	Владимирская область	39,16
27	Мурманская область	38,89
28	Калининградская область	36,95
29	Тверская область	28,89
30	Новгородская область	28,78
31	Рязанская область	27,71
32	Республика Карелия	27,58
33	Смоленская область	23,18
34	Ивановская область	16,44
35	Республика Хакасия	14,85
36	Костромская область	11,99

*Рейтинговый балл, приведенный в таблицах по группам, рассчитывался в диапазоне от 0 до 100 по выборке, включённой в группу, и позволяет сравнивать позиции только в рамках каждой конкретной группы

К сожалению, эта же структура экономики характеризуется низкой долей НЧП, прежде всего из-за низкого удельного веса науки, образования, здравоохранения и социальных услуг, что хорошо видно из следующих сопоставлений¹.

Структура экономики ряда стран мира, в постоянных ценах, (в % к ВВП)

Страна	Обрабатывающая	Добывающая промышленно	Внутренняя торговля	Финансовый сектор,	Здравоохранение,

¹ *Примаков Е.М.* Нам нужна новая индустриализация // Российская газета. 2012. 9 июня. С. 6.

	промышленно сть	сть		включая операции с недвижимостью	образование, социальные услуги
США	15,4	0,9	16,8	32,2	14,6
Канада	15,0	5,2	14,6	26,5	13,9
Норвегия	10,7	8,8	17,2	18,4	13,6
Австралия	9,8	7,6	12,8	29,5	14,4
Индия	14,5	1,8	14,7	13,7	7,4
Бразилия	15,1	2,1	18,7	16,3	11,6
ЮАР	15,9	5,0	13,8	22,0	3,4
Китай	32,8	5,6	9,4	9,5	15,3
Россия	14,1	5,7	27,0	16,7	6,5

Структура экономики Дальнего Востока отражена и в структуре экспорта и импорта региона, что хорошо видно из следующих данных¹

**Товарная структура экспорта Дальнего Востока России
в страны СВА, млн долл.**

Товарная группа	Китай		Республика Корея		Япония	
	2000	2008	2000	2008	2000	2008
Экспорт, всего	1071,8	1891,2	709,1	5770,2	725,0	4392,0
Машины, оборудование, транспортные средства	392,6	46,0	8,2	27,8	11,5	22,1
Топливо, минеральное сырье, металлы	279,6	404,2	424,1	4922,3	141,9	3792,4
уголь	0,3	3,1	23,8	15,3	115,6	105,1
нефть	170,8	158,6	338,7	4466,0	0,0	3519,3
нефтепродукты	5,0	155,1	0,2	46,7	0,1	99,3
черные металлы	51,9	14,7	58,6	379,1	6,1	10,1
цветные металлы	43,8	34,2	0,3	5,9	6,6	29,1
Продукция химической промышленности	2,2	19,8	0,9	4,0	1,9	19,6
Строительные материалы	0,0	2,5	0,0	0,0	0,0	0,0
Сырье и продукты его переработки	123,8	1052,2	59,9	78,6	249,0	204,4
лесоматериалы	123,6	1051,6	59,9	78,6	249,0	204,4
Пищевкусовые товары	91,2	348,6	204,0	737,0	315,8	350,8
рыба и морепродукты	69,1	345,7	195,7	735,1	310,4	347,9
Промышленные товары народного потребления	27,6	1,8	10,9	0,3	0,0	0,3
Прочие	154,9	16,2	1,1	0,2	4,9	2,4

¹ Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 141.

Многие конкурентные преимущества России в Евразии потеряны. Но хотелось бы верить, что они будут восстановлены.

в). Потенциальные возможности евразийской стратегии России на Востоке

Создание интеграционных объединений расширяет возможности российской экономики ..., увеличивает масштаб деятельности и конкурентные преимущества российских предприятий¹

*С. Глазьев,
советник Президента России*

В условиях децентрализации глобальной системы управления укрепляется ее региональный уровень как основа – наряду с ООН – полицентричной модели, воплощающей многообразие мира, его неоднородность и многоукладность²

*Концепция внешней политики
Российской Федерации (в ред. 2013 г.)*

Пока что российский потенциал восточных регионов крайне скупо используется для развития страны. Он составляет, например, 1–2% от всей торговли страны, но, что еще более важно, не ведет к развитию восточных регионов, в которых наблюдается очень медленный рост ВВП преимущественно за счет вывода необработанного сырья. В результате Россия так и не стала серьезным экономическим игроком в АТР, где ее доля в экспорте в сотни раз меньше, чем у США, Китая или Японии.

Примечательно, что интеграция, ставшая расхожим термином в последние годы, так и не превратилась в политику России в Евразии и АТР, ограничившись пространственно Казахстаном и Белоруссией. Между тем перспектива интеграции в АТР, прежде всего со странами АСЕАН, значительно более весомая: если Россия (через свои восточные регионы) станет субъектом интеграционных процессов в мировом центре силы – АТР, – то это повлияет на всю страну, включая не только ее азиатскую, но и европейскую часть. Более того, такое развитие поможет России укрепить свои позиции на всем постсоветском пространстве и в Европе.

Наконец, расширение пространственного охвата неизбежно позитивно скажется на росте темпов ВВП страны, которые в 2013 годы замедлились, в преодолении последствий кризиса 2008–2012 годов. Эту взаимосвязь С. Глазьев описал следующим образом: «Важным направлением антикризисной стратегии является расширение

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 27 / URL: <http://viperson.ru/>

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом России В.В. Путиным 13 февраля 2013 г. / URL: <http://президент.рф>

внутреннего рынка путем создания Таможенного союза и, в последующем, единого экономического пространства ЕврАзЭС. Создание интеграционных объединений расширяет возможности развития российской экономики, повышает ее устойчивость к внешним шокам, увеличивает масштаб деятельности и конкурентные преимущества российских предприятий. Реализуя общую антикризисную стратегию, государства ЕврАзЭС повышают свои возможности выхода из кризиса на траекторию опережающего развития.

После принятия всех перечисленных выше мер возможно наращивание денежного предложения как необходимое условие поддержания внутреннего спроса, подъема инвестиционной и инновационной активности»¹.

Объективный процесс стремительного усиления экономического и политического центра силы в Юго-Восточной Азии и АТР пока что не сопровождается таким же процессом в России. Очевидно, что некоторые шаги, предпринятые в последние годы российским руководством по развитию регионов Дальнего Востока явно недостаточны. Складывается не просто неадекватная ситуация отставания России от осознания и участия в этом процессе, но потенциальная угроза ее национальным интересам на Дальнем Востоке и в АТР.

Между тем географическое и геополитическое положение России в этом регионе предоставляет ей огромные политические, военные и экономические преимущества, которые – в случае их использования – могут дать мощный толчок в развитии всей страны. Другими словами, опережающее развитие восточных регионов России это **не региональная**, а общенациональная проблема, требующая такого же общенационального подхода. Этот масштаб характеризуется следующими обстоятельствами, которые в конечном счете имеют колоссальные экономические и социальные последствия, превосходящие даже последствия Северной войны начала XVIII века и продвижения России на северо-западе Европы.

С политической точки зрения очевидно, что формирование нового, самого влиятельного центра силы произойдет уже в ближайшем

¹ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Новый курс: стратегия прорыва / Научный доклад. М.: РАН, 2012. Ноябрь. С. 27 / URL: <http://viperson.ru/>

десятилетия в Ю-В Азии и АТР. Этот центр силы будет не просто самым мощным и влиятельным региональным центром силы в Евразии, но во многом и определяющим глобальную повестку дня как в области политики и безопасности, так и в области экономики. Как справедливо отмечено в новой редакции Концепции внешней политики России от 2013 года, «Новые центры экономического роста и политического влияния все чаще и увереннее берут на себя ответственность за дела в своих регионах. Региональная интеграция становится действенным инструментом повышения конкурентоспособности ее участников. Сетевые форматы и объединения, торговые пакты и иные экономические договоренности, усиление роли региональных резервных валют являются факторами укрепления безопасности и финансово-экономической стабильности»¹.

Россия пока что слабо использует свои конкурентные преимущества в этом регионе, а значит ее влияние на этот новый центр силы явно недостаточно. Если в политической области можно говорить о развитии контактов по линии «Москва–Пекин», то в экономической области их развитие на федеральном уровне очевидно не компенсирует возможные трансграничные и региональные экономические возможности. Даже то, что КНР является крупнейшим внешнеторговым партнером России на самом деле по своим масштабам несопоставимо с торговым оборотом КНР с США, Японией и Западной Европой.

С точки зрения военной позиции России в регионе выглядят слабыми и даже слабеющими не только по сравнению с КНР, США или Японией, но и Филиппинами, Индонезией и даже Вьетнамом.

С экономической точки зрения, очевидно, что мы используем наши возможности крайне слабо. Достаточно сказать, например, что торговый оборот КНР с Тайванем (несмотря на сложные политические отношения) значительно превышает оборот России и КНР. Его рост сдерживается прежде всего неразвитостью собственно восточных регионов России, отсутствием значительных межрегиональных и трансграничных проектов.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом России В.В. Путиным 13 февраля 2013 г. / URL: <http://президент.рф>

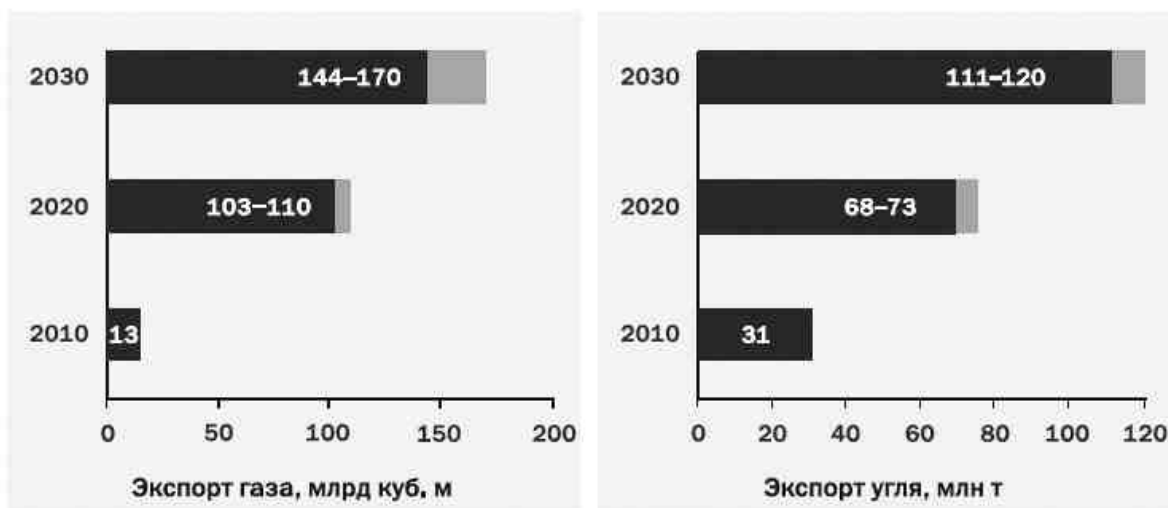

Уровень политического и экономического влияния России в Ю-В Азии и АТР неизбежно негативно отражается на двух других важнейших аспектах:

- во-первых, уровне интеграции России в Евразии и АТР, который ограничен фактически уровнем политического сотрудничества федерального центра со столицами государств этого региона и абсолютно не соответствует темпам интеграции в Ю.-В. Азии и АТР;
- во-вторых, на уровне развития инфраструктуры, особенно транспортных коридоров, которая носит зачаточный характер. КНР, например, за 20 лет сделал в этой области колоссальный скачок.

Поставки газа в значительной мере будут определяться как развитием транспортной инфраструктуры, так и договоренностью по ценам, объемам и маршрутам. У России нет задачи обеспечить экспорт газа в АТР любой ценой, поэтому в зависимости от позиций стран-реципиентов поставки на рынки Китая (включая Тайвань), Японии, Кореи, Тихоокеанского побережья Америки, Монголии могут составить, по ряду оценок, к 2020 г. 103–110 млрд куб. м, к 2030 г. 144–170 млрд куб. м.

Экспорт газа и угля из России в АТР в 2010 г. и прогноз до 2030 г.

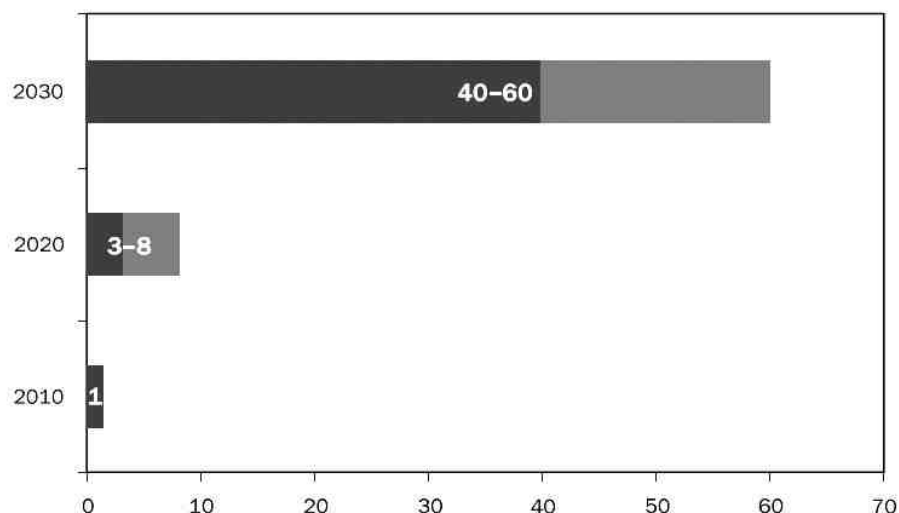

В перспективе будет происходить наращивание поставок СПГ в рамках проекта «Сахалин-2», организован экспорт из месторождений проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-3», с завода СПГ в Приморском крае, а также по магистральным газопроводам «Алтай» (Западная Сибирь–Западный Китай) и Восточная Сибирь – Дальний Восток – Северо-Восток Китая). После 2020 г. начнется промышленная добыча нефти и газа в рамках проектов «Сахалин-4» и «Сахалин-5», а также с месторождений, прогнозируемых к открытию на западнокамчатском шельфе Тихого океана. После 2025 г. возможно начало освоения ресурсов углеводородов на участках континентального шельфа «Сахалин-6» – «Сахалин-9» и восточного крыла Северного Ледовитого океана (Чукотского моря, моря Лаптевых, Восточно-Сибирского моря).

Экспорт угля на Тихоокеанский рынок может быть увеличен к 2020 г. до 68–73 млн т, к 2030 г. – до 111–120 млн т. Основные поставки из Кузбасса, КАТЭК, Южной Якутии, Тувы и других регионов Сибири и Дальнего Востока будут направлены в Китай, а также в Корею и Японию. Межгосударственные перетоки электроэнергии из России в АТР в зависимости от интенсивности реализации проектов развития генерирующих мощностей и создания энерготранспортной инфраструктуры могут составить в 2020 г. 3–8 млрд кВт-ч, в 2030 г. 40–60 млрд кВт-ч¹.

¹ См. Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 года); Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года (утверждена

Экспорт электроэнергии из России в АТР в 2010 г. и прогноз до 2030 г.

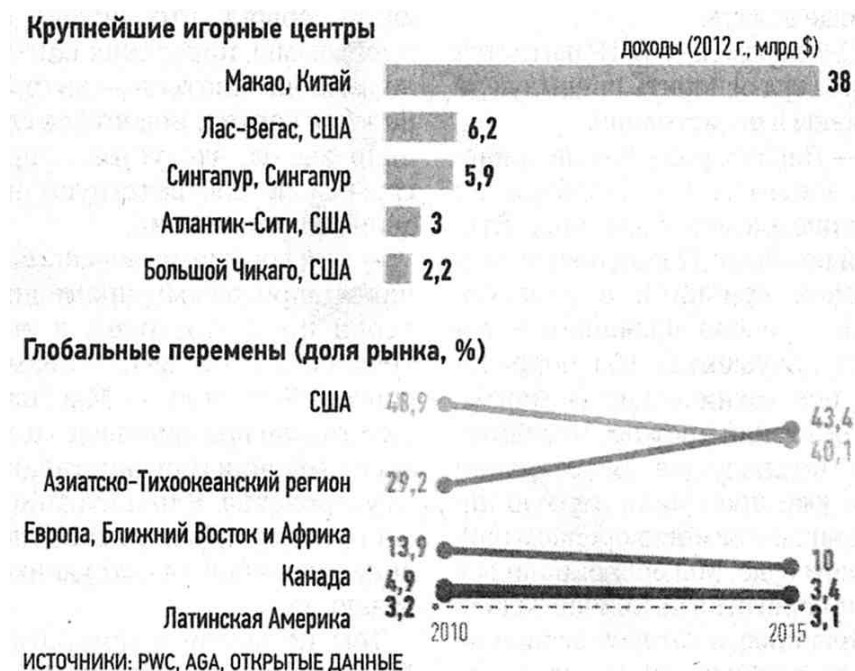

Интересы основных государств АТР в отношении сотрудничества с Восточной Сибирью и Дальним Востоком не ограничиваются только получением доступа к российским энергетическим и сырьевым ресурсам. Япония, Республика Корея, Малайзия, Сингапур готовы участвовать в модернизации портового хозяйства на Дальнем Востоке, включая создание инфраструктуры для экспорта зерновых, в повышении эффективности железнодорожного транспорта, прежде всего Транссиба, в организации производства горнодобывающей и сельскохозяйственной техники, а также электросилового оборудования.

Существует немало и других возможностей для развития Дальнего Востока и его связей с АТР. Так, администрация Приморского края подписала с группой компаний Melco из Макао соглашение об инвестировании \$700 млн в строительство развлекательной зоны «Приморье». Ожидается, что деньги обеспечат региону создание 20 тыс. рабочих мест и турпоток до 12 млн человек ежегодно.

распоряжением Правительства РФ от 5 июля 2010 года); Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2009 года); Коржубаев Л.Г., Филимонова И.В. Перспективы комплексного развития нефтяной и газовой промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока // Газовая промышленность. 2011. №6. С. 10-16; Энергетическая кооперация с АТР как фактор обеспечения экономических и геополитических интересов России в мире: предпосылки, стратегические ориентиры, проекты / А.Г. Коржубаев, И.И. Меламед, И.В.Филимонова, Л.В. Эдер и др. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. A long-term Vision of Natural Gas Infrastructure in North East Asia – 2009 year version / A.E. Kontorovich, A.G. Korzhubaev, B.G. Saneev, A.F. Safronov, L.V. Eder, I.V.Filimonova, A.N. Kalmychek et al. Tokyo: Asian Pipeline Research Society of Japan, 2009.

По прогнозам PWC, в 2015 году суммарная прибыль казино достигнет \$183 млрд. Рост (+18% ежегодно) ожидается только в Азии¹.

Как видно из рисунка, в 2013 году игровой бизнес в АТР уже превысил по своей доходности бизнес США, достигнув 43 млрд долл. Очевидно, что эта тенденция будет только усиливаться, как, впрочем, и тенденция «игрового туризма» со всеми вытекающими последствиями – строительством гостиниц, зон отдыха и привлечением дополнительных инвестиций.

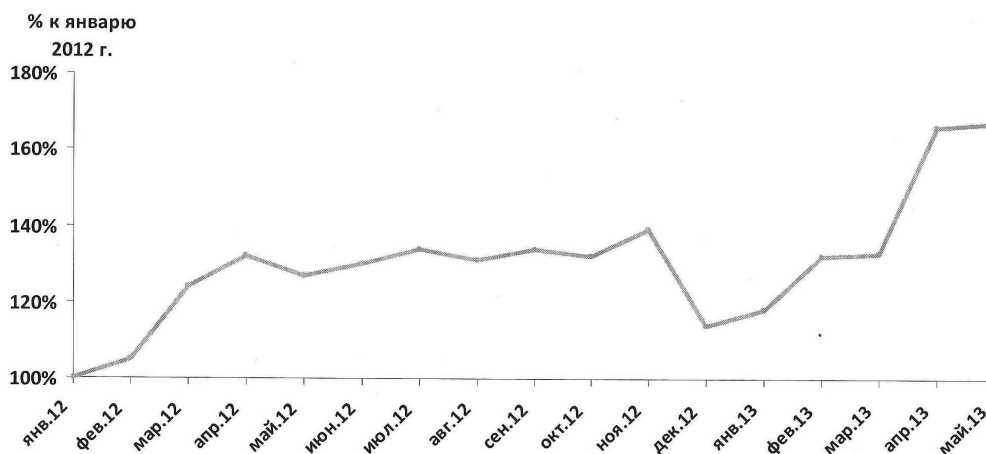
Для решения задач ускоренного подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока одним из главных аспектов является усиление политики государства, направленной на развитие транспортной и иной инфраструктуры этих регионов и повышение качества жизни населения. Особое значение в этой связи приобретают такие отрасли экономики, как информатика и связь.

Так, для восточных регионов России особое значение приобретает привлечение молодых специалистов из этих отраслей, готовых сменить место жительства. По оценке экспертов, сегодня уже имеются вакансии для 50% жителей других городов в возрасте 25–45 лет, спрос на которых стабильно превышает предложение².

¹ Полюхович А. Ставка на Приморье // Известия. 2013. 9 сентября. С. 1.

² Обзор российского рынка труда в IT-сфере. М.2013. 19 июля / URL: www.superjob.ru

Рост спроса на IT-специалистов

Это означает, что качественный человеческий капитал (при создании благоприятных условий может и должен перетекать в восточные регионы, которые должны обеспечить соответствующий спрос. Такой спрос может создать как федеральная и региональная власть, так и бизнес при соответствующем политическом подходе.

В данном контексте евразийство, – можно согласиться с академиком М. Титаренко, – не только традиция, но и вполне современное понятие: «Критики концепции евразийства – как парадигмы развития России – из стана «европеистов» пытаются дискредитировать евразийство, ссылаясь на исторический пример евразийства, возникшего после Первой мировой войны в 20– 30-е годы и носившего откровенный антизападный характер. Но это антизападничество вытекало из ситуации того времени.

1. Главная особенность евразийства – признание специфичности географического «места развития», международного положения и исторического происхождения российской цивилизации, основой и стержнем которой является русская культура, а языком общения – русский язык.

2. Евразийство признает полицентризм как общеметодологический принцип, взаимодействие, взаимодополняемость культур, отношений их взаимного влияния и взаимной учебы. Согласно евразийству, отношения между всеми культурами строятся по горизонтали на основе принципов соборности, равноправия, симфонизма и признания уникальности культур всех национальных этносов, даже насчитывающих несколько тысяч человек.

3. Евразийский принцип взаимоотношения культур строится на гармоничности их взаимодействия. В этом плане евразийство совпадает с конфуцианским подходом к культурному развитию, гармонии многообразия (*хэ эр бутун*) и даосской диалектикой взаимодействия противоположных явлений в природе и культуре (*хэ эр эр и, и фэн вэй эр*) – слияния противоположностей в единое и раздвоение единого на [новые] противоположности.

4. Евразийству присущ ряд закономерностей становления культур на основе принципов конвергентного синтеза, взаимного влияния и взаимной учебы. По своей структуре оно является многослойным, полиэтническим, полицивилизационным единством, обеспечивающим сосуществование различных этносов и различных культур как в рамках одного государства, так и в глобальных масштабах»¹.

В современной России сохраняются те же экономические и социальные предпосылки развития восточных регионов, которые сложились за последние столетия и десятилетия, а также те особенности, которые свойственны для современной социально-экономической политики страны. И прежде всего недооценка НЧП и его научно-технической и социальной составляющей. Как заметил эксперт Всемирного банка П. Линдхельм, «Конечно, покупать иностранные технологии, как это делает сейчас большинство российских компаний, проще. Но российские компании должны понимать, что это продукт “второй свежести”, то есть этим технологиям уже как минимум лет 10–15 – как раз столько времени уходит на то, чтобы разработать инновацию и вывести ее на рынок. Деньги нужно вкладывать в российские разработки. Только в этом случае у компании есть шанс занять лидирующие позиции на рынке. При этом преимущество, на мой взгляд, нужно отдавать высокотехнологичным “стартапам”, которые сейчас уже начали появляться. Кроме того, также не следует замыкаться на каком-то отдельном регионе. Нужно расти, выходя на глобальный уровень»².

¹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 91.

² Кривошапко Ю. Рубль в стиле хай-тек // Российская газета. 2012. 14 июня. С. 1.

г). Советский опыт опережающего развития восточных регионов

– Ну, бизнес у нас есть. Но количество инновационной продукции, которое выпускается в России, – всего 0,6%.

Теперь сами решайте, какой это бизнес и как ему нужна прикладная наука. Вот где важнейшая задача, которая, мне кажется, не решается содержательно министерством. Как создать такие условия, грубо говоря, чтобы мы стали Кореей?¹

*В. Фортков,
Президент РАН*

... закрытая, а, называя вещи своими именами, автаркичная модель развития региона себя исчерпала, и единственная (подчеркнем, единственная) возможность для сохранения устойчивости и конкурентоспособности состоит в его включении в сложившуюся экономику АТР²

Доклад «Валдайского клуба»

Вывод российских либералов о том, что «автаркическая модель исчерпана», оставляет, однако, открытым вопрос, на каких условиях будет происходить «включение российской экономики в экономику АТР»? Авторы Доклада «Валдайского клуба» (2012 г.) считают это абсолютным условием, приводя три «аксиомы»: несопоставимость экономического потенциала восточных регионов с экономиками стран АТР; отсутствие в будущем «бюджетного дождя» из-за отсутствия крупных международных предприятий; и «нехватка рабочей силы», требующая экспорта рабочих рук из-за рубежа³.

Однако все три аксиомы не вполне аксиоматичны и поэтому основной вывод вызывает сомнения. Так, несопоставимость экономических потенциалов (безусловно, существующая) может быть ликвидирована также, как это было сделано в имперской России и при СССР, если государство действительно будет в этом заинтересовано. Эта же заинтересованность может привести и к росту внутренних и внешних инвестиций. «Нехватка рабочих рук» также во многом внутренняя проблема, ибо безработица в восточных регионах сегодня выше, чем в среднем по стране, а миграция из европейской части России, так же как в имперской России и СССР, может быть массовой и многомиллионной.

¹ Фортков В. Создателям законопроекта хочется что-то изменить и доложить // Коммерсант. 2013. 16 сентября. С. 4.

² АТР и Россия: трезвый взгляд вместо утопий / Эл. ресурс: «ДВ-РОСС». 2012. 24 декабря / URL: <http://trud-ost.ru>

³ Там же.

Причем мы нередко недооцениваем возможности миграции из бывших советских республик. Так, например, большинство выезжающих в Россию граждан Киргизии имеют хорошее образование, которое им просто негде применить у себя на Родине, либо в центральных регионах.

2

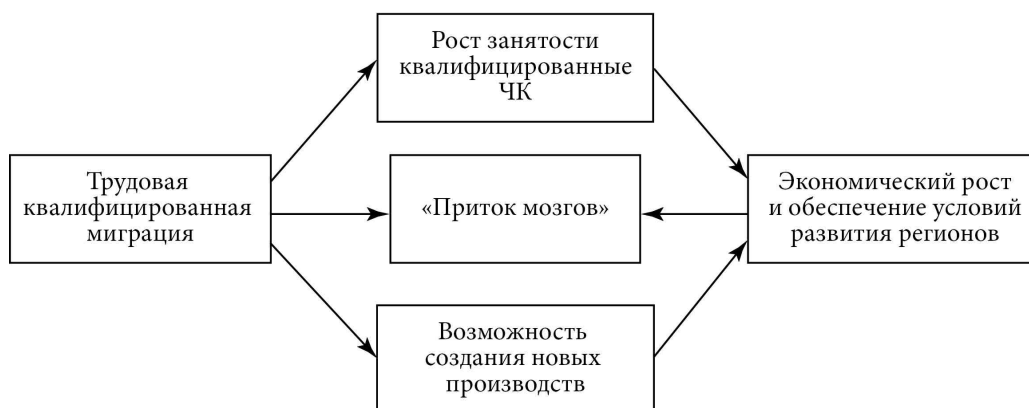
При этом последствия для Киргизии могут быть как положительные, так и отрицательные, но относительно восточных регионов России возможные плюсы существенно перевешивают минусы.

² Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны // ЦНИИ ЕАБР. 2013. Апрель.

**Последствия для человеческого капитала
отправляющей страны**

**Последствия для человеческого капитала
принимающей страны (восточных регионов)**

Гораздо важнее ответить на вопрос о том, по какой модели будут развиваться восточные регионы и, как следствие, какими субъектами в отношениях со странами АТР они станут. Пока что, к сожалению, господствуют представления о ресурсной модели и модели технологических заимствований. Как признает Ю. Крупнов «... для России крайне опасным является происходящее сегодня на всех уровнях управления сведение новой индустриализации к полуколониальной зависимой «отвёрточной» индустриализации, когда центры стратегического планирования и создания передовых пионерных технологий находятся вне России, а в нашу страну закачиваются отдельные производственные «куски» и «обрубки» чужих технологическо-индустриальных комплексов»¹.

¹ Крупнов Ю. Сибирь – новая Центральная Россия, или как Юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты / Международное движение развития

Сравнение суверенного и «отвёрточного» типов индустриализации

Благодаря развитию транспортных возможностей СССР, нынешняя Россия с этой точки зрения оказалась вполне сопоставима с другими развитыми странами, стабильно занимая место в первой десятке ведущих государств мира. Так, по данным ЦРУ США, по длине речных путей сообщений Россия уступает только Китаю (102 тыс. км и 110 тыс. км., соответственно); железнодорожных путей – США (87 тыс. и 224 тыс., соответственно), хотя, видимо, в ближайшие годы Китай и Индия опередят нашу страну; по количеству аэропортов и аэродромов всех типов Россия (1200) уступает уже не только США (15 тыс.), но и Бразилии (4 тыс.), Мексики (1700), Канаде (1450); по длине автодорог всех типов Россия (982 тыс. км) не намного опережает Францию, уступая США (6500 тыс.), КНР (3860 тыс.), Индии (3320), Бразилии (1750 тыс.), Японии и Канаде (1210 тыс. и 1050 тыс. км соответственно). По численности торговых судов Россия находится на II-ом месте в мире¹.

В целом созданный в СССР транспортный потенциал позволяет претендовать России на место государства, способного обеспечить масштабные грузо- и пассажиро- потоки. С одной, но существенной оговоркой: эти возможности крайне неравномерно распределены по территории страны, оставляя многие восточные районы фактически без

Институт демографии, миграции и регионального развития. Проектно-аналитический доклад. М. 2013. С. 11.

¹ CIA – The World Factbook. 2012 / URL: <https://www.cia.gov/library/>

транспортных возможностей, а значит и без перспектив развития промышленности и человеческого капитала. Те же авторы доклада «Валдайского клуба» отмечают, что «За последние десять лет Россия стала одним из крупнейших в мире поставщиков пшеницы (в зависимости от урожая до 25 млн тонн в год). На фоне того, что Советский Союз был, как известно, импортером зерна, эта трансформация является крупным успехом новой российской экономики. Но экспорт зерна из России сдерживается тем, что сегодня все специализированные бункерные портовые терминалы для перегрузки зерна из вагонов на корабли находятся в европейской части страны, главным образом в Новороссийске. Поэтому основными потребителями российской пшеницы являются страны Средиземноморья и Ближнего Востока. Но в 2012 г. один из крупнейших операторов российского зернового рынка корпорация «Сумма» объявила о намерении построить за два-три года новый бункерный терминал в порту Зарубино близ Владивостока. После этого российская пшеница может быть направлена и в страны АТР, что сделает ее производство на землях «последней целины» особенно целесообразным.

Для иллюстрации востребованности российского зерна в АТР можно привести следующие сравнения. В среднем производство пшеницы в России в зависимости от климатических условий года составляет 75–90 млн тонн в год. В Китае собственное производство составляет 100–110 млн тонн в год, при этом возможности для расширения пашни крайне ограничены, по климатическим условиям пшеницу в Китае рентабельно выращивать только в Северо-Восточных регионах – Манчжурии и бассейне реки Хуанхэ. Дальше к югу основной сельскохозяйственной культурой является рис. Поэтому в среднесрочной перспективе Китай проявляет интерес к импорту российской пшеницы. Интерес уже обнаружили и два других крупнейших импортера пшеницы в АТР – Япония и Южная Корея. Поэтому с введением в действие бункерного терминала на Дальнем Востоке Россия станет новым мощным оператором на зерновом рынке в АТР и конкурентом традиционных экспортеров пшеницы в этом регионе – Канады и США»¹.

¹ АТР и Россия: трезвый взгляд вместо утопий / Эл. ресурс: «ДВ-РОСС». 2012. 24 декабря / URL: <http://trud-ost.ru>

Современные финансисты России отрицают опыт СССР, ссылаясь на то, что он не работает в нынешних условиях. Но реальность такова: если существует политическая задача, то правительство ищет способы ее решения. Так, например, требование НАТО выделять на оборонную деятельность Англии и Франции не менее 2% ВВП равноценно в 2013 году увеличению военного бюджета Франции с 31 до 41 млрд евро, т.е. на 10 млрд. Но вот как предлагают французские эксперты решить эту задачу. Э. Тетро, например, пишет: «Все уже давно понимают, что крупные частные организационные инвесторы (банки, страховые компании) во Франции больше не в состоянии финансировать инновации в силу правил рентабельности. Объемы сбережений французов очень значительны (2,6 трлн евро в долгосрочных вкладах), в связи с чем не пора ли нам начать каждый год выпускать государственные облигации **на 10 млрд евро с высокой доходностью**, которые позволят профинансировать будущие программы? Нанотехнологии, биотехнологии, информационная безопасность, гражданские беспилотники, возобновляемые источники энергии — гражданских сфер применения для военных разработок в XXI веке более чем достаточно. Для выплат по облигациям в будущем можно будет наладить продажу патентов по нестратегическим с военной точки зрения инновациям, которые будут разработаны в ходе этих программ.

Промышленной инициативы со стороны Европейского Союза, к сожалению, ждать не приходится. Поэтому надо запускать французскую инициативу, которая принесет безопасность, экономический рост и рабочие места¹.

Всего лишь за несколько десятилетий 20–30-х гг. XX века был построен ряд портов на Северном морском пути, стали доступны центральные регионы Сибири, к ним были подведены системы коммуникаций. В 1930–1940-х гг. освоение сибирских природных ресурсов стало возможным с развитием технологии и инфраструктуры. К 50-м гг. СССР уже разрабатывал уголь, цветные металлы, медь, олово, цинк, свинец, серебро, золото, платину, ртуть в Северной Сибири и на

¹ *Тетро Э.* Почему нам нужно срочно вкладывать деньги в оборону («Les Echos», Франция) / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 8 апреля / URL: <http://topwar.ru>

севере Дальнего Востока. В 60–70-х гг. началось освоение и добыча нефти и газа. Все это дало возможность для промышленного развития и заселения.

В 1924 г. Советское правительство издало постановление о важности перемещения людей для освоения ресурсов СССР и сразу же предложило льготы для желающих поехать в Сибирь и на Дальний Восток, включая снижение налогов, отсрочку от призыва на воинскую службу, покрытие транспортных расходов и займы.

Одним из наиболее интересных экспериментов по заселению региона Дальнего Востока стало создание Еврейской автономной области в 1934 году. Биробиджанский эксперимент, продолжавшийся 30 лет, показывает трудности массового привлечения людей на Дальний Восток даже при хорошо продуманном пакете льгот. Начиная с 1928 года, советское правительство стало предпринимать попытки переселения российских евреев на Дальний Восток, в Биробиджан. Согласно переписи 1926 года в СССР проживало 2 672 000 евреев. Для заселения региона Дальнего Востока было создано социалистическое еврейское государство «Советский Сион», который в 1934 году получил официальный статус Еврейской автономной области в рамках РСФСР, с дальнейшими планами по населению этой области евреями. Несмотря на все это, советские евреи, которых вынудили переселиться на Амур, стали уезжать оттуда практически сразу же после приезда. Несмотря на все стимулы и эксперименты, подобные «Советскому Сиону», Дальний Восток так и не смог привлечь достаточное количество людей для удовлетворения амбиций советского руководства в первые десятилетия существования СССР. Добровольный метод заселения не оправдал себя, и в целях достижения более обширной эксплуатации сибирских ресурсов, советское правительство развило сибирскую исправительную систему, – систему ГУЛАГа.

Поначалу для индустриализации страны бесплатный рабочий труд большевиками не использовался, вместо этого они предполагали, что добровольная контрактная система сможет привлечь рабочую силу из числа безработных и крестьян в отдаленные регионы. Однако в 1930 году была ликвидирована безработица, а многие крестьяне, разочаровавшись в жизни в отдаленных местах, нарушали свои контракты и уезжали

обратно. Директора местных предприятий, которые должны были выполнять план, требовали предоставления доступа к фонду рабочей силы, которая как раз начала накапливаться со становлением системы исправительных лагерей. Например, комбинаты и заводы писали телеграммы в областные отделы по труду с жалобами на то, что половина из новых рабочих, которые пришли на работу меньше года назад, ушли. Руководители заводов не видели перспектив в возможности удержать новичков на работе в суровых условиях, кроме как посредством принудительной рабочей силы, что во многом положило основание для расширения лагерной системы.

ГУЛАГ превратился в основной инструмент советской индустриализации в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, и также использовался и в строительстве инфраструктуры и в европейской части России.

В 1938 году общая численность заключенных ГУЛАГа превысила 2 млн человек. На пике своей деятельности в конце 1940-х и начале 1950-х гг. на долю ГУЛАГа приходилось примерно 15–18% объема промышленного производства¹.

Еще одним поворотным моментом в освоении Сибири и Дальнего Востока стала Вторая мировая война. Ключевые предприятия были перенесены в регионы восточнее Волги.

Основной толчок к индустриализации Сибири был дан с началом Великой Отечественной войны. В 1960–1970-х гг. руководство страны приняло решение перебросить гигантские промышленные объекты в Сибирь. Тогда задачей руководителей СССР было освоение Сибири, равномерное заселение регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, – во многом продиктованное интересами геополитики, чтобы не было пустых территорий, находящихся к тому же в таком расстоянии от центра.

Мотивация развития специфических отраслей промышленности и расположения городов Сибири и Дальнего Востока, скорее всего, заключалась не в стремлении осваивать и заселять Сибирь, а обеспечивать закрытую советскую экономику ресурсами: нефть, газ, золото.

¹ Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. 1997. С. 136.

Еще одним из предположений может быть размещение промышленности поближе к сырьевым ресурсам и энергоносителям для минимизации издержек от транспортировки и выравнивания уровня экономического развития во всех регионах СССР.

И наконец, та же цель, что была и при правлении монархии: удержать с помощью заселения огромную территорию Сибири и Дальнего Востока. Также с целью обеспечения безопасности СССР считалось необходимым рассредоточить промышленность по всей территории.

К 1970-м гг. аналитики в СССР стали отмечать и оспаривать необходимость колоссальных затрат на все новые затратные проекты в Сибири и на Дальнем Востоке. Согласно советским статистическим данным, строительные затраты в среднем в Сибири и на Дальнем Востоке тогда превысили аналогичные затраты в европейской части СССР более чем на 50%¹.

С замедлением темпов экономического развития СССР в конце 1970-х гг. продолжение экономического освоения Сибири и Дальнего Востока стало проблематичным. Запланированное крупномасштабное развитие Дальнего Востока было «отложено на будущее». Одной из причин того, что попытки освоения Сибири были свернуты была проблема привлечения в эти регионы рабочей силы. Понятно, что пока функционировали лагеря, такой проблемы не стояло. Однако после ликвидации ГУЛАГа в конце 1950-х гг. и отмены ограничений на перемещение бывших заключенных покатила массовая волна обратной миграции. Советскому руководству пришлось придумывать систему льгот, – включая предоставление свободы перемещения внутри этих регионов. Приходилось увеличивать зарплаты и создавать стимулы для привлечения и удержания рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако все эти меры не могли искоренить проблему рабочей силы там.

Масштабное освоение Россией Дальнего Востока было главным образом обусловлено желанием обеспечить России геополитическую безопасность и обезопасить свою территорию от возможной иностранной экспансии.

¹ Соболев Ю. Народнохозяйственная программа освоения зоны БАМ. М. 1978.

Заселение Дальнего Востока во времена Российской империи никоим образом не может сравниться с тем масштабом и скоростью, с которыми эти территории заселялись в советский период.

К началу 1920-х гг. население Дальнего Востока состояло из трех групп: малочисленных народностей Севера (3% от всего населения Дальнего Востока), переселившихся из центральных областей России (87%) и иммигрантов соседних государств (10%).

После гражданской войны Дальний Восток оказался в более благоприятном положении, чем западные районы страны. С 1930 г. после оправдания научного прогноза на северо-востоке началась добыча золота. Экономика развивалась с опорой на внешний рынок, что требовало расширения ресурсных отраслей.

К этому времени относится самый высокий показатель прироста населения по южной зоне, когда за период 1926–1939 гг. оно увеличилось на 76%, а население всего Дальнего Востока – на 70%. Значительный приток населения сохранился до начала войны. В то же время число сельских жителей несколько уменьшилось за счет выселения иностранцев с Дальнего Востока. В некоторых приграничных районах преобладали выходцы из соседних стран. В 1937 г. все иностранные граждане были выселены с Дальнего Востока. Всего было выселено около 200 тыс. чел., в том числе в Казахстан направлено около 120 тыс., в Узбекистан – около 80 тыс. чел. В промышленных переселениях участвовали не только выходцы из сельской местности, но и промышленные рабочие, прибывавшие по общественным призывам. В 1938 г. прибывшие по общественным призывам составили 16 тыс. чел.

В 1930-е гг. имело место массовое принудительное переселение и использование труда заключенных, в том числе репрессированных. По спецпереписи 1937 г. на Дальнем Востоке числилось 28% от общего числа учтенных – 544 тыс. чел.

После войны возобновилось сельскохозяйственное переселение. За послевоенные 1946–1950 гг. на Дальний Восток прибыло 36,4 тыс. семей. Обратная миграция в этот период была минимальная. В последующем значимость таких переселений снижается. Общий прирост шел в основном за счет притока населения на Сахалин. За пять послевоенных лет сюда переселилось около 300 тыс. чел. Развитие производительных

сил Дальнего Востока значительно увеличило дефицит трудовых ресурсов в регионе. Общая потребность народного хозяйства в рабочей силе с 1951 по 1965 г. составила 2 млн чел.

С 1953 г. начинается новый период в формировании населения северных районов Дальнего Востока, что связано со значительным уменьшением числа заключенных. На промышленные предприятия, строительство, транспорт рабочие привлекались с помощью оргнабора. Только в 1959 г. завезено около 50 тыс. таких рабочих, в основном для сезонных работ, на Камчатку, Сахалин. Значительная часть рабочих и служащих уезжала, проработав 1–2 года, из прибывших оставались 10–15%. За период с 1951 по 1955 г. прирост населения Дальнего Востока был максимальным по сравнению со следующими пятилетками (от 20 до 70% по отдельным территориям).

Организованный набор и сельскохозяйственное переселение в этот период – основные формы обеспечения народного хозяйства Дальнего Востока рабочей силой. В формировании населения преимущественной была ориентация на механический прирост, хотя соотношение его с естественным менялось в пользу последнего. Показатели естественного прироста были выше, чем по стране, на 25%¹. Население Дальнего Востока по экономическим условиям оказалось в приоритетном положении, что стимулировало закрепление кадров в этих районах.

Третий период начинается в 1960-е гг. В это время происходит дальнейшее освоение природных ресурсов Дальнего Востока. Темпы роста отраслей специализации начинают сдерживаться отставанием обслуживающих производств, проявляется диспропорция и неравномерность в развитии промышленности. Активное промышленное освоение Дальнего Востока отмечилось и повышенными темпами роста численности населения северной части – до 50% (на юге не более 25%).

Валовой оборот миграции за 1959–1972 гг. почти в 28 раз превысил механический прирост². По числу прибывших на 100 чел. среднегодового роста населения Магаданская и Камчатская области в 2–2,5 раза

¹ Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социол. исслед. 1990. № 8. С. 30–52.

² Навасардов С.М. Динамика численности и естественное движение населения северо-востока СССР // Использование трудовых ресурсов Дальнего Востока / Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1975. С. 26–34.

превосходят показатели для Дальнего Востока в целом, т. е. там, где обустройство и прибытие одного мигранта обходится дороже, идет больший приток населения. Поток мигрантов усилился за счет внутрирегионального обмена. В миграционном приросте населения северо-востока первое место в Камчатской области занимают выходцы из Хабаровского и Приморского краев.

Историю переписать нельзя. Она оставляет нам результаты и опыт. Опыт опережающего развития восточных регионов в советский период смягчил ряд вставших перед страной вызовов. Но насильственные средства достижения результата абсолютно непригодны в XXI веке.

д). Приоритетные задачи развития восточных регионов в стратегии евразийской интеграции

Россия должна не просто сохранить свою
геополитическую востребованность – она
должна ее умножить, она должна
быть востребована нашими соседями
и партнерами¹

*В. Путин,
Президент России*

И первое – «сохранение геополитической востребованности», по-Путину, и второе – «авторитарная модернизация» должны иметь, как минимум, свою **пространственную стратегию**. Сегодня, когда стало окончательно ясно, что новым центром силы стал АТР, такая пространственная стратегия должна быть ориентирована на три стратегические задачи:

– **во-первых**, опережающее развитие восточных регионов страны, где решающую роль должны (как в имперские и советские времена) играть институты государства. Это должно стать общенациональной политикой, когда во всех областях и отраслях – от науки и образования до обороны и космоса – восточным регионам необходимо отдельно, конкретно и масштабно прописывать отдельную роль;

– **во-вторых**, стремительное и комплексное развитие транспортной и иной инфраструктуры восточных регионов, когда речь идет не об отдельных, даже крупных проектах, а о комплексе – ж/д, авиапорт, автодорога, склады, таможня, сервисное обслуживание, подготовка кадров, индустриальное (прежде всего наукоемкое) производство и т.д.

– **в-третьих**, в превращение восточных регионов в субъектов внешнеэкономических, финансовых и логистических связей, производств и т.д., с пониманием того, что центр экономической активности должен сместиться на восток.

Для решения этих трех задач мало просто развивать традиционные центры – Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре и др. – надо создавать новые центры экономического и финансового роста. Это может быть, например, не большой город «Советская Гавань», который

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / URL: <http://президент.рф>

географически одинаково «близок» не только Владивостоку и Хабаровску, но и Камчатке, Сахалину, Якутии. Кроме того он уже обладает уникальным сочетанием транспортных возможностей:

- является конечным пунктом БАМа;
- является речным портом на Амуре;
- имеет целую сеть гаваней на теплом побережье;
- имеет аэропорт¹.

К сожалению, его население и НЧК постепенно сокращается в последние годы (до 26 тыс. чел.) и не предполагает крупные человеческие ресурсы. Поэтому развивать этот центр необходимо одновременно со

¹ См. подробнее: Эл. ресурс: «Википедия» / URL: <http://ru.wikipedia.org>

строительством (переносом филиалов?) институтов, производств и передачей безвозмездно жилье для переселенцев из центральных регионов России.

Надо понимать, что относительно поступательный рост экономики и благополучия граждан России не является равномерным для всех ее регионов. Во всяком случае на фоне общей стабилизации прироста/падения численности населения в 2012–2013 годы, восточные регионы характеризуются явным оттоком и без того малочисленного населения. Весь ДВФО насчитывает сегодня порядка 6 млн чел., что составляет порядка 50% населения Москвы, Камчатский край (300 тыс. чел.) – один маленький спальный район города.

Поэтому, видимо, целесообразно, как и при строительстве БАМа в советские времена, «закрепить» за каждым регионом европейской части строительство инфраструктурных объектов и перенос части своей деятельности в восточные регионы. Так же, впрочем, как и строительство объектов в Южной Осетии в последние годы.

Аналогично следует поступить и со всеми министерствами, которые должны принять соответствующие программы (подпрограммы) развития своей деятельности в восточных регионах. Так, для Минобра это может быть открытие сети колледжей и «выращивание» филиалов федеральных университетов, для Минобороны – передислокация частей, строительство объектов, особенно судоверфей и судоремонтных предприятий, для Минпрома – новая индустриализация и т.д.

Самой приоритетной задачей в ускоренном развитии восточных регионов и их быстрой интеграции с Евразией и АТР является превращение ее в важнейший национальный приоритет, признанием этого приоритета национальной элитой и превращение этого приоритета в практическое руководство к действию.

В 2013 году была проделана определенная эволюция от полного отрицания, даже игнорирования потребностей восточных регионов до попыток формулирования федеральных целевых программ и отдельных проектов (типа саммита АТЭС во Владивостоке), которые, впрочем, оказываются явно недостаточны, но необходимо, чтобы социально-экономический приоритет трансформировался в общенациональный приоритет. Более того, чтобы этот приоритет был сопряжен с другими

приоритетами – внешнеполитическими, военно-политическими, миграционными и т.д., включая приоритеты региональной политики. Эту потребность ясно отразила дискуссия по утверждению программы развития регионов Дальнего Востока, в результате которой весной 2013 года была утверждена соответствующая программа и подпрограммы. Дискуссия кстати, оказалась весьма показательной: по сути дела правящая элита раскололась в оценке масштабов и актуальности финансирования, а фактически саботировала принятие программы.

Вопросы дефицита трудовых ресурсов продолжают оставаться главными. Они решаются путем привлечения, как и прежде, привлечением граждан из других районов страны и из-за рубежа. Характерным примером является строительство БАМа – Байкало-Амурской магистрали. В первые годы строительства ведущую роль играл общественный призыв: до половины мигрантов приехали по призыву. К 1980 г. их поток составил только 15%, а в 1984 г. 93,5% рабочих приходилось на вольный наем. Основную часть притока мигрантов составляли выходцы из Восточной Сибири и Дальнего Востока. В период строительства БАМа среднегодовые темпы прироста населения на этой территории достигли 3,2%. Сегодня такой же процент приходится на убыль населения.

Причем важно отметить одну особенность: если общий уровень доходов населения страны медленно, но повышается и в 2013 году достиг, по оценкам МБ, 12,61 долл., т.е. Россия перешла из категории стран с уровнем душевого ВВП «выше среднего» в категорию «высокого», то в восточных регионах этот региональный ВВП продолжает сохраняться на прежнем уровне, а отток населения продолжается.

Уровень доходов работающего населения также оставляет желать лучшего. Разрыв в среднем уровне заработной платы между Сибирью и центральной европейской частью России, по ряду оценок, увеличился с 15% в 2000 г. до 30% в 2010 г.¹

¹ Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 25.

ДОХОДЫ РАСТУТ (\$ тыс. на человека в год)

Лидеры 2012 г.

НОРВЕГИЯ	ШВЕЙЦАРИЯ	ЛЮКСЕМБУРГ	ДАНИЯ	АВСТРАЛИЯ
98,9	82,7	77,0	59,8	59,6

2

Важно подчеркнуть, что в других странах нового центра силы в АТР, прежде всего Японии, Австралии, Новой Зеландии, Гонконге, Сингапуре, Республике Корея, этот показатель значительно выше. Это, естественно, отражается на возможностях восточных регионов, где продолжает доминировать сырьевая ориентация, что, в свою очередь, ведет к тому, что объем торговли со странами АТР (без Китая) стабильно вращается вокруг 1% от общероссийского.

Примером привлечения трудовых ресурсов стал БАМ, причем он стал местом применения всех способов привлечения и перемещения трудовых ресурсов. Здесь использовались индивидуальные приглашения работников, трудовые договоры в рамках оргнабора, направления на работу молодых специалистов, обучение на курсах, перевод работников в связи с передислокацией предприятия (строительно-монтажные поезда). Такие передвижные участки формируются заранее из работников, имеющих подготовку по определенной профессии и достаточно продолжительный срок работы в данной области производства. Но этот вид использования рабочей силы годен только на период строительства. Молодые семьи покидали стройку, где отсутствовали инфраструктура, соответствующая возрасту, традиционные виды приложения женского труда. В конце строительства набирались преимущественно люди

² Полухович А. Россия растет в рейтингах // Известия. 2013. 5 июля. С. 1.

старших возрастов, прочно осевшие по месту выезда и прибывшие на БАМ лишь заработать деньги. Строительство БАМа по сути было последней попыткой масштабного освоения дальневосточных территорий с точки зрения движения грузов (грузовых ресурсов). С 90-х годов наступает период оттока, что в основном объясняется сырьевой направленностью экономики восточных регионов.

Ситуация мало изменилась в первом десятилетии нового века. По-прежнему экономика региона Дальнего Востока ориентировалась на добывающие отрасли¹.

Удельный вес производства продукции в натуральном выражении ДФО в российской экономике, 2008 г.*

Показатель	Удельный вес ДФО в РФ, %	Ранг*
Производство электроэнергии	4,0	7
Добыча угля	9,8	2
Добыча нефти, включая газовый конденсат	2,8	5
Добыча естественного газа	1,4	4
Вывозка древесины	12,1	3
Производство деловой древесины	13,1	3
Производство пиломатериалов	5,3	6
Улов рыбы и добыча водных биоресурсов	65,7	1
Производство готового проката черных металлов	1,8	6
Производство мяса	1,7	7
Производство цельномолочной продукции	2,5	7

Примечание. *Ранг среди федеральных округов.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. М.:0 2009. С. 23–24.

Восточные районы в целом можно отнести к сырьевым, где обрабатывающая промышленность свелась к остаткам в нескольких городах Дальнего Востока и Восточной Сибири. Как признают исследователи, «В обрабатывающем секторе экономики рост обеспечен в основном за счет предприятий Хабаровского и Приморского краев, на долю которых приходится около 70% всей продукции обрабатывающей промышленности, за счет выполнения работ по экспортным контрактам и госзаказу на оборонных предприятиях региона, а также за счет производства нового российского регионального самолета SSJ 100.

¹ Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010.

В течение 2007–2008 гг. в экономику Дальнего Востока России было направлено 1001,0 млрд рублей валовых инвестиций (6,5% общероссийского уровня). Отраслевая структура распределения инвестиционных ресурсов свидетельствует о предпочтении развития сырьевых комплексов и транспортной инфраструктуры. Так, в 2008 г. в добывающий сектор Дальнего Востока было направлено 21,3% общего объема инвестиций (в РФ – 14,1%), на развитие транспортной инфраструктуры – 40% (в РФ – 21,5%). Территориальное распределение инвестиционных ресурсов также подтверждает тезис о приоритетном развитии добывающего сектора. Так, основной объем валовых инвестиционных ресурсов (около 55%) был сосредоточен в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области, что связано со строительством газопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» и разработкой крупномасштабных проектов на шельфе о. Сахалин»¹.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке происходит сокращение численности населения как за счет естественной убыли, так и в результате миграционного оттока, особенно из районов с экстремальными природно-климатическими условиями. В абсолютных цифрах население Дальневосточного федерального округа к началу 2011 г. по сравнению с 1990 г. сократилось на 1,8 млн человек, по сравнению с 2000 г. – на 0,6 млн человек, при этом сальдированный миграционный отток населения из федерального округа в 2000–2009 гг. составил более 260 тыс. человек. Население Сибирского федерального округа на начало 2011 г., по сравнению с 1990 г., сократилось на 1,9 млн человек, с 2000 г. – на 1,2 млн человек, сальдированный миграционный отток населения в 2000–2009 гг. составил около 265 тыс. человек.

Темпы сокращения населения Дальнего Востока – самые высокие по России. На начало 2011 г., по сравнению с 1990 г., численность населения Дальневосточного федерального округа сократилась на 22% (численность населения России за этот период сократилась на 3,2%), по сравнению с 2000 г. – на 9,1 % (аналогичный показатель по России в целом – 2,7%).

Результатом таких демографических тенденций является сокращение рабочей силы на рынке труда. Вместе с тем, в некоторых субъектах

¹ Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 129.

региона отмечается высокий уровень безработицы: в Республике Тыва – 22%, в Забайкальском крае – 11,4%, в Сахалинской области – 9,3% в 2010 г.

В настоящее время в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке используется рабочая сила из стран СНГ (Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и др.), КНР, КНДР, Вьетнама, Филиппин (строительство во Владивостоке объектов к саммиту АТЭС). В основном иностранные рабочие заняты в строительстве, сельском хозяйстве и лесной промышленности. Практически все эксперты отмечают, что следует предельно внимательно относиться ко всему комплексу вопросов, связанных с временной трудовой деятельностью граждан иностранных государств на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, необходимо использовать возможность оптимизации расселения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке за счет перемещения населения из районов Крайнего Севера в южную часть территории.

При этом ускоренное развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока требует насыщения региона высококвалифицированными кадрами. В этом особая роль отводится Дальневосточному федеральному университету, а также другим вузам региона: Сибирскому федеральному университету, Северо-Восточному федеральному университету, Иркутскому государственному университету, Читинскому государственному педагогическому университету, Хабаровскому государственному университету, Бурятскому государственному университету, Амурскому государственному университету и др.

Одним из ключевых преимуществ реализации транспортного потенциала российско-североевропейских отношений является участие региона в трансконтинентальных маршрутах благодаря использованию транзитных возможностей БЕАР. Транспортная стратегия России до 2020 года ставит цель – реализация транзитного потенциала и интеграция в мировой рынок транспортных услуг, предполагая¹:

– Привлечение транзитных грузопотоков к портам Севера и Дальнего Востока.

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года / Министерство транспорта Российской Федерации. 2004. С. 75. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mintrans.ru/upload/iblock/f0d/trans_strat_08_12_2004.pdf

– Запуск в работу Северного морского пути: в 2005 г. по трассе СМП перевезено 1,8 млн т грузов, к 2020 года ожидается до 50–70 млн т.

– Загрузку инфраструктуры Транссибирской магистрали и БАМа. Транзитный потенциал Транссиба оценен в 200 тыс. TEU в год, который задействован не более чем на 40%. В 1980-е годы при максимальных грузопотоках Транссиб был загружен на 77% (154 тыс. TEU в год).

Резерв опорных транспортных инфраструктур для наращивания межконтинентального транзита очевиден. Сегодня ежегодный объем торговли между Европой и Азией оценивается примерно в \$600 млрд, и Россия могла бы обслуживать 10–15% этого объема¹ (\$60–90 млрд), в том числе, благодаря транспортным мощностям БЕАР, однако сегодня эта доля – менее 1% (\$550 млн). К этому стоит прибавить потенциальные доходы от транзита Северная Америка – Азия и обратно, пути которого также могут проходить через БЕАР (СТК и СМП).

Наиболее наглядно эффект нынешних «упущенных возможностей» транзита можно увидеть на примере СССР, транзитные доходы которого в конце 1980-х достигали \$17 млрд. В постсоветский период транзит ушел в обход России, более того, значительная часть импорта, следующего в Россию, попадает к потребителям окольным путем. Японские товары везут в Москву через порты Финляндии, куда они прибывают на японских судах через Европу, что, естественно отражается на транспортных издержках и, в конечном счете, на цене товаров. То есть развитие Северного морского пути и коридора Запад-Восток позволит не только реализовать транзитный потенциал, который сегодня используется всего на 5–7%², но и снизить цену товаров для российских и североевропейских потребителей и для конечных потребителей трансконтинентальных маршрутов в Северной Америке, Европе и Азии.

Думается, что в своей стратегии интеграции со странами АТР Россия должна использовать как опыт Запада, так и Востока, но прежде всего опираться на свои, по-своему уникальные, достижения. Так, использовать опыт Европы можно в таких областях:

¹ Северный транспортный коридор. [Электронный ресурс] / программа Karelia Interreg III С. 2007. 253 с. Режим доступа: http://www.ador.ru/data/files/static/stk_01.pdf

² Северный транспортный коридор / Эл. ресурс / программа Karelia Interreg III С. 2007. 253 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ador.ru/data/files/static/stk_01.pdf

Общее направление социально-экономического развития, ориентированное на развитие НЧП самых высокоразвитых стран мира, имеющих наилучшие показатели продолжительности и качества жизни своего населения и всего НЧК, – это североевропейские страны: Норвегия, Финляндия, Швеция. Климатически и исторически они близки России. Модель их развития и государственного управления, которая может быть полезна для России, доказала свою успешность и устойчивость. В то же Россия имеет богатый опыт хозяйственного освоения территорий Крайнего Севера и реализации в тяжелых климатических условиях широкомасштабных экономических проектов, что может быть интересно для североевропейских партнеров Москвы. И не только с точки зрения освоения Арктики и СМП – что уже очевидно, – но и с точки зрения транспортного коридора Запад – АТР.

Очень важен инновационный опыт скандинавских стран: не только транспортные, но и другие технологии могут стать предметом инновационного сотрудничества России и Северной Европы. Так, к примеру, энергоэффективность и энергосбережение – те области, в которых североевропейские страны по праву считаются технологическими лидерами. Для североевропейских стран Россия – перспективный рынок экспорта инновационных технологий, а для России страны региона – модель сотрудничества государства, бизнеса и научных организаций в сфере высоких технологий.

Другое направление – добыча углеводородов, которая является основным источником российских и норвежских бюджетных поступлений и может быть прибыльной для шведских, финских и датских инвесторов при их участии в проектах. В Арктике, в частности, находятся ресурсные запасы, важность которых очевидна не только в масштабе региона, но и всего мира. Опыт добычи углеводородов на арктическом шельфе, технологии добычи, опыт контроля использования ресурсами и природоохранных мероприятий при добыче углеводородов представляют взаимный интерес для стран региона.

Наконец, важен опыт развития институтов социального и Финансово-управленческого потенциала сотрудничества в области обмена опытом частно-государственного партнерства и создания благоприятного инвестиционного климата, а также управления

масштабными проектами. Данная сфера имеет решающее значение с точки зрения выполнимости крупномасштабных проектов, в том числе, в транспортно-инфраструктурной области и эффективности их реализации.

Иными словами, в восточной политике России по отношению к АТР важно учесть опыт европейских стран и привлечь их к такому сотрудничеству. Очевидно, что объем торговли между Европой и АТР будет расти и товарооборот по территории России и СМП гораздо эффективнее, чем через перегруженный Суэцкий канал.

Кроме того, ориентируясь на АТР, Россия не перестает быть европейской страной, стремящейся сохранить свою идентичность, не раствориться в Азии.

Наконец, интеграция в рамках ТС и даже с Украиной во многом усилится, если России удастся обеспечить этим странам выход в АТР. Очевидно, что новый центр силы в АТР изолирован не только от Белоруссии и Казахстана, но, фактически, и от Украины.